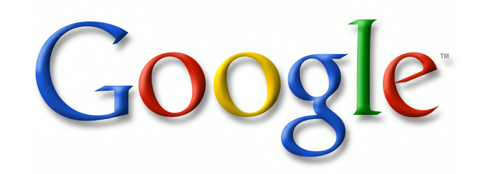
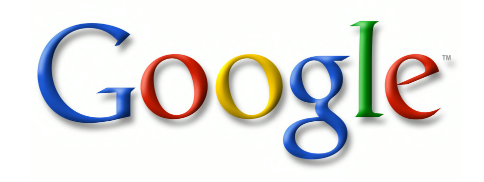

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЛАСТИ ВЪ РОССІИ

ПОСЛѢ ПЕТРА I

В. В. АНДРЕЕВА

ПЕТЕРБУРГЪ
Въ Типографіи М. Хана, Болотная, д. № 5
1870

ОПЕЧАТКИ

Здѣсь приведены лишь болѣе серьезныя, требующія исправленія въ текстѣ.

СТРАН.	СТРОКА (СВЕРХУ)	НАПЕЧАТАНО	НАДО ЧИТАТЬ
98	16	стоническій	тоническій
110	7—8	сожалѣнія	содраганія
123	17	отзыва	отзыва правительницы
123	18	предполатаемомъ	предполагавшемся
127	27	инструкцію	инструкціи
132	17	отправленіе	отравленіе
175	1	служившую	жившую
192	12	влюбленный	влюблявшійся
200	1	войска	воска
220	25	привезъ	привезя
223	23	англійскому	антіохійскому
232	20	философіи!	философіи.
233	11	стрѣляній	стремленій
246	5	сдѣлала	сдѣлали
249	24	всѣми	своими
280	12	изъ-подъ	исподъ
286	9	сердце	сердцемъ
	Отдѣлъ II.		
38	11—12	путешествованіямъ	пожертвованіямъ
64	21	льстива	лестна
76	10	при	по

При малой и только начинающейся разработкѣ новѣйшаго періода русской исторіи, авторъ смотрѣлъ на настоящій трудъ какъ на подготовительную разработку матеріала. Въ этомъ отношеніи трудъ его принесетъ свою долю пользы. Масса историческаго матеріала заключается въ иностранныхъ сочиненіяхъ о Россіи, которыми обилуютъ XVIII и XIX столѣтія. Большая часть этихъ сочиненій не заслуживаетъ быть переданною въ русскомъ переводѣ вполнѣ, но отдѣльные факты изъ нихъ имѣютъ свое значеніе и не могутъ не быть приняты въ соображеніе. Наша періодическая историческая литература уже нѣсколько лѣтъ назадъ стала давать извлеченія изъ иностранныхъ сочиненій въ русскомъ переводѣ—что при малой распространенности самыхъ сочиненій вполнѣ необходимо — но переданный такимъ образомъ запасъ матеріала еще очень не великъ, во первыхъ—потому что мы еще сравнительно недавно перестали бояться правдиваго и неправдиваго слова о насъ иностранцевъ, и во-вторыхъ потому что самыя извлеченія становятся иногда невозможными, когда источникъ предоставляетъ лишь нѣсколько отдѣльныхъ фактовъ, заслуживающихъ вниманія и ни одного замѣчательнаго мѣста, или отрывка. Приступая къ настоящему труду авторъ имѣлъ цѣлью разработку иностраннаго матеріала за послѣдніе два вѣка и сопоставленіе его въ связи съ русскими историческими данными за ту же эпоху. Богатое книгохранилище иностранныхъ сочиненій о Россіи — отдѣлъ Rossica въ петербургской публичной библіотекѣ—доставило ему полную возможность къ тому. Другой богатый запасъ книгъ по русской исторіи—въ московской Чертковской библіотекѣ—также не остался неразработаннымъ. Съ другой стороны историческій матеріалъ добытый изъ русскихъ источниковъ такъ увеличился въ объемѣ въ теченіе немногихъ послѣднихъ лѣтъ, что сводъ данныхъ извлеченныхъ изъ русскихъ и иностранныхъ сочиненій и документовъ уже могъ принять видъ исторической монографіи. „Представители власти въ Россіи послѣ Петра I“— первый опытъ подобнаго свода.

Появленіе части этого труда — „Екатерина I“ въ „Осьмнадцатомъ Вѣкѣ“ изд. Бартеневымъ, вызвало нѣсколько отзывовъ въ литературѣ и мы здѣсь не можемъ не обратить на нихъ вниманія.

Г. П. Щ. въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ напечаталъ возраженіе, серьезною частью котораго мы признаемъ лишь замѣчаніе его о „мемуарахъ Вильбоа“. Г. П. Щ. полагаетъ что Вильбоа нельзя довѣрять. Согласны, но лишь отчасти. Ему нельзя довѣрять во всемъ. Но когда его слова подтверждаются другими авторами, вполнѣ заслуживающими довѣрія, когда они естественны по ходу обстоятельствъ, когда они лишь подробнѣе говорятъ о томъ, о чемъ другіе писатели упоминаютъ вкратцѣ, — отчего же и тогда не вѣрить современнику Петра и Екатерины, занимавшему видное мѣсто на службѣ и въ обществѣ и который могъ знать истину. — Если иногда онъ искажаетъ ее и пишетъ по слухамъ, то пусть укажутъ намъ много ли вообще авторовъ, которымъ „во всемъ“ можно было бы довѣрять, которые были бы чужды вольныхъ и невольныхъ ошибокъ? И возможна ли эта наклейка ярлыковъ „надежности“ и „ненадежности“, на историческіе источники? Если бы всѣ историческіе писатели и авторы мемуаровъ дѣлились на привиллигированныхъ и непривиллегированныхъ — къ чему бы тогда была историческая критика, которая говоритъ намъ, что иногда авторъ, вообще не заслуживающій большаго довѣрія можетъ, даже вопреки самому себѣ, сообщить рядъ вѣрныхъ данныхъ и могущихъ навести на новыя изслѣдованія. Или можетъ быть г. П. Щ. смѣшалъ „ненадежность Вильбоа“ съ „неблагонамѣренностью“? Но какой же благонамѣренности требовать отъ иностранца пишущаго о Россіи.

Вотъ если бы г. П. Щ. опровергъ вѣрность тѣхъ данныхъ, которыя мы, заимствуя у другихъ, развиваемъ иногда въ подробностяхъ по запискамъ Вильбоа, тогда онъ былъ бы правъ. Но онъ ихъ не опровергнетъ.

Другія возраженія г. П. Щ. не заслуживаютъ серьезнаго отвѣта. Такъ онъ упрекаетъ насъ, что мы въ біографіи Екатерины I не ссылаемся на гг. Устрялова, Соловьева и другихъ. Если бы мы писали біографію Петра I, упрекъ былъ бы справедливъ. Но относительно Екатерины I оба упомянутые историка воспользовались, если не ошибаемся, тѣми же источниками, какими и мы. Если бы біографія Екатерины I была предметомъ самостоятельныхъ

розысканій обоихъ историковъ по неизданнымъ документамъ, мы первые постарались бы воспользоваться ихъ трудами. Дѣлаемъ же мы ссылку на г. П. Щебальскаго, когда говоримъ о жизни Екатерины Васильевской въ Петербургѣ. Это можетъ служить доказательствомъ г. П. Щ., что мы черпаемъ одинаково изъ авторовъ „благонадежныхъ,“ какъ г. Щебальскій, и „неблагонадежныхъ“, какъ Вильбоа, если только, на основаніи исторической критики, находимъ данныя, сообщаемыя ими, заслуживающими вниманія.

Кстати, еще о замѣткѣ г. П. Щ, по поводу данныхъ, сообщаемыхъ о происхожденіи Екатерины I въ XVIII т. исторіи Соловьева. Авторъ дѣйствительно написалъ свой очеркъ прежде, чѣмъ прочелъ указываемое примѣчаніе. Но впослѣдствіи, просматривая его, онъ пришелъ къ убѣжденію, что его изложеніе въ одной лишь подробности существенно рознится отъ сказаннаго въ примѣчаніи къ XVIII т. „Исторіи Россіи.“ Изъ примѣчанія видно, что Марта уже будучи 12 лѣтъ отъ роду попала въ домъ пастора Глюка. Въ нашемъ очеркѣ было сказано, что 3-хъ. Въ историческомъ отношеніи разногласіе это не имѣетъ большаго значенія, но все же мы готовы склониться на сторону данныхъ, приводимыхъ профессоромъ Соловьевымъ, хотя предметъ долженъ еще болѣе выясниться, особенно въ виду той запутанности, какую вообще представляютъ различныя показанія о возрастѣ Екатерины I при ея появленіи на аренѣ исторической извѣстности. Итакъ, авторъ могъ ограничиться незначительнымъ измѣненіемъ текста въ своемъ сочиненіи тамъ, гдѣ дѣло идетъ о возрастѣ Марты.

Таже статья „Екатерина I“ вызвала возраженіе въ другомъ журналѣ „Вѣстникѣ Европы.“ Рецензентъ поставилъ автору въ укоръ, что онъ не упоминаетъ о сбавкѣ въ подушномъ окладѣ при Екатеринѣ I. Но не говоря уже о томъ, имѣла ли эта ничтожная сбавка какое нибудь значеніе въ историческомъ отношеніи — какъ было упомянуть о ней въ біографіи Екатерины I (замѣтьте, не въ Исторіи ея царствованія), когда весь рядъ данныхъ, собранныхъ авторомъ, клонится къ тому, чтобы подтвердить, что Екатерина I и на престолѣ была въ полной зависимости отъ Меньшикова и Бассевича. Какую цѣль имѣлъ Меньшиковъ въ уменьшеніи подушнаго оклада на нѣсколько копѣекъ, мы не знаемъ. Но относительно Екатерины I во всей силѣ остается въ этомъ случаѣ законъ невмѣняемости. Какъ впослѣдствіи при Петрѣ II

было прощено до 5 мил. рублей недоимокъ и никто, однако, не станетъ восхвалять за это ребенка-императора, именемъ котораго прощеніе было объявлено, такъ и сбавка въ подушномъ окладѣ могла входить въ комбинаціи помѣщиковъ, занимавшихъ видныя мѣста, и въ томъ числѣ, прежде всего, Меньшикова, безъ того чтобы эта сбавка, навѣрно нисколько не облегчавшая крестьянъ, была приписана стоявшей вдали отъ дѣйствительнаго правленія Екатеринѣ I.

Намъ остается прибавить, что послѣдующія главы нашего труда, появляясь въ печати, вызывали различные отзывы и такъ какъ мы имѣемъ въ виду лишь неблагопріятные, то должны упомянуть, что насъ обвиняли въ пристрастіи къ анекдотической сторонѣ изложенія. Но какъ же писать біографію, оставляя въ сторонѣ анекдотическую сторону изложенія, когда фактъ изъ жизни рисуетъ предъ нами иногда личность въ двухъ, трехъ словахъ гораздо ярче, чѣмъ страницы голословнаго изложенія? А вѣдь личность въ біографіи занимаетъ первое мѣсто, и историческія событія только второе.

Въ заключеніе намъ остается упомянуть о вкравшихся въ печатный текстъ нашего труда обмолвкахъ. Такъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится, что Петръ I признавался герцогу голштинскому, что во всемъ хочетъ слѣдовать и слѣдуетъ примѣру Ивана Грознаго—сдѣлана ссылка на Берхгольца. Ссылка должна быть сдѣлана на *Берха*, Царствованіе Алексѣя Михайловича, II, 31. Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ по опискѣ, какъ городъ ссылки Бирона упомянутъ Березовъ, вмѣсто Пелыма, этотъ lapsus calami вѣроятно каждымъ былъ замѣченъ тотчасъ же.

Петербургъ, 12 февраля.

Героевъ въ исторіи не можетъ быть. Герои—куклы взрослаго человѣчества; они остались въ миѳахъ младенческаго періода быта народовъ; въ жизни ихъ нѣтъ. А исторія пишетъ съ жизни.

Не эпопею встрѣтитъ читатель въ настоящихъ очеркахъ. Передъ нимъ пройдутъ лица, взятыя изъ жизни, съ ихъ достоинствами и слабостями. Мы не будемъ отцвѣчивать свѣтлыхъ сторонъ ихъ, намѣренно рельефно выставлять ихъ достоинства. Но да не заподозрятъ насъ, съ другой стороны, и въ желаніи сгрупировать однѣ темныя стороны, однѣ мрачныя краски. Пристрастіе въ ту и другую сторону въ равной мѣрѣ роняетъ серьезный трудъ; памфлетъ и панигирикъ одинаково недостойны исторіи. Да и какая польза могла бы быть въ пристрастіи? Цвѣтистый диѳирамбъ непремѣнно покажется внимательному читателю завѣсою, подъ которою хотятъ скрыть слабости и недостатки описываемаго героя. Желчныя, несправедливыя нападки—только подорвутъ довѣріе къ автору въ глазахъ безпристрастнаго судьи дѣла и заставятъ подозрѣвать хорошія стороны въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ по справедливости выставляется одно достойное порицанія. Всѣ люди—какъ люди; во всякомъ есть хорошое и дурное. Пусть это хорошое и дурное пройдетъ передъ нами безъ подкраски. Только въ такомъ случаѣ исторія можетъ оживотворить прошлое и представить, если не полную, то вѣрную его картину.

Съ безпристрастіемъ по видимому борятся нѣкоторыя соображенія. Дѣло идетъ о лицахъ, жившихъ сравнительно недавно. Хотя историкъ долженъ строго держаться правила изъ частной жизни человѣка брать лишь то, что необходимо для характеристики исто-

рическаго лица, но и въ послѣднемъ случаѣ приходится объ иномъ умалчивать до времени, изъ уваженія къ личнымъ чувствамъ близкихъ потомковъ описываемыхъ лицъ. Въ этихъ соображеніяхъ мы не имѣемъ права отказать каждому члену общества; мы не должны отказывать въ нихъ и представителямъ власти. Правда, при строго безпристрастномъ изложеніи можно сказать о многомъ, не затронувъ ни чьихъ личныхъ чувствъ, но въ немногихъ случаяхъ и тутъ умолчаніе необходимо. Какъ согласить это умолчаніе съ безпристрастіемъ? Способъ, избранный нами, состоитъ въ томъ, что какъ скоро мы должны были опускать одну изъ темныхъ сторонъ характеризуемаго лица, то для сохраненія равновѣсія на вѣсахъ исторіи мы опускали и одну изъ свѣтлыхъ. Чѣмъ осторожнѣе мы должны были говорить объ одной сторонѣ историческаго дѣятеля, тѣмъ меньше старались касаться другой. Пусть отъ этого историческій образъ кажется неявственнѣе, туманнѣе, но онъ вѣренъ. Придетъ время, онъ прояснится; краски и черты его выступятъ рельефнѣе,— и забота историческаго писателя должна состоять въ томъ, чтобы тогда этотъ образъ не показался чѣмъ нибудь инымъ, чѣмъ его видѣли прежде въ туманномъ отдаленіи.

Въ приводимомъ перечнѣ источниковъ помѣщены лишь тѣ, на которые въ текстѣ дѣлаются ссылки не разъ. Въ этотъ перечень вошли, наравнѣ съ важными источниками, которыми можно пользоваться смѣло въ большинствѣ случаевъ, такіе, которыхъ значеніе сравнительно ничтожно и достоинства—въ цѣломъ—иногда сомнительны. Но каждому извѣстно, что при исторической оцѣнкѣ эпохи, или лица, необходимо имѣть въ виду всѣ указанія и что сочиненіе, въ цѣломъ заслуживающее нерѣдко мало вниманія, въ подробностяхъ можетъ дать матеріалъ, котораго мы не найдемъ въ трудахъ болѣе замѣчательныхъ.

Источники.

Арсеньевъ. Царствованіе имп. Екатерины I.
Афанасьевъ. Изъ записокъ Порошина (въ Архивѣ Калачева, 1862).
Бантышъ-Каменскій. Словарь достопамятныхъ людей.
Бантышъ-Каменскій. Біографіи генералиссимусовъ.
Берхгольцъ. Дневникъ камеръ-юнкера.
Болотовъ. Записки (по Русс. Архиву, 1864).
Бѣляевъ. Русское общество отъ кончины Петра I до Екатерины II (Библ. для Чтенія, 1865).
Вейдемейеръ. Царствованіе Елизаветы Петровны.
Вигель. Воспоминанія (ссылки по Русс. Вѣстнику, 1865).
Глинка (С. Н.). Записки (Русс. Вѣстникъ, 1865, 1866).
Грибовскій. Записки.
Де-Лиріа. Записки дюка Лирійскаго.
Державинъ. Записки (ссылки по Русс. Бесѣдѣ).
Дмитріевъ (И. И.). Взглядъ на мою жизнь.
Долгорукій. Сказанье о родѣ князей Долгорукихъ.
Ешевскій. Очеркъ царствованія Елизаветы Петровны (Отеч. Записки, 1868).
Иловайскій. Сиверсъ (Русс. Вѣстникъ, 1865).
Ковалевскій. Графъ Блудовъ и его время.
Корфъ (а). Жизнь гр. Сперанскаго.
Корфъ (б). Восшествіе на престолъ имп. Николая I.
Лебедевъ. Петръ и Никита Панины.
Мельниковъ. Кн. Тараканова и принцесса Владимірская (ссылки по Русс. Вѣстнику, 1867).
Минихъ—сынъ. Записки.
Михайловскій-Данилевскій. Полное собраніе сочиненій. Томъ VII.
Пекарскій. Шетарди.
Полное Собраніе Законовъ.
Полѣновъ. Отправленіе Брауншвейгской фамиліи изъ Россіи въ датскія владѣнія.

Порошинъ. Записки о Павлѣ Петровичѣ.
Порошинъ (б). Извлеченіе изъ записокъ (Русс. Вѣст. 1866).
Русскій Архивъ, изд. при Чертковской библіотекѣ.
Сегюръ. Записки.
Храповицкій. Записки.
Чтенія въ Имп. Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей.
Сумароковъ. Черты Екатерины Великія.
Шишковъ. Записки. 1831.
Штелинъ. Въ Чтеніяхъ И. М. Общ. И. и Др. 1866, IV.
Шубинскій. Собраніе анекдотовъ о Потемкинѣ.
Энгельгардтъ. Записки.
Энциклопедическій Лексиконъ, изд. 1861. Буквы А и Е.
Ancelot. Six mois en Russie, Bruxelles 1827.
Armfelt. Relation des évenements qui ont rapport à la mort de Paul I.
Asseburg. Denkwürdigkeiten des Herrn—
Bade. Reminiscenzen und Characterzüge aus dem Leben Nicolaus I.
Barthold. Anna Ioanowna.
Belani. Russische Hofgeschichten.
Bourgoing. Souvenire d'histoire contemporaine. Paris, 1864.
Castéra. Histoire de Catherine II.
Catherine II. Mémoires.
Choiseul-Gouffier. Reminiscences sur l'empereur Alexandre I.
Christmas. Nicolas I.
Chronique, oder geheime Memoiren zur politischen und regentengeschichte des russischen Reichs Fürth, 1832.
Galitzin (Augustin). La Russie au XVIII siècle.
Golovin. Russland unter Kaiser Nikolaus dem Ersten.
Golovine. Histoire d'Alexandre I.
Grimm. Alexandra Feodorovna.
Harrison. Notes of a nine years residence in Russia.
Herrmann. Geschichte des Russischen Staats.
Histoire de l'empereur Nicolas. Paris, 1854.
La Cour de la Russie il y a cent ans.
Laveaux. Histoire de Pierre III.
Lee. The last days of Alexander and the first days of Nicholas.
Léouzon Le Duc. La Russie contemporaine, 2 éd. Paris, 1854.
Lesur (L***) Des progrés de la puissance russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siècle. Paris, 1812.
Mannstein. Mémoires sur la Russie. Paris, 1860.
Masson. Mémoires secrets. Paris, 1804.

Maxwell. The Czar, his court and people. 5 ed. New-York, 1854.
Merkwürdigkeiten der Russischen Geschichte. Narva, 1790.
Oberkirch. Memoirs of the baroness—London, 1852.
Richardson. Anecdoten wegen Russland in gemeensaame Brieven.
Rolland. Histoire politique et anécdotique du czar Nicolas.
Rondeau. Letters of a lady who resided some years in Russia. London, 1775.
Russia under Nicholas (изъ North British Review).
Helbig. Russische Günstlinge.
Saldern. Biographie Peters des Dritten. St.-Petersburg, 1800.
Scherer. Anecdotes sur la Russie.
Schnitzler. Histoire intime de la Russie.
Smucker. Memoires of the court and reign of Catherine II. New-York. 1855.
Stanislas-Auguste. Mémoires.
Took. View of the Russian Empire.
Villebois. Mémoires secrets.
Villebois (въ Revue retrospective).
Weber. Das veränderte Russland.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

XVIII ВѢКЪ.

ЕКАТЕРИНА ПЕРВАЯ.

I. Марта, Маріенбургская плѣнница.

Около того времени, когда Петръ впервые обдумывалъ планы противъ Швеціи въ деревянномъ Преображенскомъ дворцѣ (который послѣ былъ обложенъ фейерверочными препаратами и подожженъ собственною рукою Петра, чтобы не оставалось памяти о его враждѣ къ этой державѣ)—чума губила народъ въ Ливоніи. Въ одномъ изъ опустошенныхъ заразою приходовъ умеръ священникъ, умерла и значительная часть его домочадцевъ. Пасторъ Глюкъ, суперинтендентъ округа Маріенбургскаго и озера Пейпуса, пріѣхалъ навѣстить приходъ, лишившійся проповѣдника, и, войдя въ домъ умершаго пастора, увидалъ маленькую дѣвочку, бросившуюся къ нему съ крикомъ „папаша!“ и съ просьбою накормить ее. Пасторъ занятъ дѣломъ, но дѣвочка тормошитъ его, и онъ долженъ удѣлить ей частичку вниманія. Дѣвочка понравилась Глюку. Кто она? Не трудно было узнать, что маленькая Марта была пріемышемъ покойнаго пастора. Труднѣе было дознаться, откуда она была родомъ, кто отецъ и мать ея. Да и особенной надобности не было въ то время Глюку наводить эти справки о дѣвочкѣ, о которой въ вымершемъ домѣ пастора, принявшаго ее, никто не могъ сообщить ему ничего положительнаго. Глюкъ рѣшился взять малютку на свое попеченіе. Онъ привезъ ее къ своей женѣ, и та стала воспитывать Марту при своихъ дѣтяхъ. Ее воспитывали не какъ товарку маленькихъ дочерей пастора, а какъ служанку: доказательствомъ можетъ служить, что ее даже не научили читать и писать, и Марта выросла въ хорошенькую, статную, но безграмотную дѣвушку. Немудрено, что пасторъ и жена его косо посмотрѣли на отношенія, начавшія было устанавливаться между ихъ сыномъ и хорошенькою служанкою (1). Надобно было положить конецъ взорамъ и вздохамъ, которые не могли вести ни къ чему доброму, и пасторъ Глюкъ очень не

---

(1) Villebois (a), 8—9.

прочь былъ выдать Марту замужъ, когда къ тому представился случай. Драгунъ Іоганнъ въ шведскомъ отрядѣ, занимавшемъ Маріенбургъ, сдѣлалъ предложеніе Мартѣ, и Глюкъ далъ согласіе на этотъ бракъ. Недолго однако судьба судила Мартѣ быть съ Іоганномъ. Въ то время оправившіяся отъ пораженія при Нарвѣ войска Петра отнимали шагъ за шагомъ Ливонію у Карла XII. Дошла очередь и до Маріенбурга. Шведское войско, занимавшее Маріенбургъ, выступаетъ, русскіе приближаются. Шведскій маіоръ, оставленный комендантомъ въ Маріенбургѣ, не можетъ помышлять о защитѣ. Отрядъ арміи Шереметева, подошедшій къ городу, ожидала добровольная сдача. Между другими, вышедшими навстрѣчу побѣдоносному непріятелю, вышелъ и пасторъ Глюкъ со всѣми домашними и въ томъ числѣ съ Мартою, молодой мужъ которой только передъ тѣмъ ушелъ съ шведскими войсками и разстался съ нею (чтобы не видаться никогда). Пасторъ Глюкъ былъ человѣкъ съ тактомъ, знавшій какъ дѣйствовать въ превратностяхъ міра сего и потому, отправляясь въ русскій лагерь, не забылъ взять подъ мышку славянскую библію (1). Онъ зналъ по-русски и не упустилъ случая дать понять русскому главнокомандующему, что можетъ быть полезенъ царю. Какое дѣйствіе произвела библія Глюка, нѣтъ положительныхъ историческихъ свѣденій, но можно утвердительно сказать о дѣйствіи, произведенномъ одною изъ спутницъ пастора. Марту, какъ плѣнницу, какъ военную добычу, взяли къ русскому главнокомандующему, а пасторъ Глюкъ спокойно возвратился въ городъ. Можно однако почти навѣрное сказать, что Марта и славянская библія одинаково повліяли на то, что черезъ нѣсколько времени въ Москвѣ, въ домѣ Нарышкиныхъ, явилось такъ называемое переводное заведеніе Глюка (2).

У Шереметева Марту увидалъ Меньшиковъ и склонилъ фельдмаршала уступить ему плѣнницу. Вильбоа положительно говоритъ, что Меньшиковъ скоро подпалъ подъ вліяніе ея и что въ обществѣ болѣе молодаго и болѣе красиваго, чѣмъ Шереметевъ, любимца Петра Марта уже не несла одной покорности рабы къ н-

(1) Weber, III, 7.
(2) Russische Günstlinge, 117.

гамъ своего властелина, а что, напротивъ, немного прошло дней, и уже нельзя было сказать, кто въ домѣ Меньшикова дѣйствительно рабъ—всевластный ли любимецъ царя, или жена шведскаго драгуна Іоганна. Въ отношеніяхъ Марты къ Меньшикову приняло участіе сердце, и гордый, алчный будущій князь Ижорскій склонился передъ нимъ. Было ли это чувство сколько нибудь возвышенное? Мы сейчасъ увидимъ.

Пріѣзжаетъ къ Меньшикову Петръ. У Петра, какъ извѣстно, всегда былъ солидный аппетитъ, и потому всюду, куда онъ пріѣзжалъ, его ожидала закуска. О Петрѣ же его докторъ Арескинъ говаривалъ, что онъ одержимъ легіономъ духовъ сластолюбія. Имѣя это въ виду, едва ли нужно долго распространяться о томъ, что Петръ кушалъ у Меньшикова и что, кушая, онъ замѣтилъ между подававшими кушанья Марту. Петръ расположился ночевать у Меньшикова и послѣ ужина велѣлъ Мартѣ посвѣтить себѣ въ спальню. Это былъ приказъ, противъ котораго не было аппелляціи. Что же дѣлаетъ Меньшиковъ? Онъ покорно склоняетъ голову въ знакъ согласія. Добрый Александръ Даниловичъ! Но и достанется же ему завтра отъ Марты!

Всегда циникъ, никогда селадонъ въ своихъ нѣжныхъ отношеніяхъ, Петръ при прощаніи всовываетъ золотой дукатъ (два тогдашнихъ рубля, пол-луидора) Мартѣ въ руку. Едва уѣхалъ Петръ, Марта показала Меньшикову, что̀ она думаетъ о немъ, и виновный долженъ былъ вынести справедливую кару.

Пріѣзжаетъ опять къ Меньшикову Петръ. Опять кушаетъ. Между прислуживающими нѣтъ, однако, Марты. Вѣрно упреки ея не были забыты. Но и Петръ не забылъ ея. „Гдѣ же Марта?“ Это—вопросъ-приказаніе, и опять на него нѣтъ аппелляціи. Марта явилась. Петръ начинаетъ опять шутки, какъ и въ первый разъ. Но что же это значитъ? Марта сдержанна, задумчива.... Смолкаютъ и шутки Петра, и онъ въ задумчивости наклоняется къ своей тарелкѣ. Веселая бесѣда стихла. Что такое съ Петромъ? Что запало въ это сердце, которому до того чужды были тревоги болѣе слабаго человѣчества? Не онъ ли гордился прежде тѣмъ, что женщина въ глазахъ его игрушка? Неужели задумчивость эстонской дѣвушки отразилась въ задумчивости гордаго монарха? Или тутъ

внутренній человѣкъ напомнилъ монарху, что есть что-то, чего не пріобрѣтешь всѣми приказами повелителя, не знающаго прекословія, и не купишь всѣми дукатами царства?

Петру, въ концѣ ужина, подаютъ рюмку водки на подносѣ. Онъ поднимаетъ глаза. Подноситъ та же, по неволѣ обязанная прислуживать, Марта. Но уже Петръ пришелъ въ себя. „Я увожу ее съ собою", сказалъ онъ Меньшикову, вставъ изъ-за ужина и уходя къ себѣ. На этотъ разъ онъ остановился не у Меньшикова въ домѣ. Онъ взялъ Марту подъ руку и вышелъ (1).

На слѣдующій день царь видитъ Меньшикова, но ни слова ему о Мартѣ. Видитъ его и на другой день, и также ни слова. Только на третій день, когда было переговорено о дѣловомъ, Петръ зоветъ уходившаго Меньшикова и говоритъ ему, что у Марты нѣтъ ничего изъ платья и что имъ нужно ее „оснастить" какъ слѣдуетъ. Александру Даниловичу не надобно было дважды повторять словъ Петра. Онъ понялъ чтò это значитъ. Онъ отправляется домой, самъ собираетъ въ два узла всѣ пожитки Марты и посылаетъ узлы съ двумя дѣвушками, бывшими у него въ домѣ (на послугахъ у Марты), къ ней въ домъ, гдѣ остановился Петръ. Ловкій царедворецъ не упустилъ при этомъ благопріятнаго случая. Онъ угадывалъ чтò ждетъ Марту въ будущемъ, и спѣшилъ начать принимать свои мѣры. У любимицы Меньшикова могло быть два узла пожитковъ и двѣ горничныя для услугъ, но у любимицы Петра отчего не быть и ящичку съ драгоцѣнностями между имуществомъ? Ящичекъ съ драгоцѣнными кольцами и т. д. на сумму до 5,000 рублей кладется въ одинъ изъ узловъ, и узлы отправлены.

Марта въ комнатахъ Петра. Горничныя, принесшія узлы, не найдя ея въ ея комнатѣ, не смотря на то, раскладываютъ принесенное. Скоро комната принимаетъ другой видъ. Возвращается Марта. Она удивлена, но ей не нужно пояснять, въ чемъ дѣло. Съ находчивостью, заставлявшею предполагать, что она начинала чувствовать себя здѣсь какъ дома, она, обратясь къ Петру, сказала: „Я довольно долго была на вашей половинѣ, теперь пожа-

(1) Villebois (a), 13—22.

луйте на мою.“ Петръ идетъ за нею. Марта въ волненіи перебираетъ присланныя вещи. А это что? Ящикъ для зубочистки? Нѣтъ! Довольно было открыть ящичекъ, добавленный Меньшиковымъ къ имуществу Марты, чтобы бѣдной эстонской дѣвушкѣ, не видавшей себя никогда обладательницею такого количества золота и дорогихъ каменьевъ, придти въ смущеніе.

— Это не мое! съ рѣшимостью говоритъ она. Если это отъ моего прежняго господина, я возвращаю ему его драгоцѣнности. Это кольцо (она указала при этомъ на недорогое кольцо на рукѣ ея) не меньше напомнитъ мнѣ обо всемъ, что̀ онъ сдѣлалъ для меня. Если же это отъ моего новаго господина—возвращаю ящикъ ему: мнѣ нужно отъ него то, что̀ дороже заключающагося въ этомъ ящикѣ.

Петръ улыбается, обѣщаетъ сосчитаться съ Меньшиковымъ, а Мартѣ, смущенной и въ слезахъ отъ всего происшедшаго, подали подкрѣпляющую рюмку венгерскаго. Вильбоа, современникъ Петра и человѣкъ приближенный къ нему, передаетъ подробности о жизни Марты со словъ дамы, у которой Марта, посланная въ Москву, долго жила послѣ въ домѣ. Сцена перваго впечатлѣнія, произведеннаго на Марту рѣшеніемъ Петра оставить ее у себя, была бы неизвѣстна потомству, если бы свидѣтелемъ ея, кромѣ стоявшихъ тутъ двухъ дѣвушекъ, не былъ гвардейскій капитанъ, котораго Петръ, не ожидавшій сцены, привелъ съ собою (1).

Съ этого времени Марта остается у Петра, но Петръ вида не показываетъ, что она у него. Онъ ли не балагурилъ прежде съ приближенными о своихъ интрижкахъ? Отчего же о Мартѣ онъ ни слова? Значитъ, не мимолетна была тѣнь задумчивости, упавшая на лицо его на памятномъ ужинѣ у Меньшикова?

Посылая Марту въ Москву съ довѣреннымъ гвардейскимъ офицеромъ, Петръ поручилъ ему заботиться, чтобы все было къ услугамъ ея, чтобы поѣздка ея оставалась въ тайнѣ и ему ежедневно посылались рапорты о состояніи ея здоровья. Безъ огласки пріѣхала Марта въ Москву. Провожатый привезъ ее къ дамѣ, у которой хотѣлъ помѣстить ее Петръ. Съ этого времени она жила

(1) Villebois (a), ibid.

въ одной изъ уединенныхъ мѣстностей Москвы, въ домѣ, скромномъ снаружи и щедро снабженномъ внутри. Въ первое время Петръ ѣздилъ къ ней безъ огласки. Только нѣсколько времени спустя.... Но нѣсколько времени спустя, Маріенбургская плѣнница Марта превратилась уже въ государыню Екатерину Алексѣевну. Есть, однако, основаніе полагать, что и по рожденіи старшей дочери она продолжала называться Катериною Василевскою, живя въ Петербургѣ въ 1708 г. (1).

Но кто же Марта? Кто были ея отецъ и мать? Пасторъ Глюкъ могъ не заботиться о происхожденіи бѣдной дѣвочки, взятой имъ на воспитаніе, но могло ли оставаться неузнаннымъ прошедшее подруги царя Петра I? И, однако, потомство бродитъ ощупью, отыскивая достовѣрныя данныя о происхожденіи Марты. Была ли она рождена внѣ брака отъ крѣпостной женщины ливонскаго помѣщика Розена, какъ въ этомъ увѣряетъ насъ Мотлей (2), писавшій, когда уже можно было собрать всѣ вѣрныя данныя о предметѣ (въ 1764 г.), или Марта была дочь крестьянина изъ с. Догавена въ Литвѣ, принадлежавшаго шляхтичу Лаурницкому? Мотлей не только говоритъ, что Марта родилась близъ Дерпта, въ с. Рингенѣ (3), гдѣ мать ея жила на иждивеніи подполковника Розена, но и прибавляетъ, что въ Рингенѣ же Марта была взята на воспитаніе пасторомъ, который, по бѣдности, не будучи въ состояніи печься о ней, передалъ ее Глюку. Но обстоятельный разсказъ въ Запискахъ Вильбоа о томъ, какъ Марта попала въ домъ Глюка, носитъ характеръ бо́льшей достовѣрности, чѣмъ отрывочные факты, приводимые англійскимъ авторомъ, писавшимъ десятки лѣтъ послѣ упоминаемыхъ имъ событій. Мы слѣдовали изложенію Вильбоа. У него же находимъ мы подробности о происхожденіи Марты, кажущіяся наиболѣе правдоподобными. Согласно имъ, отецъ Марты, Самойло, бѣжалъ съ ея матерью изъ Литвы въ Ливонію. Марта была крещена по католическому обряду. Отецъ

---

(1) Чтенія И. М. О. И. 1860, 2, I, 57.

(2) Mottley, 3—8.

(3) Германъ принимаетъ также, что Марта родилась въ Рингенѣ. Herrmann, IV, 262.

и мать Марты умерли отъ чумы, какъ и пасторъ, принявшій послѣ Марту на воспитаніе. Впослѣдствіи Марта, живя у протестантскаго пастора, была воспитана въ протестантствѣ и конфирмована какъ протестантка. Разсказъ Вильбоа тѣмъ для насъ достовѣрнѣе, что послѣ нашли родныхъ Марты, и они дѣйствительно были литовскіе католики, по словамъ однихъ, не имѣвшіе фамильнаго прозвища, но по другимъ, прозывавшіеся Сковорощенками, Сковороцкими (1) и послѣ названные, вѣроятно, для благозвучія—Скавронскими. Братъ Марты, Карлъ, жилъ и умеръ католикомъ. Самый фактъ о крещеніи ея по католическому обряду при рожденіи не только не опровергнутъ, но былъ общеизвѣстенъ современникамъ бывшей Марты, названной, по пріобщеніи ея къ грекороссійской вѣрѣ, Екатериною, и подалъ поводъ къ извѣстному придворному, не очень остроумному, каламбуру: l'imperatrice Catherine a beaucoup de religion. Наконецъ не надобно забывать, что Петръ впослѣдствіи навелъ самыя обстоятельныя справки о родныхъ Екатерины, и вся исторія о томъ, какъ отыскали брата ея, доказываетъ неоспоримо, что Марта родилась въ семействѣ Самойлы Скавронскаго, что старшій братъ помнилъ ее, что родные и послѣ слѣдили за судьбою ея. Если примемъ во вниманіе, что собственныя дочери Петра отъ Екатерины—Анна и Елисавета—родились, по увѣренію не только Вильбоа, но и браунвейгскаго резидента Вебера (писавшаго со степенностью и обстоятельностью лѣтописца) внѣ брака (2), и лишь послѣ Петръ вступилъ съ Екатериною въ законныя узы, то едва ли можно усомниться, что человѣкъ, такъ мало обращавшій вниманія на сужденіе свѣта, какъ Петръ, не остановился бы передъ признаніемъ подполковника Розена отцомъ Екатерины, хотя и рожденной внѣ брака, если бы легенда Мотлея была вѣрна.

Откуда же такіе различные толки о происхожденіи женщины, поставленной судьбою такъ высоко, какъ Екатерина, и о томъ, о чемъ, казалось, не было особеннаго труда дознаться? Какъ ни странно это кажется съ точки зрѣнія безпристрастности въ исто-

---

(1) Арсеньевъ, 74—75.
(2) Weber, III, 2.

ріи, но несомнѣнно, что духъ партіи сильно вліялъ на разсказы біографовъ Екатерины о ея прошедшемъ. Замѣтимъ кстати, что Елисавета Петровна и Петръ III слышать не хотѣли, чтобы Екатерина дѣйствительно вышла замужъ, будучи маріенбургскою Мартою. Опредѣлено было считать Іоганна только женихомъ, хотя многое дѣлаетъ фактъ свадьбы несомнѣннымъ. Довольно сказать также, что есть біографы, настаивающіе на томъ, что Петръ вступилъ въ бракъ съ Екатериною до рожденія принцессъ Анны и Елисаветы, хотя Вильбоа и чуждый страсти къ пикантному въ изложеніи, безпристрастный Веберъ утверждаютъ положительно, что тайный бракъ Петра съ Екатериною былъ совершенъ лишь въ 1711 г.

О происхожденіи Марты не знали потому, что о немъ мало заботились; о происхожденіи Екатерины нельзя было узнать вполнѣ достовѣрнаго потому, что о немъ заботились слишкомъ много.

II. Государыня Екатерина Алексѣевна.

Отношенія Петра къ Мартѣ долго оставались тайною даже для его приближенныхъ; по крайней мѣрѣ, онъ думалъ, что они — тайна для нихъ. Но скоро тайны нельзя было долѣе скрывать. Марта была пріобщена къ православію и наречена Екатериною Алексѣевною. Воспріемникомъ ея отъ купели былъ сынъ Петра, царевичъ Алексѣй. Петръ уже не одинокій пріѣзжалъ въ домъ, гдѣ жила Екатерина: къ нему часто съѣзжались туда министры и довѣренныя лица. Толковали о дѣлахъ, и всѣ замѣчали, что Петръ, вообще не любившій, чтобы женщины вмѣшивались въ серьезныя дѣла съ своими замѣчаніями, напротивъ, повидимому, бывалъ доволенъ, когда въ дѣловой разговоръ вмѣшивалась Екатерина. Изъ почтительнаго ли чувства къ Петру, или дѣйствительно Екатерина умѣла показать въ этихъ бесѣдахъ здравый умъ и вѣрное сужденіе, только сановники не разъ утверждали, что простая и неизысканная логика собесѣдницы не рѣдко выводила ихъ изъ лабиринта правительственной софистики и къ удивленію ихъ бросала новый свѣтъ на вопросы (¹).

(¹) Villebois (a), 22—25.

Екатерина получила оффиціальный титулъ „государыни“. Веберъ и за нимъ Германъ (¹) передаютъ его словами: „gnädige Frau“; но „государыня“ по русски значитъ нѣсколько болѣе, чѣмъ gnädige Frau. Такимъ образомъ, въ тѣсномъ кружкѣ приближенныхъ, Екатерина и теперь уже была лицомъ, стоявшимъ близко къ государю, хотя для всѣхъ прочихъ она какъ бы играла роль невидимки при дворѣ. Есть даже достовѣрное извѣстіе, что Екатерина и послѣ рожденія принцессъ Анны и Елисаветы числилась оффиціально женою придворнаго повара (²). Гельбигъ говоритъ, что лишь въ 1710 г. ей дано было званіе „фрейлины“ (³). Двухъ дочерей она родила Петру въ томъ же домѣ въ Москвѣ, куда ее привезъ гвардейскій капитанъ изъ Ливоніи. Это скрѣпило узы между Петромъ и нею. Въ 1711 г. Петръ рѣшился жениться на ней при немногихъ свидѣтеляхъ. Это было предъ отправленіемъ въ походъ противъ Турціи, и Екатерина уже умѣла сдѣлаться на столько необходимою для Петра, что онъ не разставался съ нею въ поѣздкахъ. Она имѣла сильное нравственное вліяніе на него. Слова ея часто обезоруживали его гнѣвъ. Если нужно было заступиться за кого нибудь предъ царемъ, посредницею выбирали Екатерину. Но Бассевичъ упоминаетъ сверхъ того объ обстоятельствѣ въ отношеніяхъ Петра и Екатерины, которое столь же важно въ физіологическомъ и психологическомъ, какъ и въ историческомъ отношеніяхъ (⁴).

Съ Петромъ дѣлались иногда припадки. По словамъ Бассевича, они происходили отъ яда, даннаго ему въ дѣтствѣ его сестрою Софьею. Наступленіе припадка узнавали по особенному судорожному подергиванію рта. Страшенъ бывалъ Петръ, одержимый такимъ припадкомъ. Гнѣвъ его обрушивался на окружающихъ: ему казалось, что хотятъ посягнуть на его жизнь. Сильная головная боль въ теченіи трехъ дней была слѣдствіемъ припадка. Такъ было до сближенія его съ Екатериною. Послѣ, едва замѣчали у

(¹) Herrmann, IV, 262.
(²) Russische Günstlinge, 35.
(³) Ibid.
(⁴) Бассевичъ, 27.

Петра судорожныя движенія рта, какъ давали знать Екатеринѣ. Та приходила, начинала говорить съ нимъ. Звуки голоса ея производили на него какъ бы магическое дѣйствіе. Припадокъ ослабѣвалъ, и Петръ засыпалъ часа на три на ея груди. Все это время она оставалась неподвижною, чтобы не разбудить его. Петръ просыпался свѣжимъ и бодрымъ, и головной боли послѣ какъ не бывало.

Екатерина, не трогавшаяся съ мѣста по три часа, пока спалъ Петръ на груди ея, Екатерина, ходившая съ заботливостью за нимъ, когда онъ страдалъ скорбутомъ въ Слуцкѣ (1), Екатерина, дѣлавшая все угодное Петру и не связывавшая его ни въ чемъ, не могла не привязать его къ себѣ неразрывными узами. При всемъ томъ, есть основаніе думать, что Петръ смотрѣлъ на бракъ свой съ Екатериною какъ на рѣшительный шагъ. Сестра Петра, Мареа Алексѣевна (носившая также имя Маріи), послѣ ставшая противъ Петра и за его первую супругу Евдокію, первоначально сочувствовала планамъ брата и, изъ нерасположенія къ Евдокіи, совѣтовала ему жениться на Екатеринѣ (2). Слѣдовательно, Петръ нуждался въ совѣтахъ, въ опорѣ домашнихъ, чтобы рѣшиться на бракъ съ Екатериною, и при всемъ томъ, это былъ еще тайный бракъ. Чтобы сдѣлать тотъ же бракъ гласнымъ, Петру нужно было предварительно возвысить Екатерину въ общественномъ мнѣніи русскихъ, приготовить ихъ смотрѣть на нее какъ на царицу. Турецкій походъ представилъ къ этому удобный случай. Казалось бы, какая заслуга въ томъ, что Екатерина собрала всѣ бывшія у нея и у ея приближенныхъ драгоцѣнности и, присоединивъ къ нимъ то, что ея женственное краснорѣчіе выпросило у прочихъ русскихъ, бывшихъ въ походѣ (3), послала все это для подкупа визиря, чтобы тотъ выпустилъ изъ засады русскую армію? Что этимъ Екатерина оказала личную услугу Петру, это несомнѣнно. Ему ли, гордому побѣдителю Карла XII, начать было дѣло объ освобожденіи арміи, окруженной непріятелемъ, подкупомъ, въ гла-

(1) Herrmann IV, 263.
(2) Villebois (a), 25.
(3) Ibid 28.

захъ своего соперника Карла? Ему ли было выпрашивать на это дѣло добровольныя подаянія? Можно предположить, что, не будь Екатерины, онъ скорѣе рѣшился бы погибнуть, пробиваясь чрезъ ряды турокъ и татаръ, или сдаться въ плѣнъ, чѣмъ рѣшиться на что нибудь подобное. Екатерина вывела его изъ затрудненія, спасла его самолюбіе. Заслуга ея предъ нимъ лично неоспорима; она сдѣлалась ему съ этой поры еще дороже. Но гдѣ же заслуга предъ Россіею, о которой говорили послѣ Петръ и его приближенные? Если прутскій миръ—заслуга, то такую заслугу оказалъ бы, очень вѣроятно, Петру каждый изъ приближенныхъ, чтобы пощадить личное самолюбіе царя, потому что жертвы никакой не требовалось. Развѣ нельзя было знать напередъ, что пожертвовавшіе драгоцѣнностями получатъ по возвращеніи въ Россію больше, чѣмъ дали? Развѣ сама Екатерина, ѣздя по рядамъ и обращаясь за добровольными приношеніями, не говорила, что, если придется сдаться туркамъ, то обладаніе драгоцѣнными вещами не послужитъ ни къ чему, а между тѣмъ давшему,—пожертвованіе его вознаградится въ Россіи сторицею (1)? Если заслугою называется поступокъ, сопряженный съ жертвою, съ дѣломъ, на которое рѣшится не каждый—въ такомъ случаѣ заслуги со стороны Екатерины не было никакой.

Между тѣмъ поступокъ Екатерины прославили, его восхваляли, его употребили въ дѣло, чтобы сдѣлать имя ея популярнымъ въ рядахъ арміи. Съ какою цѣлью? Цѣль уяснилась при обнародованіи брака между царемъ и Екатериною. Петру нужно было привести къ алтарю женщину, окруженную ореоломъ спасительницы отечества. Говорятъ, Екатерина совѣтовала не оглашать ихъ брака вторичною церемоніею, но Петръ уже успѣлъ подчинить себѣ общественное мнѣніе Россіи отчасти общею увѣренностью въ тщетности сопротивленія несокрушимой волѣ самодержца, отчасти блескомъ славы, который во-время успѣли бросить на Екатерину, и союзъ ихъ сдѣлался гласнымъ: государыня Екатерина Алексѣевна сдѣлалась царицею, и дѣти ея наименованы были „царскими высочествами“. Петръ теперь не могъ обойтись безъ Екатерины. Ку-

(1) Villebois, ibid.

да ѣхалъ онъ, туда и она. Такъ она сопровождала его въ заграничную поѣздку. Въ Астрахани, во время персидскаго похода, она должна была за сильными жарами сбрить волосы (бѣлокурые, которые она красила въ черную краску) и носить теплую мѣховую шапку, защищавшую ее отъ солнечнаго жара ([1]). Сопровождая Петра въ его поѣздкахъ, Екатерина ѣхала въ отдѣльномъ поѣздѣ. Поѣздъ царя отличался всегда простотою, поѣздъ царицы—пышностью. Петръ любилъ окружать Екатерину роскошью и блескомъ, и странно — Екатерина, простая и кроткая, какъ прежде, Екатерина, которую быстрое возвышеніе не сдѣлало надменною и не заставило забыть, чѣмъ она была, казалось, какъ бы создана была для этого блеска и этой роскоши. Петръ послѣ высказывалъ удивленіе ея способности быть императрицею ([2]). Она образовала себѣ дворъ, на которомъ отражалось тогдашнее переходное время въ Россіи: нѣкоторые русскіе обычаи еще оставались, но нѣмецкіе уже преобладали. Иностранные гости и посѣтители находили при дворѣ ея такое сочетаніе вкуса съ изяществомъ, котораго можно было ожидать и не отъ бывшей эстонской крестьянской дѣвушки. Дѣтямъ своимъ Екатерина дала приличное ихъ званію европейское образованіе, хотя сама не хотѣла, даже сдѣлавшись царицею, выучиться читать и писать, говоря, что главная ея забота теперь выучиться дѣлать все угодное Петру, и что этого съ нея достаточно. Отправляясь въ разъѣзды съ Петромъ, она оставляла дѣтей на попеченіе гувернантки-француженки. Она называла въ разговорѣ Петра „батюшкою“ ([3]), слушала, не сердясь, его разсказы о его же интрижкахъ ([4]), оканчивавшіеся обыкновенно увѣреніемъ, что все таки съ нею никто не сравнится. Угождая Петру, она послѣ завела у себя оберъ-шенкшу, что-то въ родѣ князя-папы въ женскомъ платьѣ, обязанностью которой было поить дамъ, такъ какъ у Петра вошло въ страсть опаивать на всѣхъ празднествахъ и торжествахъ своихъ прибли-

(1) Энциклопедическій Лексиконъ.
(2) Бассевичъ, 194.
(3) Бергольцъ, IV, 95.
(4) Бассевичъ, 195.

женныхъ, какъ мужчинъ, такъ и дамъ. Когда дамы напивались, Петръ любилъ входить къ нимъ одинъ или въ сопровожденіи кого нибудь изъ самыхъ довѣренныхъ лицъ (1). Дѣлалось ли это потому, что самъ Петръ пилъ много и любилъ, чтобы другіе пили, или, какъ полагаютъ другіе, эти попойки имѣли опредѣленную цѣль: раскрывать мысли пившихъ царю, никогда не напивавшемуся такъ, чтобы не быть готовымъ къ дѣлу, и хорошо знавшему пословицу: что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ; какъ бы то ни было, но только въ этихъ общихъ попойкахъ пила и Екатерина, и часто дѣвочки-дочери ея принуждаемы были проглатывать перцовку Ромодановскаго, отъ которой послѣ четверть часа слюна текла изо рта (2).

Петръ, однако, старался воздерживаться отъ крѣпкихъ напитковъ, и доктора ему совѣтовали тоже. Такъ онъ писалъ Екатеринѣ въ 1717 г.: „Дай Боже скоряе нынѣшніе дни прошли, дабы къ вамъ скоряе быть. Камзолъ твой сегодня обновилъ і пра ваше здоровье пилъ, только немного: для того что запъретителные человѣки“ (3). Но этой страсти Петръ въ себѣ не побѣдилъ, и къ ней тоже онъ могъ примѣнить, что говорилъ о своей вспыльчивости: „я преобразовалъ свое государство и не могу преобразовать самого себя.“

Бассевичъ говоритъ, что Екатерина просила Петра, чтобы тотъ не приводилъ въ исполненіе смертнаго приговора надъ царевичемъ Алексѣемъ, а постригъ бы его въ монахи, если царевичу нужно было искупить тяжкимъ наказаніемъ проступокъ противъ отца (4). Это хотя и приводится человѣкомъ, который о Екатеринѣ могъ говорить только одно хорошее, но совпадаетъ съ тѣмъ, что мы знаемъ о мягкомъ, незлобивомъ характерѣ ея. Она искренно любила супругу царевича и при жизни Петра, какъ и послѣ, пеклась о дѣтяхъ Алексѣя. Ей приписывается также замѣчаніе Петру, что такъ какъ ихъ собственный сынъ Петръ Петровичъ

---

(1) ibid.

(2) Бергольцъ, III, 103.

(3) Энц. Лексиконъ.

(4) Бассевичъ, 157—158.

былъ ребенокъ слабаго сложенія, то дѣтей царевича Алексѣя надобно воспитывать такъ, чтобы они могли впослѣдствіи поддержать славу русскаго престола (¹). Вообще Екатерину нельзя было назвать честолюбивою женщиною. Если справедливо, что она, не имѣя еще въ виду сдѣлаться русскою царицею, просила Петра образовать для нея особое владѣніе изъ прибалтійскихъ областей, завоеванныхъ отъ Швеціи (²), то въ этомъ едва ли не надобно видѣть участіе Меньшикова. Меньшиковъ сохранилъ долю вліянія на Екатерину и послѣ, когда она была уже его царицею. Не она ли спасала его своими просьбами не разъ отъ царской дубинки? Алчность князя Ижорскаго не разъ выводила Петра изъ терпѣнія, но предъ царемъ за князя всегда былъ вѣрный ходатай. Петръ называлъ Екатерину и Меньшикова „дѣтьми своего сердца“, и каждый изъ дѣтей старался, чтобы царская милость не оставляла другаго. Въ первое время Меньшиковъ былъ радъ, что Екатерина пріобрѣла вліяніе на Петра, потому что она заняла въ его сердцѣ мѣсто дѣвицы Монсъ, очень не благоволившей любимцу. Послѣ Екатерина была защитницею князя предъ царемъ. Со своей стороны, онъ могъ совѣтовать ей, чтобы она просила царя отдать ей во владѣніе прибалтійскій край, хотя Петръ — какъ ни цѣнилъ онъ Екатерину, до которой, по его словамъ, никакіе его планы не удавались—едва ли исполнилъ бы это желаніе. Меньшиковъ же, вѣроятно, былъ причиною того, что неалчная Екатерина принимала подарки отъ посторонних за просьбы у царя и отдавала пріобрѣтенныя этимъ путемъ суммы на храненіе въ банки амстердамскій и гамбургскій. По крайней мѣрѣ, третьимъ посредствующимъ лицомъ въ этихъ финансовыхъ сдѣлкахъ бывалъ и Меньшиковъ (³). Екатерина до конца жизни оставалась подъ вліяніемъ его, и Россія, переходя подъ управленіе Екатерины I, хорошо знала, что ею будетъ управлять Меньшиковъ. Заслуживалъ ли временщикъ, съ своей стороны, такого расположенія къ нему? Былъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, искренно

(¹) ibid.
(²) Galitzin, 248.
(³) ibid.

расположенъ къ Екатеринѣ, не связанной съ нимъ, по оставленіи ею его дома, ничѣмъ, кромѣ воспоминаній? Въ этомъ можно сомнѣваться. Вспомнимъ жаркія пренія Меньшикова съ Бассевичемъ о престолонаслѣдіи. Человѣкъ, столько обязанный Екатеринѣ, осмѣлился сказать, что дочери императрицы вдойнѣ не могутъ имѣть права на престолъ: какъ рожденныя еще при жизни перваго мужа ея Іоганна, съ которымъ она не разводилась, и во вторыхъ, какъ рожденныя внѣ брака. Послѣднее, по крайней мѣрѣ, относительно принцессы Анны, дѣло неоспоримо вѣрное, потому что, если даже принять доводы тѣхъ, кто утверждаетъ, что Петръ тайно повѣнчался съ Екатериною въ 1707 г. и явно въ 1712 г., то все же первый бракъ былъ совершенъ уже послѣ рожденія Анны, родившейся, по словамъ Бассевича, который не могъ не знать этого достовѣрно, 27 января 1707 года. Но только не Меньшикову было бросать этимъ въ глаза Екатеринѣ въ спорѣ съ голштинскимъ посланникомъ!

Меньшиковъ, какъ мы видѣли, упомянулъ и о первомъ мужѣ Екатерины, Іоганнѣ. О немъ мы встрѣчаемъ разногласіе. По словамъ одниxъ, онъ былъ въ походѣ Карла на Россію, дрался подъ Полтавою, былъ взятъ съ прочими шведами въ плѣнъ, объявилъ въ Москвѣ, въ какихъ отношеніяхъ онъ былъ къ Екатеринѣ, надѣясь тѣмъ облегчить свою участь; но, не смотря на то, попалъ въ Сибирь на равнѣ съ другими, гдѣ и умеръ въ 1718 г., т. е. уже по рожденіи всѣхъ дѣтей Петра отъ Екатерины. Зналъ ли Петръ объ этомъ? Сообщающіе подробности о пребываніи Іоганна въ Россіи не говорятъ объ этомъ опредѣлительно и даже не знаютъ, передали ли второстепенныя власти, которымъ открылся плѣнникъ, о его сообщеніи царю. Съ другой стороны, есть извѣстіе, что Петръ хотѣлъ знать объ участи Іоганна и отыскивалъ его, чтобъ вознаградить его за потерю жены, но безуспѣшно, и оставалось предположить, что онъ убитъ (¹). Что касается Екатерины, то былъ ли, не былъ ли Іоганнъ въ Россіи, она положительно не знала ничего о немъ съ тѣхъ поръ, какъ разсталась съ нимъ

(¹) Galitzin, 243.

въ Маріенбургѣ. Увидавъ плѣннаго шведскаго генерала Шлиппенбаха, она вспомнила, что Іоганнъ служилъ въ его корпусѣ и замѣтила: „Не правда ли, мой Іоганнъ былъ бравый малый?“ Шлиппенбахъ былъ бы плохой придворный, если бы на это замѣчаніе супруги Петра не далъ отвѣта, что онъ гордится честью, что имѣлъ подъ своимъ начальствомъ такого молодца (1), хотя генералъ едва ли могъ такъ близко знать доблести простаго драгуна, заброшеннаго судьбою къ нему въ ряды и который самъ, безъ сомнѣнія, не зналъ, что ждетъ впослѣдствіи его супругу.

Встрѣчу Екатерины съ ея братомъ Карломъ подготовилъ самъ Петръ (2). Разъ, польскій посланникъ, проѣзжая изъ Москвы въ Дрезденъ, услыхалъ въ одномъ грязномъ литовскомъ мѣстечкѣ, какъ поссорившійся съ своими товарищами половой гостинницы ворчалъ про себя сквозь зубы, что ему стоило бы сказать одно слово своимъ могущественнымъ родичамъ, и противникамъ его досталось бы. Посланникъ упомянулъ объ этомъ въ шутку въ письмѣ въ Москву. Въ XVIII столѣтіи, какъ и въ другія, письма отнюдь не скрывали въ себѣ тайны. Слова польскаго посланника дошли до Петра. Рижскій губернаторъ Репнинъ, по желанію царя, розыскалъ въ гостинницѣ слугу, ворчавшаго такъ загадочно, и навелъ о немъ справки. Оказалось несомнѣнно, что этотъ слуга, Карлъ Самойловъ—родной братъ Екатерины. Начали для виду какое-то дѣло противъ него и, для подачи апелляціи самому царю, послали его въ Петербургъ. Петръ видѣлъ его у придворнаго метрдотеля Шапилева, гдѣ слушалъ его дѣло и велѣлъ туда же прійдти ему на другой день. Тутъ уже слушала его и сидѣвшая въ оконной нишѣ Екатерина. Екатерина измѣнилась въ лицѣ, когда этотъ молодой человѣкъ, похожій на нее, говорилъ съ царемъ. Наконецъ Петръ подводитъ къ ней его. „Это твоя сестра, говоритъ онъ. Поцѣлуй край юбки ея и руку ея, какъ императрицы, и поцѣлуй ее послѣ, какъ сестру.“ Съ Екатериною сдѣлался обморокъ. Онъ былъ извинителенъ: она увидала брата, ко-

(1) ibid.
(2) Villebois (a), 30—34.

тораго не видала столько лѣтъ и который будилъ въ ея воспоминаніяхъ все пережитое ею въ это время.

III. Императрица Екатерина.

Петръ уже нѣсколько времени собирался короновать Екатерину императрицею съ тѣмъ, чтобы передать ей престолъ послѣ своей смерти, но отправленіе въ походъ противъ Персіи и другія обстоятельства мѣшали приведенію этого плана въ исполненіе (¹). Наконецъ 15 ноября 1723 года явился манифестъ, извѣщавшій всѣхъ вѣрноподданныхъ, что Петръ, слѣдуя примѣру императоровъ Василія, Юстиніана и Гераклія, намѣренъ вѣнчать свою супругу императрицею. Предполагали отпраздновать торжество коронаціи зимою 1723—24 гг., но пришлось продлить срокъ приготовленій, и коронація была совершена лишь 26 мая 1724 года. По случаю отпразднованнаго передъ тѣмъ съ великолѣпіемъ Екатеринина дня, императрицѣ было прислано между прочимъ и посланіе въ стихахъ отъ нѣмцевъ, жителей Нарвы. Самый существенный стихъ въ этой эпистолѣ можно передать по-русски словами: „ахъ, еслибъ мы могли сказать ей это въ церкви.“ Этотъ стихъ, слѣдуя непосредственно за выраженіями глубокой преданности, могъ быть естественно принятъ за намекъ на приближающееся торжество коронаціи. Но современный историкъ (Веберъ) не безъ основанія говоритъ, что въ этихъ словахъ заключался и другой смыслъ. У нѣмцевъ въ Нарвѣ не было нѣмецкой церкви; имъ предлагали въ русскомъ городѣ ходить въ русскую церковь, и они, всегда практики, даже въ изліяніяхъ преданности властямъ, дѣлали тутъ тонкій намекъ, что недурно было бы, если бы имъ позволено было устроить свою церковь. Вообще самодержавной воли Петра было одной достаточно, чтобы вызвать изліянія преданности императрицѣ; но кто ручался, что эти изліянія были искренни? Петръ имѣлъ въ виду будущее. Какъ скоро онъ умеръ

(¹) Weber. II, 111.

бы, теперешніе льстецы могли первые отвернуться отъ императрицы—иностранки простаго званія и происхожденія. Какъ скоро бы желѣзные повода, въ которые Петръ затянулъ все въ Россіи, ослабли, — гдѣ была гарантія, даже послѣ вѣнчанія Екатерины, что воля его видѣть ее преемницею будетъ исполнена? Вотъ почему самъ Петръ находилъ, что примѣра императоровъ, короновавшихъ императрицами Зиновію, Луницію и Марію, было недостаточно; что было недостаточно даже его самодержавной власти, чтобъ утвердить Екатерину на готовившемся ей престолѣ. И вотъ Петръ прибѣгаетъ къ той же тактикѣ, которую употребилъ при оглашеніи своего брака съ Екатериною. При главныхъ сановникахъ государства онъ говоритъ, что заслуга Екатерины предъ страною велика, что она раздѣляла съ нимъ его труды, отправляясь даже въ походы, и что, наконецъ, женщина, спасшая государство въ 1711 году, достойна править этимъ государствомъ. Мы видѣли, въ какой степени Екатерина спасла государство въ 1711 г.; но Петру нуженъ былъ аргументъ, который дѣйствовалъ бы на патріотизмъ подданныхъ, и это спасеніе было опять пущено въ дѣло.

Между тѣмъ приготовленія къ коронаціи шли своимъ чередомъ. Во Франціи дѣлали для императрицы порфиру, и хотя Веберъ говоритъ, что она стоила лишь 4000 рублей, но ее осыпали такимъ количествомъ золотыхъ двуглавыхъ орловъ, что вмѣстѣ съ короною, вѣсившею 4½ фунта, императрицѣ предстояло, въ теплый весенній день, нести на себѣ тяжесть въ 150 фунтовъ (¹). Какъ ни сильно сложена была Екатерина — мы знаемъ, что она вытянутою рукою поднимала маршальскій жезлъ Петра на свадьбѣ Головкина, котораго не поднять было такимъ же образомъ деньщику Петра, молодому Бутурлину, и котораго такъ прямо не могъ поднять и австрійскій посланникъ графъ Кинскій (²)—какъ физически ни сильна была Екатерина, но и она не разъ во время процесіи должна была останавливаться подъ этою тяжестью

(¹) Берхгольцъ, IV, 56.
(²) Берхгольцъ, II, 180.

символовъ величія. Впрочемъ, три дня, проведенные ею передъ коронаціею въ постѣ и молитвѣ, также могли имѣть вліяніе на то, что Екатерина была тутъ слабѣе, чѣмъ обыкновенно.

Къ коронаціи былъ учрежденъ отрядъ лейбъ-гвардіи императрицы, давшій начало кавалергардскому полку. Сначала въ этомъ отрядѣ было лишь 60 всадниковъ—все офицеры. Командиромъ надъ ними назначенъ былъ расторопный и молодецъ собою, „глазъ" Петра, генералъ-прокуроръ Павелъ Ягужинскій. Лошадей для отряда, конечно, образцовыхъ, велѣно было представить иностраннымъ и русскимъ купцамъ. Иностранные купцы не были расположены исполнить безъ протеста это распоряженіе, и назначенная контрибуція была съ нихъ отмѣнена, но русскіе поставили лошадей.

Одновременно съ отрядомъ изъ 60 кавалергардовъ былъ устроенъ штатъ изъ 60 придворныхъ дамъ для императрицы (1). Во время коронаціи архіепископъ Новгородскій подалъ Екатеринѣ державу; скипетръ все время держалъ самъ Петръ (2). Онъ же самъ надѣлъ корону на вѣнчавшуюся. Эта корона въ $4^1/_2$ фунта вѣсомъ и стоившая $1^1/_2$ м. (3) рублей, была сдѣлана къ торжеству русскимъ мастеромъ. Главнымъ украшеніемъ ея былъ огромный—въ палецъ длиною—рубинъ Меньшикова. Нѣкоторыя жемчужины въ ней стоили каждая по 2000 рублей. Когда Петръ надѣвалъ корону на Екатерину, та со слезами благодарности на глазахъ хотѣла нагнуться, чтобы рукою обнять его колѣни. Петръ не допустилъ ее до этого.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого—и какая перемѣна въ отношеніяхъ супруговъ! Петръ въ гнѣвѣ на Екатерину. Надъ канцеляріею ея назначена ревизія, и доходы ея прекратились, такъ что она должна занять у своихъ фрейлинъ Олсуфьевой, Кампенгаузенъ и Вильбоа 1000 дукатовъ, чтобы склонить этою суммою любимаго деньщика Петра, Василія Петровича, ходатай-

(1) Weber, II, 112.
(2) Herrmann, IV, 438.
(3) Weber, II, 112, 135.

ствовать въ ея пользу. Петръ собственноручно разрываетъ актъ, которымъ назначалъ ее наслѣдницею престола (1)...

Откуда такая перемѣна? Уже то, что Петръ искренно былъ привязанъ къ Екатеринѣ, даетъ понять, что ударъ самолюбію его былъ очень силенъ, когда дѣло дошло до этого.

Въ 1724 г. Екатеринѣ было 38 лѣтъ, а придворная любезность считала ей даже только 35. Она не была аристократическая красавица. Размѣры башмаковъ ея, сохранившихся для потомства, заставили графиню Шуазель-Гуффье, видѣвшую ихъ, саркастически замѣтить въ своихъ Запискахъ, что „императрица Екатерина была съ этимъ міромъ на хорошей ногѣ“ (2). Но въ замѣнъ аристократической изящности размѣровъ, природа надѣлила Екатерину статною, здоровою, свѣжею внѣшностью. Пріятныя черты лица ея представляли что-то особенное: онѣ были неуловимы для кисти художника, и съ нея нельзя было снять хорошаго портрета (3). Она была прекрасная наѣздница и хорошая танцорка, хотя танцовала впослѣдствіи лишь съ Петромъ, очень любившимъ потанцовать въ молодости, а съ другими лишь ходила (4). Характеръ ея представлялъ смѣсь замѣчательной женственности и почти мужеской отваги. Обходительная, любезная съ окружающими, ласкою и кроткимъ словомъ смягчавшая порывы нрава Петра, она при опасности не боялась стать лицемъ къ лицу съ нею. Въ 1726 г., когда къ Ревелю прибыли съ враждебными цѣлями флоты англійскій и датскій, она—въ то время уже самодержавная императрица — хотѣла сама принять начальство надъ русскимъ флотомъ и вести его на непріятеля. Незадолго до смерти ея, когда она въ мундирѣ полковника производила по обычаю смотръ гвардейскимъ полкамъ, при построеніи Семеновскаго полка въ каре, пуля, пущенная неизвѣстною рукою, убила на повалъ бывшаго вблизи императрицы знатнаго русскаго купца, пролетѣвъ

(1) Galitzin, 254—255.

(2) Choiseul-Gouffier, Reminiscences sur l'empereur Alexandre I, Paris 1862, 340.

(3) Villebois, Mém. secr. 122—123.

(4) Берхгольцъ, I, 209.

въ самомъ незначительномъ разстояніи отъ нея. Никто не замѣтилъ, чтобъ этотъ случай заставилъ Екатерину измѣниться въ лицѣ: она продолжала смотръ, какъ будто ничего не случилось (1). Если прибавимъ къ этой наружности и къ этому характеру страстный, подвижной темпераментъ, то не мудрено, что въ 38-лѣтней Екатеринѣ было много такого, чѣмъ она могла увлечь какъ женщина.

Съ другой стороны вспомнимъ непостоянный, вѣчно неудержимый въ порывахъ нравъ Петра, его увлеченія, его взаимныя пререканія съ Шереметьевою, имѣвшія прямое отношеніе къ причинамъ, сведшимъ его въ могилу. Петръ искалъ развлеченій на сторонѣ и тогда, когда могучая натура его уже была если не сломлена, то потрясена приближавшимися годами старости, послѣ долгихъ лѣтъ не всегда легкаго правленія и не всегда умѣренной жизни, Екатерина въ это время еще была въ цвѣтѣ лѣтъ, если не по метрикамъ, то въ дѣйствительности, а дѣйствительность важнѣе всѣхъ метрикъ.

Все это необходимо имѣть въ виду, чтобы представить себѣ въ настоящемъ свѣтѣ дѣло камергера Монса, надѣлавшее столько шума въ промежутокъ времени между коронаціею Екатерины и смертью Петра (2).

Братъ прежней фаворитки Петра, дѣвицы Монсъ, вышедшей замужъ за генерала Балка и послѣ бывшей придворною дамою Екатерины, камергеръ императрицы, Монсъ-де-ла-Кроа, сталъ получать отъ императрицы столько знаковъ расположенія, что злые языки, дѣлающіе нерѣдко и изъ мухи слона, теперь дѣлали лишь слона слономъ же. Екатерина дѣйствовала подъ вліяніемъ искренняго чувства, Монсъ отвѣчалъ ей тѣмъ же. Страстность Екатерины и впечатлительность привлекательнаго собою, отличавшагося изящными манерами, камергера завели дѣло слишкомъ далеко. Уши постороннихъ слышали и глаза видѣли много такого, на чемъ обыкновенно лежитъ печать тайны. Вильбоа говоритъ, что онъ, ничего не слыхавъ прежде отъ другихъ объ отношеніяхъ Екате-

---

(1) Weber, III.
(2) Villebois (a), 358.

рины къ Монсу, проникъ въ ихъ тайну, какъ скоро разъ увидалъ ихъ вмѣстѣ, хотя онъ видѣлъ ихъ не однихъ, а въ обществѣ. Огласка была сильна. Ягужинскій, прозванный „глазомъ“ Петра преимущественно за безцеремонную правдивость, съ какою онъ говорилъ о томъ что видѣлъ, выговаривалъ открыто Монсу за его поведеніе. Наконецъ разразилась буря.

Петръ не могъ не узнать объ отношеніяхъ Екатерины къ Монсу. Онъ рѣшился накрыть виновныхъ и страшно отмстить одному изъ нихъ. Что руководило имъ въ этомъ случаѣ — оскорбленное-ли чувство любящаго, или обиженное самолюбіе? Любовь ли Екатерины къ другому, или огласка ея? Надобно полагать, что послѣднее болѣе...

Всегда крутой и необузданный въ гнѣвѣ, Петръ вышелъ изъ себя. Но предъ тѣмъ, какѣ буря разразилась, тучи собирались долго. Петръ три дня остается въ зимнемъ дворцѣ, пока Екатерина и придворные думаютъ, что онъ уѣхалъ, и внезапно застаетъ Екатерину и Монса сидящими на скамейкѣ въ уединенномъ мѣстѣ въ саду, съ г-жею Балкъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ поставленною, какъ ему могло показаться, на сторожѣ. Петръ беретъ часы Монса и переводитъ стрѣлку ихъ, чтобы было позже и чтобы Монсъ шелъ домой. Тамъ его арестуетъ Ушаковъ. Есть извѣстіе, что Петръ, рѣшившись самъ быть судебнымъ слѣдователемъ дѣла Монса, самъ подавалъ арестованному въ первое время пищу, чтобы не допускать къ нему постороннихъ, и что въ первое время Монсъ былъ заключенъ въ зимнемъ дворцѣ, откуда его отвезли въ крѣпость. Въ первое время Петръ хотѣлъ отдать дѣло Монса на судъ государственныхъ чиновъ, но Остерманъ и гр. П. Толстой на колѣняхъ умоляли его не дѣлать этого, представляя, что въ такомъ случаѣ его дочерямъ отъ Екатерины не найти жениховъ. Петръ сдался на это представленіе, и Монса положено было преслѣдовать лишь за то, что онъ и его сестра, Балкъ, брали приношенія за ходатайства у императрицы о постороннихъ лицахъ, тѣмъ прямо нарушая законъ 1714 г. о взяточничествѣ. Обвиненіе было справедливо, и формально дѣло производилось лишь о „вещественной благодарности“, которую Монсъ и его се-

стра не отвергали за свое предстательство предъ императрицею, хотя каждый зналъ истинную причину преслѣдованія.

Разъ, въ темный осенній вечеръ, когда въ крѣпости происходило разслѣдованіе дѣла Монса, Петръ пріѣхалъ къ своимъ дочерямъ, въ то время когда француженка давала имъ и дѣвочкамъ, взятымъ для сообщества имъ въ ученіи, урокъ. Француженка передавала послѣ (1), что Петръ былъ страшно блѣденъ, его глаза на выкатѣ горѣли гнѣвомъ. Онъ сталъ ходить по комнатѣ большими шагами, бросая отъ времени до времени грозные взгляды на своихъ дочерей. При немъ обыкновенно былъ складной охотничій ножъ, и онъ разъ 20 вынималъ его, открывалъ и складывалъ. Между тѣмъ всѣ бывшія въ комнатѣ успѣли, одна за другою, ускользнуть въ сосѣднюю комнату, и только одна маленькая француженка, спустившаяся съ испуга подъ столъ, оставалась свидѣтельницею дальнѣйшаго. Петръ билъ кулакомъ о столъ и о стѣны, бросилъ свою шляпу объ-полъ и наконецъ, выйдя изъ комнаты, такъ сильно ударилъ дверью, что та треснула.

Въ другое время Петръ стоялъ съ Екатериною во дворцѣ у окна.

„Ты видишь—сказалъ онъ ей—это венеціанское стекло. Оно сдѣлано изъ простыхъ матеріаловъ, но, благодаря искуству, стало украшеніемъ дворца. Я могу возвратить его въ прежнее ничтожество.“

Съ этими словами онъ разбилъ стекло въ дребезги.

Екатеринѣ не трудно было понять намекъ, но она не потеряла присутствія духа.

— Вы можете это сдѣлать, но достойно ли это васъ, государь?—отвѣчала она — и развѣ оттого, что вы разбили стекло, дворецъ вашъ сдѣлался красивѣе?

Петръ ничего не отвѣчалъ. Хладнокровіе здраваго смысла утишило раздраженіе.

Монса казнили. Передъ казнью Петръ сказалъ ему, что жалѣетъ, что долженъ лишиться его, но что рѣшеніе должно быть приве-

---

(1) Villebois (b), 132—133.

дено въ исполненіе. Монсъ умеръ, не выказавъ упадка духа. Предъ смертью онъ передалъ исповѣдавшему его пастору часы съ портретомъ Екатерины. Послѣ, подъ подкладкою его платья, нашли другой портретъ Екатерины, осыпанный бриліантами. Третій, бывшій у него портретъ, онъ успѣлъ передать довѣренному лицу, когда вели его при арестованіи. Сестрѣ Монса назначено было дать 11 ударовъ кнутомъ, но ей дали только 5 и сослали ее въ Сибирь. Месть Петра Екатеринѣ выразилась въ томъ, что онъ повезъ ее смотрѣть на отрубленную голову Монса. Головы казненныхъ въ то еще время выставлялись на общее позорище по азіатскому обычаю, неотмѣненному вводителемъ европейскихъ. Екатерину провезли такъ, что платье ея должно было коснуться эшафота, и во все это время Петръ, не спуская глазъ, пристально смотрѣлъ на нее.

Екатерина вѣрила въ сны и имѣла привычку разсказывать ихъ окружающимъ, находя для нихъ истолкованіе. За двѣ недѣли до ареста Монса, она видѣла сонъ, оказавшійся пророческимъ. Она видѣла, что постель ея внезапно покрылась змѣями, ползавшими во всѣхъ направленіяхъ. Одна изъ нихъ, самая большая бросилась на нее, обвила кольцами ей всѣ члены и стала душить ее. Екатерина защищается, борется со змѣемъ и наконецъ задушаетъ его. Тогда всѣ прочія, мелкія змѣи поспѣшно сбѣжали съ ея постели. Екатерина истолковывала себѣ этотъ сонъ такъ, что ей будутъ грозить большія опасности, и что она выйдетъ изъ нихъ невредима. Обстоятельства подтвердили истолкованіе.

Казненъ былъ Монсъ, а скоро спустя перешелъ въ вѣчность и Петръ. Что же дѣлаетъ Екатерина? Она сорокъ дней оставляетъ тѣло умершаго супруга непогребеннымъ и ежедневно утромъ и вечеромъ, по получасу плачетъ надъ нимъ. „Придворные—говоритъ Вильбоа — дивились, откуда столько слезъ берется у императрицы.“ Два англичанина нарочно ходили ежедневно къ гробу Петра, чтобы смотрѣть на эти слезы какъ на диковинку, и Вильбоа говоритъ, что, смотря на слезы Екатерины, онъ растрогивался, какъ на представленіи „Андромахи“. Тѣло Петра стояло открытымъ такъ долго, что наконецъ запахъ отъ него былъ очень чувствителенъ во дворцѣ. Въ это время умерла отъ быстрой горячки маленькая дочь Петра и Екатерины, Наталья Петровна, и очень

вѣроятно, что міазмы отъ предавшагося гніенію тѣла отца могутъ объяснить неожиданную смерть малютки-дочери.

По смерти Петра при дворѣ были въ случаѣ: въ теченіе девяти мѣсяцевъ Левенвольде и послѣ молодой Сапѣга, женившійся на племянницѣ Екатерины, Софьѣ Карловнѣ Скавронской (¹). Это была единственная изъ Скавронскихъ, приближенная ко двору при Екатеринѣ. Отецъ ея, братъ Екатерины, Карлъ Самойловичъ, хотя получилъ богатыя помѣстья и числился камергеромъ, но не имѣлъ ни чиновъ, ни орденовъ. При жизни Петра, Скавронскіе оставались въ деревнѣ, на родинѣ, и предписано лишь было, чтобы о нихъ пеклись и чтобы они ни въ чемъ не нуждались. Екатерина, вступивъ на престолъ по смерти мужа, вызвала ихъ въ Петербургъ, хотя латышка, жена Карла Самойловича, и горько плакала, прося, чтобы ихъ оставили на родинѣ (²).

Екатерина не долго пережила Петра. Предъ смертію она видѣла другой сонъ, опять вѣрно истолкованный ею. Ей снилось, что она сидитъ за столомъ, окруженная придворными. Вдругъ появляется тѣнь Петра. Петръ одѣтъ, какъ одѣвались древніе римляне. Онъ манитъ къ себѣ Екатерину. Она идетъ къ нему, и онъ уносится съ нею подъ облака. Улетая съ нимъ, она бросила взоръ на землю. Тамъ она увидала своихъ дѣтей, окруженныхъ толпою, составленною изъ представителей всѣхъ націй, шумно спорившихъ между собою. Она истолковала сонъ такъ: что она должна скоро умереть и что по смерти ея въ государствѣ настанутъ смуты.

Въ апрѣлѣ 1727 г. она заболѣла. 29 апрѣля ждали смерти ея, но обильная рвота (³) и затѣмъ пятичасовой сонъ на рукахъ дочери, казалось, обѣщали благопріятный исходъ болѣзни. Потомъ ей сдѣлалось, однако, опять хуже, и чрезъ нѣсколько дней она скончалась. Молва, передаваемая писателями-иностранцами, что она была отравлена медленнымъ ядомъ, находила, быть можетъ,

---

(¹) Villebois (b), 139.
(²) Арсеньевъ, 74 — 75.
(³) Weber, III, 81—82.

поддержку себѣ въ извѣстномъ спорѣ Меньшикова съ Бассевичемъ о престолонаслѣдіи, въ разсказанномъ нами выше фактѣ о пулѣ, пущенной при смотрѣ гвардіи неизвѣстною рукою и, наконецъ, въ ходѣ предсмертной болѣзни императрицы, съ рвотою 29 апрѣля. Но молва эта, какъ не основанная на положительныхъ данныхъ, можетъ быть только упомянута.

5 Мая 1727 г. во дворцѣ русскихъ царей пресѣклась замѣчательная жизнь, начавшаяся въ избѣ литовскаго крестьянина и кончившаяся на одномъ изъ самыхъ могущественныхъ престоловъ. Были и другіе примѣры возвышенія лицъ, рожденныхъ въ низкой долѣ, до порфиры и трона, но тамъ большею частью сильный характеръ, замѣчательный умъ, умѣніе пользоваться обстоятельствами выдвигали впередъ любимцевъ счастія. Екатерина возвысилась до трона, благодаря случаю, благодаря Петру; удивительно ли, что въ самодержицѣ русской Екатеринѣ I до конца жизни ея проглядывала прежняя маріенбургская Марта? Она и царицею не хочетъ учиться читать и писать, потому что вся забота ея—дѣлать угодное Петру. Она до конца жизни подчинена вліянію Меньшикова. Она не честолюбива, она восходитъ на тронъ лишь потому, что такъ сложились обстоятельства: этого хотѣли Меньшиковъ, Бассевичъ. Она никогда не забываетъ, чѣмъ была прежде, не стыдится своего прошлаго, не отталкиваетъ отъ себя тѣхъ, кто зналъ и окружалъ ее въ прошломъ. Блескъ и пышность не поразили ея; прежняя бѣдная доля въ воспоминаніи не пугала ея. О ней можно сказать доброе слово: къ чести ея, какъ ни мѣнялись ея прозвища и титулы, она оставалась постоянно тою же. А это можно сказать далеко не о всѣхъ и каждомъ.

Петръ II.

Великій князь Петръ Алексѣевичъ.

Супруга царевича Алексѣя Петровича (урожденная принцесса Вольфенбюттельская) умерла, оставивъ дочь Наталью и сына Петра. Легенда о томъ, что она не умерла, а скрылась подъ именемъ графини Кёнигсмаркъ и что послѣ ее видѣли въ Луизіанѣ и на Иль-де-Франсѣ, гдѣ она будто бы вышла за-мужъ за простаго сержанта—относится къ области вымысла даже авторомъ, который счелъ нужнымъ упомянуть объ этихъ романическихъ подробностяхъ, найденныхъ въ бумагахъ Дюкло (1). Чрезъ нѣсколько времени умеръ, отъ руки генерала Вейде, казненный тайно по приказанію царя, несчастный царевичъ Алексѣй, распущенности нрава и жестокости котораго приписывается иными преждевременная смерть его супруги. Малютки—дѣти его остались круглыми сиротами, на попеченіи приставленной къ нимъ матерью гувернантки нѣмки Роо (2). Императрица Екатерина, любившая мать сиротъ, пеклась теперь о нихъ и даже торжественно праздновала день рожденія маленькаго Петра, между тѣмъ какъ дѣдъ его обыкновенно проводилъ тотъ же день въ Шлюсельбургѣ, празднуя совпадавшую со днемъ рожденія великаго князя годовщину одной изъ своихъ побѣдъ. Импе-

(1) Lesur, 151.
(2) Galitzin, 265.

ратрица Екатерина и Петръ могли не безъ основанія видѣть въ сынѣ царевича Алексѣя будущаго наслѣдника русскаго престола. Ихъ собственный сынъ, Петръ Петровичъ, былъ сложенія, не ручавшагося за долговѣчность. Конечно, у нихъ были дочери, но о возведеніи ихъ на престолъ вѣроятно никто въ это время не думалъ. Позже, когда брюнетка Анна, красивая, умная дѣвушка, съ характеромъ, напоминавшимъ по рѣшительности отцовскій, была торжественно объявлена дочерью Петра, когда она была помолвлена за владѣтельнаго иностраннаго принца, племянника Карла XII, Петръ могъ пожалуй еще думать, какъ въ этомъ прямо увѣряетъ насъ Бассевичъ, о передачѣ престола ей и ея потомству. Но въ то время, когда умеръ царевичъ Алексѣй Петровичъ, объ этомъ не было еще мысли. Болѣе женственный, нѣжный, беззаботный ребенокъ, блондинка Елизавета еще меньше могла входить въ планы отца. Петръ подстригъ ей 12 лѣтней крылышки, въ знакъ того, что она достигла совершеннолѣтія, но до дѣйствительнаго совершеннолѣтія было еще далеко –она была почти двумя годами моложе сестры и ей не было 16 лѣтъ, когда Петра I не стало. Петръ до процесса Монса хотѣлъ передать престолъ Екатеринѣ, но она могла пережить его нѣсколькими годами и престолъ все же перешелъ бы въ родъ царевича Алексѣя, какъ скоро дочери Петра устранялись отъ наслѣдованія. Наталья Петровна, младшая дочь Петра, могла имѣть всѣ права на престолъ, но она была еще ребенокъ, и предпочитали выдать ее за-мужъ за сына царевича Алексѣя (¹), чтобы такимъ образомъ, безъ смутъ и безъ распрей потомство Петра I отъ обѣихъ супругъ соединилось на царскомъ престолѣ, и умиротворилось общественное мнѣніе, видѣвшее во внукѣ Петра, отъ царевича Алексѣя, прямаго наслѣдника престола. Петръ I и самъ не могъ нерасположенія своего къ сыну выказывать на сиротѣ—внукѣ. Живой, веселый, здоровый мальчикъ—этотъ внукъ во многомъ напоминалъ мать. Подвижность четырехлѣтняго малютки, который устроивалъ баттареи, самъ стрѣлялъ изъ своихъ

(¹) Galitzin, 261.

небольшихъ орудій и постоянно возился съ ружьемъ, также быть можетъ не могла не нравиться дѣду. Петръ подарилъ ему шпагу и внукъ послѣ дорого цѣнилъ этотъ подарокъ ([1]). Правда, когда дворъ поѣхалъ въ Москву на коронацію Екатерины, только маленькаго Петра и его сестру оставили изъ всего царскаго семейства въ Петербургѣ. Но на это безспорно скорѣе были государственныя, чѣмъ семейныя причины.

Въ календарѣ на 1725 г. появляются впервые имена великихъ княженъ Анны и Елизаветы, какъ членовъ царскаго семейства, и взамѣнъ того исчезаютъ изъ него имена дѣтей царевича Алексѣя ([2]). Означало ли это, что было рѣшено удалить ихъ отъ престолонаслѣдія? Этого невидно. Наталью Петровну по прежнему прочатъ въ невѣсты десятилѣтнему Петру, и Екатерина, сдѣлавшись самодержавною императрицею, удвоиваетъ ласки къ нему, часто призываетъ его во дворецъ, наблюдаетъ за его ученіемъ. Въ Петрѣ скоро всѣ начинаютъ видѣть ея преемника. Умираетъ великая княжна Наталья Петровна — этимъ нанесенъ ударъ придворнымъ и семейнымъ планамъ. Но находчивый Остерманъ даетъ понять, что за Петра можетъ быть посватана другая дочь Екатерины, Елизавета ([3]). У этого опытнаго дипломата, сдѣланнаго теперь главнымъ наставникомъ молодаго великаго князя, наисущественный доводъ въ пользу этого брака тотъ, что послѣ Адама братья женились же на сестрахъ ([4]). Противъ этого довода не возражали, потому что Наталью Петровну прочили же за ея племянника по отцу—слѣдовательно, сватовство сестры ея не вводило никакого новаго принципа и, наконецъ, Екатерина была не прочь отъ этого брака. Возраженіе явилось съ той стороны, съ какой его всего меньше можно было ожидать, если примемъ въ соображеніе, что возражателемъ былъ Меньшиковъ ([5]). Александръ Да-

---

([1]) Galitzin, 289.
([2]) Энц. Лекс. см. Анна Петровна.
([3]) Чтенія, 1858, III, протоколы Верх. Тайн. Сов., 11—12.
([4]) Арсеньевъ, 19.
([5]) Galitzin, 261.

ниловичъ ставилъ на видъ неравенство лѣтъ. Дѣйствительно, тутъ рѣчь шла съ одной стороны о 17 лѣтней дѣвушкѣ, красота и положеніе которой не могли заставить ее нуждаться въ женихахъ, и съ другой объ 11 лѣтнемъ мальчикѣ, ребенкѣ, которому нужно было учиться, а не думать о невѣстахъ. Самъ Катонъ, казалось, не могъ поддерживать болѣе разумнаго и нравственнаго довода. Но всего меньше, повторяемъ, можно было ждать защиты этого довода отъ Александра Даниловича, мечтавшаго лишь о томъ, какъ бы вмѣсто одной совершеннолѣтней невѣсты подставить другую, такую же, несовершеннолѣтнему жениху. Но не предугадывали еще въ то время, что свѣтлѣйшій князь готовитъ своей старшей дочери Марьѣ Александровнѣ положеніе, которое онъ считалъ предосудительнымъ для Елизаветы Петровны, и резонъ его, равно какъ и другія обстоятельства, оказали дѣйствіе — мысль о бракѣ Петра съ Елизаветою была оставлена.

Надзоръ за ученіемъ великаго князя былъ порученъ, какъ мы уже говорили, Остерману. Вестфалецъ Генрихъ Остерманъ давно превратился въ Андрея Ивановича Остермана, мужа государевой свойственницы Мареы Ивановны, урожденной Стрѣшневой. Недурной собою — положимся въ этомъ случаѣ на отзывъ лэди Рондо, — обходительный и любезный собесѣдникъ, когда не въ роли министра, тонкій дипломатъ въ дѣлахъ и въ знаніи людей, Андрей Ивановичъ остался нѣмцемъ въ душѣ, но это былъ русскій нѣмецъ. Онъ выучился въ два года по пріѣздѣ въ Россію хорошо говорить по-русски и, какъ знатокъ восточныхъ и европейскихъ языковъ, былъ незамѣнимымъ дѣльцомъ для Петра I. Онъ не пренебрегалъ русскими, не ненавидѣлъ ихъ, какъ другіе иноземцы. Что у него въ душѣ было — о томъ никто ничего не могъ сказать, но внѣшній образъ дѣйствій его былъ далекъ отъ того, чтобы отталкивать отъ него старую русскую партію. Остерманъ зналъ страну, избранную имъ вторымъ отечествомъ и примѣнялся къ ея людямъ и обычаямъ. Выборъ Остермана въ главные наставники великаго князя былъ именно таковъ, какимъ могли быть довольны всѣ партіи. Это, во-первыхъ, былъ образованный человѣкъ, который могъ дѣйствительно кое-что преподать своему ученику. Имъ могли остаться довольны приверженцы нововведеній Петра I; нѣмецъ Остерманъ

былъ бы послѣднимъ, чтобы поднять руку на дѣло Петра, или внушать своему ученику недовѣріе къ этому дѣлу. Наконецъ, Остерманъ былъ *русскій* нѣмецъ, котораго ничто не тянуло на чужбину, который освоился въ русской средѣ, и на столько остерегался пойти на перекоръ обычаямъ страны, что, напримѣръ, ѣздилъ въ посту обѣдать по знакомымъ, чтобы не держать скоромнаго стола, когда супруга его, Марѳа Ивановна, ѣла постное. Всѣмъ этимъ онъ выигрывалъ въ мнѣніи старой русской партіи, основывавшей надежды на вступленіе на престолъ сына царевича Алексѣя. У Петра Алексѣевича, подъ главнымъ наблюденіемъ Остермана, были другіе наставники. Штелинъ называетъ, между прочимъ, Гольдбаха. Программу для преподаванія великому князю закона Божія составилъ Ѳеофанъ Прокоповичъ и составилъ такъ, что иностранцы не могли нахвалиться ею. Но, поклонникъ протестантства въ душѣ, Ѳеофанъ вмѣстѣ былъ, разумѣется, на столько остороженъ, чтобы не возбудить программою своею пререканій со стороны русскихъ.

Смерть Екатерины открыла путь къ престолу Петру прежде, чѣмъ нужно было бы въ его собственномъ интересѣ. Но за то это было въ интересѣ Меньшикова. Сцена во дворцѣ, во время болѣзни императрицы, заставила предугадывать, что Россію ждетъ что-то въ родѣ повторенія событій въ малолѣтство Ивана IV. Девьеръ, бывшій скороходъ и потомъ деньщикъ Петра I, теперь петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, пугало петербургскаго населенія (и какъ было скороходу, попавшему въ генералы, не показать себя), будучи во дворцѣ навеселѣ, вертѣлъ племянницу Екатерины, Софью Карловну, какъ въ танцахъ, обращался къ великой княжнѣ Аннѣ со словами: „выпей вина", и одиннадцатилѣтнему Петру говорилъ: „поѣдемъ со мною въ коляскѣ, тебѣ будетъ лучше и воля", прибавляя далѣе, что онъ будетъ волочиться за невѣстой великаго князя, а тотъ будетъ ревновать (1). Казалось, что Екатерина еще не успѣла закрыть глаза навсегда, а между тѣмъ время князей Шуйскихъ и

(1) Арсеньевъ, 85.

Бѣльскихъ—мы хотѣли сказать, Меньшикова и Долгорукихъ—въ Россіи уже начиналось.

Меньшиковъ-регентъ.

Уже при жизни Петра I свѣтлѣйшій князь, или герцогъ (1) Ижорскій и одинъ изъ первыхъ богачей въ Россіи — Меньшиковъ могъ назваться любимцемъ счастія. Смерть Петра передала почти царскую власть въ его руки. Екатерина была вполнѣ подъ его вліяніемъ. Всѣ желанія его исполнялись. Онъ, одинъ изъ мужчинъ, получилъ орденъ св. Екатерины. Этотъ орденъ, учрежденный Петромъ въ 1714 г. въ честь Екатерины, имѣлъ отчасти символическое значеніе. На оборотной сторонѣ этого бѣлаго креста представлены гнѣздо орлятъ и два орла, разрывающіе змѣй. Теперь, когда орла не стало, а число змѣй, шипѣвшихъ вокругъ орлицы увеличивалось все болѣе, принятіе Меньшиковымъ ордена, предназначеннаго исключительно для дамъ, могло давать понять, что онъ не прочь явиться опекуномъ надъ осиротѣвшими орлятами. По крайней мѣрѣ онъ употреблялъ съ своей стороны всѣ усилія, чтобы явиться имъ. Скоро былъ учрежденъ Верховный совѣтъ, присвоившій себѣ власть, бывшую не по силамъ неприготовленной къ правленію Екатеринѣ. Генералъ-фельдмаршалъ, свѣтлѣйшій князь былъ главное лице въ этомъ ареопагѣ, переименовавшемъ теперь утратившій прежнее значеніе сенатъ изъ правительствующаго въ „высокій“ и еще при жизни государыни правившемъ государствомъ. Какъ ни мало способна была къ управленію государствомъ Екатерина, называвшая свою имперію „герцогствомъ“ (2), но около нея были лица, смотрѣвшія недружелюбно на главенство Меньшикова. Воспользовавшись поѣздкою его въ Курляндію, гдѣ онъ хлопоталъ сдѣлаться герцогомъ, они успѣли склонить императрицу избавиться

(1) Арсеньевъ 69. 70.
(2) Чтенія, 1858 III, Мат. Отеч, 32.

изъ-подъ его ига и Меньшиковъ едва не былъ арестованъ, по приказанію Екатерины ([1]). Возвращеніе его въ Петербургъ разстроило планы его враговъ, и восторжествовавъ надъ ними, Меньшиковъ пошелъ самъ далѣе въ своихъ замыслахъ. Онъ настоялъ, чтобы наслѣдникомъ престола объявленъ былъ великій князь Петръ Алексѣевичъ и въ духовной Екатерины стояло, чтобы были употреблены старанія устроить бракъ между Петромъ и одною изъ дочерей князя Меньшикова ([2]). „Съ одною изъ дочерей" довольно странное выраженіе, когда дѣло идетъ о соединеніи двухъ лицъ, и когда по крайней мѣрѣ стараются показать, что достоинства соединяемыхъ играютъ главную роль въ дѣлѣ, а не ихъ положеніе въ свѣтѣ. Очевидно, надобно было, чтобы Петръ Алексѣевичъ сдѣлался зятемъ Меньшикова, а кого судьба посылала ему въ супруги—это было рѣшительно все равно. Но тутъ выраженіе „съ одною изъ дочерей", являлось не по этой лишь причинѣ. Когда Екатерина умирала, Марья Александровна, старшая дочь Меньшикова, была помолвлена за Сапѣгу, а ее-то честолюбивый отецъ и хотѣлъ выдать за будущаго молодаго императора. Онъ имѣлъ въ виду разстроить бракъ съ Сапѣгой, но на это надобно было время, и потому самое удобное было поставить въ завѣщаніи нѣчто въ родѣ „имярека", а имя вставить послѣ, когда нужно. Это лучше другаго показываетъ какое участіе Меньшиковъ долженъ былъ имѣть въ составленіи духовной. Наконецъ, еслибы это завѣщаніе, о бракѣ будущаго императора, не было формулировано на скорую руку, при обстоятельствахъ, къ которымъ самъ Меньшиковъ какъ бы не былъ приготовленъ, то не трудно было заблаговременно разстроить бракъ дочери его съ Сапѣгою. Между тѣмъ бракъ съ Сапѣгою разстроивается лишь послѣ смерти императрицы. Словомъ, видно по всему, что Меньшиковъ, до болѣзни императрицы, не считалъ возможнымъ бракъ своей дочери съ будущимъ императоромъ. Онъ сговариваетъ дочь за Сапѣгу и выплачиваетъ ему уже 400,000 злотыхъ приданаго. Если такой деньголюбивый родитель, какъ Меньшиковъ, далъ такую сумму бу-

---

(1) Записки дюка Лирійскаго, 141.

(2) Записки дюка Лирійскано, 118.

дущему зятю, то значитъ для него бракъ дочери уже былъ слаженое дѣло. Очевидно, мысль выдать дочь не за сына польскаго фельдмаршала, а за императора, блеснула въ головѣ честолюбца неожиданно, и, какъ мы видѣли, ее могла подсказать внезапная болѣзнь императрицы, низведшая ее въ могилу. Затѣмъ духовная была составлена какъ желалось Меньшикову, потому что Екатерина, при всемъ вліяніи на нее временщика, едва ли согласилась бы, будучи въ полномъ сознаніи, написать, чтобы внука ея, которому она всегда выказывала столько любви и расположенія, постарались женить „на одной изъ дочерей" Меньшикова. Упомянули бы по крайней мѣрѣ имя. Но Меньшикову, какъ мы видѣли, имени то и не нужно было упоминать. По смерти Екатерины очень скоро объяснилось—почему. Сапѣгу, какъ видно, не стоило труда уговорить отказаться отъ невѣсты. Это былъ тотъ самый Сапѣга, который, пріѣхавъ въ Петербургъ, обратилъ на себя вниманіе Екатерины и, послѣ Левенвольда, былъ въ случаѣ. Онъ одновременно съ Левенвольдомъ и съ двумя дочерьми Меньшикова получилъ для ношенія портретъ императрицы. Говорили, что Екатерина, чтобы чаще видѣть его около себя, прочила за него свою племянницу Софью Карловну Скавронскую. Меньшиковъ однако предупредилъ и сговорилъ за него свою дочь. По смерти Екатерины, Сапѣга просилъ, чтобы ему позволили сочетаться бракомъ съ Скавронскою, такъ какъ бракъ его съ Меньшиковою не состоялся, и чтобы ему были даны такія-то и такія-то помѣстья. Удовлетворены ли были помѣстныя притязанія сговорчиваго жениха—мы не знаемъ, но что касается Меньшикова, то онъ былъ не изъ тѣхъ, чтобы потерять 400,000 злотыхъ, уплаченныхъ Сапѣгѣ какъ приданое. Онъ ходатайствовалъ, чтобы взамѣнъ этого ему было выдано изъ русской казны 53,639 рублей 94½ копѣйки (¹). Далъ ли онъ что нибудь Сапѣгѣ, не давалъ ли онъ ничего, была ли это просто финансовая сдѣлка между двумя личностями, обдѣлывавшими свои дѣла—документы не говорятъ ничего объ этомъ; мы знаемъ лишь, что Меньшиковъ говорилъ, что онъ далъ столько-то и теперь просилъ возвратить ему сумму до полукопѣйки,

(¹) Чтеніе 1858 г. III Мат. Отеч. 49.

хотя бы кажется почему было Сапѣгѣ не возвратить эти деньги, если онъ взялъ ихъ?

Обратимся теперь къ невѣстѣ царской, Марьѣ Александровнѣ, сговоръ которой съ Петромъ II послѣдовалъ тотчасъ по соглашеніи родителя ея съ Сапѣгою. Ее описываютъ намъ дѣвушкою съ пріятными манерами, съ прекраснымъ лицомъ, съ черными огненными глазами и локонами, покрытыми по обычаю того времени пудрою. Говорятъ также, что она искренно любила своего перваго жениха. Героини исторіи, какъ героини романа, обязаны быть обворожительными и страстно любить тѣхъ, отъ кого отрываетъ ихъ злой рокъ. Не трудно правда повѣрить, что воспитанная корыстолюбивымъ, но умнымъ отцомъ, среди всѣхъ благъ земныхъ, на попеченіи матери, если не очень образованной (за Дарью Михайловну Меньшикову писала письма ея сестра Варвара Михайловна Арсеньева) (1), то одаренной теплымъ, чувствительнымъ сердцемъ—Марья Александровна могла быть роскошнымъ цвѣткомъ, но труднѣе положиться, что она дѣйствительно чувствовала привязанность къ такому придворному любезнику, какимъ былъ Сапѣга. Какъ бы то ни было, теперь предстоялъ ей другой бракъ — бракъ по расчету отца, и если она не была честолюбивая дѣвушка — многое должно было заставить ее отшатнуться отъ этого брака. Жениху ея еще не было 12 лѣтъ; онъ не могъ чувствовать и не чувствовалъ къ ней ничего; его даже не женили неволею, потому что уже воля предполагаетъ извѣстный возрастъ, а его женили прежде, чѣмъ въ немъ явилась воля. Но Александра Даниловича мы знаемъ, какъ человѣка съ крутымъ, рѣшительнымъ характеромъ, особенно если дѣло шло о лицахъ, подчиненныхъ ему. О противорѣчіи кроткой, молодой княжны не могло быть рѣчи. И вотъ ее сговариваютъ, имя ея произносится на эктиніяхъ съ титуломъ Ея Императорскаго Высочества, Государыни-Невѣсты (2); отецъ настаивалъ на томъ, чтобы даже члены царскаго семейства, какъ Елизавета Петровна, цѣловали руку будущей супруги государя (3). Но съ этого же вре-

(1) Чтенія 1864, 2, смѣсь, 34.
(2) Galitzin, 271.
(3) Ibid, 272.

мени начинается для Марьи Александровны рядъ испытаній за грѣхи отца.

Меньшиковъ, по смерти Екатерины, постарался немедленно захватить въ свои руки молодаго императора. Онъ перевезъ его въ свой домъ, на Васильевскій островъ, и окружилъ своими. Духовная Екатерины объявляла Петра несовершеннолѣтнимъ и назначала надъ государствомъ регентство изъ членовъ царскаго семейства и главныхъ сановниковъ. Но такое регентство предполагало участіе въ правленіи многихъ лицъ. Меньшикову этого не нужно было. Объявлено было, что такъ какъ Петръ II провозглашенъ императоромъ, то въ государствѣ не можетъ быть иной воли кромѣ его, слѣдовательно, пунктъ завѣщанія, назначавшій регентство, недѣйствителенъ и императоръ долженъ бытъ объявленъ совершеннолѣтнимъ. Петръ объявленъ былъ совершеннолѣтнимъ, а такъ какъ съ этого времени всякое его приказаніе было указъ, то тотъ, кто могъ руководить этими приказаніями, дѣлался очевидно одинъ регентомъ государства. Этимъ регентомъ сдѣлался Меньшиковъ.

Меньшиковъ регентъ началъ съ того, что взялъ себѣ изъ казны 100,000 рублей, а вмѣсто 700,000 рублей въ годъ, положенныхъ первоначально по штату на содержаніе императорскаго двора, опредѣлилъ только 150,000 (1). Что онъ держалъ себя въ отношеніи своего царственнаго питомца скорѣе какъ полновластный опекунъ, чѣмъ какъ усердный подданный—видно изъ поступка его съ другомъ Петра, Иваномъ Долгорукимъ (2).

Кн. Иванъ Долгорукій, 18 лѣтній молодой человѣкъ, получившій воспитаніе въ домѣ дѣда, русскаго посла въ Варшавѣ, еще при жизни Екатерины бросился разъ къ ногамъ ребенка Петра, открылся ему въ преданности къ памяти его отца и къ нему, и просилъ о его довѣріи. Петръ скоро сблизился съ своимъ молодымъ гофъ-юнкеромъ и подружился. Очень можетъ быть, что вѣтренный, не очень образованный, но юноша съ сердцемъ и честныхъ правилъ, дѣйствительно чувствовалъ эту преданность. По крайней

(1) Herrmann, IV, 510.

(2) Записки Дюка Лирійскаго, 145.

мѣрѣ великій князь отвѣчалъ ему дружбою. Скоро они сблизились до того, что стали неразлучны, спали въ одной комнатѣ и между ними установилась фамильярность отношеній двухъ молодыхъ сверстниковъ — хотя и очень не одинакихъ лѣтъ — не обличавшая въ одномъ наслѣдника престола, а въ другомъ — его гофъ-юнкера. Иванъ Долгорукій, узнавъ, что Петра хотятъ женить на дочери Меньшикова, высказался противъ этого брака. Этого было достаточно, чтобы его удалить отъ двора и перевести въ армейскіе полки съ пониженіемъ чина. Одно это показываетъ, что Меньшиковъ не стѣснялся личными чувствами своего питомца. Особенно въ денежномъ отношеніи опека Меньшикова была стѣснительна для императора и его сестры, Натальи Алексѣевны. Разъ Меньшиковъ узналъ, что одинъ изъ придворныхъ служителей изъ 3000 рублей, данныхъ ему, выдалъ часть на руки молодому императору. Меньшиковъ пришелъ въ негодованіе, выбранилъ придворнаго какъ нельзя хуже и грозилъ отставить отъ должности. Въ другое время Петръ просилъ о выдачѣ ему 500 дукатовъ. Меньшиковъ спросилъ на что. Молодой императоръ отвѣчалъ, что ему нужно. 500 дукатовъ были выданы и Меньшиковъ узналъ, что императоръ передалъ ихъ своей сестрѣ. Это раздражило не столько заботившагося о наклонностяхъ питомца, сколько о деньгахъ опекуна. Но еще замѣчательнѣе былъ случай съ серебрянымъ сервизомъ, поднесеннымъ Петру городомъ Ярославлемъ ([1]). Сервизъ былъ отосланъ императоромъ къ сестрѣ, и Меньшиковъ три раза посылалъ къ великой княжнѣ требовать его обратно. Въ третій разъ великая княжна выслала отъ себя его посланнаго, сказавъ, что она помнитъ, что онъ, Меньшиковъ — не государь и не имѣетъ права распоряжаться подобнымъ образомъ. Наконецъ припомнимъ стереотипный анекдотъ о 9000 червонцахъ, поднесенныхъ петербургскими масонами Петру, который послалъ ихъ также сестрѣ и о томъ, какъ Меньшиковъ, встрѣтивъ офицера, несшаго блюдо съ червонцами, велѣлъ отнести его къ себѣ, сказавъ, что императоръ еще молодъ, чтобы умѣть распоряжаться деньгами. Всѣмъ этимъ

([1]) Herrmann, IV, 513.

Меньшиковъ возстановилъ противъ себя императора и имѣвшую на него большое вліяніе великую княжну. Между тѣмъ Меньшиковъ долженъ былъ бы знать рѣшительный не по лѣтамъ характеръ Петра, тяготившагося тѣмъ, что съ нимъ, объявленнымъ совершеннолѣтнимъ императоромъ, обращаются какъ съ ребенкомъ. Уже нѣсколько дней послѣ смерти Екатерины, Петръ нѣсколько озадачилъ его словами: „я лишился сегодня фельдмаршала.“ Когда фельдмаршалъ посмотрѣлъ въ недоумѣніи на молодаго императора, тотъ показалъ ему указъ, назначавшій его, Меньшикова, генералиссимусомъ; но неловкое выраженіе, какъ плодъ игривости ума 12 лѣтняго Петра, уже до нѣкоторой степени обличало какой характеръ слагался въ этомъ ребенкѣ. Придирки Меньшикова, впослѣдствіи, могли тѣмъ болѣе раздражить самолюбіе 12 лѣтняго императора, что вокругъ него не было недостатка въ людяхъ, которые эти придирки объясняли незаботливостью воспитателя, чтобы питомецъ по пустому не сорилъ деньгами, а скорѣе алчностью скряги.

Ко всему этому присоединилось то, что Меньшиковъ возстановилъ противъ себя Остермана, успѣвшаго пріобрѣсть значительное вліяніе какъ на императора — ученика своего, такъ и на его сестру. Пріѣхавъ разъ въ Петергофъ, Меньшиковъ упрекалъ Остермана въ томъ, что тотъ наставляетъ императора въ правилахъ другой, не православной религіи. Если это былъ намекъ на духъ, въ которомъ составлены были Ѳеофаномъ Прокоповичемъ правила для преподаванія закона Божія Петру, то во всякомъ случаѣ такой упрекъ человѣку, современники котораго не знали къ какой религіи принадлежитъ онъ, былъ очень забавенъ. Но Меньшиковъ къ этому присоединилъ угрозы и Остерманъ на дерзость отвѣчалъ дерзостью (¹).

Какъ видимъ, паденіе Меньшикова было не неожиданно. Онъ систематически возстановилъ противъ себя молодаго императора, его сестру и окружавшихъ ихъ. При всемъ томъ кризисъ приближался медленно. Такъ, при началѣ распри, Петръ довольствовался тѣмъ, что когда Меньшиковъ подошелъ и поклонился ему;

(¹) Hermann, IV, 517.

онъ повернулся къ нему спиною и послѣ замѣтилъ, что онъ исправляетъ Меньшикова. Вѣрно Меньшиковъ однако былъ неисправимъ, потому что вслѣдъ затѣмъ, на приглашеніе отъ него пріѣхать въ Ораніенбаумъ, гдѣ свѣтлѣйшій князь праздновалъ день своихъ имянинъ, императоръ отвѣчалъ, что Меньшиковъ можетъ отпраздновать имянины и безъ его присутствія. Меньшиковъ угадывалъ, что приближается что-то недоброе и смутился. Императоръ былъ въ Петергофѣ—Меньшиковъ ѣдетъ туда со всѣмъ семействомъ, но узнаетъ по пріѣздѣ, что Петръ только что ускакалъ на охоту. Великая княжна Наталья оставалась во дворцѣ, но узнавъ, что пріѣхалъ ненавистный Меньшиковъ, выскочила изъ окна и, догнавъ брата, уѣхала съ нимъ на охоту (1). Меньшиковъ засталъ во дворцѣ только Елизавету Петровну, и такъ какъ положеніе ея при временьщикахъ было таково, что она должна была сообразоваться съ обстоятельствами, а Меньшиковъ не былъ еще въ явной опалѣ, то ей пришлось принять князя и выслушать отъ него пространную іеремiаду о собственныхъ его, Меньшикова, великихъ заслугахъ для Россіи, о неблагодарности ближнихъ и т. д. Онъ прибавлялъ, что если въ его услугахъ не нуждаются, то онъ готовъ отправиться въ Украйну генералъ-губернаторомъ (2).

Судьба не судила ему однако отправиться въ Украйну. Скоро въ верховномъ совѣтѣ полученъ былъ императорскій указъ, запрещавшій исполнять какія либо распоряженія Меньшикова. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ указъ объ отобраніи изъ вѣденія Меньшикова государственныхъ кассъ. Далѣе велѣно было перевезти мебель и вещи императора изъ дома Меньшикова. Меньшиковъ хотѣлъ было съ императорскими вещами послать и свои, ему этого не дозволили. Наконецъ ему объявленъ былъ домашній арестъ.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ этого, изъ Петербурга выѣзжалъ длинный рядъ экипажей, везшій Меньшикова, его семейство, челядинцевъ и имущество въ Раненбургъ. Сорокъ двѣ кареты князя, ѣхавшія одна за другой, представляли длинную процессію вмѣстѣ

---

(1) Hermann, IV, 513.
(2) Hermann, IV, 514.

съ сопровождавшимъ ихъ карауломъ—изъ капитана и 120 гвардейцевъ. Меньшиковъ былъ безъ орденовъ; онъ и семейство его всѣ были въ траурѣ (1). Все было сдѣлано временьщикомъ, чтобы предотвратить ссылку. Онъ написалъ письмо къ Петру, въ которомъ оправдывалъ себя, говорилъ, что онъ взыскалъ на Кайсаровѣ за растрату денегъ, потому что подъ предлогомъ императорскихъ приказаній деньги расходовались на другіе предметы; просилъ объ одномъ, чтобы ему дали спокойно жить вдали отъ дѣлъ. Написалъ онъ и письмо къ сестрѣ императора, Натальѣ Алексѣевнѣ, гдѣ между прочимъ титулуетъ ее ваше величество (2). Ничто не помогло. Ходатайство Дарьи Михайловны, супруги его, также не имѣло успѣха. Ее лично жалѣли, но ничего не могли для нея сдѣлать. Напрасно она долго со слезами обнимала колѣни Остермана; и тотъ остался непоколебимъ. Для нихъ оставалась только ссылка. Поѣхала въ ссылку и бывшая невѣста государева, Марья Александровна. Императоръ-женихъ никогда и до разрыва съ Меньшиковымъ не оказывалъ ей вниманія. Онъ между прочимъ спрашивалъ у Остермана: на какомъ основаніи въ Россіи женятъ противъ воли (3), и главный наставникъ, которому въ то время еще надобно было опасаться Меньшикова, объяснилъ это своему ученику историческими причинами. Эти причины, по видимому, не оказали дѣйствія на Петра и онъ по прежнему былъ холоденъ къ невѣстѣ. Есть извѣстіе, что онъ на колѣняхъ просилъ сестру Наталью разстроить этотъ бракъ (4). Напротивъ, замѣчали, что онъ тѣмъ ласковѣе былъ съ Елизаветою Петровною, прежде назначавшеюся ему въ невѣсты (5). Въ Елизаветѣ онъ все-таки видѣлъ отчасти подругу дѣтства, съ которою онъ часто игрывалъ въ карты, а Марья Александровна была ему совершенно чужая и притомъ одна изъ дѣвицъ того возраста, въ обществѣ которыхъ мальчики его лѣтъ обыкновенно конфузятся. Тѣхъ же достоинствъ,

---

(1) Herrmann, IV, 515.

(2) Чтенія 1853, III, Мат. отеч., 63.

(3) Galitzin, 282.

(4) Бантышъ-Каменскій, біографіи генералиссим. I, 101.

(5) Herrmann, IV, 512.

которыя могъ бы открыть въ ней женихъ соотвѣтственныхъ ей лѣтъ, женихъ-мальчикъ не могъ и не умѣлъ оцѣнить. Когда начиналась размолвка съ Меньшиковымъ, Петръ говорилъ, что князю извѣстно его намѣреніе не жениться, пока ему не минетъ 25 лѣтъ (1). Паденіе Меньшикова было сигналомъ къ разрыву отношеній и къ его дочери.

Поѣхалъ въ ссылку и сынъ Меньшикова, юный оберъ-камергеръ, на которомъ, если вѣрить иностранцамъ, молодой императоръ вымещалъ, какъ сверстникъ въ играхъ, свои неудовольствія противъ его отца.

Раненбургъ былъ только этапомъ; скоро послѣдовала ссылка въ Березовъ. Какъ скоро палъ Меньшиковъ, противъ него стали говорить то, что можетъ быть ему и на умъ не всходило. Утверждали между прочимъ, что у него были планы войти въ сдѣлку съ прусскимъ дворомъ, занять у него 10 милл. рублей, вступить при помощи ихъ на русскій престолъ и затѣмъ отдать прусскому двору вдвое — 20 милл. рублей (2). Въ другомъ обвиненіи, что Меньшиковъ старался наполнить Преображенскій полкъ преданными себѣ людьми, могло быть гораздо болѣе правды. Меньшикова и его умную свояченицу, Арсеньеву, послали въ Березовъ; прочіе члены семейства послѣдовали добровольно за ними. Дарья Михайловна не долго пережила несчастіе; она выплакала глаза и слѣпая умерла въ дорогѣ. Но самъ Александръ Даниловичъ въ ссылкѣ явился философомъ, какимъ не всегда былъ въ счастіи. При арестѣ у него было отобрано 14 милл. рублей и 105 фунт. золота въ вещахъ (3). Онъ получалъ еще по 10 руб. въ день содержанія, что позволяло ему жить въ березовскомъ острогѣ почти роскошно, но онъ сталъ какъ будто тѣмъ же опять Александромъ Меньшиковымъ, котораго когда-то встрѣтилъ Петръ въ мальчикѣ-пирожникѣ и въ молодомъ слугѣ Лефорта. Онъ отпустилъ бороду, взялся за топоръ и самъ помогъ выстроить возводившуюся на иждивеніе его церковь, по сосѣдству съ острогомъ.

---

(1) Herrmann, IV. 513.
(2) Herrmann, IV, 515—516.
(3) Бантышъ-Каменскій, Біограф. генералис. I, 115.

Навсегда ли стихло въ немъ честолюбіе? Примирился ли онъ съ своею участью? Нѣтъ. Если вѣрить врагамъ его, подметное письмо въ его пользу подброшено было въ Кремлѣ не безъ его участія. Говорили, что Меньшиковъ далъ 1,000 ефимковъ духовнику вдовствовавшей царицы Евдокіи Ѳедоровны (1), и письмо, предостерегавшее Петра противъ его новыхъ любимцевъ и напоминавшее ему о заслугахъ Меньшикова, было слѣдствіемъ этой сдѣлки. Съ этого времени узника стѣснили еще болѣе. Объявлена была смертная казнь каждому, кто будетъ сноситься съ ссыльными (2). Но Меньшиковъ уже не долго жилъ послѣ этого. Онъ самъ себѣ столько разъ пускалъ кровь, что наконецъ ослабѣлъ, и не хотѣлъ обратиться къ докторской помощи, не хотѣлъ ни съ кѣмъ говорить, и даже, какъ говорятъ, ускорилъ свою смерть, отказавшись отъ пищи.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Березовъ, умерла и бывшая царская невѣста. Есть преданіе, что въ Березовъ тайно пріѣхалъ взявшій заграничный паспортъ князь Ѳедоръ Долгорукій и женился на Марьѣ Александровнѣ Меньшиковой (3). Плодомъ этого брака было рожденіе двухъ малютокъ, двойни, стоившее жизни матери. Малютки также умерли и гробики ихъ опустили на гробъ матери, въ одну могилу. Въ 1825 г., почти сто лѣтъ спустя послѣ смерти ихъ, прахъ матери и ея малютокъ былъ потревоженъ (4). Гражданскому губернатору Бантышу-Каменскому хотѣлось отыскать могилу Меньшикова. Исправникъ Андреевъ началъ исполнять съ плеча губернаторское приказаніе. 30 іюля, въ жаркій лѣтній день, начали копать могилу, которая, по мнѣнію казака Шахова, была могилою Меньшикова. Скоро откапали два маленькіе гробика, поставленные на большомъ кипарисномъ. Въ гробикахъ были кости младенцевъ, уцѣлѣвшіе отъ тлѣнія шелковые головные вѣнчики, и зеленый атласъ, которымъ младенцы очевидно были покрыты. Бывшій внизу большой кипарисный гробъ, также крытый краснымъ

(1) Запис. дюка Лир., 29.
(2) Galitzin, 310.
(3) Абрамовъ, Описаніе Березовскаго края.
(4) Ibid.

сукномъ, съ большимъ крестомъ наверху изъ серебрянаго позумента, оказался выдолбленнымъ, большимъ, въ сажень длины, обрубкомъ кипариса, оставшимся невыдолбленнымъ по четверти вверху и внизу. Если принять во вниманіе толщину гроба и то, что онъ стоялъ ниже гробиковъ, въ слоѣ почвы, остающемся постоянно замерзшимъ, то неудивительно, что когда открыли гробъ, то на зеленомъ атласѣ, сложенномъ вдвое и покрывавшемъ покойницу (это было тѣло Марьи Александровны Долгорукой), оказался слой льда въ вершокъ толщиною. Этотъ ледъ предохранилъ трупъ отъ гніенія и онъ оказался мало попортившимся: лице было бѣло, лишь отчасти синевато, зубы сохранились вполнѣ; на головѣ былъ подвязанный лентою подъ подбородкомъ шелковый капоръ; на лбу покойницы былъ шелковый вѣнчикъ. Одѣта она была въ шелковый шлафрокъ изъ матеріи красноватаго цвѣта. Башмаки на ней были съ высокими съуживавшимися внизу каблуками и съ острыми передками изъ шелковой маяровой матеріи. Тѣло цѣлый день, въ жаркую лѣтнюю пору, оставалось открытымъ и, конечно, почернѣло и предалось тлѣнію. Исправникъ донесъ губернатору, что онъ не ручается, чтобы отрытое тѣло было тѣло Меньшикова. Дѣйствительно, трудно было поручиться за это; если не исторія и преданія, то женская одежда на трупѣ ручалась за то, что это не былъ трупъ мужчины. Какъ ни странно покажется это, но въ январѣ 1827 г., полтора года спустя, опять потревожено было тѣло бывшей невѣсты Петра II, потому что все еще не убѣдились, что это не было тѣло Меньшикова. Бантышъ-Каменскій, прибывъ въ Березовъ, приказалъ вновь разрыть могилу при себѣ. Тѣло, конечно, теперь уже предалось тлѣнію и еще труднѣе было узнать то, что казалось труднымъ прежде. Сомнѣнія еще болѣе усилились, когда инспекторъ врачебной управы Альбертъ, спускавшійся въ могилу, заявилъ, что онъ ощупалъ лице покойника и чувствовалъ, что борода колола руку. Или инспекторъ ошибся въ ощущеніяхъ, или на женскомъ лицѣ отросъ мелкій волосъ послѣ смерти, но все же это не былъ трупъ Меньшикова. Тотъ, наконецъ, и не брилъ бороды въ изгнаніи. Немного побольше знанія исторіи и прахъ страдалицы, за вины другихъ, не былъ бы напрасно потревоженъ.

Великая княжна Наталья Алексѣевна.

Въ 12 лѣтнемъ Петрѣ II современники видѣли зародышъ тѣхъ же достоинствъ и недостатковъ, которые характеризовали его дѣда Петра I. Умный, живой, быстро схватывавшій что ему передавалось, внукъ даже по физическому развитію напоминалъ дѣда. Онъ былъ высокъ и сильно сложенъ не по лѣтамъ и хотя послѣ безсонныя ночи, проведенныя имъ въ катаніи по улицамъ съ своимъ другомъ Долгорукимъ и безпрестанное занятіе охотой сдѣлали его загорѣвшее лице нѣсколько худощавымъ, но онъ по наружности все-таки казался нѣсколькими годами старше своего возраста. По лицу блондинъ съ голубыми глазами, внукъ менѣе имѣлъ сходства съ брюнетомъ дѣдомъ. Но особенное сходство замѣчали въ привычкахъ того и другаго. Внукъ, подобно дѣду, былъ весьма самолюбивъ, хотѣлъ, чтобы все дѣлалось по его желанію, выслушивалъ совѣты, но дѣлалъ все-таки по своему ([1]). Особенностью молодаго Петра было то, что въ немъ замѣчали болѣе симпатіи къ окружающимъ ([2]) и онъ былъ щедръ почти до расточительности. Но въ мальчикѣ, едва начинавшемъ входить въ юношескій возрастъ, это было весьма естественно. Извѣстныя слова Петра II въ сенатѣ о томъ, что онъ подобно Веспасіану постарается, чтобы никто не выходилъ отъ него съ опечаленнымъ лицомъ, очень вѣроятно были навѣяны уроками исторіи, но въ нихъ могло быть отраженіе и его собственнаго складывавшагося взгляда на вещи. Къ сожалѣнію, его слишкомъ скоро сдѣлали самостоятельнымъ; люди сдѣлали его взрослымъ, когда онъ самъ чувствовалъ себя еще ребенкомъ. Изъ него могъ выйдти очень способный и дѣльный правитель, если бы до извѣстнаго возраста онъ оставался подъ разумною и дѣльною опекою. Но ребенокъ былъ слишкомъ рано поставленъ на свои ноги. Зачатки хорошаго стали въ немъ глохнуть; начала дурнаго быстро пустили ростки. Онъ

---

(1) Herrmann, IV. 520.
(2) Weber, III. 92.

сталъ своенравенъ, рѣзокъ въ обращеніи съ окружающими, находилъ удовольствіе въ доставленіи окружающимъ напрасныхъ хлопотъ (1). При Меньшиковѣ онъ еще былъ до нѣкоторой степени стѣсненъ. Верховный совѣтъ написалъ для него даже правила ученья (2). Занятія были распредѣлены по программѣ верховнаго совѣта съ точки зрѣнія здравой педагогіи довольно странно. Въ понедѣльникъ утромъ, молодаго императора учили древней исторіи, а во вторникъ утромъ — новой, которую довольно трудно понять, не освоившись съ древней и средней. На остальные предметы ученія обращено было самое поверхностное вниманіе. Но за то, ученику-императору тщательно было предписано когда играть въ воланы и когда на бильярдѣ. Не видно ни изъ чего впрочемъ, чтобы правила верховнаго совѣта исполнялись даже въ полновластіе Меньшикова. Главный наставникъ Петра, Остерманъ былъ не изъ тѣхъ, кто рѣшился бы побудить своего ученика учиться строгими мѣрами. Онъ совѣтовалъ, но совѣты не всегда выслушивались чтобы исполняться. Петръ немного учился, и при хорошихъ способностяхъ скоро усвоивалъ себѣ выученное; остальное время проводилъ онъ въ прогулкахъ, въ обученіи набранной для него роты кадетъ, чѣмъ онъ занимался три раза въ недѣлю (3); въ игрѣ въ карты съ великими княжнами. По паденіи Меньшикова, онъ совершенно бросилъ ученіе. Остерманъ совѣтовалъ, говорилъ даже по поводу вѣтрянаго, ребяческаго поведенія Петра, что онъ не можетъ долѣе оставаться его гофмейстеромъ и наставникомъ, что Петръ самъ, придя въ возрастъ, велѣлъ бы казнить его, если бы онъ теперь не останавливалъ его. Петръ выслушалъ наставника, обнялъ его, просилъ остаться при немъ, но продолжалъ вести себя по прежнему. Не будемъ однако строги къ молодому Петру. Дурное сообщество дѣйствуетъ и не на однихъ дѣтей; тѣмъ болѣе оно могло повліять на 13—14 лѣтняго Петра. Любимецъ его, князь Иванъ Долгорукій былъ положимъ въ извѣстной степени „добрый малый“,

(1) Чтенія 1858. III, Мат. Отеч. 50—54.
(2) Herrmann, IV, 512, 520.
(3) Weber, III. 106.

въ принятомъ смыслѣ этого слова, то есть не могъ внушить своему другу ничего гадкаго, противнаго законамъ чести, но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ человѣкъ безхарактерный, пустой, недальняго ума и образованія. Позже въ немъ явилась искра истиннаго чувства, когда онъ сблизился съ своею невѣстою, Натальею Борисовною Шереметьевою, но когда онъ, 18 лѣтній юноша, впервые сошелся съ Петромъ—это былъ вѣтренникъ, проводившій ночи въ оргіяхъ, катавшійся съ Петромъ иногда всю ночь и ложившійся спать лишь въ 7 часовъ утра (¹). Послѣ, когда ему внутреннее ли чувство подсказало, что онъ вредно дѣйствуетъ своимъ примѣромъ на друга, или просто ему хотѣлось кутить одному, онъ поотсталъ отъ Петра, но тѣмъ было едва ли не хуже для послѣдняго, потому что отецъ князя Ивана, князь Алексѣй Долгорукій, теперь второй гофмейстеръ Петра, былъ для молодаго императора еще болѣе опасный собесѣдникъ. Если относительно Ивана Долгорукова, едва ли не какъ главный фактъ, свидѣтельствующій о его заслугахъ предъ императоромъ и имперіей, можно привесть то, что онъ разъ укусилъ Петра за ухо, когда тотъ подписывалъ смертный приговоръ—чтобы показать, хотя отчасти, какъ больно тому, кому отрубаютъ голову (²), то по крайней мѣрѣ онъ не хотѣлъ быть орудіемъ въ рукахъ своихъ родственниковъ, для достиженія ихъ корыстныхъ цѣлей. Напротивъ, остальные Долгорукіе, окружавшіе теперь Петра, достигали исключительно своихъ цѣлей. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Петру нашептывали, что ему—самодержавному царю—не надобно учиться. Чтобы быть орудіемъ въ рукахъ другихъ, ученіе дѣйствительно совсѣмъ лишнее. Съ другой стороны окружающимъ императора, какъ скоро они составляли планъ пріобрѣсти вліяніе на дѣла, надобно было отклонить Петра отъ заботъ правленія. Средствомъ для этого были избраны развлеченія и преимущественно охота. Алексѣй Долгорукій былъ страстный охотникъ и пристрастилъ къ охотѣ Петра. Напрасно изъ Петербурга, отъ верховнаго совѣта, слались гонцы за гонцами въ Петергофъ. Петру нѣкогда было ѣхать за-

(¹) Herrmann, IV. 513.
(²) Русскій Архивъ 1867, 9—10.

ниматься дѣлами въ столицу. Онъ былъ гдѣ нибудь на охотѣ. Правила, составленныя въ верховномъ совѣтѣ для наставниковъ молодаго императора въ распредѣленіи его ежедневныхъ занятій, упоминали между прочимъ и о томъ, чтобы въ среду и пятницу, на каждой недѣлѣ, императоръ присутствовалъ въ верховномъ совѣтѣ и на эти дни для него уроковъ по утру не полагалось. Петръ сначала дѣйствительно бывалъ въ эти дни въ совѣтѣ и между прочимъ въ протоколѣ одного изъ засѣданій совѣта мы находимъ распоряженіе, чтобы для императора была приготовлена ландкарта, при помощи которой онъ могъ бы легче слѣдить за чтеніемъ дѣлъ (¹). Теперь посѣщенія совѣта были оставлены, и тѣмъ легче Долгорукимъ было вершить дѣла по своему усмотрѣнію.

Но еще не вся надежда была потеряна. Можно было думать, что Петръ переживетъ этотъ трудный періодъ своего юношества, не подвергшись окончательно порчѣ и, когда внутренній человѣкъ въ немъ откроетъ глаза, онъ увидитъ кѣмъ онъ былъ окруженъ и съумѣетъ отличить проныръ, искавшихъ лишь собственныхъ выгодъ, отъ людей заботившихся о пользѣ его и государства. Порукою за исполнимость этой надежды была сестра Петра, великая княжна Наталія Алексѣевна. Она была добрый геній любившаго ее брата и, если для Россіи не разомъ, по паденіи Меньшикова, наступило время верховничества Долгорукихъ, то виновницей этого дѣла была она.

Наталья Алексѣевна была годомъ старше брата, но какъ физическое и духовное здоровіе дѣвушки идетъ быстрѣе, чѣмъ мальчика, то Наталья Алексѣевна по духовному развитію навѣрно была двумя-тремя годами старше Петра. Не обладая красивою и даже привлекательною наружностію, Наталья Алексѣевна была за то умственно замѣчательно развита для своего возраста. Эта любезная въ обращеніи, остроумная, любившая чтеніе, дѣвушка была далеко не ребенкомъ, когда братъ ея вступилъ на престолъ. Въ ней сложился уже самостоятельный характеръ и внѣшнимъ вліяніямъ не такъ легко было вредно отозваться на немъ. Она поняла, что

(¹) Чтенія 1858, III, Мат. отеч. 59.

между окружающими брата всѣхъ полезнѣе ему Остерманъ, и между старымъ дипломатомъ и молодою великою княжною установился родъ союза, который въ данную минуту могъ сдѣлаться союзомъ спасенія для Россіи, начавшей испытывать бремя верховничества. Но великой княжнѣ не суждено было достаточно долго прожить, чтобы это могло совершиться.

Петръ любилъ сестру, вліяніе ея на него было сильно, слѣдовательно Остерману еще нельзя было терять надежды на возвращеніе царственнаго ученика на истинный путь. Долгорукимъ надобно было отстранить Наталью отъ брата—тогда только они могли ожидать успѣха своихъ плановъ. Поѣздка въ Москву на коронацію Петра представляла къ этому самый удобный случай. Коронацію пришлось на нѣсколько времени отложить, потому что еще не возвращались русскіе купцы, поѣхавшіе въ Ліонъ для закупки штофныхъ и другихъ матерій (1), но при всемъ томъ надобно было наконецъ собираться въ Москву. Остерманъ и Наталья Алексѣевна могли предвидѣть слѣдствія этой поѣздки для императора и для усиленія власти Долгорукихъ, но избѣжать ея было невозможно. Надобно было по крайней мѣрѣ употребить всѣ старанія, чтобы эта отлучка изъ Петербурга не была продолжительна.

Переѣхалъ дворъ въ Москву и опасенія Остермана и Натальи оправдались. Долгорукіе почти вполнѣ завладѣли Петромъ (2). Алексѣй Долгорукій былъ человѣкъ пустой и ему можетъ быть, даже при всемъ расположеніи Петра къ охотѣ, не пріобрѣсти было бы такого вліянія на молодаго императора, но за ограниченными и необразованными родственниками стоялъ опытный и хитрый, оборотливый и образованный Василій Лукичь Долгорукій и руководилъ всѣмъ. Положено было устранить посѣщенія императора къ его любимой теткѣ Елизаветѣ Петровнѣ, такъ какъ она тоже была на пути Долгорукихъ и для этого Алексѣй Долгорукій устроилъ ежедневныя поѣздки Петра въ Измайлово, гдѣ все время проходило въ развлеченіяхъ и забавахъ. Наталью Алексѣевну отдаляли отъ

(1) Записки дюка Лирійскаго, 14.
(2) La Cour. 5.

брата уже однѣ частыя поѣздки его на охоту. Ѣздя съ нимъ на охоту, она и такъ уже разстроила себя, и здоровье ея стало возбуждать опасенія. Она была въ томъ переходномъ для дѣвушки періодѣ физіологической жизни, когда такой сильный моціонъ положительно вреденъ, а между тѣмъ, если бы она не ѣздила съ братомъ, то видѣла бы его еще меньше и еще больше онъ былъ бы открытъ вредному вліянію другихъ.

Долгорукіе торжествовали. Прошла коронація, а дворъ все оставался въ Москвѣ. Подъ предлогомъ, что климатъ Москвы лучше петербургскаго и что въ окрестностяхъ Москвы больше мѣстъ удобныхъ для охоты, возвращеніе въ Петербургъ было отложено, а затѣмъ даже вышелъ указъ, грозившій кнутомъ каждому, кто намекнетъ о возвращеніи двора въ сѣверную столицу (1). Это значило, что вліяніе Остермана и Натальи Алексѣевны ослабѣло.

Впечатлительная натура Натальи Алексѣевны не могла перенести мысли, что братъ промѣнялъ ея сообщество на прогулки, поѣздки и охоту съ Долгорукимъ и ему подобными личностями (2). Она начала грустить и чахнуть. Думали, что у нея чахотка, но у нея начиналось то истощеніе силъ, которое у сильныхъ натуръ всегда слѣдуетъ за душевнымъ потрясеніемъ. Къ этому присоединилось то, что помѣщеніе въ старинномъ дворцѣ было далеко не изъ очень здоровыхъ. Здоровіе великой княжны разрушалось уже нѣсколько времени, но никого не было, кто бы позаботился о немъ, не было въ блестящей сферѣ придворныхъ говоруновъ и ласкательницъ ни одной сострадательной души, которая откликнулась бы на положеніе молодой дѣвушки, приняла бы въ немъ участіе. Наталья, среди фрейлинъ и кавалеровъ двора, была совершенно одна. Былъ у нея искренній другъ—Остерманъ, но что онъ, мужчина, заваленный дѣлами, могъ сдѣлать для облегченія сердца, нуждавшагося теперь въ женской, родной, материнской заботливости! Онъ только плакалъ, когда болѣзнь Натальи приняла опасный оборотъ (3). Былъ около

---

(1) Herrmann, IV, 524.

(2) Записки дюка Лир. 31, 32. Herrmann, IV, 527.

(3) Ibid. 44.

Натальи въ то время другой опытный наблюдатель — психологъ, угадавшій истинную причину болѣзни великой княжны. Это былъ иностранецъ, герцогъ Лирійскій. Онъ совѣтовалъ ее поить женскимъ молокомъ; совѣтъ его былъ исполненъ лишь четыре мѣсяца спустя, Вообще, казалось, все сговорилось, чтобы какъ можно скорѣе положить конецъ этой молодой жизни. Докторъ Бидло пустилъ кровь Натальи, безъ того уже ослабѣвшей силами. Наконецъ физическая природа больше не вынесла. Больной стало разъ какъ будто лучше. Она встала, помолилась Богу, затѣмъ легла и тихо, безъ страданій, скончалась. Никого не было у постели умиравшей. Пять курьеровъ было послано одинъ за другимъ къ Петру, бывшему на охотѣ ([1]). Наконецъ онъ пріѣхалъ, поплакалъ, переѣхалъ въ другой дворецъ и все пошло по прежнему. Впрочемъ буквально говоря, мы ошиблись, сказавъ, что никого не было у постели умиравшей. Тутъ были камеръ-юнгферы Натальи — Крамеръ и Каро, и они могли даже не безъ вниманія слѣдить за ходомъ болѣзни ея, потому что едва умерла Наталья, какъ они подѣлились между собою изъ ея вещей чѣмъ можно было, не возбудивъ подозрѣнія ([2]).

Неутѣшнѣе другихъ былъ Остерманъ о смерти Натальи. Онъ сидѣлъ дома и не принималъ самыхъ довѣренныхъ лицъ. Только чрезъ нѣсколько дней можно было убѣдиться, какое сильное потрясеніе пережилъ старикъ-министръ. Съ Натальею онъ хоронилъ свои надежды на то, что Петру удастся оттолкнуть недостойныхъ любимцевъ. Дѣло Петра I было въ опасности; крайняя русская партія готовилась восторжествовать; иностранцы теряли въ Натальѣ свою постоянную заступницу. Остерманъ понималъ, что единственною выгодою для Россіи было примиреніе старыхъ порядковъ съ введенными Петромъ I. Теперь отъ петровскаго стремленія во всемъ за западомъ готовились обратиться къ другой крайности—къ государственнымъ формуламъ, выработаннымъ старинною Московіею.

Съ Натальею отлетѣлъ въ другой міръ послѣдній добрый геній Петра II.

([1]) Herrmann, IV, 509.
([2]) Herrmann, IV, 530.

Господство Долгорукихъ.

Со смертію Натальи, Петръ былъ совершенно въ рукахъ Долгорукихъ. Остерманъ, всегда осторожный и лавировавшій, махнулъ рукой и, предоставивъ Долгорукимъ полную свободу, оставался гофмейстеромъ и наставникомъ молодаго императора лишь по названію. Отъ Елизаветы Петровны успѣли отдалить Петра и у той, благодаря Долгорукимъ, иногда не было пива для прислуги въ домѣ. Никто не стоялъ на пути временьщиковъ. Вѣрнымъ средствомъ для держанія Петра въ своей власти они, по прежнему, считали поѣздки изъ Москвы, иногда очень отдаленныя. Охота конечно представляла самый удобный случай. Ѣздилъ императоръ на охоту даже въ Тульскую губернію и говорятъ, что городъ Чернь, въ этой губерніи, получилъ даже благодарственный рескриптъ за своихъ русаковъ (1). У императора была свора изъ 620 борзыхъ и гончихъ собакъ. Въ одномъ октябрѣ 1729 г. было затравлено 4000 зайцевъ, 50 лисицъ, 5 волковъ и 3 медвѣдя (2). Всѣ эти облавы и преслѣдованія, этотъ міръ гончихъ и кругозоръ борзыхъ, могли быть по силамъ взрослымъ и такимъ привычнымъ охотникамъ, каковы были Долгорукіе, но они истомляли 14 лѣтняго юношу-императора. Наконецъ охота ему надоѣла. Быть можетъ въ головѣ его блеснула мысль, что эта охота—лишь отводъ, что его намѣренно заставляютъ заниматься пустяками. Какъ бы то ни было, но онъ раздарилъ своихъ собакъ и, когда другіе выѣзжали на охоту, оставался дома (3).

Долгорукіе увидѣли, что если они не найдутъ другаго средства привязать къ себѣ императора крѣпкими узами, то господство ихъ можетъ быть непродолжительно. Объ этомъ другомъ средствѣ думали еще прежде. Еще 2 декабря 1728 г. Лефортъ, польскій и сак-

(1) Русскій Архивъ, 1864, 30.
(2) Herrmann, IV, 532.
(3) Herrmann, IV. 533.

сонскій посланникъ при русскомъ дворѣ, писалъ своему двору, что Алексѣй Долгорукій расчитываетъ видѣть одну изъ своихъ дочерей за императоромъ (1). Лефортъ, жившій долго въ Россіи, племянникъ знаменитаго сподвижника Петра I, александровскій кавалеръ, человѣкъ хорошо знавшій Россію и превосходно изучившій интриги двора, безъ труда могъ угадать то, о чемъ въ то врамя явно еще не говорилось. Смерть Натальи Алексѣевны послужила сигналомъ къ обнаруженію плана временьщиковъ.

У Алексѣя Григорьевича Долгорукаго было большое семейство. Изъ дочерей его, Екатерина и Елена были уже въ томъ возрастѣ, когда выходятъ за-мужъ, или думаютъ о женихахъ. Алексѣй Григорьевичъ вознамѣрился идти по пути Меньшикова и выдать свою дочь за императора. Точность въ слѣдованіи примѣру сосланнаго свѣтлѣйшаго князя простиралась до того, что Алексѣй Григорьевичъ также не зналъ какую дочь ввести въ кругъ царской фамиліи и лишь послѣ остановился выборомъ. Екатерина, старшая изъ двухъ, воспитывалась съ братомъ Иваномъ въ Варшавѣ у дѣда. Переѣхавъ въ Москву, она, конечно, уже не была старинною дѣвушкою-затворницею, а скорѣе полькою новаго времени. Красавица собою, она обладала вмѣстѣ и характеромъ, который всего менѣе могъ сдѣлать ее стыдливою затворницею. Семнадцати лѣтъ она уже любила взаимно молодаго секретаря германскаго посольства, Милезино, а нѣсколько спустя, если вѣрить свидѣтельству иностранцевъ, носила въ себѣ плодъ любви конногвардейца Миктерова (2). Честолюбивая, съ сильнымъ, рѣшительнымъ характеромъ, она въ глазахъ родныхъ могла быть какъ разъ кандидаткою въ супруги Петра, но тотъ же строптивый, себялюбивый характеръ ея заставлялъ опасаться, чтобы при случаѣ не пришлось отъ нея худо и своимъ кровнымъ. По крайней мѣрѣ она до того пришла въ негодованье на брата Ивана за то, что ей не отдали драгоцѣнностей, оставшихся послѣ великой княжны Натальи Алексѣевны, что поклялась въ ненависти къ нему (3). Впослѣдствіи, какъ увидимъ далѣе, она

(1) Herrmann, 529—530.
(2) Herrmann, IV, 542.
(3) Herrmann, IV, 536.

приняла на душу еще болѣе тяжкое дѣло въ отношеніи братьевъ. Словомъ, если въ одномъ отношеніи ея семья желала видѣть ее на престолѣ, то въ другомъ были причины, заставлявшія иныхъ изъ Долгорукихъ предпочесть ея сестру. Выборъ однако остановился на ней.

Все это обсуждалось и дѣлалось безъ вѣдома Петра, но какъ скоро планъ былъ готовъ и оставалось привести его въ исполненіе, то и ему, вѣроятно, не трудно было замѣтить, къ чему клонятся цѣли окружавшихъ его доброхотовъ. Его возили въ помѣстье Долгорукихъ, с. Горенки, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы. Тамъ встрѣчала его вся семья Алексѣя Григорьевича, и конечно, княжонъ — дочерей его ставили на первомъ планѣ. Потомъ стали возить княжонъ и на охоты, на которыя ѣздилъ Петръ. Но Петръ, хотя и заказывалъ для сада въ Горенкахъ статуи изъ дербентскаго алебастра, но очень мало цѣнилъ прелести княжонъ Долгорукихъ. Противъ него устроивалась своего рода облава, и онъ видимо тяготился ею. У него разъ вырвалось даже замѣчаніе, которое истолковали въ смыслѣ очень неблагопріятномъ Долгорукимъ. Послѣ одной изъ охотъ, придворные ласкатели разсыпались въ похвалахъ неустрашимости и ловкости императора. Тотъ хладнокровно замѣтилъ на это, что съ нимъ не только бываетъ большая свора собакъ, но что за нимъ всюду слѣдуютъ по пятамъ еще четыре двуногихъ собаки. Прежде чѣмъ ошеломленные придворные рѣшили кто бы могли быть эти собаки — и каждому могло сдаваться не онъ ли въ числѣ ихъ — императоръ всталъ и ушелъ (1).

Петръ не считалъ нужнымъ скрывать свою холодность къ княжнамъ Долгорукимъ. Разъ при дворѣ играли въ фанты — чей фантъ вынется, что тому дѣлать? Предложено было поцѣловать одну изъ княжонъ Долгорукихъ. Случилось ли такъ, или такъ было устроено, только вынулся фантъ Петра. Тотъ, не говоря ни слова, выходитъ изъ комнаты, садится на лошадь и былъ таковъ (2). Слышали отъ него и то, что онъ женится лишь въ зрѣломъ возрастѣ

(1) Herrmann, IV, 533.
(2) Ibid.

на иностранной принцессѣ (1). И однакожъ прошло нѣсколько дней послѣ приведеннаго случая съ фантомъ, какъ объявляется обрученіе императора съ Екатериною Алексѣевною Долгорукою. Какая перемѣна произошла въ Петрѣ? Откуда это неожиданное рѣшеніе? Что это рѣшеніе было неожиданно, мы видимъ и изъ того, что къ нему не былъ приготовленъ даже Остерманъ. Когда иные изъ иностранныхъ посланниковъ, слѣдя за ходомъ интриги Долгорукихъ, считали себя въ правѣ писать своимъ дворамъ, что бракъ императора съ княжною Долгорукою неизбѣженъ, другіе представители иностранныхъ дворовъ обращались съ запросами, по тому же предмету, къ Остерману и вице-канцлеръ положительно говорилъ, что этому браку не бывать (2). Остермана знали за человѣка нелюбящаго бросать слова на вѣтеръ, и потому лица, освѣдомлявшіяся у него, сообщали своимъ дворамъ, что бракъ императора съ княжною Долгорукою не состоится. Такимъ образомъ въ западную Европу шли двѣ разныя вѣсти. Когда день обрученія былъ объявленъ—германскій посланникъ Вратиславъ, сообщившій своему правительству о бракѣ какъ о рѣшенномъ дѣлѣ, могъ подсмѣиваться надъ прозорливостью русскаго министра, но дальнѣйшій ходъ событій показалъ, что всетаки онъ ошибся, а Остерманъ былъ правъ.

Петръ попросилъ руки Екатерины 29 ноября 1729 г. Въ это время, онъ больной лежалъ въ постели. Вокругъ него никого не было, кромѣ Долгорукихъ. Кто знаетъ, какія мысли бродили въ умѣ больнаго юноши? Онъ былъ тутъ одинъ, среди доброхотовъ, думавшихъ лишь о своихъ цѣляхъ... Онъ протягиваетъ руку Алексѣю Долгорукому и проситъ о рукѣ его дочери (3). Возможно-ли такое счастіе! Любящій родитель на колѣняхъ предъ своимъ монархомъ,—ему остается лишь благодарить за оказываемую его дому великую честь.—Но, гдѣ же Катенька? Надобно, по крайней мѣрѣ, хотя для формы, спросить и о ея согласіи. Но можетъ ли тутъ быть рѣчь о несогласіи? Счастливый папà вводитъ Катеньку. Та смуще-

(1) Herrmann, IV, 532.
(2) Записки дюка Лирійскаго, 66.
(3) Weber, III, 173.

на, краснѣетъ. Быть можетъ ей пришли тутъ на умъ опасенія, которыя выражали прежде она и сестра ея, что которой изъ нихъ не быть невѣстой императора—все равно, избранную ждетъ конецъ жизни въ монастырѣ (1). Наконецъ, въ голубыхъ глазахъ красавицы Екатерины Долгорукой свѣтился невсегда огонь смѣлой рѣшимости характера и презрѣнія къ окружающему. Иногда въ нихъ появлялась тихая задумчивость. Это была дѣвушка съ сердцемъ. Намъ ее описываютъ дѣвушкою умною, образованною и любезною. Въ ея недостаткахъ можно было скорѣе видѣть вліяніе дурной семьи. Быть можетъ краска въ лицѣ ея была вызвана сознаніемъ, что она играетъ не очень достойную роль въ этой комедіи. Но все уже было рѣшено заранѣе. Екатерина не смѣетъ возражать противъ воли своего монарха. Она—его невѣста.

Прежде чѣмъ мы обвинимъ эту дѣвушку въ неограниченномъ честолюбіи, заставившемъ ее противъ собственнаго сердца отдать руку молодому императору, вчитаемся внимательнѣе въ записки лэди Рондо (2). Женщина успѣла подглядѣть и понять то, чего не видали мужчины, и она, судья конечно безпристрастный въ этомъ дѣлѣ, видитъ въ Екатеринѣ Долгорукой не честолюбивую личность, строившую планы въ будущемъ, а жертву. И все говоритъ въ подтвержденіе этого взгляда. Если бы Екатерина Долгорукая хотѣла нѣсколько ранѣе подарить русскую исторію Екатериною II Алексѣевною, или если бы она питала хотя и менѣе честолюбивые планы, то, вступая въ предложенный бракъ съ расчетомъ, она притворялась бы любящею, нѣжною, старалась бы преклонить холоднаго жениха на милость, чтобы если и не достигнуть этого, то по крайней мѣрѣ въ глазахъ другихъ быть примѣрною невѣстою и, если судьба рѣшитъ—женою. По крайней мѣрѣ 15 лѣтъ спустя подобнымъ образомъ поступала другая Екатерина Алексѣевна, невѣста и послѣ супруга другаго Петра. Мы сейчасъ увидимъ, какъ держала себя Екатерина Долгорукая.

---

(1) Herrmann, IV, 533.
(2) Rondeau, 18—22.

Государыня-невѣста Екатерина Алексѣевна.

Во дворцѣ торжество. Въ парадной залѣ, полъ которой покрытъ роскошнымъ персидскимъ ковромъ, стоитъ столикъ съ двумя золотыми блюдами и крестомъ на немъ. На блюдахъ лежатъ обручальныя кольца. Новгородскій архіепископъ готовится совершать обрученіе молодаго императора съ Екатериною Алексѣевною Долгорукою (1). Шесть генералъ-маіоровъ держатъ на серебряныхъ шестахъ серебряный съ золотыми узорами парчевой балдахинъ. Подъ нимъ будетъ стоять обручающаяся чета. Кромѣ императорскаго кресла, близъ столика тутъ стоятъ еще два, обитыя зеленымъ бархатомъ— для вдовствующей царицы и для невѣсты государя. Сзади ихъ стоятъ обитые зеленымъ же бархатомъ табуреты для остальныхъ членовъ царской фамиліи. Далѣе, сзади, отведено мѣсто для родственниковъ государевой невѣсты. Посланники иностранныхъ дворовъ и вся знать приглашены на торжество. Военныя почести болѣе чѣмъ не забыты. Вмѣсто одной роты Преображенскаго полка, введено во дворецъ три. Самъ фельдмаршалъ, Василій Владиміровичъ Долгорукій удивился, увидавъ гренадерскую роту Преображенцевъ, входившую во дворецъ; онъ ничего не зналъ о такомъ распоряженіи (2). Еще болѣе удивились бы присутствующіе, еслибы они знали, что при отходѣ войскъ во дворецъ имъ было сказано, чтобы они лучше зарядили ружья (3). Все это было сдѣлано на собственной отвѣтственности кн. Иваномъ Долгорукимъ, и это одно достаточно характеризуетъ ограниченнаго и опрометчиваго царскаго любимца. Въ такой мѣрѣ рѣшительно не было никакой надобности.

Прибыла невѣста и была торжественно встрѣчена членами царскаго семейства на лѣстницѣ; Екатерина Алексѣевна была сдержанна, но блѣдный и потупленный въ землю взоръ ея обличалъ

---

(1) Galitzin, 318—320.

(2) Записки дюка Лир. 68—69.

(3) Herrmann, IV, 576.

волненіе. Начался обрядъ обрученія. Послѣ него Петръ надѣлъ на руку невѣсты свой портретъ. Затѣмъ послѣдовало цѣлованіе руки. Петръ высокій и плотно сложенный не по лѣтамъ, но худой и загорѣвшій, въ бѣломъ шелковомъ кафтанѣ съ серебряною отдѣлкою, держалъ правую руку невѣсты и давалъ ее цѣловать подходившимъ. Всѣ присутствовавшіе, за исключеніемъ бабки царской, цѣловали эту руку. Большая, если не небывалая, почесть была оказана княжнѣ, входившей въ кругъ царскаго семейства; кромѣ вдовствующей царицы, прочіе члены императорской фамиліи сидѣли на табуретахъ, когда она на креслѣ, и теперь должны были цѣловать ей руку (1). Что касается царицы Евдокіи, то ни Петръ, ни покойная сестра его Наталія, не оказывали ей личнаго расположенія; Наталья, отправляясь къ ней, брала съ собою Елизавету Петровну (2); Петръ всегда хотѣлъ, чтобы при свиданіяхъ его съ бабушкою было третье лице (3). Это приписывали желанію ихъ не входить съ бабушкою въ разговоры о государственныхъ дѣлахъ, и дѣйствительно, живые, черные, проницательные глаза старушки Евдокіи, сильно пополнѣвшей, но еще не вполнѣ утратившей слѣды прежней красоты, могли заставлять думать, что мірскіе помыслы не совсѣмъ были оставлены бывшею старицею Еленою, для которой прежде, при жизни супруга, мясо заменивалось въ монастырѣ „рыбою", а теперь, при внукѣ-императорѣ, дѣвичій монастырь превращенъ былъ въ царскій дворецъ. Если ей оказывалась при настоящемъ торжествѣ почесть, какой не удостоились прочіе члены царскаго семейства, то этого требовалъ этикетъ.

Блескъ торжества не уменьшалъ неловкости положенія жениха и невѣсты. Они не любили другъ друга и не скрывали этого одинъ отъ другаго. Они лишь автоматически исполняли тутъ то, что предписывала форма, и можетъ быть торжество прошло бы обычнымъ порядкомъ, если бы не одно непредвидѣнное обстоятельство: Какой злой геній подтолкнулъ секретаря германскаго посольства

---

(1) Долгорукій, 114.
(2) Herrmann, IV, 523.
(3) Записки дюка Лир., 25.

Милезино подойдти въ числѣ другихъ къ рукѣ невѣсты? Онъ долженъ былъ избавить ее отъ этого испытанія. Еще недавно они передавали другъ другу свое отчаяніе по поводу разлучавшаго ихъ предложенія императора... Краска бросилась въ лице Екатерины, опущенные глаза ея поднялись, она вырвала руку изъ руки молодаго жениха и сама дала поцѣловать ее своему возлюбленному. Императоръ-женихъ смутился и покраснѣлъ, но скоро замѣшательство жениха и невѣсты уступило мѣсто прежнему холодному и монотонному исполненію церемоніала (1).

Этотъ случай, придавшій столько горькаго драматизма торжеству императорскаго обрученія, имѣвшій между прочимъ слѣдствіемъ высылку Милезино изъ Москвы подъ благовиднымъ предлогомъ, и подробно переданный въ запискахъ лэди Рондо—заслуживаетъ, чтобы на него было обращено вниманіе. Онъ можетъ объяснить, почему послѣ обрученія женихъ и невѣста стали еще холоднѣе другъ къ другу; почему Петръ впалъ въ задумчивость, грустилъ и говорилъ, что жизнь ему надоѣла (2). Онъ даже по видимому пытался свергнуть иго Долгорукихъ. Марья Александровна Меньшикова была же обручена съ нимъ и послѣ обручальныя узы были разорваны. Молодой императоръ сталъ вновь сближаться съ Остерманомъ, вспомнилъ и о Елизаветѣ Петровнѣ (3). Послѣдняя жила загнанною жертвою Долгорукихъ. Оказалось, что у нея даже не было соли для прислуги. На сближеніе императора съ Остерманомъ и Елизаветою—Долгорукіе не могли смотрѣть хладнокровно. Алексѣй Григорьевичъ успѣлъ уже получить отъ будущаго зятя 15,000 крестьянскихъ дворовъ (4), но еслибы обстоятельства приняли дурной оборотъ, онъ могъ лишиться и ихъ, и всего прочаго. Обстоятельства Долгорукихъ могли сдѣлаться тѣмъ хуже, что въ собственной средѣ ихъ господствовалъ полный раздоръ. Невѣста государя была въ явной враждѣ съ братомъ Иваномъ. Иванъ не исполнялъ корыстолюбивыхъ совѣтовъ отца и родичей Долгору-

---

(1) Rondeau, 24—25.
(2) Записки дюка Лир., 74.
(3) Herrmann, IV, 536.
(4) Долгорукій, 155.

кихъ и жаловался на нихъ Остерману. Алексѣй Долгорукій не благоволилъ къ любимцу государя, жаловался въ свою очередь на него Остерману и еще прежде думалъ о замѣщеніи его у государя вторымъ сыномъ Николаемъ (1). Виды Долгорукихъ другихъ линій еще меньше говорили объ общемъ согласіи.

Роли лицъ, дѣйствовавшихъ въ этой траги-комедіи, вообще крайне запутывались и нельзя было сказать, чѣмъ все это кончится. Развязка явилась неожиданно.

Въ день Крещенія 1730 г. Петръ ѣздилъ съ невѣстою на водоосвященіе. Было очень холодно и молодой императоръ, легко одѣтый, сначала стоялъ на запяткахъ невѣстиныхъ саней и потомъ присутствовалъ на парадѣ, такъ что всего пробылъ на морозѣ не меньше часовъ четырехъ. На запяткахъ ѣхать заставила можетъ быть его и не одна любезность кавалера и жениха. Невѣста его продолжала быть столь же холодною и печальною, какъ и прежде (2), и это конечно еще менѣе располагало его очутиться съ нею въ болѣе близкомъ tête-à-tête въ саняхъ. Придворные еще не могли забыть, что на балѣ, данномъ въ честь обрученія, императоръ пробылъ едва нѣсколько минутъ.

Въ этотъ день Петръ сильно простудился. Простуда перешла въ оспу. Архіатеръ Блументростъ принялъ, по словамъ современниковъ, оспу за обыкновенную горячку и далъ прохладителное (3). Больному стало хуже. На третій день призвали доктора Бидло, того самого, котораго осуждали за неправильное леченіе великой княжны Натальи. Казалось, истощенная, но все еще сильная натура Петра побѣдитъ болѣзнь. 15 января ему стало лучше и иностранные резиденты были тотчасъ же извѣщены объ этомъ. Но затѣмъ стало вновь хуже. Въ ночь на 19 число началась смертная агонія. Остерманъ, такъ утвердительно говорившій, что браку императора съ Долгорукой не бывать, былъ теперь неотлучно при умиравшемъ. Слова его сбывались. Петръ бредилъ, звалъ въ бреду Андрея Ива-

---

(1) Русскій Архивъ, 1867. 29.
(2) Rondeau, 30.
(3) Herrmann, 37.

новича, приказывалъ заложить сани, чтобы отправиться къ сестрѣ... (1)

Бѣдный юноша, онъ отправился къ ней, отправился въ другой міръ, также преждевременно, какъ она....

19 числа въ день, на который назначена была свадьба молодаго императора съ Долгорукою, на постели лежалъ охладѣлый трупъ Петра.

А между тѣмъ, какъ здѣсь длилась смертная агонія, иная сцена происходила въ домѣ Алексѣя Долгорукаго. Долгорукіе собрались и рѣшили написать духовное завѣщаніе умиравшаго императора и была еще надежда, что онъ подпишетъ его. Составлять духовную взялся сначала опытный дѣлецъ Василій Лукичъ, но послѣ отказался, сославшись на свой дурной почеркъ. За дѣло взялся Сергѣй Долгорукій и были написаны двѣ духовныя—одна для подписанія императора, но если бы императоръ уже не могъ подписать, то была готова другая. Долгорукіе не усомнились пригласить любимца императора Ивана Долгорукаго подписать эту другую духовную за Петра, его почеркомъ — и тотъ, всегда опрометчивый и вѣтреный, едва ли даже думая, что дѣло идетъ о подлогѣ, подмахнулъ ее, не прочитавъ. Послѣ однако, вѣроятно, въ головѣ его явилась мысль, что дѣло шло не о шалости, а о нарушеніи долга и чести. Онъ открылся въ своемъ поступкѣ духовнику (2), когда еще исторія объ этихъ духовныхъ, назначавшихъ наслѣдницею престола невѣсту императора, оставалась тайною для всѣхъ, кромѣ Долгорукихъ. Ему послѣ сказали, что духовная была уничтожена самими его родителями, и возмездіе за преступленіе явилось лишь восемь лѣтъ спустя.

Умеръ Петръ. Рушились всѣ надежды Долгорукихъ. Они ждали ссылки и не долго. Иванъ Долгорукій, еще недавно ворочавшій государственными дѣлами, принимавшій заискивавшихъ въ немъ иностранныхъ министровъ, командовавшій Преображенскимъ и Семеновскимъ полками хотя былъ лишь небольшимъ офицеромъ въ

---

(1) Herrmann, IV, 537, 538.

(2) Чтенія, 1864, I, смѣсь. 2-3.

первомъ изъ нихъ, предназначавшійся одно время въ женихи Елизаветѣ Петровнѣ (1),—теперь только плакалъ при свиданіяхъ съ своею невѣстою Натальею Борисовною Шереметьевой и клялся взаимно, что судьба не разлучитъ ихъ. Всѣ отступились отъ Долгорукихъ, какъ отъ зачумленныхъ. Потомъ послѣдовала ссылка ихъ сначала въ ихъ помѣстье, деревню Никольскую, Пензенской губерніи, а послѣ, какъ бы за промедленіе ихъ на дорогѣ въ ихъ касимовскихъ помѣстьяхъ,—въ Березовъ. Въ Березовѣ ожидала ихъ острожная жизнь—впрочемъ въ большомъ домѣ съ кухнею и банею. На дворѣ дома былъ прудъ и тутъ плавали лебеди, гуси, утки. Точеныя деревянныя ложки, оловянные стаканы ждали здѣсь привыкшихъ къ роскоши аристократовъ (2). Двое слугъ—Митрофановъ и Колпаковъ—пріѣхали сюда, какъ остатки многочисленной Долгоруковской дворни, но за то въ острогѣ, отведенномъ узникамъ, не было недостатка въ солдатахъ, приставленныхъ для наблюденія за ними. Впрочемъ, Долгорукіе взяли съ собою въ ссылку не мало цѣнныхъ вещей. Отобрать ихъ присланъ былъ уже въ Березовъ сержантъ Рагозинъ, но портретъ Петра II, который было приказано особенно требовать у „разрушенной"—эпитетъ, приданный бывшей невѣстѣ государя въ офиціальныхъ бумагахъ (3), — не былъ отобранъ. Долгорукіе объявили, что стекло на портретѣ было разбито еще прежде, а потомъ и самый портретъ затерялся. Впрочемъ не мало цѣннаго осталось въ рукахъ Долгорукихъ и послѣ.

Алексѣй Григорьевичъ и супруга его скоро умерли въ ссылкѣ, но и послѣ смерти ихъ, дѣтямъ ихъ не было предоставлено больше свободы. Дѣти Меньшикова по смерти отца по крайней мѣрѣ получили право ходить по городу; Долгорукіе могли лишь ходить въ бывшую отъ острога въ 20 саженяхъ Богородице-Рождественскую церковь и на могилы родителей. Даже въ церкви, разъ во время священнослуженія, около княжны Елены стояли два солдата съ ружьями и капралъ. За несвоевременное служеніе для нея въ церкви, священникъ былъ сосланъ въ Илимскій острогъ. Строго наблюдали за сношеніями Долгорукихъ съ березовскими жителями. Въ Бере-

(1) Herrmann, IV, 535.
(2) Русскій Архивъ, 1867, 51.
(3) Русскій Архивъ, 1866, 46.

зовѣ даже составилась поговорка: „кто у Долгорукихъ съѣлъ блинъ, того водили въ Тобольскъ къ отвѣту“ (1). Духовные отцы, полагаясь на свое званіе, чаще другихъ могли раздѣлять скуку ссыльныхъ, и тѣхъ обвиняли въ слишкомъ близкихъ отношеніяхъ къ княжнамъ.

Восемь лѣтъ прошло этой жизни, какъ вдругъ новое, болѣе сильное несчастіе обрушилось на родъ Долгорукихъ.

Кн. Иванъ, характеръ котораго достаточно можно было уяснить изъ предыдущаго, не стѣснялся въ своихъ выраженіяхъ объ императрицѣ Аннѣ и Биронѣ. Императрицу онъ называлъ шведкою и т. д. (2). Да онъ и не могъ особенно опасаться, чтобы кто нибудь выдалъ его. Маіоръ Петровъ, начальникъ караула, приставленнаго къ ссыльнымъ, простякъ и нехитрый служака, считалъ лучше быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ семействомъ князя и сора изъ избы не вынесъ бы. Но въ Березовъ пріѣхалъ разъ изъ Тобольска подъячій Тишинъ. Князь Иванъ говорилъ свободно и при немъ. Тишинъ передалъ маіору Петрову о рѣчахъ, слышанныхъ имъ отъ князя и о прочемъ, что онъ считалъ упущеніемъ въ смотрѣніи за ссыльными. Какъ видно изъ офиціальнаго дѣла, маіоръ не только далъ замѣтить подъячему, что тотъ дѣлаетъ изъ мухи слона, но и сдѣлалъ это въ такихъ выраженіяхъ, что подъячій Тишинъ обидѣлся недостаткомъ вниманія къ его замѣчаніямъ. Тишинъ послалъ изъ Тобольска доносъ, а доносъ въ Бироновское время губилъ какъ виновныхъ такъ и невинныхъ. Изъ Петербурга былъ отправленъ въ Березовъ капитанъ гвардіи Ушаковъ, офиціально, какъ ревизоръ, посланный освѣдомиться о положеніи ссыльныхъ, тайно—съ порученіемъ подъ рукою развѣдать справедливъ ли доносъ Тишина. Пріѣзжаетъ Ушаковъ въ Березовъ—онъ такъ любезенъ и предупредителенъ, такъ ласковъ съ ссыльными. Они отправляются на прогулку и онъ съ ними. Онъ бесѣдуетъ съ духовными приближенными къ нимъ и наконецъ уѣзжаетъ.

---

(1) Чтенія И. М. О. И., 1866, 2, смѣсь, 116.
(2) Чтенія И. М. О. И., 1864, I, смѣсь 4. Сказаніе о родѣ кн. Долгорукихъ, 253.

Немного времени прошло и въ Березовъ пришелъ приказъ посадить Ивана Долгорукова въ отдѣльное помѣщеніе и держать подъ строгимъ карауломъ. Его княгиня выплакала у караульнаго офицера, какъ милость, позволеніе видѣться съ мужемъ ночью и приносить ему пищу. Затѣмъ, въ одну ненастную осеннюю ночь, прибыло къ березовскому острогу судно и забрало 31 человѣка, въ томъ числѣ Ивана Долгорукаго, маіора Петрова, духовныхъ лицъ, посѣщавшихъ Долгорукихъ и т. д. Забранные встрѣтили въ Тобольскѣ судьею того же капитана Ушакова, который пріѣзжалъ въ Березовъ.

Въ 1739 г. Иванъ Долгорукій былъ колесованъ близъ Новгорода, а братья и сестры его были разосланы по монастырямъ и въ ссылку. Изъ дѣла о Долгорукихъ видно, что тайна подложнаго завѣщанія была открыта и, что князь Иванъ не запирался въ своей долѣ участія въ дѣлѣ.

Кары, постигшія семейство Долгорукихъ, были тяжки и иные полагаютъ, что Биронъ тѣмъ охотнѣе воспользовался случаемъ погубить этотъ родъ, что незадолго предъ доносомъ Тишина императрица Анна хотѣла было облегчить участь сосланныхъ и даже думала о возвращеніи князя Сергѣя (составителя духовнаго завѣщанія Петра II) къ дѣламъ. Но преданіе гласитъ еще о другомъ, болѣе странномъ обстоятельствѣ, рѣшившемъ судьбу сосланныхъ. Не одинъ доносъ Тишина дошелъ до правительства. Говорятъ, что княжна Екатерина, остававшаяся въ прежнихъ неладахъ съ братомъ Иваномъ, подучила меньшаго брата Александра закричать „слово и дѣло". Это была также одна изъ причинъ розыска, поведшаго къ гибели князя Ивана. Преданіе прибавляетъ, что князь Александръ такъ пораженъ былъ результатомъ своего доноса на брата, что распоролъ себѣ съ отчаянья животъ, который однако зашили. Послѣ, когда князь Александръ, уже возвращенный изъ ссылки, жилъ въ Москвѣ, онъ носилъ въ народѣ названіе „князя съ поронымъ брюхомъ" (¹).

А что же виновница этой семейной драмы, княжна Екатерина?

(¹) Русскій Архивъ, 1867, 51.

Она также потерпѣла съ другими. Есть извѣстіе, что она сначала послана была подъ присмотръ въ Томскій мужской монастырь, гдѣ ее содержали какъ въ тюрьмѣ. Потомъ мы видимъ ее въ одномъ изъ бѣлозерскихъ монастырей, гдѣ пребываніе ея менѣе легендарно. Она заключена была въ отдѣльномъ деревянномъ флигелѣ, за двумя замками. Свѣтъ въ ея каморку проходилъ лишь чрезъ небольшое отверстіе, вмѣсто окна. Но скоро она лишилась и его. Вообще она вела себя гордо съ окружающими. Разсказываютъ, что разъ, раздраженная ею монахиня замахнулась на нее четками. „Уважь свѣтъ и во тмѣ, сказала Екатерина, я княжна, а ты холопка.“ Не забывала Екатерина, что она княжна и бывшая невѣста государева и въ другихъ случаяхъ.

Разъ изъ Петербурга въ монастырь пріѣхало какое-то важное лицо, чуть ли не самъ генералъ Ушаковъ. При входѣ его Екатерина не встала, даже не обернулась въ его сторону и тотъ вышелъ отъ нея съ угрозами. Вслѣдъ затѣмъ заколотили послѣднее отверстіе, чрезъ которое къ ней проходилъ свѣтъ, и положеніе узницы стало еще тяжелѣе. Къ ней не только не допускали никого, кромѣ смотрѣвшихъ за нею монахинь, но двухъ дѣвочекъ высѣкли лишь за то, что онѣ поглядѣли чрезъ замочную скважину въ ея тюрьму.

Въ 1745 г. императрица Елизавета возвратила изъ ссылки ту, у которой когда-то цѣловала руку, какъ у своей будущей государыни. Возвращенная княжна Екатерина вышла замужъ за А. Р. Брюса. Характеръ ея остался тотъ же до конца жизни и на смертномъ одрѣ она завѣщала, чтобы платья, которыя носила она, были сожжены, чтобы ихъ не носилъ никто другой. Разъ въ жизни лишь высокомѣріе ея снизошло съ своего пьедестала: изъ березовскаго заключенія она просила императрицу Анну, чтобы ей позволено было выйдти замужъ хотя за солдата (¹). Но и въ подобной просьбѣ, бывшей невѣсты государевой, можетъ быть звучитъ лишь злая насмѣшка оскорбленнаго самолюбія.

(¹) Бантышъ-Каменскій. Біографіи генералиссимусовъ, I, 169.

АННА ИВАНОВНА.

Вдовствующая герцогиня курляндская.

У царя Ивана Алексѣевича осталось три дочери: Екатерина, Анна и Прасковья. При дворахъ въ то время было въ обыкновеніи имѣть шутовъ. Такъ у Алексѣя Михайловича былъ шутъ Бухонинъ, у Ѳедора Алексѣевича дуракъ Тарасъ. Но домъ вдовствовавшей царицы Прасковьи Ѳедоровны былъ буквально пріютомъ для шутовъ, уродовъ и юродивыхъ всякаго рода. Въ этомъ ареопагѣ идіотизма выдавался сумасбродный подьячій Тимоѳей Архипычъ, считавшійся пророкомъ. Онъ предрекъ Аннѣ, что ей быть монахиней и иначе не называлъ ее какъ Анфисой (¹). Предсказаніе домашняго пророка не сбылось. Судьба предназначила Аннѣ болѣе видную долю, чѣмъ ея сестрамъ.

Сфера, въ которой происходило воспитаніе трехъ царевенъ, не ручалась за ихъ будущее духовное развитіе. Если бы не дядя Петръ I, образованіе ихъ вѣроятно было бы еще хуже, чѣмъ какое онѣ получили. Онъ нанялъ имъ въ учители Остермана, брата знаменитаго впослѣдствіи Андрея Ивановича, человѣка, по отзывамъ современниковъ, довольно пустаго, хотя и думавшаго о себѣ очень много, но который, какъ человѣкъ съ европейскимъ образованіемъ, все-таки могъ передать ученицамъ кое-какія знанія. Кругъ образованія царевенъ обнималъ и танцы, потому что хотя немного лѣтъ прошло еще съ тѣхъ поръ, какъ въ русскихъ двор-

---

(¹) Энц. Лексиконъ, Анна Іоановна.

цахъ и домахъ въ мысляхъ не имѣли обучать дѣвицъ танцамъ, но уже времена перемѣнились и на русскомъ престолѣ былъ человѣкъ, начинавшій реформы съ дворца. Младшая изъ сестеръ Прасковья Ивановна, впослѣдствіи блѣдная, худая, слабая здоровьемъ и некрасивой наружности дѣвица, сочетавшаяся морганатическимъ бракомъ съ генераломъ Мамоновымъ, танцовала и послѣ, впрочемъ, лишь по приказанію Петра и по видимому склонялась въ пользу прежней теремной жизни русскихъ дѣвушекъ. Но обѣ сестры ея, Екатерина и Анна, вышли замужъ за иностранныхъ владѣтелей и имъ пригодились уроки какъ Остермана, такъ и танцмейстера Рамбурга. Это тотъ самый Рамбургъ, о которомъ въ современномъ перечнѣ наставниковъ упоминаютъ: „танцовальный мастеръ, тѣлесное благолѣпіе и комплименты чиномъ нѣмецкимъ и французскимъ научаетъ.“ Это наученіе тѣлесному благолѣпію и комплиментамъ во дворцѣ Прасковьи Өодоровны было однако не совсѣмъ выгодно съ практической точки зрѣнія для Стефана Рамбурга. Онъ не получалъ денегъ за ученіе акуратно и много лѣтъ спустя обращался съ прошеніемъ объ уплатѣ ихъ (1). Дѣло въ томъ, что содержаніе семейства покойнаго царя Ивана было очень скудно. Петръ I не удѣлялъ ему много на поддержаніе царской пышности. Впослѣдствіи содержаніе его было увеличено, но уже при Петрѣ II.

Екатерина Ивановна, старшая изъ сестеръ, была выдана за герцога мекленбургскаго, человѣка съ крутымъ и рѣзкимъ характеромъ, съ которымъ она пожила недолго въ его владѣніяхъ. Она оставила его и возвратилась въ Россію съ малолѣтнею дочерью Елисаветою Леопольдовною, впослѣдствіи, при пріобщеніи къ православной религіи изъ протестантской, въ которой она была крещена, получившею имя Анны. Екатерина Ивановна, женщина невысокаго роста, дородная, недурная собой, была проста въ обращеніи и считалась болѣе, чѣмъ простоватою, не смотря на частыя въ разговорѣ попытки на остроуміе, или даже именно вслѣдствіе ихъ, потому что въ нихъ циническая сторона преобладала надъ саркастическою.

---

(1) Руссікй Архивъ, 1867, 1187—1188.

Изъ трехъ сестеръ, Анна была безспорно самая представительная. Высокаго роста, плотно, но хорошо сложенная, недурная собою, съ черными волосами, смуглымъ лицемъ и темноголубыми глазами, она обладала живымъ и пріятнымъ характеромъ. Лэди Рондо называетъ ее личностью обходительною, любезною, простою, съ которой можно было говорить какъ съ равной, но мы имѣемъ свидѣтельство Берхгольца, что при этомъ она была и въ состояніи внушать къ себѣ уваженіе. Сопостановленіе этихъ качествъ ручается, что она не лишена была ума. Образованіе ея не могло быть блистательно, даже съ внѣшней стороны. Впослѣдствіи, живя среди нѣмцевъ, она научилась по нѣмецки лишь настолько, чтобы понимать нѣмецкій языкъ, но говорить на немъ не рѣшалась. Другихъ иностранныхъ языковъ она не знала.

Брачная жизнь Анны Ивановны была очень коротка. Петръ I выдалъ ее за курляндскаго герцога изъ политическаго расчета. Россія заняла балтійское прибрежье до Курляндіи и теперь была очередь этого герцогства, но Петръ предпочелъ подчинить себѣ его не оружіемъ, а семейными узами. За Анною дано было небольшое приданое и выведены были изъ герцогства русскія войска. Приданое было еще не выплачено, когда послѣ 6 недѣльной брачной жизни герцогъ, мужъ царевны, отправясь съ нею изъ Петербурга въ Курляндію, умеръ на дорогѣ. Молодая вдова, отчасти можетъ быть изъ уваженія къ штыкамъ ея царя—дяди, отчасти ради памяти ея мужа, была принята въ Курляндіи довольно любезно. Тамошніе чины дѣлали ей визиты какъ своей герцогинѣ. Но вообще говоря, для вдовствующей герцогини началась теперь монотонная жизнь, прерывавшаяся лишь иногда поѣздками въ Петербургъ. Что удивительнаго, если она соглашалась выйдти замужъ даже за Морица Саксонскаго. Меньшиковъ, надѣясь сдѣлаться курляндскимъ герцогомъ, отправился въ Курляндію. Это была та самая поѣздка, воспользовавшись которою враги чуть не погубили его и только заступничество Бассевича предъ Екатериною спасло его отъ ареста. Узнавъ о поѣздкѣ свѣтлѣйшаго, Анна выѣзжаетъ въ полдень съ одною горничною къ нему въ Ригу. Остановясь въ городѣ, она послала сказать ему, что желаетъ его видѣть и проситъ къ себѣ. Меньшиковъ пріѣзжаетъ и герцогиня

убѣдительно просить устроить ея бракъ съ другимъ тогдашнимъ претендентомъ на курляндскій герцогскій престолъ, Морицемъ Саксонскимъ. Меньшиковъ озадаченъ. Что больше нужно было Морицу, какъ не рука вдовствовавшей герцогини, чтобы одолѣть всѣхъ своихъ соперниковъ, а между ними былъ и Меньшиковъ. Меньшикову нужно было отговорить Анну отъ этого брака и онъ представилъ ей на видъ, что ей неприлично было бы выйдти замужъ за незаконнорожденнаго. Нѣсколько времени спустя, русскіе сановники могли бы показать герцогинѣ цѣлую коллекцію любовныхъ записочекъ Морица, найденную въ захваченныхъ русскими войсками его сундукахъ и о выдачѣ которой онъ не разъ убѣдительно просилъ Остермана чрезъ герцога Лирійскаго. Но герцогиня могла знать о любовныхъ шашняхъ Морица, могла не питать къ нему ровно никакого чувства и при всемъ томъ желала выйдти за него замужъ. Дѣло въ томъ, что вдовья жизнь ея, подъ опекою русскихъ гофмаршаловъ въ курляндской столицѣ, была крайне безцвѣтна и она могла желать перемѣны.

Безцвѣтностью этой жизни можно объяснить то, что ею приближенъ былъ къ себѣ человѣкъ, которому личныя качества не давали права расчитывать на то. Это былъ Іоганнъ Эрнестъ Биронъ.

Биронъ былъ сынъ курляндскаго лѣсничаго и фамилія его собственно была Биренъ или Бюренъ (Büren). Отецъ его купилъ землю, но не могъ выплатить за нее всѣхъ денегъ. Если кн. Наталья Долгорукая говоритъ въ своихъ запискахъ, что предокъ Бирона шилъ сапоги на ея родственника, то это такая же фантастическая гипербола, какъ и то мѣсто въ ея запискахъ, гдѣ она очень невыгодно отзываясь о наружности Анны Ивановны говоритъ, что Анна была головою выше гвардейцевъ, между рядовъ которыхъ проходила при въѣздѣ въ Москву. Впрочемъ Биронъ не хвалился древностью рода и курляндскіе чины, отвергшіе его права на дворянство, когда онъ уже былъ въ силѣ при герцогинѣ, безъ сомнѣнія полагали, что имѣютъ на то достаточное основаніе. Іоганнъ Эрнестъ учился въ кёнигсбергскомъ университетѣ, но едва ли получилъ особенно блистательное образованіе, если вѣрить словамъ его современника Миниха, что онъ не зналъ никакихъ языковъ, кромѣ нѣмецкаго и мѣстнаго курляндскаго и даже нѣмецкія письма разбиралъ съ

трудомъ, если въ нихъ встрѣчались французскія или латинскія цитаты. Кёнигсбергъ остался впослѣдствіи еще по другой причинѣ въ памяти молодаго Бирона. Разъ, кутя съ другими буршами на улицахъ, онъ повздорилъ съ ночною стражею и убилъ одного изъ сторожей. За это онъ высидѣлъ ³/₄ года въ тюрьмѣ и выпущенъ былъ, лишь давъ обязательство, что заплатитъ 700 талеровъ пени, или вернется опять въ тюрьму и пробудетъ въ заключеніи три года. Въ университетѣ Биронъ впрочемъ если не получилъ отличнаго образованія, то пріобрѣлъ нѣкоторую охоту къ чтенію. Еще въ Кёнигсбергѣ онъ положилъ начало своей, впослѣдствіи довольно обширной, библіотекѣ. Вернувшись на родину, онъ занялъ мѣсто гувернера въ частномъ семействѣ, но не надолго. Онъ рѣшился искать фортуны. Девизомъ жизни его было: „il faut se pousser au monde“ (¹). Съ какими же задатками пустился онъ искать свою карьеру? Онъ былъ молодой человѣкъ съ лоскомъ образованія. Онъ былъ любезенъ, когда хотѣлъ, и имѣлъ бы недурную наружность, если бы въ выраженіи глазъ его не было чего-то отталкивающаго. Спѣсивый, гордый, жестокій въ душѣ, онъ прикрывалъ мрачныя стороны своего характера утонченностью и изысканностью свѣтскаго человѣка. Философъ во взглядахъ на религіозныя вѣрованія, онъ вызвалъ послѣ со стороны русскихъ, когда они начали считаться съ нимъ за его грѣхи противъ нихъ, обвиненіе въ невѣріи, основанное на томъ, что онъ читывалъ письма обыкновенно въ то время, когда другіе шли въ церковь. Игрокъ въ карты, онъ не отказывался обыгрывать партнеровъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда тѣ проигрывали съ цѣлью, дѣлая изъ проигрыша взятку для задобренія его. Впослѣдствіи, когда слово его рѣшало участь слабыхъ и сильныхъ, онъ выигрывалъ мильоны въ одну игру. Онъ былъ превосходный знатокъ лошадей и это объясняетъ извѣстныя слова австрійскаго посланника Остейна: „Биронъ говоритъ о лошадяхъ, какъ умный человѣкъ, но какъ скоро заговоритъ о людяхъ—вретъ какъ лошадь.“ Вспыльчивый по природѣ, онъ въ гнѣвѣ забывалъ свою свѣтскость и говорилъ языкомъ, оскор-

---

(¹) Barthold, 39.

блявшимъ даже очень не изнѣженный слухъ. Впрочемъ вспыльчивость его скоро проходила и послѣ можно было его уговорить. Хорошею чертою въ его характерѣ было то, что онъ не былъ способенъ ко лжи и если не хотѣлъ сказать правды, то не говорилъ ничего.

Таковъ былъ молодой искатель фортуны, отправившійся въ поискахъ за ней изъ Курляндіи въ Петербургъ и Москву. Въ русскихъ столицахъ ему однако же не повезло и онъ вернулся въ Курляндію. Нѣсколько времени спустя, онъ былъ опредѣленъ ко двору Анны Ивановны. Бестужевъ, главный распорядитель въ домѣ герцогини, давшій ему мѣсто, говорилъ послѣ, что Биронъ „пришелъ безъ кафтана изъ Москвы и былъ опредѣленъ ко двору безъ чина." Молодой придворный скоро успѣлъ втереться въ расположеніе герцогини и отсюда начинается его блестящая карьера.

Все это было еще при жизни Петра I. Въ числѣ курляндскихъ депутатовъ, прибывшихъ въ Петербургъ для поздравленія Екатерины I со вступленіемъ на престолъ, мы видимъ и Бирона. Это товарищество показалось столь унизительнымъ для другихъ двухъ депутатовъ, столбовыхъ курляндскихъ дворянъ, бароновъ Кейзерлинга и Фитингофа, что они подали жалобу императрицѣ на такое назначеніе Бирона. Баронъ Кейзерлингъ даже подалъ въ отставку. Въ результатѣ вышло то, что императрица не приняла Бирона какъ депутата. Впрочемъ Екатерина была не прочь обращаться къ услугамъ камеръ-юнкера Анны Ивановны тамъ, гдѣ онъ могъ принести пользу. Такъ, нуждаясь въ хорошихъ лошадяхъ и поручая закупить ихъ въ Бреславлѣ, она предлагала отправить туда для этой цѣли Бирона.

Неожиданныя событія, случившіяся въ Москвѣ, скоро возвели честолюбиваго камеръ-юнкера и потомъ камергера герцогини курляндской въ графы и затѣмъ во владѣтельные герцоги.

Императрица Анна.

Князь Голицынъ объявилъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, что

со смертью Петра II, домъ Петра I прекратился. Нѣкоторые иностранные писатели принимаютъ это заявленіе даже за равнозначущее съ тѣмъ, что въ 1730 году прекратился домъ Романовыхъ, и что послѣ того на русскомъ престолѣ были члены домовъ курляндскаго, брауншвейгскаго и голштинскаго. Не входя въ пренія о точности фамильныхъ названій, довольно сказать, что даже съ точки зрѣнія этихъ иностранныхъ авторовъ въ 1730 году не прекратилась династія Романовыхъ: была жива дочь Петра I, Елизавета Петровна. Наслѣдный принцъ голштинскій Петръ Ѳедоровичъ, сынъ старшей дочери Петра I, Анны, и великая княжна Елизавета Петровна были прямыми потомками и законными наслѣдниками Петра: обѣ великія княжны, Анна и Елизавета (¹), при бракосочетаніи Петра съ ихъ матерью были привѣнчаны, а по исконному русскому обычаю привѣнчанныя дѣти пользовались всѣми правами ихъ родителей. Воля отца и царя сдѣлала ихъ великими княжнами русскими со всѣми сопряженными съ этимъ правами. Въ нихъ видѣли великихъ княженъ, ихъ признавали таковыми, имъ воздавали всѣ почести, какъ членамъ царскаго семейства—неужели теперь, пять лѣтъ спустя послѣ смерти Петра I, долженъ былъ снова подняться вопросъ — о ихъ правахъ? Но устранить потомство Петра I отъ престолонаслѣдія верховникамъ надобно было по другимъ причинамъ, имѣющимъ мало отношенія къ вопросамъ права. Имъ нужно было сдѣлать неизбѣжнымъ избраніе будущаго государя, а избраніемъ они намѣрены были реализовать для себя политическій капиталъ. Послѣ того, какъ планы Долгорукихъ передать престолъ невѣстѣ Петра II рушились, мысли главныхъ членовъ верховнаго совѣта остановились на учрежденіи въ странѣ монархическаго ограниченнаго правленія. Интересы государства мало принимались при этомъ въ расчетъ; верховники хотѣли самодержавную монархію измѣнить на аристократическую олигархію. Избрать надобно было на престолъ такое лице, которое всего менѣе надѣялось бы быть избраннымъ и могло тѣмъ легче согласиться на всѣ ограничивающія условія.

(¹) Ср. XVII вѣкъ изд. Бартенева, кн. III, стр. 9—10.

Выборъ палъ на герцогиню курляндскую. Ее знали за женщину характера мягкаго, уступчиваго; она не мечтала о вступленіи на престолъ и вдовство ея, при обстановкѣ жизни въ Курляндіи, было довольно горько, чтобы заставить ее согласиться на всѣ условія. Правда, около нея былъ хитрый, пронырливый Биронъ и она подчинялась его вліянію. Всѣ это знали, но развѣ нельзя было включить въ условія, чтобы она не брала съ собою Бирона? Казалось, все было такъ хорошо улажено въ умахъ верховниковъ и душа ихъ совѣта, Василій Лукичъ Долгорукій, полетѣлъ въ Митаву вѣстникомъ избранія Анны на престолъ, если она приметъ предложенныя условія. Анна, конечно, приняла ихъ и манифестъ изъ Нитавы (Митавы) возвѣстилъ Россіи о вступленіи новой государыни на престолъ. Въ то время, какъ присягали новой императрицѣ и „государству", Василій Лукичъ превратился въ зоркаго пристава Анны. Верховники опасались, и не даромъ, что въ народѣ смотрятъ на ихъ планы неблагопріятно. Пикеты, разставленные отъ Москвы по дорогѣ въ Митаву, не помѣшали долетѣть до столицы Курляндіи другой вѣсти о происходившемъ въ Москвѣ — изъ враждебнаго верховникамъ лагеря. Василій Лукичъ понималъ, что надобно быть настороже. Онъ избралъ подходящую придворную должность и помѣстился во дворцѣ, гдѣ жила Анна по прибытіи въ Москву, такъ что кто ни пріѣзжалъ къ императрицѣ могъ быть у нея и видѣться съ нею лишь въ его присутствіи. Василія Лукича однако перехитрили и перехитрилъ тотъ, къ кому выпивъ водки надъ рѣшеніемъ мудреныхъ дѣлъ шли за совѣтомъ всѣ главные верховники - Андрей Ивановичъ Остерманъ. Одно время господствовало мнѣніе, что самодержавіе возвращено было Аннѣ русскими людьми изъ патріотическаго убѣжденія, что перемѣна, произведенная верховниками, была вредна для государства. Ближайшее разслѣдованіе фактовъ можетъ убѣдить каждаго, что душою заговора, низвергнувшаго олигархію верховниковъ, былъ Остерманъ, и что coup d'état произведенъ былъ нѣмецкою партіею, чтобы вырвать власть изъ рукъ русскихъ, а патріотизмъ сената, гвардіи и духовенства выставленъ былъ лишь какъ прикрытіе. Нѣмецкая партія тутъ дѣйствовала русскими людьми лишь какъ орудіями. Остерманъ далъ знать Бирону, бывшему въ Москвѣ (его

императрица обѣщалась не брать съ собою, но ему самому пріѣхать никто не могъ запретить) чрезъ барона Корфа (1), что Аннѣ можно возвратить самодержавіе. Какъ сдѣлать это — Бирону самому, конечно, никогда бы не рѣшить, но ему оставалось лишь исполнять роль, назначенную Остерманомъ. Трудно было обмануть бдительность Василія Лукича, но хитрость съ осторожностью, наконецъ, превозмогли. Каждый день относили къ Аннѣ во дворецъ малютку—сына Бирона. Императрица брала его и уносила въ свою спальню. Не опасаться же было Василью Лукичу ребенка, но этотъ ребенокъ-то и былъ для Анны каждый разъ вѣстникомъ о ходѣ дѣла людей, задумавшихъ избавить ее изъ-подъ опеки верховниковъ. Она, принеся малютку въ свою спальню, вынимала изъ-за пазухи его записку, извѣщавшую ее обо всемъ (2). Извѣщена была она также о ходѣ дѣла запискою, найденною въ столовыхъ часахъ, поднесенныхъ ей Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Подвижная, впечатлительная натура Анны не выдержала и тайна, можетъ быть, обнаружилась бы преждевременно, но въ одной изъ придворныхъ дамъ она имѣла ментора, въ критическую минуту дернувшаго ее за платье и остановившаго порывъ откровенности. Наконецъ, пришло время; актъ, ограничивавшій самодержавіе, былъ разорванъ и кинутъ передъ Василіемъ Лукичемъ, теперь изъ пристава скоро превратившимся въ узника.

Что же понудило Остермана сдѣлаться душою этого государственнаго переворота? Цѣли, побудившія его, ясны. Чего могъ онъ ждать отъ господства русской партіи, имѣвшей между олигархами своихъ представителей? Ничего, кромѣ преслѣдованія и утѣсненія иностранцевъ, слѣдовательно, и его самого? Развѣ не было почти рѣшено удалить изъ Россіи всѣхъ неженатыхъ на русскихъ иностранцевъ, такъ что ему угрожала бы высылка изъ Россіи, если бы онъ не былъ женатъ на Стрѣшневой (3)? Развѣ Вас. Влад.. Долгорукій на вопросъ, гдѣ жить Аннѣ—въ кремлевскомъ, или въ лефортов-

(1) Barthold, 75.
(2) Де-Лиріа, 181.
(3) Barthold, 74.

скомъ дворцѣ не отвѣчалъ публично: „что ей дѣлать въ лефортовскомъ съ нехристями-нѣмцами!“ Если съ этого начинали, то трудно было предвидѣть, гдѣ будетъ конецъ и, можетъ быть, Остерману, послѣ всѣхъ его заслугъ на пользу Россіи, предстояла высылка изъ предѣловъ ея. Наконецъ и оставаясь въ ней, онъ могъ потерять всякое значеніе при господствѣ старой русской партіи, особенно если бы выдвинулись впередъ крайніе противники петровскихъ реформъ и иностранцевъ, кн. Голицыны. Напротивъ, при господствѣ нѣмецкой партіи, даже допуская, что Биронъ сталъ бы въ ней первымъ лицемъ, для Остермана были всѣ гарантіи. Биронъ не зналъ Россіи и не хотѣлъ учиться по русски; онъ презиралъ русскихъ и не скрывалъ этого. Такой человѣкъ не могъ обойдтись безъ услугъ Остермана. При господствѣ русской партіи, Остерманъ могъ потерять все; при господствѣ нѣмецкой, онъ упрочивалъ за собою мѣсто министра и втораго лица въ управленіи. Обстоятельства благопріятствовали планамъ нѣмецкой партіи. Сенатъ съ самаго учрежденія верховнаго совѣта враждовалъ съ нимъ и по паденіи его могъ опять изъ „высокаго“ сдѣлаться „правительствующимъ“. Гвардія была подъ впечатлѣніемъ пріема, сдѣланнаго ей императрицею, принявшею на себя званіе шефа обоихъ гвардейскихъ полковъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ, самый даровитый и дѣятельный членъ высшаго духовенства, какъ извѣстный поклонникъ протестантства въ душѣ, могъ ждать себѣ первостепеннаго значенія въ Сѵнодѣ при господствѣ нѣмецкой партіи, между тѣмъ, какъ старая русская партія смотрѣла на него очень косо. Переворотъ совершился, нѣмецкая партія достигла своей цѣли. Въ церквахъ служили молебны по случаю возвращенія императрицѣ самодержавія. Но вглядываясь внимательно въ значеніе событій, можно было лишь прійдти къ убѣжденію, что положеніе дѣлъ измѣнилось мало. Лишь нѣмцы стали во главѣ управленія вмѣсто русскихъ, и назойливая опека Долгорукаго надъ государыней уступила мѣсто добровольной и признанной, но столько же назойливой опекѣ Бирона. Если русскіе люди дѣйствительно старались о возстановленіи самодержавія, то они возстановили форму его, но только *форму*, а нѣмецкая партія, для которой таска-

лись каштаны изъ огня русскими руками, постаралась прибрать къ рукамъ *содержаніе*.

Анна и Биронъ.

Сдѣлавшись самодержавною, Анна сохранила во дворцѣ привычный ей простой образъ жизни. Утромъ она занималась дѣлами, хотя въ сущности все вершилъ по своему усмотрѣнію Биронъ. Въ 12 часовъ обѣдала съ семействомъ Бирона, жившимъ тутъ же во дворцѣ. У Бирона, въ присутствіи государыни, было безъ чиновъ. Она, одѣтая въ черное платье съ краснымъ корсажемъ и съ головою повязанною платкомъ, занималась тутъ сама рукодѣльями съ другими и вела бесѣду какъ равная съ равными. Иногда она играла на бильярдѣ. Она мѣтко стрѣляла и охота была однимъ изъ ея занятій, на дворѣ ея дворца два раза въ недѣлю была травля медвѣдей. Иногда она играла въ карты, причемъ обыкновенно держала банкъ и назначала кто долженъ былъ понтировать ей. Играли на марки, но она постоянно платила свой проигрышъ золотомъ. Съ 1736 г. въ Петербургѣ явилась итальянская опера и императрица часто посѣщала ее, но постоянно запросто, въ шлафрокѣ.

Этой простотѣ частной жизни императрицы представляли противоположнесть торжественные пріемы и выѣзды ея. При подобныхъ выѣздахъ у кареты ея шло иногда 48 лакеевъ, у бироновской 24, у каретъ сановниковъ по 12. Запрещено было на пріемы во дворецъ являться два раза въ одномъ и томъ же платьѣ. Фунты золота и серебра шли въ это время на приготовлявшіяся въ Ліонѣ матеріи на платья русскихъ вельможъ. Роскошь, почти расточительность, были предписаны. Сами иностранцы готовы въ подобныхъ распоряженіяхъ, столь противорѣчившихъ склонности императрицы къ простотѣ, видѣть мѣру Бирона для вѣрнаго разоренія русскихъ богачей, которыхъ онъ не терпѣлъ и презиралъ.

Если тутъ мы видимъ противорѣчіе между тѣмъ, чего могла желать Анна и что она дѣлала, то это лишь одинъ изъ многихъ

примѣровъ подобнаго. Анна была по природѣ женщина съ сердцемъ и сострадательная. Она смѣшала свои слезы со слезами царицы Евдокіи, при свиданіи на короновании, въ Москвѣ, напомнившемъ обѣимъ столь многое. Она не могла удержать слезъ при разсказахъ о безчеловѣчныхъ и жестокихъ поступкахъ. И между тѣмъ преданіе передаетъ, что она же велѣла разъ повѣсить придворнаго повара предъ ея окнами за то, что тотъ къ блинамъ подалъ прогорьклое масло. Безъ всякаго сомнѣнія это преданіе, передававшееся подъ впечатлѣніемъ страшной бироновщины, смѣшало лица и событія и ему нѣтъ надобности придавать вѣры. Но есть несомнѣнныя доказательства, что вредное вліяніе лицъ, окружавшихъ Анну, имѣло дѣйствіе на ея характеръ. Маленькій сынъ Бирона объѣлся въ дворцовомъ саду земляники и у него заболѣлъ животъ. Гувернеръ его Шварцъ не позволялъ ему ѣсть много ягодъ, но что было сдѣлать съ непослушнымъ сорванцемъ, который привыкъ гувернера не ставить ни въ грошъ. Что же дѣлаетъ Анна, узнавъ о болѣзни, которой мальчуганъ подвергся по собственной винѣ? Она посылаетъ Шварца въ арестантскомъ платьѣ мести улицы (1). Даже Биронъ устыдился этого поступка съ человѣкомъ, ни въ чемъ невиннымъ. Онъ далъ ему 1000 рублей и паспортъ за границу. Вредное вліяніе окружавшихъ отразилось даже на развлеченіяхъ Анны. У нея было шесть шутовъ, вѣроятно какъ дань воспитанію ея во дворцѣ ея матери, Прасковьи Өедоровны. Но въ шуты ея обращали и тѣхъ, въ комъ могло не быть никакого призванія къ этой роли. Кн. Голицынъ, прозванный въ шутовствѣ Квасниным, былъ сдѣланъ шутомъ за то, что бывъ за границею, принялъ католическую религію. Кн. Волконскій, другой шутъ Анны, имѣлъ должностью присмотръ за ея гончею собакою. Прочіе шуты были Апраксинъ, Балакиревъ, Педрилло и Коста. Послѣдніе два иностранца получили учрежденный для нихъ въ шутку орденъ св. Бенедетты — уменьшенные знаки Александра Невскаго, носившіеся въ петлицѣ. Полагали, и не безъ основанія, что Биронъ съумѣлъ и забавамъ императрицы придать характеръ, служившій къ униже-

---

(1) Scherer, VI, 216—217.

нію русскихъ знатныхъ фамилій. Ледяной домъ, памятная игрушка царствованія Анны, устроенный по совѣту бывшаго деньщика Петра I, Татищева—того самаго, которой совѣтовалъ преступниковъ, если бы они оказались невинными, клеймить около слова „виновенъ“ придаточнымъ словомъ „не“ — также бросаетъ тѣнь на допустившихъ такую забаву. Потѣха была бы потѣхою, если бы потомъ несчастнаго шута Голицына, свадьба котораго праздновалась въ ледяномъ домѣ, не заперли съ новобрачною на цѣлую ночь въ ледяныхъ стѣнахъ на сильномъ морозѣ.

Жестокость, проглядывающая въ подобныхъ забавахъ, была не сродна душѣ Анны и является слѣдствіемъ вліянія Бирона. Вліяніе его же отразилось на нерѣшительности характера и перемѣнчивости мнѣній императрицы. Въ Петербургѣ, въ высшемъ обществѣ, въ это время была особенно въ ходу книга Липсія, гдѣ описывается непостоянный, измѣнчивый характеръ Мессалины и Клеопатры. Изъ дѣла Волынскаго мы знаемъ, что эта книга читалась въ кружкахъ петербургской знати именно потому, что характеристику царицъ древности прилагали къ Аннѣ ([1]). Волынскій сознался, что онъ дѣлалъ сравненіе царицъ, описываемыхъ Липсіемъ съ Анною, потому что императрица сердится иногда послѣ за то же, что прежде приняла милостиво. Что это могло быть съ Анною—легко согласиться, потому что Биронъ всегда могъ представить чернымъ, казавшееся ей прежде бѣлымъ. Но относительно дѣла Волынскаго можно прибавить, что если взглядъ Анны на проектъ его о государственной реформѣ измѣнился послѣ, то въ этомъ могло принять участіе и оскорбленное самолюбіе женщины. Анна была самолюбива и щекотлива по природѣ. Когда Минихъ просилъ, чтобы она содѣйствовала возведенію его въ курляндскіе герцоги, она спросила — почему фельдмаршалъ не хочетъ за одно сдѣлаться великимъ княземъ московскимъ? Когда Волынскій подавалъ ей свой проектъ, она приняла его хотя безъ сердца, но далеко неблагосклонно и даже замѣтила, что онъ хочетъ давать ей совѣты, какъ молодыхъ лѣтъ государю. А въ городѣ рас-

([1]) Чтенія, 1858, II, смѣсь, 138—151.

пространились слухи, что Волынскій составилъ книгу для императрицы—какъ ей жить. Самолюбіе Анны было оскорблено этими толками и проектъ кабинетъ-министра поставленъ былъ ему въ преступленіе.

Что Анна, по крайней мѣрѣ первоначально, была привязана къ Бирону — въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Оставляя въ сторонѣ всѣ толки и пересуды, довольно сказать, что она любила дѣтей его какъ своихъ. Она постоянно была въ обществѣ его и его жены. Былъ ли привязанъ къ ней Биронъ? Въ этомъ очень можно сомнѣваться. Онъ является во дворцѣ ея искателемъ счастія, цѣль его пробить себѣ дорогу. Трудно вѣрится, чтобы при этихъ обстоятельствахъ и человѣкъ такой, какимъ мы знаемъ Бирона, могъ увлечься истиннымъ чувствомъ. Анна была русская. Хотя Берхгольцъ и передаетъ намъ ироническое замѣчаніе герцогини курляндской о русскихъ дамахъ „что онѣ лѣнивы и неохотно причесываются," но говорить о дурныхъ сторонахъ своего народа еще не значитъ быть иностранцемъ въ душѣ. Анна въ душѣ и въ жизни, въ Курляндіи и потомъ въ Москвѣ, осталась русскою. Если бы Биронъ чувствовалъ къ ней искреннюю привязанность, развѣ онъ могъ бы такъ ненавидѣть все русское, развѣ онъ не помирился бы со многимъ въ русскомъ быту для нея? Мы знаемъ, что Биронъ не стѣснялся особенно ея присутствіемъ и цинизмомъ своихъ рѣчей въ гнѣвѣ приводилъ ее иногда въ смущеніе ([1]). Это также мало говоритъ о его уваженіи къ ней, а безъ уваженія возможно ли истинное чувство? Наконецъ не забудемъ, что онъ распространилъ на дворецъ систему шпіонства, въ сѣтяхъ которой нѣмецкая партія, съ нимъ во главѣ, запутала всю Россію. Всякое слово и дѣло Анны были извѣстны ему. Если не онъ, то жена его наблюдала за всѣмъ, что дѣлала Анна. М-me Биронъ, маленькая, страшно рябая, но при всемъ томъ недурная собою женщина, съ очаровательною шеей, была чуть ли не болѣе властолюбива, чѣмъ ея супругъ. Рѣзкая во взглядѣ и въ рѣчахъ, гордая фрейлина Трейденъ, теперь будучи замужемъ за временщикомъ,

---

([1]) Чтенія, 1863, I, смѣсь, 45.

возгордилась еще болѣе. Какъ герцогиня курляндская, она подписывалась просто „Бенигна,“ получила право не вставать, подобно принцессамъ крови, при входѣ императрицы, давала цѣловать руку, подобно принцессамъ и даже, принимая посѣтителей на чемъ-то въ родѣ трона, вмѣсто одной давала цѣловать обѣ руки. Платья ея стоили 400,000 рублей и послѣ она сшила себѣ одно, осыпанное жемчугомъ, стоившее 100,000. Она носила на себѣ бриліантовъ на два мильона рублей (1). И было изъ чего ей дѣлать эти расходы. Мужъ ея черпалъ сколько хотѣлъ изъ государственной казны. Онъ купилъ на 10 мил. флориновъ помѣстій и у него было на двойную сумму бриліантовъ. По арестѣ у него говорятъ нашли на дому 28 мил. рублей и на громадную сумму драгоцѣнностей (2).

Система шпіонства во дворцѣ прямо говоритъ, что Биронъ не могъ питать къ Аннѣ искренней привязанности, неразлучной съ взаимнымъ довѣріемъ. Аннѣ подъ конецъ жизни кажется надоѣдала эта безсмѣнная опека Бирона и его агентовъ надъ нею. У нея вырывались слова, что она бываетъ покойна лишь когда Бироны уйдутъ изъ ея спальни (3). Наконецъ предсмертная болѣзнь и смерть Анны—порука намъ, что Биронъ дѣйствовалъ не подъ вліяніемъ чувства, а по расчету. За два года и за годъ до смерти у императрицы шла кровь вслѣдствіе обнаружившейся у нея каменной болѣзни. Необходимы были немедленныя медицинскія средства, но объ нихъ не заботились. За четыре мѣсяца до смерти Анны, французскій посланникъ далъ знать своему двору, что императрица не подаетъ надежды на выздоровленье (4), а между тѣмъ въ Россіи, даже при дворѣ, благодаря Биронамъ, не знали объ этомъ. Объявлялось лишь иногда, что у нея „то ручка, то ножка болитъ.“ Что заставляло поступать такъ Бирона? Не хотимъ думать, чтобы онъ уже упрочивалъ себѣ регентство и хладнокровно смотрѣлъ на приближавшійся конецъ императрицы. Остановимся скорѣе на томъ, что временщикъ, державшійся въ главѣ управленія лишь Анною

(1) Scherer, IV, 246.
(2) Ibid. IV, 186—187.
(3) Чтенія, 1863, I, смѣсь, 41.
(4) Чтенія, 1863, I, смѣсь, 77.

и со смертью ея могшій всего лишиться, боялся сдѣлать извѣстнымъ истинное состояніе здоровья ея, чтобы не дать повода врагамъ тотчасъ же начать козни противъ него. Императрица могла поправиться и во всякомъ случаѣ невѣденіе о ея болѣзни держало въ покоѣ умы до тѣхъ поръ, пока должно было прійдти время партіи герцога курляндскаго дѣйствовать рѣшительно.

Словомъ, все говоритъ, что Биронъ не питалъ къ Аннѣ той искренней привязанности, которая могла бы облагородить вліяніе его на нее. Онъ любилъ только власть, остался честолюбцемъ и былъ вѣренъ своему девизу: il faut se pousser au monde. Анна была для него лишь средство. Въ первое время честолюбіе его удовлетворяла перемѣна фамиліи Бирена на „Биронъ.“ Современное законодательство просвѣщенныхъ націй даетъ право каждому принимать какое угодно фамильное прозвище, если это дѣлается безъ дурнаго умысла. Слѣдовательно Биренъ имѣлъ право сдѣлаться Бирономъ. Французскій герцогъ Биронъ, которому одна дама сказала, что аптекарь въ Лотарингіи принялъ его фамилію, насмѣшливо замѣтилъ только, что ему пріятно слышать, что лотарингскій аптекарь раздѣлилъ такое пристрастіе къ его имени съ русскимъ вельможею. Менѣе невинно было то, что курляндскій Биронъ принялъ вмѣстѣ и гербъ французскаго. Но скоро жажда славы курляндца Бирона была удовлетворена. Едва Анна воцарилась, какъ императоръ австрійскій возвелъ ея оберъ-камергера въ графы германской имперіи и прислалъ ему свой портретъ въ 125,000 франковъ. Еще нѣсколько лѣтъ прошло и Биронъ дѣлается герцогомъ курляндскимъ. Смерть Анны открыла ему путь къ регентству въ Россіи.

Анна Леопольдовна.

Анна Ивановна не могла при жизни не озаботиться о назначеніи наслѣдника престола. Она приняла и воспитывала, какъ дочь Анну (бывшую Елизавету) Леопольдовну, дочь старшей сестры своей Екатерины, съ тѣмъ, чтобы передать престолъ ея потомству. Анна Леопольдовна жила во дворцѣ, между тѣмъ какъ

матери ея, Екатеринѣ Ивановнѣ, было отведено помѣщеніе въ отдѣльномъ домѣ. Такъ какъ о будущемъ потомствѣ принцессы заботились столько же, сколько о ней самой, то конечно, рано былъ поднятъ вопросъ о бракѣ и изъ Германіи уже привезли ей будущаго жениха, столь же юнаго, какъ и она, принца Антона Брауншвейгскаго. Антону-Ульриху было 14 лѣтъ, когда его привезли въ Петербургъ и стали воспитывать вмѣстѣ съ Анною Леопольдовною. Полагали, что между дѣтьми укрѣпится привязанность, которая въ молодыхъ людяхъ перейдетъ впослѣдствіи въ болѣе нѣжное чувство. Надежды не оправдались. Принцесса Анна съ перваго взгляда не возлюбила своего суженаго. Она была ребенокъ угрюмый, заключенный въ себѣ, упрямый, капризный. Впослѣдствіи, когда ей говорили, что она капризна и упряма, она замѣчала лишь, что это безъ сомнѣнія наслѣдственныя черты характера, что ея родители были также капризны и упрямы. Въ дѣвочкѣ Аннѣ не замѣчали общительности и дружелюбія. Съ нею то судьба столкнула 14 лѣтняго Антона-Ульриха, мальчика невысокаго роста, женоподобнаго, заику, тихаго, скромнаго, очень ограниченнаго. Будущіе женихъ и невѣста не сошлись характерами. Это скоро замѣтилъ Биронъ и рѣшился на нерасположеніи принцессы къ назначенному ей жениху основать планы для вящаго возвышенія своего и своего семейства. У него родилась мысль женить на принцессѣ собственнаго сына Петра (¹). Петру, правда, было пятью годами меньше, чѣмъ Аннѣ Леопольдовнѣ, но отецъ и въ этомъ не видѣлъ препятствія. Императрица въ рѣшительную минуту оказалась бы на его сторонѣ. Но планы его рушились объ упорный характеръ принцессы. Коса нашла на камень.

Когда лэди Рондо видѣла Анну Леопольдовну дѣвочкой, та не обѣщала ничего, не подавала никакихъ надеждъ. Это былъ не очень привлекательной наружности, серьезный, угрюмый ребенокъ. Дѣвушкою Анна Леопольдовна сдѣлалась еще серьезнѣе, говорила мало, никогда не смѣялась. Она была рѣзка въ выраженіяхъ и не терпѣла подчиненности. Каждый, кто изучилъ ея характеръ, по-

---

(¹) La Cour... 51.

мялъ бы, что она не полюбитъ Антона-Ульриха именно потому, что его назначили ей въ женихи. Биронъ былъ въ силѣ и она не терпѣла его именно за то, что ему нужно было подчиняться (¹). Какъ скоро она проникла планы Бирона, то рѣшилась пойдти за принца Брауншвейгскаго противъ желанія, только чтобы отклонить искательство Петра Бирона и его родителя. Впрочемъ, не одно врожденное упрямство характера могло подсказать ей это рѣшеніе. Принцъ Антонъ, хотя съ ограниченными способностями, былъ по крайней мѣрѣ мягкаго, податливаго характера. Напротивъ, Петръ Биронъ, въ 15 лѣтъ, обѣщалъ сдѣлаться по характеру впослѣдствіи чѣмъ-то даже хуже отца. Отецъ былъ вспыльчивъ, но, какъ говорили, „отходчивъ". Въ сынѣ не было даже этой отходчивости. Это былъ мальчикъ съ крутымъ, рѣзкимъ характеромъ. Если въ немъ и были добрыя наклонности, то воспитаніе дѣтей Бирона, по видимому, было направлено къ тому, чтобы истребить въ нихъ зачатки добраго. Мы видѣли, какъ поступили съ гувернеромъ ихъ Шварцемъ за то, что одинъ изъ маленькихъ Бироновъ объѣлся земляники. Подобному же наказанію подвергли метр-дотеля Бирона, Кирша, за то лишь, что тотъ осмѣлился разъ пожаловаться на герцогскихъ дѣтей. Что́ дѣти могли вынести изъ примѣровъ такой явной несправедливости? Конечно, убѣжденіе, что имъ все пройдетъ, что они могутъ дѣлать все, что имъ угодно. Это убѣжденіе они провѣряли во дворцѣ на опытѣ. Они били розгами по ногамъ каждаго, кто бы ни попался, лили вино на прохожихъ и т. д. Образецъ обходительности и умѣнья уживаться всюду, камергеръ Левенвольде только подпрыгивалъ, когда розга юныхъ Бироновъ стегала его по шелковымъ чулкамъ; но не всѣ были такъ уживчивы. Были жалобы, но на нихъ у Бирона всегда былъ готовъ отвѣтъ жалующемуся: „что съ нимъ? Развѣ ему надоѣла служба? Если такъ, то можетъ выходить въ отставку."

Воспитаннаго въ такой школѣ 15 лѣтняго юношу предлагали теперь двадцати-лѣтней принцессѣ, очень не уживчиваго характера, въ супруги. Принцесса слышать о немъ не хотѣла. Выбирая изъ

(¹) Rondeau, 186—188.

двухъ золъ меньшее, она предпочла принца Брауншвейгскаго и тотъ,—20 лѣтній блондинъ, съ завитыми локонами, въ свѣтломъ шелковомъ кафтанѣ, обложенномъ золотомъ, получивъ согласіе принцессы, должнымъ порядкомъ благодарилъ императрицу Анну за руку ея племянницы. За то невѣста, которой было некого и не за что благодарить, предалась своей грусти. „Это все сдѣлали вы, министры проклятые“, сказала она Волынскому, не будучи въ состояніи выдержать своихъ чувствъ (¹). Тотъ, недружившій въ то время Остерману, сослался на послѣдняго, какъ на виновника всего. Первую ночь послѣ брака принцесса Анна одиноко прогуляла въ дворцовомъ саду.

Привезенная въ Россію въ лѣтахъ ранняго дѣтства, воспитанная въ Россіи, принцесса Анна казалось должна была бы сдѣлаться русскою. Но не надобно забывать въ какой сферѣ происходило ея воспитаніе. Дворецъ былъ полонъ нѣмцами во все царствованіе Анны Ивановны. Немудрено, что принцесса выросла полуиностранкою. Это объясняетъ, почему разъ, уже по смерти Анны Ивановны, она не найдя камергера Апраксина на своемъ мѣстѣ и узнавъ, что онъ еще спитъ, отозвалась о немъ: „это русскій каналья!“ (²). Бироновская школа презрѣнія ко всему русскому, въ которой она воспитывалась, невольно отразилась и на ней, хотя она въ душѣ и была врагъ Бирона.

Мать будущаго императора, Ивана III, она довольно равнодушно смотрѣла на то, какъ Биронъ, при посредствѣ 30,000 рублей, подаренныхъ имъ Бестужеву, и благодаря другимъ во время принятымъ мѣрамъ, устранилъ ее отъ регентства и самъ сдѣлался регентомъ. Упорный, раздражительный характеръ ея не былъ сильнымъ характеромъ и она не способна была явиться на аренѣ государственной дѣятельности.

Анна Леопольдовна была средняго роста, полна лицемъ; у нея были темные волосы и черные глаза. Не имѣвшая въ себѣ ничего особенно привлекательнаго, обыкновенная, наружность ея не нахо-

---

(¹) Энцикл. Лекс., Анна Леопольдовна.
(²) Чтенія, 1863, I, смѣсь, 49.

дила въ искуствѣ возмездія за то, чего не было дано природой. Принцесса не любила одѣваться и чесаться по модѣ. Прическа у нея была всегда своя собственная, отличная отъ модной, и гофмейстеръ ея Минихъ-сынъ находилъ, что прическа была обыкновенна, ей не къ лицу. Прочія дамы носили юбки на китовыхъ усахъ, принцесса, и будучи правительницей, отправлялась въ церковь безъ такой юбки, съ головою покрытою простымъ бѣлымъ платкомъ. При жизни императрицы Анны, принцесса не терпѣла придворныхъ выходовъ, какъ за то, что къ нимъ надобно было одѣваться, такъ и потому, что ее участвовать въ нихъ принуждала ненавистная ей тиранія Бирона. Простая въ одеждѣ, принцесса была проста въ разговорѣ и въ обращеніи. Она чувствовала себя какъ дома лишь въ небольшомъ кружкѣ приближенныхъ, преимущественно иностранцевъ, среди которыхъ она выросла. Придворное общество было не по ней: она не терпѣла притворства, любила откровенность, была не только не свѣтски-любезна, но даже иногда рѣзка въ выраженіяхъ. Къ тому же, при императрицѣ Аннѣ, ея врожденное расположеніе къ уединенію, ея дикость, за которую ее въ дѣтствѣ наказывала мать, могли лишь усилиться, благодаря вліянію Бирона, старавшагося не мѣшать ея влеченію быть затворницею среди пышнаго двора тетки. Вспомнимъ однако, что капризная, несговорчивая принцесса могла быть или казаться часто такою именно,—потому что ей ненавистна была опека Бирона. Впослѣдствіи, освободясь отъ этой опеки, она остается холодна въ разговорѣ съ чужимъ, что вмѣнялось ей въ гордость, и сильна въ выраженіяхъ, но за то умѣетъ быть обходительною съ чинами своего двора и съ тѣми, кого приближала къ себѣ. Она судила о людяхъ по лицамъ, по впечатлѣнію, какое они производили на нее и, откровенная въ обращеніи, не могла скрывать какъ своего расположенія, такъ и нерасположенія. Вотъ почему въ то время, какъ одни видѣли лишь превращеніе дѣвочки-дикарки въ надмѣнную повелительницу, въ глазахъ другихъ Анна оставила сдержанность и заключенность въ себѣ, воспитанныя въ ней бироновскою эпохою, и стала словоохотливою, остроумною хозяйкою въ тѣсномъ кругу приближенныхъ. Анна Леопольдовна была женщина не безъ души и не безъ сердца. Она любила чтеніе французскихъ и нѣмецкихъ

книгъ и особенно предпочитала драмы, декламируя нерѣдко сама любимыя мѣста. Она говорила, что ей въ особенности нравятся тѣ мѣста драмъ, гдѣ угнетенныя принцессы выражаютъ свои чувства къ своимъ угнетателямъ. Отъ любви къ драмѣ лишь шагъ къ романтизму. Не безъ романа обошлась и молодость Анны. Вниманіе ея, 16 лѣтней дѣвушки, обратилъ на себя красавецъ, саксонскій посланникъ, Линаръ и исторія ея любви могла лишь содѣйствовать къ еще большему одичанію этой готовившейся открыться для свѣта и его внечатлѣній натуры. Сближенію Анны и Линара помогала гувернантка Анны, Адеркасъ. Линаръ началъ интригу, чтобы помѣшать браку между принцессою и принцемъ Антономъ Браунгвейгскимъ. Очень вѣроятно, что это дѣлалось не только не безъ вѣдома, но и по желанію принцессы. Но принцъ Антонъ былъ подъ покровительствомъ императрицы Анны. Когда исторія открылась, попросили отозвать Линара, а гувернантку Адеркасъ выслали въ Германію (¹).

Старшій сынъ принцессы Анны отъ принца Антона далъ въ лицѣ своемъ наслѣдника русскаго престола императрицѣ Аннѣ. Младенецъ былъ принятъ императрицею на полное ея попеченіе. Анна Ивановна была благочестива; если она изъ двухъ лицъ, бывшихъ при ней въ случаѣ, Левенвольда и Корфа, удержала перваго при своемъ дворѣ, не смотря на происки Бирона, а къ Корфу чувствовала нерасположеніе, то это именно за вольнодумство послѣдняго въ дѣлахъ религіи (²). Набожная императрица прежде всего отпраздновала рожденіе внука торжественными молебствіями во всѣхъ городахъ имперіи. Она пожелала, чтобы ему нарекли имя Иванъ, сама была единственною воспріемницею его отъ купели. Ребенка помѣстили во дворцѣ, близъ императрицы. Пеленать и распеленывать его можно было только въ присутствіи герцогини курляндской. Послѣдняя въ глазахъ Анны очевидно какъ нельзя болѣе годна была въ роли бонны и точно Бенигна Биронъ безъ сомнѣнія чувствовала себя призванною къ этой роли еще прежде, когда

(¹) Пекарскій, 335.
(²) Пекарскій, 86—87 90,

соединяла свою судьбу съ судьбою любимца Анны. Бирону нужно было жениться. Онъ сдѣлалъ предложеніе старшей сестрѣ Бенигны, Троттѣ фонъ Трейденъ. Но Тротта обладала на столько чувствомъ благородной гордости, что не могла вступить въ бракъ для вида, для маски. Слабая и больная, она жаждала истинной привязанности. Младшая сестра ея была менѣе разборчива и Биронъ женился на ней. Она выростила ему дѣтей. Анна Ивановна, любившая нѣжно дѣтей Бирона, плакавшая надъ вторымъ сыномъ его во время его болѣзни, безъ сомнѣнія имѣла возможность оцѣнить заботы Бенигны о нихъ и теперь поручала ей уходъ за внукомъ своей сестры, наслѣдникомъ престола. Скоро оказалось, что Иванъ, ребенокъ миніатюрный по размѣрамъ, страдалъ сжатіемъ нервовъ и постояннымъ запоромъ, не уступавшимъ никакимъ средствамъ. Надобно надѣяться, что это болѣзненное предрасположеніе ребенка не было усилено заботами Бенигны. Что же касается матери, принцессы Анны, то отлучить ее отъ ребенка нашли такъ естественнымъ, что не видѣли въ этомъ никакой жертвы для материнскаго чувства. Но принцесса терпѣла эту разлуку только пока была жива тетка.

ИВАНЪ III АНТОНОВИЧЪ.

Биронъ-регентъ.

Анна Ивановна умерла отъ той же каменной болѣзни, которая свела въ могилу обѣихъ сестеръ ея. Эта болѣзнь развилась въ ней въ тотъ критическій для женщины физіологическій періодъ, который отмѣчаетъ переходъ къ преклонному возрасту. Императрица Анна умерла 46 лѣтъ отъ роду. Переходный періодъ въ физіологической жизни былъ главною причиною опаснаго оборота болѣзни.

Скончалась императрица и дворецъ наполнился плачущими. Анна Леопольдовна сидѣла въ углу комнаты, гдѣ лежало тѣло покойной, и плакала. Биронъ плакалъ и метался изъ стороны въ сторону не зная, за что хвататься, что начать. Наконецъ, чрезъ четверть часа, когда всѣ начинали мало по малу успокоиваться, приступили къ чтенію духовной императрицы. Замѣтивъ принца Антона за стуломъ принцессы Анны, Биронъ, съ свойственною ему ироніею, сказалъ, что и принцъ „можетъ быть благоволитъ выслушать послѣднюю волю императрицы". Съ почтеніемъ всѣ выслушали ее, хотя не мало тутъ могло быть лицъ, у которыхъ еще живо было въ памяти, что и Петра II хотѣли представить сдѣлавшимъ завѣщаніе, хотя этотъ царственный юноша до прекращенія сознанія былъ полонъ надежды на выздоровленіе, а послѣ не въ состояніи былъ сдѣлать распоряженія. Невольно могло представиться уму, что и Анна, не готовившаяся къ смерти и боявшаяся разговоровъ о ней, не могла сдѣлать сознательно необходимыхъ распоряженій, и что духовная могла быть дѣломъ Бирона. Тѣмъ не менѣе съ

благоговѣніемъ была выслушана эта духовная и согласно ей Биронъ объявленъ былъ регентомъ Россійской Имперіи, въ малолѣтство императора Ивана III. Биронъ достигъ высшей почести, какой можетъ удостоиться подданный. Скоро сенатъ далъ ему титулъ королевскаго высочества (1), и тотъ же титулъ для вида былъ данъ отцу императора, принцу Антону. Регенту назначено было 500,000 рублей годичнаго содержанія, тогда какъ родителямъ императора опредѣлено было лишь 300,000, а великой княгинѣ Елизаветѣ Петровнѣ только 80,000. Такъ какъ у Бирона съ счастливой руки австрійскаго правительства, закупившаго его въ началѣ царствованія Анны подарками въ 200,000 талеровъ, состояніе чрезвычайно увеличилось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и онъ, имѣя деньги въ иностранныхъ банкахъ и помѣстья, получалъ до 4 милл. ливровъ годоваго дохода, сверхъ назначеннаго ему теперь сенатомъ, то у него, очевидно, были всѣ средства поддерживать пышность своего двора и закупать приближенныхъ. Къ вновь восшедшему солнцу обратились теперь всѣ обычные поклонники величія и власти. Кто прежде цѣловалъ руку у принца Антона, тотъ счелъ долгомъ совершать тотъ же процесъ раболѣпнаго почтенія у Бирона. У баловня фортуны, въ 1715 г. едва не высланнаго изъ Петербурга за дерзость проситься въ камеръюнкеры къ супругѣ царевича Алексѣя, теперь цѣловала руку русская знать...

Но отдернемъ завѣсу, взглянемъ на скрытую сторону медали, и мы увидимъ, что этотъ идолъ, предъ которымъ все преклонялось, былъ полонъ сомнѣній и страха. Главная опора его рушилась: императрицы Анны не было въ живыхъ. Тѣло ея еще стояло во дворцѣ, но его скоро должны были вынести оттуда. Послѣ этого Биронъ долженъ былъ удалиться изъ дворца и должна была начаться его самостоятельная, государственная жизнь, опорой которой могли быть лишь его собственные таланты, знаніе и опытъ. Нельзя сказать, чтобы онъ не зналъ Россіи... Если довѣриться Манштейну, то онъ даже хорошо изучилъ ее. Правда, онъ пре-

---

(1) Пекарскій, 135.

небрегалъ русскимъ языкомъ, но въ то время на Руси было уже столько нѣмцевъ во всѣхъ частяхъ управленія, что ему можно было изучить Россію, не изучивъ русскаго языка. Въ первые два года своей жизни въ Москвѣ, онъ почти не занимался дѣлами. Да и могъ ли онъ заниматься ими при томъ полномъ невѣденіи, въ какомъ былъ относительно ихъ. До пріѣзда своего въ Россію съ Анной онъ едва ли сколько нибудь былъ посвященъ въ политику, по замѣчанію Манштейна. Но отъ природы человѣкъ не глупый, онъ мало по малу набилъ руку въ политическихъ и государственныхъ дѣлахъ, втянулся въ нихъ. Если на комъ всего болѣе оправдалась поговорка, что „обстоятельства дѣлаютъ человѣка,“ то это безспорно на Іоганнѣ-Эрнстѣ Биронѣ. И трудно было ему не ознакомиться съ дѣлами. Онъ былъ всегда при Аннѣ, посвящавшей обыкновенно нѣкоторое время утромъ государственнымъ дѣламъ. Сначала императрица, по привязанности своей къ нему, не могла пробыть безъ него четверти часа, такъ что знакомые не знали, чтобы Биронъ когда нибудь куда отправлялся въ гости и Анна Ивановна не любила даже вечеровъ въ частныхъ домахъ, могшихъ отвлечь временщика отъ сообщества съ нею. Впослѣдствіи Биронъ для собственныхъ цѣлей почти не отходилъ отъ Анны. Въ это постоянное сообщество Анны и ея главнаго совѣтника необходимо вникнуть, чтобы понять, что Бирону были не только всѣ средства и много времени, чтобы ознакомиться съ дѣлами правленія, но и что ему необходимо было ближе ознакомиться съ ними. Анна могла убивать время, монотонно текшее въ сообществѣ Бироновъ, въ разстанавливаніи вдоль стѣны своихъ шести шутовъ, обязанныхъ немилосердно бить другъ друга, и находила удовольствіе въ ихъ потасовкахъ, но такія развлеченія были не по Бирону, даже при невысокомъ уровнѣ его умственныхъ способностей. Если такимъ образомъ много было времени, чтобы ознакомиться съ управленіемъ страны, то съ другой стороны Биронъ, хотя-нехотя, обязанъ былъ освоиться съ нимъ. Чрезъ него доходило все до Анны, она думала его головою, утверждала его рѣшенія. Человѣку, незнакомому со страной, тутъ на каждомъ шагу представлялась возможность попасть въ просакъ. А Биронъ былъ самолюбивъ и хотѣлъ дѣйствительной власти, которой ни-

когда не могъ бы имѣть, если бы, благодаря незнанію дѣлъ, долженъ былъ во всемъ руководиться другими.

Въ 10 лѣтъ царствованія Анны, Биронъ успѣлъ сдѣлаться ненавистнымъ русскимъ. Онъ не терпѣлъ ничего русскаго, презиралъ русскихъ; выказывалъ не разъ жестокость и даже звѣрство, которыя трудно было подозрѣвать въ образованномъ и свѣтскомъ придворномъ; пытками при сборѣ недоимокъ заставилъ бѣжать толпы русскихъ въ сосѣднія государства. За многое могла посчитаться съ Бирономъ Россія, когда его сдѣлали надъ ней регентомъ. Знанія дѣлъ было теперь недостаточно, чтобы удержаться въ главѣ правленія. Нужны были другія способности и сильная партія, а ее Биронъ могъ составить только изъ нѣмцевъ. Но между ними главные были не на его сторонѣ. Остерману онъ имѣлъ основаніе не довѣрять. При Аннѣ Ивановнѣ онъ нуждался въ немъ лишь какъ въ искусномъ дѣльцѣ, но былъ въ душѣ врагомъ его. Да и Остерманъ теперь былъ не тотъ, какимъ мы видѣли его по смерти Петра II, когда боясь паденія, а можетъ быть и высылки изъ Россіи, онъ готовъ былъ отдать власть первому иностранцу, чтобы только не оставить ея въ рукахъ старой русской партіи. Остерманъ сталъ самостоятельнѣе. Онъ чувствовалъ, что нуженъ Бирону, когда самъ могъ обойдтись и безъ него. У него, какъ увидимъ далѣе, были свои планы, заставлявшіе его желать паденія временщика.

Другой главный представитель нѣмецкой партіи въ Россіи въ это время былъ Минихъ. Это былъ тоже другъ Бирона до времени и изъ видовъ. Неустрашимый солдатъ, знатокъ военнаго дѣла благодаря серьезной подготовкѣ и образованію, человѣкъ безспорно умный, Минихъ начавъ военную службу подъ знаменами лучшихъ полководцевъ западной Европы, открылъ свою карьеру въ Россіи, какъ инженеръ, успѣшнымъ проведеніемъ Ладожскаго канала. Когда по смерти Петра нѣмцамъ стали выпадать, отъ времени до времени, первыя роли въ Россіи, Минихъ долженъ былъ быстро выйдти впередъ. По характеру юноша до старческаго возраста, Минихъ былъ страстнымъ поклонникомъ женскаго пола. Лэди Рондо описываетъ намъ, какъ онъ замирающими отъ удовольствія глазами глядѣлъ на каждую нравившуюся ему женщину и затѣмъ судорож-

но схватывая руку собесѣдницы напечатлѣвалъ на ней горячій поцѣлуй. Даже эта роль селадона не была не у мѣста для возвышенія честолюбца въ эпоху правленія и вліянія на дѣла женщинъ, когда въ посланники при дворахъ намѣренно посылались лица, принимавшія на себя амплуа первыхъ любовниковъ и внѣшность такъ часто выводила людей впередъ. Чтобы хорошо обставиться въ Россіи съ матеріальной стороны—что также необходимо было для успѣховъ въ жизни—Минихъ занималъ не мало должностей и бралъ сверхъ того гдѣ могъ.

Лэди Рондо, оцѣнивая характеръ Миниха, предостерегаетъ каждаго довѣряться ему, пророча, что онъ измѣнитъ какъ скоро того потребуетъ его собственная польза. Биронъ по видимому былъ того же мнѣнія. Но Минихъ былъ ему нужный человѣкъ. Миниху нѣмецкая партія обязана была многимъ. Онъ учредилъ кадетскій корпусъ, а офицеровъ и унтеръ-офицеровъ для обученія въ немъ выписалъ изъ Пруссіи. Нѣмецкій элементъ, благодаря такимъ же выпискамъ, привился къ арміи. Измайловскій гвардейскій полкъ былъ учрежденъ съ исключительною цѣлью наполнить его офицерами нѣмцами и сдѣлать изъ него такимъ образомъ противовѣсъ Преображенскому и Семеновскому полкамъ, по своему русскому составу естественно недоброжелательствовавшимъ временьщикамъ—нѣмцамъ.

Если при жизни Анны честолюбивый Минихъ перебивалъ дорогу Вирону, прося у императрицы о доставленіи ему курляндской герцогской короны, то Биронъ всего могъ опасаться теперь отъ его храбрости и предпріимчивости, тѣмъ болѣе, что гвардія была противъ регента. При объявленіи Бирона регентомъ ни одного одобрительнаго клика не раздалось въ рядахъ гвардейскихъ полковъ. Регентъ зналъ свою непопулярность въ средѣ гвардіи и велѣлъ ввести въ Петербургъ для карауловъ 6 армейскихъ батальоновъ. Минихъ взялъ на себя разъясненіе этой мѣры недовольнымъ ею гвардейцамъ, но исполнилъ это чрезвычайно неискусно. Онъ представилъ, въ своей рѣчи, гвардіи, что обязанность ея охранять особу государя, а для обыкновенныхъ служебныхъ обязанностей можно употреблять и другія войска. Неудивительно, что это воззваніе нисколько не утишило умы въ гвардіи: оно было исполнено ироніи, чтобы понять эту иронію, необходимо припомнить турецкій по-

ходъ Миниха и пушки, наведенныя имъ предъ Очаковымъ на гвардію, когда та, ссылаясь на то, что обязанность ея охранять особу государыни, не шла на приступъ крѣпости ([1]).

Регентъ кажется однако опасался Миниха не меньше гвардейцевъ. Дворцовому караулу отдано было приказаніе стрѣлять по всякому отряду войскъ, который бы захотѣлъ приблизиться ко дворцу между 10 часами вечера и 5 утра. Съ этимъ въ связи нужно поставить извѣстный вопросъ Бирона Миниху наканунѣ своего ареста: случалось ли фельдмаршалу принимать что либо отважное ночью? на что фельдмаршалъ, не смутясь, отвѣчалъ, что онъ привыкъ пользоваться благопріятными обстоятельствами когда бы они ни представились.

Опасаясь главныхъ представителей правительственной нѣмецкой партіи, Биронъ готовилъ рѣшительный ударъ, чтобы утвердиться во власти. Съ этою цѣлью онъ послалъ за свояком, генераломъ Бисмаркомъ и братомъ Карломъ. Первый былъ въ Ригѣ, другой въ Москвѣ и обоихъ онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ. Генералъ Бисмаркъ, убившій своего слугу за границей и бѣжавшій въ Россію, поднялся по службѣ, благодаря женитьбѣ на старшей сестрѣ герцогини курляндской, той самой больной, но жаждавшей истинной привязанности, Троттѣ фонъ Трейденъ, которая не хотѣла выйдти за Бирона и руки которой безуспѣшно просилъ послѣ Минихъ-сынъ. По рѣшительному нраву, Бисмаркъ нуженъ былъ Бирону въ критическую минуту. Карлъ Биронъ, другой помощникъ, необходимый брату въ эту минуту, извѣстенъ былъ какъ отъявленный буянъ и человѣкъ съ несноснымъ, но рѣшительнымъ характеромъ. Онъ служилъ прежде офицеромъ въ русской арміи, потомъ въ польской, потомъ, благодаря протекціи брата, попалъ въ русскіе генералъ-аншефы. Этотъ покрытый шрамами, полученными въ дракахъ и буйствахъ, генералъ имѣлъ смѣлость ухаживать за великою княгинею Елисаветою Петровною во время всемогущества своего брата. Въ обществѣ его избѣгали, опасаясь подвергнуться непріятности и послѣ нерасположенію его брата. Если регентъ ну-

([1]) Merkwürdigkeiten, 117—118.

ждался въ услугахъ такого человѣка, тогда московскаго коменданта, то очевидно онъ не затѣвалъ ничего хорошаго для блага государства. На помощь третьяго Бирона, Густава, мужа возвращенной изъ изгнанія меньшей дочери Меньшикова, нельзя было надѣяться. Это-былъ человѣкъ любезнаго, спокойнаго нрава, хотя и безъ особеннаго ума и образованія.

Въ отношеніяхъ своихъ къ членамъ царскаго дома Биронъ долженъ былъ явиться дипломатомъ. Онъ зналъ, что Антонъ Брауншвейгскій и принцесса Анна возбуждены противъ него. Благодаря ему, престолъ не перешелъ къ Аннѣ Леопольдовнѣ, а наслѣдникомъ назначенъ былъ ребенокъ, въ царствованіе котораго Биронъ расчитывалъ править страною и успѣлъ въ своемъ расчетѣ. Въ отношеніи матери императора регентъ выказывалъ еще нѣкоторую предупредительность. Когда принцесса высказала твердую рѣшимость взять своего сына изъ дворца къ себѣ и не отлучать его отъ себя ни на минуту—Бирону оставалось лишь согласиться. Онъ сдѣлалъ болѣе, проводилъ принцессу до кареты и подалъ ей руку, чтобы помочь сѣсть. За то съ принцемъ Антономъ онъ не стѣснялся. Онъ былъ очень низкаго мнѣнія о способностяхъ принца, зналъ о нерасположеніи къ нему принцессы и не соблюдалъ даже обыкновенныхъ приличій. Онъ разъ замѣтилъ въ глаза принцу, что жена его, принцесса, до брака говорила, что она охотнѣе положитъ голову на плаху, чѣмъ пойдетъ за него замужъ. Личныя объясненія между принцемъ и регентомъ были иногда такъ горячи, что дѣло могло кончиться оскорбленіемъ. Разъ противники чуть не дошли до шпагъ, потому что принцъ Антонъ, хотя добрый и кроткій, былъ по природѣ смѣлъ и даже неустрашимъ, какъ отзывается о немъ шуринъ его, Фридрихъ II. Такъ дерзко обращаться съ отцемъ императора — принцъ Антонъ былъ даже одно время арестованъ по приказанію регента—Биронъ впрочемъ едва ли дозволилъ бы себѣ, если бы не зналъ о нерасположеніи къ нему супруги—матери императора—и чтобы усилить его принялъ свои мѣры. Онъ далъ знать саксонскому двору, что ему пріятно будетъ видѣть представителемъ этого двора въ Петербургѣ того же Линара, котораго нѣсколько лѣтъ назадъ не совсѣмъ церемонно удалили изъ Россіи. Расчетъ его былъ, что привязанность прин-

*

цессы Анны къ Линару должна возвратиться и тѣмъ посѣяно будетъ сѣмя бо́льшаго раздора между принцемъ Антономъ и его супругою, а на несогласіяхъ ихъ регентъ основывалъ свои планы къ послѣдующимъ мѣрамъ для устраненія грозившаго ему совмѣстничества родителей императора. Между тѣмъ регентъ началъ другаго рода игру съ великою княжною Елисаветою Петровною. Великодушная политика въ отношеніи дочери Петра I была также одною изъ мѣръ, предписываемыхъ тактикою, согласно которой Биронъ дѣйствовалъ теперь относительно брауншвейгской фамиліи.

Елисавета Петровна.

Въ то время какъ домъ царя Ивана Алексѣевича старался о сохраненіи русскаго престола за собою, у трона законною, но непризнанною наслѣдницею его, стояла дочь Петра I, Елисавета. Красавица собой, живая, развязная, любезная собесѣдница; дѣвушка очень недурно образованная и отъ природы одаренная здравымъ, подвижнымъ умомъ; говорившая по французски, по нѣмецки, знавшая нѣсколько по итальянски, немножко поэтъ, когда страсть молодости рвалась въ безъискуственныхъ, но полныхъ чувства стихахъ,—Елисавета Петровна окружена была сверхъ того обаяніемъ имени Петра I. Но кто ближе зналъ ея нерѣшительный, женственно-слабый характеръ, соединенный съ нервною раздражительностью, находившею исходъ оскорбленному чувству скорѣе въ слезахъ, чѣмъ въ энергическомъ отпорѣ, тотъ могъ навѣрно заключить, что не ей явиться на поприщѣ самостоятельной политической дѣятельности. Только обстоятельства могли вызвать ее на арену этой дѣятельности и мы приближаемся къ тому времени, когда они вызвали ее. Чтобы болѣе вникнуть въ роль, открывшуюся предъ Еслисаветою Петровною, теперь необходимо ознакомиться съ ея прошедшимъ.

Дѣтство Елисаветы, какъ и сестры ея Анны, протекло на рукахъ двухъ нянь, нѣмки и карелки. Екатерина Алексѣевна, мать ихъ, часто уѣзжала въ дальнія путешествія съ Петромъ I и по-

тому не могла много времени посвящать дѣтямъ. Вліяніе нянь, въ обществѣ которыхъ теперь почти исключительно были дѣти, отразилось на будущемъ дочери Екатерины. Если впослѣдствіи собирали торговокъ съ площадей, чтобы занимать росказнями засыпавшую Елисавету; если Елисаветѣ въ зрѣломъ возрастѣ чесали ножки на сонъ грядущій; если она была полна суевѣрій и предразсудковъ, — то все это объясняется сферою, оставившею первые слѣды на впечатлительномъ умѣ ребенка. Когда пришло время учиться— ученье пошло своимъ порядкомъ. При великихъ княжнахъ была француженка гувернантка. Особенно Елисавету учили прилежно французскому языку, потому что ее прочили въ невѣсты французскому дофину, послѣ Лудовику XV. Петръ I, разъ заставъ дочерей за чтеніемъ французскихъ писемъ m-me Ламберъ, заставилъ ихъ перевести страницу изъ книги и потомъ сказалъ, что онъ много далъ бы, если бы могъ въ молодости получить такое же образованіе, какое получили его дочери, но что у него не было ни хорошихъ книгъ, ни добрыхъ наставниковъ. По словамъ другихъ, Петръ сказалъ даже, что онъ охотно далъ бы отрубить одинъ изъ своихъ пальцевъ, если бы можно было вернуть прошедшее.

14—15 лѣтъ Елисавета, блондинка, высокаго роста, съ голубыми глазами, игравшими необыкновеннымъ блескомъ, съ полнымъ, округлённымъ лицемъ снѣжной бѣлизны, уже глядѣла дѣвушкой-невѣстой и можетъ быть положеніе ни одного жениха не было болѣе затруднительно, какъ принца Голштинскаго, пріѣхавшаго въ Россію жениться на дочери Петра, покупавшаго уже свадебные подарки и все еще не знавшаго какую дочь Петръ отдастъ за него. Съ своей стороны онъ даже, если былъ бы и потверже характеромъ, могъ колебаться между брюнеткою — Анною и блондинкою — Елисаветою. Обѣ были красавицы. Довольно сказать, что герцогъ Лирійскій называетъ Анну первою красавицею въ Европѣ, а объ Елисаветѣ говоритъ, что онъ красивѣе ея женщины не видалъ. Тутъ видимое противорѣчіе, но очевидно герцогъ такъ же мало былъ въ состояніи отдать пальму первенства одной изъ сестеръ, какъ герцогъ Голштинскій и какъ авторъ извѣстныхъ

французскихъ стиховъ „Sur la brunette et sur la blonde,“ воспѣвшій Анну и Елисавету.

Мы видѣли, что Елисавету прочили за Петра II, когда умерла сестра ея Наталья. Устроить этотъ бракъ старался Остерманъ и въ протоколахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта мы находимъ подробныя свѣденія, какъ хотѣлъ онъ это сдѣлать, равно какъ и прямыя указанія на то, что этотъ бракъ по видимому былъ цѣлью желаній Екатерины I. То что Елисавета приходилась теткою назначавшемуся ей жениху, то что женихъ былъ пятью годами моложе невѣсты—по видимому вовсе не обращало на себя вниманія дипломата, представившаго проэктъ брака. Все затрудненіе находилъ онъ въ томъ, какъ уладить интересы Елисаветы и Петра. Конечно, этимъ бракомъ интересы потомства отъ двухъ супругъ Петра I соединялись. Но Остерманъ предвидѣлъ возможность разъединенія ихъ интересовъ и на этотъ случай предложилъ отдать Елисаветѣ Петровнѣ въ самостоятельное владѣніе прибалтійскія пріобрѣтенія Петра I (¹). Можно положительно сказать, что Остерманъ самъ собою не осмѣлился бы предложить этого раздѣла Россіи, если бы мнѣніе его не имѣло за собой воли Екатерины. Вспомнимъ, что Екатерина еще прежде просила Петра составить изъ прибалтійскихъ провинцій особое владѣніе для нея. Тогда Екатерина еще не имѣла въ виду сдѣлаться русскою императрицею. Теперь, когда престолъ переходилъ въ потомство царевича Алексѣя, возникаетъ тотъ же планъ отчужденія прибалтійскаго края для потомства Екатерины. Участіе Екатерины въ предложеніи этого плана подтверждается еще тѣмъ, что нѣсколько дней спустя по представленіи Остерманомъ его проекта въ Верховный Совѣтъ, присланъ былъ въ Совѣтъ указъ, чтобы казенные доходы съ Лифляндіи поступали впредь въ вѣденіе дворца.

Какъ ни страненъ проэктъ о бракѣ между Елисаветою и Петромъ II, но очень вѣроятно, что при дворѣ обращали при составленіи его вниманіе и на видимое расположеніе юнаго Петра къ его теткѣ и вмѣстѣ подругѣ дѣтства. Можетъ быть даже это расположеніе подсказало и мысль, безъ того могшую показаться чѣмъ-то химе-

---

(¹) Чтенія, 1858, III, мат. отеч., 11—12.

рическимъ. Какъ ни молодъ былъ Петръ, но онъ находилъ Марію Меньшикову худощавою и сухою и слѣдовательно могъ до нѣкоторой степени высказывать личную оцѣнку наружныхъ достоинствъ. Проекту о бракѣ въ средѣ царскаго семейства не было дано хода, преимущественно, какъ мы видѣли, по настоянію Меньшикова. Духовное завѣщаніе Екатерины объявляло женихомъ Елисаветы двоюроднаго брата герцога Голштинскаго, супруга Анны Петровны, принца Эйтенскаго. Елисавета со всею теплотою души привязалась къ своему жениху, но онъ умеръ на рукахъ ея, вскорѣ послѣ смерти Екатерины I. Мы говорили уже нѣсколько о жизни Елисаветы въ царствованіе Петра II. Сначала молодой императоръ чувствовалъ къ ней большую привязанность, но послѣ охладѣлъ. Безъ сомнѣнія слухи и толки о вѣтренности и легкомысліи 20-лѣтней красавицы были этому причиною. Долгорукіе воспользовались этимъ и Елисавета, какъ мы видѣли, жила забытая всѣми и нуждаясь въ самомъ необходимомъ для своихъ домашнихъ.

Послѣ Петра II, по завѣщанію Екатерины I, наслѣдникомъ престола былъ сынъ Анны Петровны, Петръ Өедоровичъ, и въ случаѣ смерти его безъ потомства, престолъ долженъ былъ перейдти къ Елисаветѣ. Есть извѣстіе, что домашній врачъ Елисаветы, французъ Лестокъ, человѣкъ хитрый, дѣятельный и честолюбивый, разбудивъ Елисавету, чтобы сообщить ей о смерти Петра II, говорилъ, что теперь ей время дѣйствовать, чтобы вступить на отцовскій престолъ. Но ничто не могло поколебать молодой дѣвушки, чуждой честолюбія, и которая слишкомъ любила наслажденія свѣта, чтобы рисковать предпріятіемъ, при неблагопріятномъ оборотѣ могшемъ привести ее въ стѣны монастыря. Она осталась въ сторонѣ отъ политическихъ интригъ.

Десятилѣтнее царствованіе Анны было школою мало по малу воспитавшею въ Елисаветѣ убѣжденіе, что отсутствіе честолюбія и нежеланіе вести политическія интриги нисколько не спасутъ ее отъ преслѣдованія, а можетъ быть и отъ монастыря, и что если уже придется пострадать, такъ было бы за что. Въ теченіе этихъ десяти лѣтъ въ ней родилась и поддерживалась мысль выступить на поприще политической дѣятельности, если это необходимо нужно, если ея происхожденіе и положеніе не давали ей возможности

мирно наслаждаться жизнью, не возбуждая подозрѣній въ другихъ.

Въ царствованіе Анны, Елисавета была окружена шпіонами. Если сама Анна, не терпѣвшая вина и позволявшая пить у себя за столомъ одному кн. Куракину, поила иногда приближенныхъ, по догадкамъ современниковъ, съ цѣлью выпытать ихъ мысли, то менѣе щекотлива была окружавшая ее бироновская партія. Вокругъ Елисаветы были шпіоны знатные и незнатные. Поручено было наблюдать за Елисаветою Миниху, а тотъ, не отказавшись участвовать въ этомъ дѣлѣ, но безъ сомнѣнія чувствуя въ какой степени такая роль шла къ блестящему генералу и воину, хвалившемуся столько же неустрашимостью, сколько откровенностью своего характера—передалъ возложенную на него обязанность своему брату. Братъ его, свѣтскій фатъ, человѣкъ не могшій пройдти мимо ни одного зеркала во дворцѣ, чтобы не остановиться и не осмотрѣться, давшій впослѣдствіи пищу для эпиграммы придворнаго хирурга Боергаве и за деньги забывшій обиду — обладалъ однакоже нѣкоторыми хорошими чертами характера, которыя дѣлали его малоспособнымъ для исполненія возложенной на него обязанности. Извѣстно, что разъ, когда нѣкоторые изъ членовъ царскаго семейства гуляли зимой и было очень холодно, когда одѣтая слишкомъ легко Елисавета Петровна начинала зябнуть и никто изъ придворныхъ, изъ боязни прослыть за ея приверженца, не смѣлъ предложить ей своей шубы, одинъ Минихъ-братъ не побоялся предложить ей свою. Елисавета послѣ не забывала этой услуги. Враги конечно могли сказать, что онъ сдѣлалъ это по недогадливости, но такъ, или иначе, все же очевидно онъ былъ не вполнѣ годенъ въ должность шпіона. Старались получать сообщенія и отъ врача Елисаветы, Лестока, но не на того напали, и конечно не получали отъ него никакихъ свѣденій. Послѣ былъ приставленъ для тайнаго надзора къ Елисаветѣ урядникъ Щегловитый (выслужившійся послѣ въ капитаны), для соблюденія внѣшнихъ приличій опредѣленный къ ней управляющимъ домомъ. Офицеръ Преображенскаго полка Альбрехтъ, послѣ въ званіи старшаго офицера этого полка бившій подчиненныхъ офицеровъ (напримѣръ прапорщика Ватазина), имѣлъ тайный надзоръ за дѣйствіями Елисаветы, когда эта лестная обязанность стала не по силамъ Ми-

ниху [1]. Нанимали даже извощиковъ, чтобы слѣдить куда поѣдетъ Елисавета. Главнымъ образомъ эти мѣры принимались потому, что при выѣздахъ великой княжны народъ встрѣчалъ ее кликами.

Сначала, по воцареніи Анны, Елисавета жила близъ Москвы, въ селѣ Покровскомъ, еще не вошедшемъ тогда въ черту города (нынѣшняя Покровка) и вела жизнь простую, беззаботную. Ходила въ хороводахъ на лугахъ съ крестьянскими дѣвушками, пѣла пѣсни, сама сочиняла ихъ иногда. По крайней мѣрѣ, сохранилась пѣсня, выдаваемая за ея произведеніе. Послѣ жила она въ Александровѣ, владимірской губерніи и было время, когда она должна была тамъ готовиться къ постриженію. Постричь ее не допустилъ Биронъ.

При тѣхъ матеріалахъ, которыми даже въ настоящее время можетъ располагать изслѣдователь событій прошлаго столѣтія, отношенія Бирона къ Елисаветѣ Петровнѣ при жизни императрицы Анны не составляютъ болѣе ничего загадочнаго. Несомнѣнно, что красавица—великая княжна произвела впечатлѣніе на временьщика. Анна Ивановна не могла не замѣтить этого и ревность сдѣлала ее еще холоднѣе къ Елисаветѣ. Платоническій характеръ отношеній Бирона къ Елисаветѣ только можетъ быть лишь болѣе былъ причиною, что любимецъ Анны не переставалъ во все время ея царствованія быть тайнымъ заступникомъ Елисаветы. Очень вѣроятно, что безъ него она увидѣла бы себя въ стѣнахъ монастыря. Нерасположеніе Анны къ Елисаветѣ простиралось до того, что во время болѣзни императрицы, Елисавету два раза не допустили къ ней и когда ей дозволялось входить, то бесѣда между императрицею и великою княжною кончалась въ нѣсколько минутъ. Дѣло Шубина показываетъ, что чувствъ Елисаветы не щадили, а страшное наказаніе, которому подвергся прапорщикъ Семеновскаго полка, осмѣлившійся понравиться великой княжнѣ, доказываетъ лишь, что подозрительный Биронъ могъ видѣть въ Шубинѣ не только государственнаго преступника, но и счастливаго соперника.

---

(1) Русскій Архивъ, 1864, 511—513.

Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ, красавецъ и гвардейскій офицеръ, обратилъ на себя вниманіе Елисаветы Петровны и она отдалась любви со всѣмъ пыломъ чувства. Всѣ планы выдать ее замужъ не удались. Послѣ того, какъ смерть похитила у нея жениха принца Эйтенскаго, ее хотѣли еще разъ выдать за иностраннаго принца. Искателемъ руки ея явился Морицъ Саксонскій, тотъ самый, который прежде предлагалъ руку Аннѣ Ивановнѣ, герцогинѣ курляндской и хлопоталъ о своихъ сундукахъ съ любовными записками, захваченными русскими войсками. Елисавета отказалась отъ этого жениха. Но сердце искало отвѣтнаго чувства и нашло его въ молодомъ гвардейскомъ прапорщикѣ. Сохранились стихи ея къ Шубину ([1]), поэтически выразившіе, что накопилось въ душѣ писавшей:

Вспомнимъ, что это было писано когда еще Кантемиръ писалъ силлабическими стихами, когда Третьяковскій еще не успѣлъ упрочить въ русской литературѣ свойственный русскому стиху стоническій размѣръ и когда еще не раздался звучный стихъ Ломоносова.

Былъ ли, не былъ ли Шубинъ вмѣстѣ политическій приверженецъ Елисаветы — прямаго свидѣтельства нѣтъ. Только его схватили, сначала заключили въ тюрьмѣ, или какъ говорили, въ каменномъ мѣшкѣ, гдѣ онъ не могъ ни стать, ни лечь, а потомъ сослали въ Камчатку и неволею женили на камчадалкѣ. Его не велѣно было называть настоящимъ именемъ и ему приказано было не говорить, кто онъ. Много лѣтъ спустя, по восшествіи Елисаветы Петровны на престолъ, Шубина отыскивали въ Сибири по ея приказанію, но два года прошло въ безуспѣшныхъ розыскахъ.

([1]) Мельниковъ, 188.

Я не въ своей мочи огнь утушить
Сердцемъ болѣю — да чѣмъ пособить,
Что всегда разлучно
И безъ тебя скучно.
Лучше бъ тя не знати
Нежель такъ страдати
Всегда по тебѣ.

Наконецъ, разъ отыскивавшіе упомянули объ императрицѣ Елисаветѣ.

— Развѣ Елисавета царствуетъ? спросилъ одинъ изъ бывшихъ тутъ? Ему отвѣчали утвердительно.

— Можете вы доказать это? спросилъ онъ. Въ два года до ссыльныхъ обитателей отдаленнаго угла обширнагѣ русскаго царства еще не дошла вѣсть о воцареніи новой императрицы. Ссыльному показали документы.

— Такъ я Шубинъ, котораго вы отыскиваете, отвѣчалъ онъ. Возвращенный изъ ссылки, онъ „за невинное претерпѣніе“ прямо пожалованъ былъ изъ прапорщиковъ въ генералъ маіоры, получилъ вслѣдъ затѣмъ Александровскій орденъ и помѣстья, между прочими с. Работки, макарьевскаго уѣзда, нижегородской губерніи. Но уже это былъ не тотъ Шубинъ, котораго знала Елисавета прежде. Жизнь въ Камчаткѣ развила въ немъ склонность къ отшельничеству, почти къ аскетизму. Хотя есть преданіе, что Елисавета предлагала Шубину свою руку и тотъ отклонилъ добровольно эту честь, предоставивъ ее Алексѣю Разумовскому, но очень можетъ быть, что объ этомъ не было и рѣчи. Что же касается почестей, оказанныхъ Шубину и наградъ, данныхъ ему, то все это могло объясниться просто тѣмъ, что Елисавета не забывала тѣхъ, кто ей былъ прежде дорогъ. Такъ она сохранила добрую память о своемъ покойномъ женихѣ, принцѣ Эйтенскомъ и отчасти благодаря ей согласилась на бракъ племянника съ родственницею покойнаго. Такъ не могла она забыть и чѣмъ прежде для нея былъ Шубинъ.

Хотя за Елисаветой тайно наблюдали, хотя не жалѣли ея чувствъ, но внѣшнія приличія требовали, чтобы она являлась при дворѣ, какъ принцесса крови. При торжественныхъ пріемахъ она была около императрицы. При пріемѣ китайскихъ пословъ, Елисаветѣ, неожиданно для нея самой, былъ высказанъ замѣчательный комплиментъ. Императрица спросила главнаго посла, кто изъ окружающихъ его, по его мнѣнію, превосходитъ всѣхъ красотою. Посолъ осмотрѣлся, и съ тактомъ дипломата замѣтилъ, что найдти красивѣйшихъ въ сонмѣ красавицъ окружавшихъ его также трудно, какъ сказать, какая звѣзда блеститъ ярче другихъ на звѣзд-

номъ небѣ. Это вовсе не удовольствовало Анну. Она отклонила увертку и пригласила посла отвѣчать на ея вопросъ прямо. Тотъ опять осмотрѣлся и поклонился Елисаветѣ. Онъ прибавилъ, что если бы не столь большіе глаза, то довольно было бы взглянуть на принцессу и умереть. И такъ, недостаткомъ въ мнѣніи сына небесной имперіи были ея глаза, которыми такъ восхищались лэди Рондо и всѣ видѣвшіе великую княжну. Но ясно одно, что на западный вкусъ, какъ и на восточный, Елисавета была первою красавицею двора. Неудивительно, что ходили слухи о предложеніи, сдѣланномъ ей персидскимъ шахомъ, знаменитымъ Надиромъ, требовавшимъ будто бы въ приданое царство астраханское.

Въ царствованіе Анны, Елисавета, любившая жизнь, ея наслажденія и роскошь, постоянно нуждалась въ деньгахъ, какъ и прежде. Анна не думала объ увеличеніи ея содержанія. Она сама, когда была герцогинею курляндскою, получала всего 10,000 руб. годоваго пенсіона и занимала деньги чрезъ Бирона у евреевъ. Даже незадолго до избранія ея на престолъ, просьба ея объ увеличеніи содержанія была отклонена въ Москвѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что герцогинѣ готовы были бы служить, но опасаются, что деньгами распорядится Биронъ. Елисавета при Аннѣ получала деньгами и съ имѣній до 40,000 рублей въ годъ и этого считали очень достаточнымъ для нея. Съ своей стороны Елисавета принуждена была просить взаймы у эстляндскихъ дворянъ: но ей отказали (¹). Это необходимо имѣть въ виду, чтобы понять, почему Биронъ, прежде заступавшійся за Елисавету изъ рыцарскаго чувства, а по смерти императрицы Анны старавшійся закупить расположеніе великой княжны изъ политическихъ расчетовъ, тотчасъ, какъ сдѣлался регентомъ, даже не спрося Елисавету, послалъ ей 20,000 рублей. Елисавета дорого цѣнила эту услугу. Вслѣдъ затѣмъ регентъ утроилъ ея доходы. Знали также, что регентъ имѣетъ съ великою княжною свиданія, продолжающіяся по нѣскольку часовъ. Французскій посланникъ, маркизъ Шетарди, писалъ своему двору, что Биронъ задумываетъ кокетничать съ Ели-

---

(¹) Иловайскій, Сиверсъ.

светою. Это политическое кокетство, какъ мы видѣли, было необходимо ему по отношеніямъ къ родителямъ императора. Ему приписывался планъ возвести на престолъ герцога голштинскаго, женивъ его на своей дочери. Ему приписывали даже намѣреніе предложить Елисаветѣ руку своего старшаго сына, Петра. На сколько во всемъ этомъ было правды — событія не допустили раскрыться.

Правительница Анна.

Ребенокъ-императоръ остался съ матерью, но ходили слухи, что это продолжится недолго, что Биронъ задумываетъ взять его у матери и послѣ удалить принца Антона съ супругою изъ Россіи. Анна Леопольдовна была взволнована и встревожена этими слухами. При всей видимой рѣзкости характера она была нерѣшительна и боязлива до малодушія. Она открылась Миниху, что ей угрожаетъ разлука съ сыномъ и просила защитить ее. Миниху только и нужно было согласіе принцессы, чтобы принять мѣры противъ Бирона. Вечеромъ въ тотъ же день онъ является къ принцессѣ съ нѣсколькими офицерами и проситъ при нихъ высказать свое желаніе, чтобы регентъ былъ арестованъ. Офицеры, бывшіе при особѣ императора, также приглашаются быть свидѣтелями воли принцессы. Принцесса цѣлуетъ Миниха на счастливое окончаніе дѣла, допускаетъ къ рукѣ офицеровъ и они удаляются. Минихъ не добился чего ему хотѣлось наиболѣе—чтобы принцесса сама отправилась съ нимъ для арестованія Бирона; принцесса была не на столько смѣла, чтобы рѣшиться на такой поступокъ. Принцъ Антонъ ничего не зналъ о томъ, что затѣвается. Не зналъ ничего и Минихъ-сынъ, гофмаршалъ принцессы Анны. Сама принцесса пришла къ постели его въ роковую ночь, разбудила его и, сѣвъ на постель, сообщила о попыткѣ, на которую рѣшался его отецъ ([1]).

Биронъ не ожидалъ катастрофы. Въ тотъ самый день, когда подготовлялся заговоръ противъ него, у него утромъ былъ принцъ

([1]) Минихъ-сынъ, 203.

Антонъ, оставался съ нимъ нѣсколько времени и послѣ съ нимъ же отправился въ его манежъ. Если бы принцъ зналъ что нибудь о готовящемся, то очень вѣроятно, что не сдѣлалъ бы этого визита тѣмъ болѣе, что по слабости характера могъ чѣмъ нибудь измѣнить себѣ. Напротивъ, Минихъ, бывшій въ тотъ день также у Бирона и остававшійся съ нимъ часовъ до 7 вечера, именно потому и былъ, что готовился къ предпріятію и безъ сомнѣнія хотѣлъ отклонить подозрѣнія.

Биронъ вечеромъ въ этотъ день былъ въ особенно тревожномъ состояніи духа и въ какомъ-то полузабытьи. Припомнимъ вопросъ его Миниху: не случалось ли ему предпринимать чего нибудь рѣшительнаго ночью. Очень вѣроятно, что въ умѣ его роились подозрѣнія. Евреи—банкиры Липманъ и Биленбахъ, какъ извѣстно, дали знать ему, что что-то затѣвается противъ него (1) и можетъ быть онъ придавалъ ихъ сообщенію вѣру.

Въ два часа ночи у дворца, гдѣ жилъ Биронъ и гдѣ все еще оставалось выставленнымъ тѣло императрицы, явился отрядъ солдатъ съ нѣсколькими офицерами, съ адъютантомъ Миниха, Манштейномъ и самимъ Минихомъ. Среди отряда ѣхала карета, которую выдавали за карету правительницы. По приближенію къ караулу, бывшему у дворца, и состоявшему изъ преображенцевъ, командиромъ которыхъ былъ Минихъ, дано было знать, что правительница ѣдетъ къ регенту. Караулъ пропустилъ шедшихъ. Подойдя къ главной гауптвахтѣ, Минихъ потребовалъ, чтобы вызвали офицеровъ. Тѣ вышли и онъ объявилъ имъ волю матери императора, чтобы регентъ былъ арестованъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ представилъ офицеровъ, бывшихъ свидѣтелями послѣдняго свиданья Миниха съ принцессой. Караульные офицеры убѣдились, да при ненависти ихъ къ регенту и убѣждать ихъ долго было ненужно. Тревоги не было и Манштейнъ, во главѣ нѣсколькихъ человѣкъ, безъ шума прошелъ къ дверямъ спальни регента. Дверь была заперта. Солдаты Манштейна выломали ее. Биронъ и жена его проснулись въ испугѣ и тотчасъ поняли въ чемъ дѣло.

---

(1) Пекарскій, 13.

Бенигна вскрикнула, когда съ ея бока у постели появилась фигура Манштейна, этого мощнаго алгвазила, по выраженію Вольтера. Биронъ сдѣлалъ движеніе, заставлявшее думать, что онъ хочетъ спрятаться подъ постель, но Манштейнъ въ мигъ уже былъ на его сторонѣ постели и схватилъ его. Началась борьба. Одинъ изъ солдатъ, накинувшій платокъ на ротъ сопротивлявшагося регента, былъ укушенъ имъ въ руку. Сопротивленіе ожесточило нападавшихъ и они избили герцога, нанеся ему по крайней мѣрѣ до двадцати, впрочемъ легкихъ, ранъ. Руки его были связаны офицерскими шарфами и онъ, какъ лежалъ въ постели въ исподнемъ платьи, былъ вынесенъ изъ дворца. Тутъ на него накинули солдатскую шинель, положили его въ сани и увезли. Бенигна, какъ была въ ночномъ неглиже, бросилась вслѣдъ за несшими мужа ея, на улицу. Тутъ одинъ солдатъ схватилъ ее и привелъ къ Манштейну, но тотъ велѣлъ тотчасъ же обратно отправить ее во дворецъ. Солдатъ впрочемъ не принялъ на себя такого труда и, бросивъ ее въ кучу снѣга, ушелъ. Офицеръ, случайно увидавшій ее тамъ, узналъ и проводилъ во дворецъ, откуда она впрочемъ въ тотъ же день была отвезена въ Александроневскую лавру и потомъ въ Шлиссельбургъ.

Утромъ отправили и ея мужа въ Шлиссельбургъ. На козлы дормеза, въ которомъ везли падшаго регента, сѣли два офицера съ заряженными двухствольными пистолетами. Биронъ въ халатѣ и сверхъ него въ плащѣ на горностаевомъ мѣху (этотъ плащъ онъ обыкновенно носилъ проѣзжая по городу) нахлобучивалъ шапку какъ можно ниже, чтобы не было видно его лица. Но въ народѣ узнали его и раздавались крики, требовавшіе, чтобы онъ открылъ лице и показался.

Немедленно по арестѣ регента велѣно было съѣзжаться во дворецъ всѣмъ чинамъ. Остерманъ ничего не зналъ о готовившемся переворотѣ и потому, получивъ извѣщеніе, что принцесса — съ этого времени уже правительница — Анна, требуетъ его во дворецъ, сослался было на свое обычное въ критическихъ случаяхъ нездоровье, но Минихъ послалъ разъяснить ему въ чемъ дѣло и о нездоровьи не было больше рѣчи. Остерманъ явился поздравить Анну со вступленіемъ въ управленіе государствомъ.

На время Минихъ явился раздавателемъ милостей въ русской

державѣ. Онъ удовольствовался для себя званіемъ перваго министра, чтобы не обидѣть принца Антона, которому хотѣлось быть генералисимусомъ. Себѣ же и своимъ Минихъ взялъ бироновскіе дома. Остерману дали, чтобы ублажить дипломата, помимо котораго совершился этотъ государственный переворотъ, званіе генералъ-адмирала. Всѣ распоряженія Миниха были утверждены правительницею, которая сверхъ того дала ему 100,000 рублей въ вознагражденіе за подвигъ.

Скоро принцу Антону и его супругѣ запала однако мысль—не вздумаетъ ли Минихъ также легко арестовать ихъ при случаѣ, какъ арестовалъ Бирона? За Минихомъ наблюдали и наблюдавшіе доносили, что онъ бываетъ у великой княжны Елисаветы. Это не могло предвѣщать ничего добраго въ глазахъ родителей императора. За Елисаветою также, и при томъ весьма систематически, слѣдили. Тотъ же самый Антонъ Брауншвейгскій, который на предложеніе ему лошадей изъ конюшни падшаго регента съ благородною гордостью отвѣчалъ, что онъ не намѣренъ ничѣмъ воспользоваться изъ имущества Бирона, снизошелъ до того, что назначилъ офицера Чичерина и 10 гренадеръ слѣдить за Елисаветою, переодѣвъ ихъ въ шубы и сѣрые кафтаны. Этого оказалось мало. Назначили для исполненія той же должности аудитора Барановскаго и послѣ придали къ нему сержанта Обручева ([1]). Отецъ и мать императора нѣкоторое время были въ такой тревогѣ, что еженочно мѣняли постели во дворцѣ, чтобы нельзя было знать, гдѣ они будутъ спать. Нѣтъ сомнѣнія, что противъ Миниха возбуждалъ ихъ Остерманъ, пріобрѣтшій очень значительное вліяніе на принца Антона. Остерманъ хотѣлъ удалить Миниха, потому что задумывалъ передать власть, бывшую въ рукахъ правительницы, въ руки ея мужа, и даже, уговоривъ его принять православіе, объявить его впослѣдствіи императоромъ. Этотъ планъ, если бы удался, сосредоточилъ бы всю власть въ рукахъ Остермана, потому что принцъ Антонъ былъ бы лишь послушнымъ орудіемъ въ его рукахъ. Напротивъ правительница Анна далеко не въ такой степени была сговорчива. На нее

([1]) Пекарскій, 226, 284.

имѣла большое вліяніе ея любимая фрейлина дѣвица Менгденъ. По природѣ своей скоро свыкавшаяся съ тѣми, кто постоянно былъ при ней, Анна скоро сдѣлала Юліану Менгденъ своей наперстницей и пожаловала ее видною долею изъ того, что было забрано у Бирона, хотя фрейлина Менгденъ не представляла ничего особеннаго ни въ какомъ отношеніи и давала своей государынѣ совѣты, лишь ставившіе ее нерѣдко въ трудное положеніе. Кромѣ Менгденъ, Анна была еще подъ вліяніемъ пріѣхавшаго изъ Саксоніи на вызовъ Бирона, Линара. Ожиданіе Бирона исполнилось; прибытіе Линара посѣяло сѣмя новаго раздора между правительницею и супругомъ. Прошлое было возобновлено въ памяти и въ поступкахъ. Принцъ Антонъ находилъ комнату супруги запертою въ то время, когда онъ не считалъ этого нужнымъ. Если Остерманъ хотѣлъ быть его адвокатомъ, то долженъ былъ устраниться отъ правительницы, тѣмъ болѣе, что Линаръ дѣйствовалъ высокомѣрно и самъ по видимому расчитывалъ играть ту же роль, какую Биронъ игралъ при Аннѣ Ивановнѣ. Онъ даже уѣхалъ въ Дрезденъ, куда повезъ часть русскихъ коронныхъ бриліантовъ—якобы для отдѣлки ихъ—съ тѣмъ, чтобы, взявъ тамъ отставку у своего короля, вернуться въ Россію и сдѣлаться въ ней оберъ-камергеромъ правительницы. Роль Бенигны при новомъ Биронѣ должна была играть Юліана Менгденъ, изъявившая желаніе вступить съ нимъ въ бракъ.

Всѣ эти планы разстроились очень скоро. Правленіе Анны Леопольдовны продолжалось лишь годъ съ небольшимъ. Окруженная иностранцами, чуждаясь русскаго общества, правительница не могла имѣть русской партіи для поддержки власти въ ея рукахъ. Она сама отстранила отъ себя и нѣмецкую партію въ Россіи, отдаливъ отъ себя Остермана и допустивъ паденіе Миниха.

Минихъ, какъ русскій первый министръ, стоялъ за Пруссію и ея интересы. Фридрихъ II называлъ его сѣвернымъ героемъ, супругѣ его сдѣланы были прусскою королевскою фамиліею значительные подарки. Напротивъ, Антонъ Брауншвейгскій, хотя одинаково близкій родственникъ царствовавшимъ домамъ Австріи и Пруссіи, держалъ открыто сторону Австріи. Остерманъ былъ съ нимъ. Принцъ и Остерманъ, воспользовавшись страхомъ, который

вселилъ въ правительницу генералъ-фельдмаршалъ, доставившій ей власть, предубѣдили Анну противъ Миниха. Тотъ видя, что онъ близокъ къ опалѣ, чтобы не подвергнуться худшему, попросился въ отставку. Отставка ему была дана и даже съ барабаннымъ боемъ на уличныхъ перекресткахъ объявили, что онъ за старостью (ему было лишь 54 лѣтъ) слагаетъ съ себя званіе генералъ-фельдмаршала. Послѣднимъ Минихъ оскорбился и просилъ разъясненія у правительницы. Та объявила, что это было сдѣлано безъ ея согласія. Вообще, отставивъ Миниха, правительница послѣ какъ бы раскаялась въ своемъ поступкѣ. Миниха оставили въ покоѣ жить въ Петербургѣ, не лишивъ его ничего, сверхъ того отъ чего онъ отказался самъ при отставкѣ. Правительница со свойственною ей откровенностью призналась Елисаветѣ Петровнѣ, что она поступила не по личному желанію, устранивъ Миниха отъ дѣлъ, а что ее уговорили къ этому. Впрочемъ и принцъ Антонъ не заводилъ своего преслѣдованія Миниха слишкомъ далеко. Въ это время производилось дѣло о баронѣ Икскулѣ, донесшемъ въ польскую войну, въ царствованіе императрицы Анны, Бирону о томъ, что Минихъ изъ личныхъ интересовъ выпустилъ короля Станислава Лещинскаго изъ Данцига, тогда какъ легко могъ захватить его въ плѣнъ (¹). Это донесеніе подчиненнаго Миниху офицера на главнокомандующаго нашли въ бумагахъ Бирона, по арестѣ послѣдняго, и такъ какъ бумаги арестованнаго регента разбиралъ братъ Миниха, то неудивительно, что донесеніе Икскуля попало въ руки фельдмаршала. Замѣтимъ, что по обстоятельствамъ дѣла то, о чемъ доносилъ Икскуль, могло быть вѣрно, но Минихъ, всесильный въ первые дни правленія Анны Леопольдовны, сталъ преслѣдовать Икскуля. По суду Икскуля обвинили и хотя Минихъ уже палъ, принцъ Брауншвейгскій послалъ обвиненнаго просить прощенія у бывшаго фельдмаршала.

Если бы Минихъ удержался въ управленіи, то ради собственныхъ выгодъ и изъ противодѣйствія Остерману онъ, по всей вѣроятности, явился бы надежною опорою правительницы, особенно

(¹) Русскій Архивъ, 1864, 534.

если бы она поменьше слушала дѣвицу Менгденъ и Линара и побольше его. Анна могла не чувствовать къ нему расположенія послѣ ареста Бирона, въ силу приводимой тогдашнимъ секретаремъ саксонскаго посольства Петцольдомъ поговорки: „предательство люблю, предателя ненавижу," но ея собственные интересы требовали удержанія Миниха въ управленіи, тѣмъ болѣе, что въ дружественныхъ связяхъ фельдмаршала съ прусскимъ королевскимъ дворомъ ничего не было неразрывнаго и почести съ подарками могли склонить его въ пользу Линара и его плановъ. Лишась Миниха, Анна лишилась главной своей опоры и когда ловкому дипломату, французскому посланнику Шетарди пришла мысль воспользоваться положеніемъ дѣлъ и произвести въ Россіи государственный переворотъ, который бы изъ союзника Австріи сдѣлалъ Россію союзникомъ Франціи, никого не нашлось около правительницы, кто бы предугадалъ готовившійся ударъ и защитилъ ее отъ него.

ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА.

Возшествіе на престолъ.

Немногія женщины такъ мало бываютъ созданы для престола, какъ была Елисавета. Прошло ея дѣтство, прошла первая молодость, наступили зрѣлые годы, а мечта о тронѣ, о возможности вступить на престолъ не являлась серьезно въ умѣ ея. Это была натура слишкомъ женственная для честолюбивыхъ стремленій и подвиговъ. Когда ее видѣли 11—12 лѣтнею бѣлокурою, хорошенькою дѣвочкою съ пріятнымъ добрымъ лицемъ — еще при жизни отца — даже самаго имени ея не было въ календаряхъ и никому не приходила мысль, что она можетъ явиться на престолѣ. Но есть извѣстіе, что въ завѣщаніи Петра I, уничтоженномъ Екатериною I и Меншиковымъ, говорилось о переходѣ престола къ Елисаветѣ Петровнѣ, въ случаѣ прекращенія потомства отъ старшей дочери Петра I, Анны. Мы видѣли Елисавету жертвою корыстолюбія Долгорукихъ и подозрительности Анны и ея племянницы—правительницы. Елисавета несетъ свой жребій, но наконецъ и она начинаетъ чувствовать тяжесть своего положенія. Нѣтъ исхода! Ее не оставляютъ въ покоѣ. Ей нужно быть жертвою или господствовать. Женственная природа закаляется и черствѣетъ среди притѣсненій и преслѣдованій. Елисавета рѣшается избрать изъ двухъ золъ меньшее: она рѣшается господствовать.

Красавица и женщина, Елисавета любитъ наряды, любитъ удовольствія; а между тѣмъ ея прислугѣ приходится оставаться безъ

самыхъ необходимыхъ вещей; ей приходится тайкомъ занимать деньги у частныхъ лицъ. Она великая княжна какъ будто только для того, чтобы всѣ замѣчали ея малѣйшія женскія слабости и говорили о нихъ; какъ будто для того только, чтобы нужды ея рѣзче бросались въ глаза. Умираетъ Петръ II. Какой случай для честолюбивой и властолюбивой принцессы поправить свои дѣла. Но Елисавета живетъ въ деревнѣ вдали отъ событій; ничего не ищетъ и ни о чемъ не хлопочетъ. Есть около нея человѣкъ хитрый и смѣлый—медикъ Лестокъ. Онъ нашептываетъ ей о коронѣ, объ обаяніяхъ власти. Елисавета съ испугомъ слушаетъ слова его. Корона, пышность и увеселенія двора заманчивы, но для достиженія цѣли нужно усиліе, нуженъ подвигъ. Они не по силамъ Елисаветѣ.

Но Елисавета прошла суровую школу въ 10 лѣтъ царствованія Анны. Чтеніе духовныхъ книгъ въ серьезныя минуты, волчья травля для развлеченія, пѣсни съ крестьянскими дѣвушками и хороводы въ веселую минуту — вотъ былъ міръ 20 лѣтней Елисаветы. Теперь ее вызываютъ ко двору, за каждымъ шагомъ ея присматриваютъ. Ее поселяютъ въ Смольномъ дворцѣ и дворецъ измѣняется въ монастырь. Одно время она даже приготовлялась къ постриженію въ Александровскомъ монастырѣ. Если бы не Биронъ, ее можетъ быть и постригли бы. Но, любезная и веселая часто даже подъ присмотромъ и среди притѣсненій, Елисавета производила впечатлѣніе своею наружностью на тѣхъ, кто сходился съ нею. Биронъ не избѣгъ этого вліянія,—и онъ тайно, подъ рукой покровительствуетъ ей, хотя и боится, чтобы тѣнь подозрѣнія не закралась въ сердце его покровительницы — императрицы. Но покровительство Бирона едва ли не давало себя чувствовать еще больнѣе, чѣмъ гоненія Анны. У Елисаветы отняли любимаго человѣка, сдѣлали привязанность ея источникомъ тяжкаго несчастія для него и еще рѣшались предлагать ей въ тоже время въ женихи 15 лѣтняго сварливаго и злаго мальчика.

Тяжелая школа, вынесенная Елисаветою въ царствованіе Анны, не осталась безъ результата: Елисавета болѣе созрѣла для власти. Въ регентство Бирона она вздохнула свободнѣе и когда, по паденіи его, начинается опять система мелкихъ преслѣдованій, она

является уже не слабою женщиною, а существомъ, готовымъ къ отпору.

Умная, но слабаго характера, женщина, правительница Анна заставила почувствовать Елисавету, что усиліе, требуемое съ ея стороны для достиженія власти, не будетъ велико. Правительница была противница, съ которою не трудно было помѣряться. Елисавета была робкаго характера, но и правительница не могла безъ сожалѣнія видѣть крови на обрѣзанномъ пальцѣ. Въ грусти первое прибѣжище Елисаветы были слезы; правительница въ этомъ съ ней сходилась. Елисавета полагала, что женщинѣ не слѣдуетъ быть героемъ; и Минихъ во время захвата Бирона окружилъ гвардейцами пустую карету, потому что Анна Леопольдовна ѣхать съ нимъ не рѣшилась. Съ другой стороны въ правительницѣ было несомнѣнно гораздо менѣе женской скрытности и умѣнья „казаться“, чѣмъ въ Елисаветѣ. „Надо имѣть мало ума, сказала Елисавета шведскому посланнику Нолькену,—чтобы высказаться такъ искренно“; ([1]) это замѣчаніе было высказано по поводу отзыва о Минихѣ. Такимъ образомъ, если любившая свой тѣсный кружокъ приближенныхъ Анна Леопольдовна и не мечтавшая о власти Елисавета Петровна одинаково не были рождены для трона, то Елисавета чувствовала однако свое умственное превосходство надъ правительницею. Въ этомъ она могла ошибаться, но тактомъ и оборотливостью она дѣйствительно превосходила ее.

При всемъ томъ только рядъ ударовъ, нанесенныхъ самолюбію Елисаветы, могъ поколебать ея нерѣшительность. Ей уплачивали содержаніе мѣдными деньгами; ходила молва, что Елисавета велѣла бросить въ Неву мѣшки съ мѣдью, принесенные ей. Правительница говорила, что у Елисаветы Петровны дѣлаются асамблеи для преображенскихъ солдатъ. Елисавета ѣздила видѣть императора-младенца лишь изъ опасенія, какъ признавалась она, чтобы ей не возбранили этихъ посѣщеній. Разъ ее даже не пустили въ Лѣтній садъ ([2]). Когда во дворцѣ за столомъ принцамъ Брауншвейгскому и

([1]) Пекарскій 234.
([2]) Пекарскій, 272.

Вольфенбюттельскому прислуживалъ оберъ-гофмаршалъ, Елисаветѣ прислуживалъ только гофмаршалъ. Конечно, принцъ Брауншвейгскій былъ супругъ правительницы, но дочь Петра I во всякомъ случаѣ могла стоять на ряду съ принцемъ Вольфенбюттельскимъ. Самолюбіе же Елисаветы было щекотливо иногда даже и тамъ, гдѣ не было желанія уязвить его. Персидскій посланникъ не сдѣлалъ Елисаветѣ визита, какъ великой княжнѣ, и она была такъ раздосадована этимъ, что послѣ не приняла отъ него ни посланнаго, ни подарковъ.

Нельзя сказать, чтобы у правительницы не было желанія устранить Елисавету съ пути посредствомъ брака. Ей предлагали выйдти замужъ за принца Вольфенбюттельскаго и даже хотѣли дать за ней Ливонію, присоединивъ къ ней Курляндію съ Семигаліей (¹). Но Елисавета смѣялась надъ принцемъ Вольфенбюттельскимъ и надъ мыслью объ этомъ бракѣ. Она смотрѣла на это предложеніе почти также серьезно, какъ на другое, сдѣланное ей персидскимъ шахомъ Надиромъ, просившимъ въ приданое царство астраханское.

Можетъ быть Елисавета не отважилась бы сдѣлать рѣшительный шагъ, если бы не замѣшалась въ дѣло политика иностранныхъ государствъ. Французскій посланникъ Шетарди, дипломатъ ловкій и искусный, въ видахъ своего двора рѣшился произвести государственный переворотъ въ Россіи. Онъ сблизился съ Елисаветою. Прежде еще Минихъ былъ у Елисаветы, также не безъ тайной цѣли. Елисавета не приняла его предложеній и поступила по всей вѣроятности хорошо: на Миниха трудно было положиться. Шетарди, напротивъ, могъ надѣяться на успѣхъ. Въ его распоряженіи были денежныя средства и онъ нашелъ дѣятельнаго и смѣлаго помощника, въ домашнемъ врачѣ Елисаветы, Лестокѣ.

Лестокъ принадлежалъ къ сонму тѣхъ иностранцевъ, которые, будучи на русской службѣ, продавали свои услуги тому изъ иностранныхъ государствъ, которое могло платить имъ больше. До блага Россіи Лестоку не было никакого дѣла. „Если бы Лестокъ, говорила впослѣдствіи Елисавета,—могъ отравить всѣхъ моихъ подданныхъ съ одной ложки, онъ это сдѣлалъ бы (²)“. Но по-

(¹) Пекарскій, 282.
(²) Herrmann, V, 185.

чести и деньги имѣли для Лестока свое обаяніе. Онъ дѣлается ревностнымъ союзникомъ Шетарди. Онъ представляетъ Елисаветѣ, что ее ждетъ горькая участь, если она не предприметъ рѣшительнаго шага. Онъ показываетъ ей картинку, изображающую ее на тронѣ и, на обратной сторонѣ, въ монашескомъ одѣяніи: если она послѣдуетъ совѣту Лестока, ее ждетъ престолъ, если нѣтъ—монастырь. Подозрительность правительницы возбуждена; ей извѣстно, что Лестокъ затѣваетъ что-то недоброе; она даже со слезами на глазахъ признается Елисаветѣ, что подозрѣваетъ и ее. Елисавета сохранила столько хладнокровія, чтобы показаться удивленною. Она проситъ принцессу вѣрить ея искренности, но въ душѣ сознаетъ, что теперь или никогда; что если не сдѣлать рѣшительнаго шага, то очень можетъ быть, что ее скоро ждетъ монастырское уединеніе.

Лестокъ беретъ деньги у Шетарди—онъ перебралъ у него всего 49,000 дукатовъ—и употребляетъ ихъ въ дѣло. Елисавета также проситъ денегъ у Шетарди. Она получала теперь 80,000 рублей въ годъ изъ казны и 40,000 со своихъ имѣній. При императрицѣ Аннѣ содержаніе ея было гораздо скуднѣе. Но и этого ей было недостаточно. Правительница заплатила ея мелкихъ долговъ на 43,000 р. Елисавета просила Шетарди о 15,000 червонцевъ. Другой разъ она просила только о 2000 рублей, потому что у нея всего было 300. Какъ ни нуждалась она въ деньгахъ, но на подарки войскамъ онѣ у нея были. Она не заплатила жалованья лицамъ своего двора, но одѣлила деньгами солдатъ, шедшихъ въ походъ въ Финляндію. Обращаясь къ выступавшимъ въ Финляндію полкамъ, она просила не убивать ея племянника. Дѣло шло о голштинскомъ принцѣ Петрѣ Фридрихѣ. Принцъ Петръ Фридрихъ постоянно не давалъ покоя Аннѣ Ивановнѣ и Аннѣ Леопольдовнѣ. Послѣдняя выражалась довольно рѣзко: „Развѣ нѣтъ тамъ дьяволенка, который всегда будетъ мѣшать нашему спокойствію“, говорила она (1). Какъ наслѣдный принцъ шведскій, Петръ Фридрихъ дѣйствительно могъ явиться въ рядахъ шведской арміи, выставленной противъ русскихъ въ Финляндіи, тѣмъ болѣе, что Швеція при-

---

(1) Пекарскій, 325.

давала династическій характеръ войнѣ съ Россіей и шведское правительство дѣйствовало въ защиту правъ на престолъ Елисаветы.

Не однѣ деньги Шетарди нашли Елисаветѣ сторонниковъ. Гвардейцы — солдаты въ гвардіи были въ то время больше дворяне — были большею частію расположены въ ея пользу и она не упускала средствъ задобрить ихъ и расположить къ себѣ.

Наконецъ, наступила рѣшительная ночь. Елисавета молится передъ образами; ей страшно. Лестокъ и камеръ-юнкеръ Воронцовъ стараются уговорить ее, и она наконецъ сдается. Главные дѣятели заговора: Лестокъ, Воронцовъ, учитель музыки Шварцъ и гвардеецъ Грюнштейнъ. Въ сопровожденіи Лестока и Воронцова, Елисавета ѣдетъ въ саняхъ въ преображенскія казармы. Елисавета въ кирасѣ и съ эспонтономъ въ рукѣ спрашиваетъ солдатъ готовы ли они стоять за дочь Петра Великаго. Рота преображенцевъ провозглашаетъ ее матушкою-императрицею и идетъ съ нею ко дворцу правительницы. Дворцовая стража готова забить тревогу, но Лестокъ разрѣзываетъ ножемъ кожу барабана и тревога не распространяется. Между тѣмъ преображенцы ужъ во дворцѣ. Тамъ все въ безмолвіи; все спитъ. Сама Елисавета будитъ караульныхъ. Солдаты, вошедшіе съ ней, готовы при случаѣ и на насилія. Елисавета останавливаетъ ихъ; она не пойдетъ съ ними, если они будутъ вести себя такъ, если будетъ пролита кровь (1). Солдаты стихли и арестъ совершается безъ шума, спокойно, точно какъ будто исполнялись обыкновенныя формальности. Правительница просыпается — передъ нею Елисавета. Елисавета сама разбудила ее. Все понято въ минуту. Нѣтъ ни жалобъ, ни упрековъ. Анна Леопольдовна одѣвается и ее увозятъ изъ дворца. Малютка-императоръ спалъ, когда ватага гвардейцевъ вошла въ комнату и окружила его колыбель. Ребенокъ проснулся и, увидавъ вокругъ себя усатую толпу неожиданныхъ гостей, заплакалъ. Елисаветѣ жалко было малютку; она приласкала его. Его увезли изъ дворца за матерью. Въ переполохѣ маленькую дочь Анны Леопольдовны, Екатерину, уронили и она послѣ осталась глухонѣмою на всю жизнь.

---

(1) Пекарскій, 399.

Елисавета щедро отблагодарила своихъ приверженцевъ. Лестокъ получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, богатые подарки и 7000 руб. пенсіи. Воронцовъ проложилъ себѣ блестящую карьеру. Музыкантъ Шварцъ былъ произведенъ въ полковники. Рота преображенцевъ, бывшая съ Елисаветою, получила названіе лейбъ-кампаніи и служившіе въ ней были надѣлены деньгами и крестьянами, такъ что на каждаго рядоваго пришлось по 29 душъ.

Замѣчательно, что главный виновникъ, Шетарди, не совсѣмъ былъ приготовленъ къ перевороту; онъ даже былъ изумленъ, узнавъ что̀ случилось. Шетарди во всемъ этомъ игралъ въ выгодную игру. Онъ далъ на предпріятіе 49,000 дукатовъ и получилъ отъ Елисаветы впослѣдствіи деньгами и подарками до 1,500,000 ливровъ, т. е. возвратилъ свое десятирицею. Полагали, что Шетарди дѣйствовалъ въ пользу Елисаветы не только изъ видовъ своего правительства, но и изъ личныхъ побужденій: красавица Елисавета произвела и на него впечатлѣніе. Фридрихъ II, отзываясь о Шетарди, говоритъ, что на сторонѣ Россіи были личныя симпатіи французскаго посланника и много основаній есть полагать, что романтизмъ дѣйствительно принималъ нѣкоторое участіе въ томъ, что совершала политика въ описанной драмѣ. Елисавета на престолѣ. Цѣлые дни горятъ костры на Адмиралтейской площади: солдаты охраняютъ свою матушку-государыню. Разгулъ и попойка идутъ въ казармахъ и по всему городу. Наконецъ, все улегается и утихаетъ. Дочь Петра, которая по природѣ была женщиною, которая осталась бы вдали отъ престола, если бы ее оставили въ покоѣ— начала царствовать.

Елисавета-женщина.

На престолѣ самодержавныхъ царей является женщина, съ достоинствами и недостатками обыкновенной женщины, до зрѣлаго возраста не мечтавшая о царской власти, возведенная на тронъ стеченіемъ обстоятельствъ и на тронѣ чувствовавшая себя неспособною къ правленію. Это придаетъ особый оттѣнокъ всему ха-

рактеру правленія Елисаветы. На первомъ планѣ тутъ женщина и только потомъ правительница. Частныя привычки, личный характеръ, индивидуальныя особенности Елисаветы постоянно вліяютъ на ея общественную и государственную дѣятельность.

По этому прежде, чѣмъ скажемъ объ Елисаветѣ-правительницѣ, постараемся набросать хотя краткій портретъ Елисаветы-женщины.

Елисавета получила свѣтское европейское образованіе. Французскій языкъ она въ царствованіе императрицы Анны почти забыла отъ недостатка практики, но не разучилась ловко танцовать. Тѣмъ не менѣе въ характерѣ и привычкахъ ея сохранилось много стариннаго русскаго, теремнаго. Она напр. была убѣждена, что мужъ имѣетъ право бить свою жену и когда Сафоновъ, мужъ двоюродной сестры императрицы, урожденной Гендриковой, прибилъ свою жену, то императрица, соглашаясь, что мужъ можетъ бить жену, наказала его трехдневнымъ арестомъ лишь на томъ основаніи, что никто не смѣетъ бить двоюродную сестру императрицы. Самолюбивая по природѣ сама Елисавета не держала шутовъ и даже не любила, чтобы при ней надъ кѣмъ нибудь насмѣхались; но и она отдала долгъ еще сохранявшимся обычаямъ: у нея былъ дуракъ Аксаковъ, извѣстный тѣмъ, что напугалъ императрицу, принеся къ ней ежа — Елисавета въ испугѣ убѣжала; — ежъ показался ей похожимъ на мышь, а она чрезвычайно боялась мышей. Она была суевѣрна и боялась покойниковъ. Мысль о смерти ее страшила. Когда при Аннѣ Ивановнѣ она должна была экономничать, ей приходилось ходить въ черной мантильѣ, подбитой бѣлой тафтой, но вообще траурныхъ цвѣтовъ и траура она не могла видѣть. Въ 1755 г. вышелъ указъ, запрещавшій носить мимо дворца покойниковъ. Она бы не вошла въ тотъ домъ, гдѣ лежалъ покойникъ. Когда побѣдитель при Гросъ-Егерндорфѣ, Апраксинъ, умеръ въ Царскомъ Селѣ въ казенномъ зданіи, тѣло его вынесли подъ шатеръ. Больнаго Чеглокова отправили домой, чтобы онъ не умеръ во дворцѣ. Боязливость Елисаветы проявлялась и въ другихъ случаяхъ. Разъ прошелъ слухъ, что въ комнатахъ императрицы найденъ былъ неизвѣстный человѣкъ; сдѣлали предположеніе, что онъ хотѣлъ покуситься на жизнь императрицы. Послѣ

этого Елисавета много почей спала въ разныхъ мѣстахъ, такъ что заранѣе нельзя было знать гдѣ она ляжетъ. Приписывали тревожному состоянію ея духа и то, что она превращала ночь въ день и день въ ночь. Въ 11 часовъ вечера она отправлялась въ театръ. Всѣ придворные, вся знать должны были находиться въ театрѣ. На то была воля императрицы и полиція брала 50 руб. штрафа съ каждаго, кто былъ обязанъ являться въ театръ и не являлся (1). При Елисаветѣ вышло разрѣшеніе частнымъ лицамъ устраивать вечеринки съ музыкой, но эти вечеринки кончались, когда во дворцѣ еще долго длились собранія. Ужинали далеко за полночь; спать императрица ложилась часовъ около пяти утра. Утро и часть дня посвящались сну. Въ это время по сосѣднему съ дворцемъ Зеленому (теперь Полицейскому) мосту запрещалось ѣздить экипажамъ, чтобы стукъ ѣзды не будилъ императрицу. Если же часовой на мосту былъ не въ духѣ, то онъ не пускалъ и пѣшеходовъ (2).

Засыпая, Елисавета любила слушать росказни старухъ и торговокъ, которыхъ для нея иногда нарочно брали съ площадей (3). Подъ разсказы и сказки ихъ кто нибудь чесалъ Елисаветѣ пятки и она засыпала. Когда, случалось, императрица засыпала, а женщины вокругъ нея продолжали тараторить и иногда перебраниваться, возвышалъ свой голосъ на нихъ старичекъ Чулковъ. Сначала истопникъ, потомъ генералъ-аншефъ, Чулковъ обыкновенно спалъ на небольшомъ тюфячкѣ въ комнатѣ императрицы. Бывало она встанетъ раньше его и тащитъ старичка съ постели. „Ну, ну, лебедка моя бѣлая“, говоритъ Чулковъ, поднимаясь и трепля ее по плечу.

Елисавета сама любила одѣваться и одѣвать другихъ. Она убирала головы всѣхъ своихъ фрейлинъ, выходившихъ замужъ, въ собственные бриліанты. Она любила сама костюмировать актеровъ, выходившихъ на сцену. Одѣвъ разъ актера-мальчика и осмо-

---

(1) Herrmann, V, 197.
(2) Scherer, VI, 116.
(3) Русскій Архивъ, 1866, 518.

трѣвъ его, она сказала, что онъ очень походитъ на польскаго графа Дмитревскаго. Мальчикъ-актеръ былъ окрещенъ новымъ прозвищемъ. Это былъ впослѣдствіи извѣстный артистъ Дмитревскій. Такъ убирала императрица кадета Бекетова, предъ выходомъ его на сцену корпуснаго театра.

Красивый юноша Бекетовъ вскорѣ по выпускѣ изъ корпуса былъ сдѣланъ полковникомъ, но немного спустя, благодаря мази отъ угрей, данной ему Петромъ Шуваловымъ, которому нужно было устранить Бекетова, лишился красоты лица и—какъ заподозренный въ дурномъ поведеніи, милостей императрицы ([1]).

Страсть Елисаветы къ нарядамъ и одѣванью выразилась въ правительственныхъ распоряженіяхъ. Золота и серебра не приказано было носить никому, кромѣ военныхъ и просящихся въ русскую службу иностранцевъ. Велѣно было носить сукно по оцѣнкѣ—высшимъ рангамъ высшей доброты сукно. Припомнимъ, что это было то время, когда еще въ частныхъ домахъ въ Петербургѣ осматривали провизію,—подвозъ которой былъ иногда затруднителенъ,—чтобы взять что̀ нужно по оцѣнкѣ во дворецъ. Елисавета любила видѣть своихъ подданныхъ въ новыхъ платьяхъ. Объявляя о свадьбѣ неслѣдника престола, она просила ихъ сшить къ наступавшимъ праздникамъ по лишнему платью. Если полиція брала штрафъ за непосѣщеніе театра, то и противъ ношенія старыхъ платьевъ при дворѣ принята была не менѣе радикальная мѣра: на фалды старыхъ платьевъ накладывалась печать ([2]). Въ 1742 г. вышелъ указъ ѣздить въ маскарады „въ хорошемъ, а не въ гнусномъ платьѣ — тѣлогрѣяхъ, полушубкахъ и кокошникахъ“; нечиновнымъ запрещено было носить шелковую подкладку; только первые 5 классовъ могли носить кружева ([3]). Знать приглашалась имѣть побольше лакеевъ: 1-й и 2-й классы должны были имѣть отъ 8 до 12 лакеевъ, по 2—4 скорохода, по пажу и по два егеря. Даже лица 4 класса должны были имѣть по четыре лакея у кареты. Въ 1748 г. купцы Ворожейкинъ и Курчаниновъ донесли

([1]) Бантышъ-Каменскій. Біографія I, 301,
([2]) Вейдемейеръ, 128—130.
([3]) Бѣляевъ, 83.

Елисаветѣ, что если точно наблюдать за исполненіемъ указа Петра I о платьяхъ и бородахъ, то казнѣ будетъ приращеніе по крайней мѣрѣ на 50,000 р. ежегодно. Это стараніе русскихъ людей о преслѣдованіи русскаго платья вызвало указъ сената, подтверждавшій, чтобы кромѣ священно и церковно служителей и крестьянъ никто русскаго платья и бородъ не носилъ. Когда въ 1756 г. открыты были для публики по четвергамъ и воскресеніямъ придворные сады, то было именно наказано, чтобы въ нихъ не пускать матросовъ, ливрейскихъ господскихъ лакеевъ и „подлаго народа"; также тѣхъ, у кого были волосы не убраны или платки на шеѣ, кто былъ въ сапогахъ (въ то время достаточный классъ носилъ болѣе башмаки и чулки) и сѣрыхъ кафтанахъ. Купцовъ съ бородами и женщинъ въ русскомъ платьѣ и въ чепчикахъ было велѣно „отнюдь не допущать" (¹). Кто хотѣлъ угодить Елисаветѣ, тотъ одѣвался и выѣзжалъ возможно пышнѣе. О зеркальной каретѣ и мундирѣ гофмаршала С. К. Нарышкина на свадьбѣ Петра Ѳедоровича и Екатерины долго говорили въ городѣ. Какъ видимъ, Елисавета въ отношеніи пышности двора раздѣляла взглядъ Анны Ивановны, въ царствованіе которой несмѣтное число лакеевъ сопровождало кареты придворныхъ и, напримѣръ, на свадьбѣ принцессы Анны на горномъ генералъ-директорѣ Шомбергѣ былъ гусарскій мундиръ съ бриліантами на 150,000 рублей.

Самолюбіе Елисаветы было щекотливо, гдѣ дѣло касалось ея личныхъ достоинствъ. Портреты ея, разошедшіеся въ публикѣ, велѣно было всюду отобрать и вмѣсто нихъ продавать только такіе, которые были одобрены при дворѣ. Мы видѣли изъ словъ Елисаветы объ Аннѣ Леопольдовнѣ, что она не лишена была притязаній на проницательный умъ. „И безъ Шетардія умъ можно имѣть", замѣтила она при другомъ случаѣ.

Елисавета иногда одѣвалась по мужски. Она даже любила являться на маскарады въ мужскомъ платьѣ, которое при стройности ея стана очень шло къ ней. Маскарады, гдѣ дамы были одѣты мужчинами и мужчины дамами, были въ обыкновеніи при дворѣ, хотя и очень не нравились мужчинамъ. Въ московской оружейной

(¹) Энциклопедическій лексиконъ, Елисавета Петровна.

палатѣ хранится мужской нарядъ Елисаветы. Елисавета любила охоту. Есть преданіе, что императрица подарила своему стремянному, нюхавшему табакъ изъ берестеной тавлинки, серебряную табакерку, замѣтивъ, что стремянному императрицы слѣдуетъ нюхать изъ серебра. Любя охоту, Елисавета должна была любить собакъ и интересно, что находились личности, которыя путемъ псарни домогались достигнуть служебныхъ выгодъ. Такъ одна костромская помѣщица обѣщала подарить императрицѣ четырехъ собакъ: Ипполита, Жульку, Женету и Маркиза, если мужу ея дадутъ чинъ колежскаго асессора. Просительница прибавляла, что Жульку она уже обѣщала Шуваловой, а Ипполита Чулкову. Шувалова и Чулковъ были домашніе люди императрицы, и просительница полагала, что просить черезъ нихъ будетъ всего дѣйствительнѣе. Она писала, что мужъ ея досталъ „славнаго кобеля, какого во всей Костромѣ не сыщешь". Обѣщала услужить и тѣмъ. Но даромъ давать собакъ она была не намѣрена и обѣщала, если просьба ея не исполнится, перевести у себя въ Костромѣ всѣхъ собакъ— потому де, что „безсчастны" (1).

Елисавета—женщина сказалась во многихъ правительственныхъ распоряженіяхъ. Отмѣнена была смертная казнь: кнутъ и ссылка замѣнили плаху. Но около Елисаветы стояли люди, которые не отступали предъ крутыми мѣрами, и въ 20 лѣтъ царствованія Елисаветы Петровны было сослано въ Сибирь до 80,000 человѣкъ (2). Елисавета съ своей стороны простила предъ смертію 13,000 контрабандистовъ и 25,000 должниковъ, бывшихъ должными менѣе 500 р. Главнаго виновника большаго числа ссылокъ въ царствованіе Елисаветы (въ Бироновское время—въ 10 лѣтъ—сослано было 36,000) нужно видѣть въ Петрѣ Шуваловѣ, при которомъ люди пропадали безвѣстно, какъ при Биронѣ: до 40 человѣкъ, было заточено въ одинъ Валдайскій монастырь въ подземныя тюрьмы (3) и неизвѣстно чтò послѣ съ ними сталось.

---

(1) Русскій Архивъ, 1867, 189—191.
(2) Herrmann, V, 177.
(3) Scherer, II, 268.

Въ 1757 году было отмѣнено рваніе ноздрей у осужденныхъ въ ссылку женщинъ.

Елисавета Петровна считала обязанностью охранять нравственность своихъ подданныхъ отъ иноземнаго наплыва. Въ Петербургѣ на Вознесенскомъ проспектѣ, въ великолѣпномъ домѣ, поселилась мадамъ, сдѣлавшаяся скоро извѣстною подъ ходячимъ именемъ Дрезденши. Петербургская молодежь сдалась на прельщеніе. Большое число лицъ, также изъ знати и аристократіи, ѣздили къ Дрезденшѣ. Дошелъ слухъ объ этомъ до императрицы. Императрица не потакала легкому поведенію. Дрезденшу взяли; она при допросѣ оговорила многихъ. Красавицъ ея отправили на Прядильный дворъ въ Калинкину деревню (¹).

При Елисаветѣ были учреждены ранги для придворныхъ дамъ; такъ княгини Черкасская и Кантеміръ и графиня Шереметьева шли на дворцовыхъ выходахъ за фельдмаршаловъ (²).

Елисавета была богобоязненна и набожна. Въ Кронштадтѣ разъ смотря на шедшее въ морѣ судно, она поднесла частицу мощей къ окну, чтобы сила ихъ обратила судно по желанному направленію. Она постановила, чтобы славянская библія продавалась не дороже 5 рублей. Вѣротерпимостью она не отличалась. Евреи были изгнаны въ 1742 году изъ Россіи. Императрица писала, что она не хочетъ „интересной прибыли отъ враговъ Христовыхъ.“ Иностранцевъ, принявшихъ православіе, не велѣно было выпускать за границу. Въ казанской губерніи не позволено было строить болѣе мечетей. Армянамъ дозволено было имѣть только по одной церкви въ каждой изъ столицъ. Елисавета ходила пѣшкомъ на богомольѣ къ Троицѣ, причемъ путешествіе туда и назадъ совершалось почти все лѣто, такъ какъ въ день проходили лишь нѣсколько верстъ и остановки были продолжительны.

При религіозномъ настроеніи характера Елисаветы становится понятнымъ, что какъ скоро она сдѣлалась императрицею и почувствовала себя совершенно свободною, она рѣшилась соединиться

(¹) Бѣляевъ, 90.
(²) Scherer, VI, 88—89.

бракомъ съ любимымъ человѣкомъ. Мы упоминали о гоненіи на Дрезденшу. Если она негодовала на Фридриха II, запрещала подданнымъ имѣть его портреты, а портретъ короля, подаренный ей генераломъ Тотлебеномъ, валялся гдѣ-то въ темномъ углу дворца, то одною изъ существенныхъ причинъ этого негодованія, по ея словамъ, было то, что Фридрихъ не жилъ съ своею женою. При такомъ взглядѣ на вещи, Елисавету не могло остановить неравенство положенія ея и ея избраннаго. Она вышла замужъ (негласно) за Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, въ подмосковномъ селѣ Перовѣ ([1]). Свадьба праздновалась, по другимъ свѣденіямъ, въ Москвѣ у Воскресенія въ Барашахъ, на Покровкѣ. Преданіе гласитъ, что свадебное празднество было отправлено въ зданіи нынѣшней 4-й московской гимназіи ([2]). Въ Петербургѣ для Разумовскаго былъ построенъ дворецъ (нынѣшній Аничковъ). Супруги нѣсколько лѣтъ жили дружно. Иностранецъ Шереръ разсказываетъ какъ онъ однажды видѣлъ Елисавету Петровну и Разумовскаго выходившихъ изъ театра; Разумовскій надѣлъ на Елисавету Петровну шляпку и потомъ бережно закуталъ ее, такъ какъ было холодно на дворѣ. Не только самъ А. Г. Разумовскій былъ осыпанъ милостями, но и братъ его Кирилъ, 20 лѣтній молодой человѣкъ, былъ сдѣланъ графомъ и гетманомъ малороссійскимъ, т. е. сравненъ по званію съ фельдмаршалами. Красавецъ собой, добрый и великодушный по характеру, А. Г. Разумовскій былъ крутъ нравомъ и тяжелъ на руку въ нетрезвомъ видѣ. Мавра Егоровна Шувалова каждый разъ служила молебенъ, когда мужъ ея графъ Петръ Ивановичъ возвращался съ охоты не бывъ битымъ батожьемъ отъ Алексѣя Григорьевича подъ пьяную руку ([3]). А Мавра Егоровна (урожденная Шепелева) была домашній человѣкъ у императрицы. Эта-та самая М. Е. Шепелева, которая будучи съ сестрой Елисаветы Анной Петровной въ Голштиніи, переписывалась съ Елисаветой о молодыхъ людяхъ, которые нравились той и другой, о чепчикахъ и

(1) Чтенія, 1863, III, смѣсь 154.
(2) Мельниковъ, 183.
(3) Энц. Лексиконъ, Елисавета Петровна.

пеленкахъ, которые Анна Петровна сама шила для своего будущаго ребенка и т. д., причемъ подписывалась: „раба и дочь и холопка и кузина“; въ другомъ письмѣ также только безъ „холопка“, а послѣ „раба Маврутка Шепелева“ (¹). Шепелева была выдана замужъ за П. И. Шувалова и этотъ-то Шуваловъ, жена котораго была довѣренное лице императрицы, который заправлялъ въ царствованіе Елисаветы многимъ и имѣлъ послѣ 400,000 руб. дохода, не считая жалованья (²), былъ битъ батогами Алексѣемъ Разумовскимъ.

А. Г. Разумовскій родился въ одинъ годъ съ Елисаветою въ селѣ Лемешахъ черниговской губерніи, отъ казака Разума. Серебряный голосъ молодаго Разумовскаго былъ замѣченъ и его взяли въ хоръ пѣвчихъ одного изъ мѣстныхъ малороссійскихъ аристократовъ. Тотъ же прекрасный, звучный голосъ привелъ молодаго пѣвчаго въ хоръ царскихъ пѣвчихъ.

Елисавета замѣтила Разумовскаго. Она сама прекрасно пѣла и записочка ея съ подписью „первый дишкантистъ“ повела даже къ розыскамъ и допросамъ въ царствованіе Анны Ивановны (³). До Разумовскаго, какъ говорили, Елисавета Петровна предлагала руку возвращенному изъ ссылки Шубину; но это едва ли достовѣрно. Бракъ съ Разумовскимъ совершенъ былъ негласно. Оба Разумовскіе - Алексѣй и Кирилъ — были видные, красивые мужчины, и если Алексѣй уступалъ брату въ умѣ, по мнѣнію Екатерины II, то превосходилъ его напротивъ щедростью и великодушіемъ характера (⁴). Оба брата первые смѣялись, когда кіевская академія вздумала ихъ, сыновей казака, выводить родомъ отъ Гедемина и написала трактатъ объ этомъ на латинскомъ, польскомъ и малорусскомъ языкахъ. Разумовскіе не стыдились своего происхожденія; не стыдилась происхожденія ихъ и Елисавета. Она умѣла поражать великолѣпіемъ императрицы и затѣмъ дома, какъ добрая хозяйка, стряпать кушанье. Пирогъ, начиненный рублевиками, пода-

---

(¹) Чтенія, 1861, II, смѣсь, 69.

(²) Ешевскій, 55.

(³) Энц. Лексиконъ. Елисавета Петровна.

(⁴) Catherine II, 113.

ренный Елисаветою, по преданію, ея стремянному, можетъ быть былъ испеченъ самою же императрицею; она даже гордилась своими свѣденіями по кухонной части. Императрица и вмѣстѣ женщина въ полномъ смыслѣ этого слова, Елисавета не стѣснялась тѣмъ, что въ гетманскомъ дворцѣ въ Батуринѣ видѣли въ присутствіи императрицы старушку мать Разумовскихъ съ головою, повязанною платкомъ и въ кацавейкѣ (1).

Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій остался и впослѣдствіи съ тѣмъ образованіемъ, какое могъ пріобрѣсти провинціальный пѣвчій. Щедрый и не дорожившій деньгами, онъ послѣ, когда ихъ у него было много, держалъ иногда дома большой банкъ и проигрывалъ тѣмъ, съ кѣмъ хотѣлъ подѣлиться деньгами. Случалось, что иные изъ присутствовавшихъ дѣлились съ нимъ его деньгами безъ его вѣдома; выносили деньги полными карманами и шапками. Возвышенность характера Алексѣй Григорьевичъ доказалъ также на дѣлѣ, при слѣдующемъ случаѣ:

Много лѣтъ спустя послѣ брака въ Перовѣ, когда Елисаветы уже не было въ живыхъ, шла рѣчь о предполагаемомъ бракѣ императрицы Екатерины II съ Г. Г. Орловымъ. Хотя Екатерина была расположена къ Орлову, однако очень вѣроятно и то, что она могла считать возможнымъ обойдтись безъ этого брака. Но Бестужевъ, желавшій этого брака, повелъ дѣло очень хитро. Написано было прошеніе отъ высшихъ чиновъ государства къ Екатеринѣ, представлявшее желаніе народное, чтобы императрица избрала себѣ супруга. Прошеніе говорило именно о вступленіи Екатерины въ бракъ съ Иваномъ Антоновичемъ, тогда шлиссельбургскимъ узникомъ. Подъ прошеніемъ подписалось 12 епископовъ, но съ тѣмъ, чтобы выборъ императрицы не ограничивался, какъ въ первоначальномъ текстѣ, Иваномъ Антоновичемъ, а полагалось на волю Екатерины избрать кого она желаетъ. Расчетъ Бестужева былъ вѣренъ. Екатерина должна была видѣть желаніе народное, чтобы она вышла замужъ. Затѣмъ указывали ей на Ивана Антоновича. Но могла ли Екатерина серьезно подумать о замужествѣ съ юношею, котораго дер-

(1) Ешевскій, 49.

жали въ заточеніи съ ранняго дѣтства и сдѣлали полуидіотомъ? Очень естественно, что если выборъ надо было сдѣлать, то на комъ же онъ могъ лучше остановиться, какъ не на Г. Г. Орловѣ. Уже цѣль Орловыхъ и Бестужева достигалась. Уже Григорью Григорьевичу запросили титулъ князя германской имперіи у императрицы Маріи Терезіи. Затѣмъ его хотѣли сдѣлать герцогомъ ингерманландскимъ (1). Такимъ образомъ—черта, отдѣлявшая бывшаго гвардейскаго офицера отъ трона, могла быть сдѣлана не столь рѣзкою. Если Екатерина еще могла колебаться, то предъ Орловымъ былъ примѣръ въ прошломъ: императрица Елисавета вышла же замужъ за Разумовскаго—Екатерина не дѣлала ничего новаго, выходя за Орлова. Панинъ (Н. И.), Воронцовъ и К. Г. Разумовскій были противъ брака: они считали его несовмѣстнымъ съ благомъ Россіи и сверхъ того видѣли, что сама Екатерина не имѣетъ особеннаго желанія, чтобы онъ совершился. Екатеринѣ нужны документы, которые бы положительно доказали справедливость молвы, что императрица Елисавета была повѣнчана съ Разумовскимъ. Очень вѣроятно, что партія Орловыхъ много основывала на этихъ документахъ. За документами отправляется Воронцовъ, а замѣтимъ, что Воронцовъ и К. Г. Разумовскій на колѣняхъ просили Екатерину не выходить за Орлова. Воронцовъ объясняетъ Алексѣю Григорьевичу желаніе императрицы: если документами бракъ будетъ доказанъ, то императрица желала дать Разумовскому титулъ „высочества“. Но Воронцовъ не упустилъ дать понять Разумовскому, что лучше если бы этихъ документовъ не было. Разумовскій всталъ, отперъ потайной ларецъ, вынулъ оттуда бережно завернутый свертокъ бумагъ и молча кинулъ его въ каминъ. На бракъ въ Перовѣ нельзя было ссылаться болѣе (2).

Брата А. Г. Разумовскаго счастливая звѣзда застала на 20 году отъ роду. Его еще было время нѣсколько образовать. Его посылали за границу путешествовать въ обществѣ Теплова, человѣка по своему времени очень образованнаго и развитаго. По возвра-

(1) Chronique, II, 12—13.
(2) Чтенія, 1863, III, смѣсь, 155—157.

щеніи въ Россію онъ, какъ мы видѣли, былъ сдѣланъ гетманомъ Малороссіи, почти въ юношескомъ возрастѣ. Женатый на Нарышкиной, почти противъ воли, по словамъ современниковъ, онъ при его молодости, красотѣ, громкомъ титулѣ и богатствѣ, былъ львомъ петербургскихъ дамскихъ салоновъ, гдѣ всѣ за нимъ ухаживали. Отзываясь о немъ, какъ о президентѣ академіи,—его назначили и въ эту должность — одинъ германскій сатирикъ замѣчаетъ, что президентъ имѣлъ болѣе дѣтей, чѣмъ написалъ книгъ и зналъ професоровъ меньше, чѣмъ петербургскихъ кокетокъ (1). Кирилъ Григорьевичъ дѣйствительно не могъ отличаться особенною ученостью, но онъ и не присваивалъ ея себѣ. Не отличаясь особенно блестящими способностями, хотя и былъ даровитѣе брата, Кирилъ Григорьевичъ отличался проницательнымъ умомъ и вѣрнымъ взглядомъ на вещи. Онъ не претендовалъ на то, чего не имѣлъ. Его спрашивали разъ: почему онъ, старшій фельдмаршалъ, а команду надъ войскомъ поручили другому? А потому, отвѣчалъ Разумовскій, что я, потерявъ двѣ арміи, разбилъ бы непріятеля лишь съ третьею, а другому достаточно одной.

Екатерина была расположена къ К. Г. Разумовстому, когда она была еще великою княгиней. Кирилъ Григорьевичъ, во время путешествія Елисаветы пѣшкомъ къ Троицѣ, часто ѣздилъ въ с. Раево, гдѣ жила Екатерина съ супругомъ; она не могла не замѣтить, что онъ былъ нѣсколько увлеченъ ею. По вступленіи Екатерины на престолъ, К. Г. Разумовскій былъ у нея свой человѣкъ за карточнымъ столомъ, но особенныхъ дѣлъ на него не возлагалось. Впрочемъ, онъ былъ членомъ совѣта императрицы и самъ описываетъ свою роль въ немъ. „Одинъ Панинъ (Н. И), говоритъ Разумовскій о засѣданіяхъ совѣта, думаетъ, другой (П. И.) кричитъ, Чернышевъ (Захаръ) предлагаетъ, другой (Иванъ) труситъ, я молчу, а другіе хоть и говорятъ, да того хуже“ (2). Разъ Разумовскій подписалъ свою фамилію подъ бумагой очень криво и замѣтилъ, что его товарищи покривили душой, такъ ему можно

(1) Merkwürdigkeiten, 88.
(2) Бантышъ-Каменскій. Біографіи, I. 244.

покривить хоть почеркомъ. Разъ Екатерина предложила выпить тостъ за здоровье честныхъ людей. Разумовскій не выпилъ изъ своего бокала. „Боюсь, матушка, чтобы моръ не былъ“, замѣтилъ онъ. Въ 1770 г. митрополитъ Платонъ возгласилъ разъ въ одной изъ своихъ блестящихъ проповѣдей, обращаясь къ гробницѣ Петра: „возстань!“ Ораторъ приглашалъ преобразователя Россіи возстать изъ гроба, чтобы видѣть, какой плодъ принесло посаженное сѣмя. „Чего винъ (онъ) его кличе, замѣтилъ Разумовскій тихо по малороссійски стоявшимъ близъ него,—яко встане, то всѣмъ намъ достанется“ (1).

Разумовскіе сохранили свое значеніе при дворѣ во все царствованіе Елисаветы, но въ послѣднюю половину царствованія ея въ милостяхъ императрицы возвысился братъ П. И. Шувалова, Иванъ Ивановичъ.

Сколько бракъ съ Разумовскимъ былъ частнымъ дѣломъ Елисаветы, столько возвышеніе Шувалова имѣетъ уже политическое значеніе.

Елисавета правительница.

Не для престола была воспитана Елисавета, о престолѣ она не думала до 30 лѣтняго возраста, и когда обстоятельства сдѣлали ее императрицею, около нея стали люди, въ рукахъ которыхъ сосредоточилась дѣйствительная власть. Бестужевъ, Лестокъ и Шуваловы замѣнили въ правительственной сферѣ Бирона, Остермана и Миниха. Елисавета была на столько самолюбива, чтобы не удовольствоваться одною тѣнью власти, и министры тщательно удаляли эту тѣнь отъ нея. Напротивъ, она была окружена всѣмъ блескомъ власти; все казалось исходящимъ отъ нея и тѣмъ труднѣе было различить для нея, въ чьихъ рукахъ дѣйствительно находилась власть, чѣмъ ярче освѣщена она была ея блескомъ.

---

(1) Бантышъ-Каменскій, Біографіи, I.

Иностранцы говорили, что со вступленіемъ на престолъ Елисаветы, исчезли при русскомъ дворѣ благоразуміе, храбрость и общительность—Остерманъ, Минихъ и Левенвольде. Такой отзывъ иностранцевъ понятенъ; они говорили объ иностранцахъ. Многіе изъ русскихъ готовы были придавать другое значеніе воцаренію Елисаветы: вступала на престолъ дочь Петра I, господство иностранцевъ должно было прекратиться, русскіе люди должны были выдвинуться впередъ.

Мнѣнія той и другой стороны одинаково отличались односторонностью. Ничего особенно не измѣнилось съ воцареніемъ Елисаветы. Павшихъ иностранцевъ замѣнили люди не менѣе ихъ даровитые. Что же касается нравственнаго характера ихъ, то какъ прежде иностранцы служили иностраннымъ интересамъ, такъ теперь русскіе люди были на иностранной службѣ. Объ Остерманѣ говорили, что онъ бралъ деньги отъ англійскаго и австрійскаго правительствъ (¹). Австрійское правительство постаралось большими подарками и графскимъ званіемъ закупить Бирона въ свою пользу, какъ только тотъ возвысился. Минихъ дружилъ Фридриху II прусскому также не вполнѣ безкорыстно. Теперь Бестужевъ, первый министръ Елисаветы, проситъ 10,000 фун. стерлинговъ въ подарокъ у англійскаго короля и 2,500 фун. стерл. пенсіи, ссылаясь на то, что императрица даетъ ему только 7000 рублей въ годъ и этого недостаточно для того, „чтобы быть вполнѣ самостоятельнымъ“ (²). Въ сущности же это подарокъ за союзъ противъ Франціи, и такъ англійское правительство смотритъ на дѣло. Бывшій англійскій посланникъ въ Россіи (³), онъ и русскимъ первымъ министромъ продолжаетъ получать инструкцію отъ англійскаго правительства (⁴). Даже Волкову, секретарю Бестужева, и Олсуфьеву, секретарю Воронцова, испрашиваются англійскимъ посланникомъ у своего правительства денежныя подарки и пенсіи. Лестоку—этотъ былъ впрочемъ иностранецъ—опредѣляется въ 1742 г.

(¹) Пекарскій, 384.

(²) La Cour, 128, 145.

(³) Бантышъ—Каменскій, Біографіи, II, 3.

(⁴) Lesur, 201.

англійскимъ королемъ 600 фун. стерл. годовой пенсіи. Въ полученіи 1000 рублей отъ прусскаго правительства онъ былъ обвиненъ только послѣ, когда врагамъ нужно было погубить его. Если политика Россіи направлялась иностранными дукатами, фунтами стерлинговъ и талерами, то напрасно было бы говорить, что тѣ же министры, которые руководили ею и ихъ сотоварищи въ дѣлахъ внутренняго управленія, руководились благомъ государства и русскими интересами. — Но бросимъ взглядъ на трехъ павшихъ корифеевъ предшествовавшихъ правленій — Бирона, Остермана и Миниха.

Бирону было лучше другихъ. Правда, въ первое время по арестѣ, съ нимъ и семействомъ его обошлись довольно круто. Жена его жаловалась правительницѣ, что при обыскѣ шарили у нея и у дѣтей ея цѣлый часъ въ карманахъ; у сына ея взяли кошелекъ, у дочери ключи, у нея печать, у мужа ея червонцы изъ кармана. Бирону не оставили даже его золотыхъ часовъ и платья. Но Бироны обратились съ письмами къ правительницѣ и Анна Леопольдовна смягчила ихъ участь. Бирону послали повара и серебряный сервизъ и хотя сервизъ послѣ возвратили, но въ Березовъ съ Бирономъ поѣхалъ цѣлый штатъ: два священника, 17 человѣкъ прислуги и докторъ. Бирону позволено было взять съ собою свою библіотеку. Хотѣли еще болѣе облегчить его участь и послать его въ болѣе теплый климатъ, куда нибудь въ Сибирь за Тобольскъ. Вступленіе на престолъ Елисаветы вполнѣ измѣнило участь Бирона. Его возвратили изъ Березова и дозволили ему жить въ Ярославлѣ. Была даже рѣчь о возвращеніи его въ Петербургъ ко двору. Этому воспрепятствовалъ Шетарди; онъ уговорилъ Елисавету не возвращать его (¹). Елисавета не сдалась даже въ 1744 году на представленія Польши о возвращеніи герцога курляндскаго въ его герцогство. Но въ Ярославлѣ Бирона содержали хорошо. Онъ жилъ съ семействомъ въ большомъ домѣ; ему позволено было дѣлать прогулки на довольно большое разстояніе. Онъ могъ свободно видѣться съ своими братьями и зятемъ —

(¹) Пекарскій, 314.

генераломъ Бисмаркомъ. Они другъ у друга обѣдали. На столъ Бирона отпускалась ежедневно такая сумма, что ея довольно было не только на содержаніе его семейства, но и караульныхъ офицеровъ и солдатъ, жившихъ съ нимъ въ одномъ домѣ, которые этимъ средствомъ были задабриваемы. Самъ Биронъ вполнѣ предался своей—впрочемъ не горькой, участи. Онъ, котораго подозрѣвали въ невѣріи, даже сталъ читать духовныя книги. Надоѣдалъ ему только приставленный къ нему пасторъ, который требовалъ отъ него устной исповѣди, такъ что наконецъ Биронъ отказался имѣть съ нимъ дѣло. Старшій сынъ Бирона—бывшій претендентъ на руку Елисаветы Петровны—менѣе терпѣливо выносилъ изгнаніе. Онъ два раза пытался бѣжать и былъ останавливаемъ часовымъ (1). Биронъ былъ не безъ друзей при дворѣ Елисаветы. Въ его пользу дѣйствовалъ Лестокъ. Лестокъ просилъ за Бирона императрицу. Елисавета помнила любезность къ ней Бирона-регента и то, что были даже толки о желаніи регента возвести на престолъ ея племянника, принца Голштинскаго (2). Елисавета обѣщала Лестоку помочь деньгами Бирону, но все забывала объ обѣщаніи. Лестокъ однако послѣ отправился самъ въ Ярославль, видѣлся съ Бирономъ и вручилъ ему отъ имени императрицы 5000 рублей. Двадцать лѣтъ прожилъ Биронъ въ Ярославлѣ. Возвращенный въ Петербургъ Петромъ III, онъ былъ снова утвержденъ герцогомъ курляндскимъ Екатериною II. На колѣняхъ благодарилъ онъ императрицу за милостивое вниманіе; при проѣздѣ черезъ Ригу, русскій гарнизонъ привѣтствовалъ его пушечными выстрѣлами; русскія войска утвердили его, не смотря на сопротивленіе Польши и самихъ курляндцевъ, въ Митавѣ.

Остерманъ при воцареніи Елисаветы былъ застигнутъ въ расплохъ. Супруга его Марфа Ивановна кажется предвидѣла грозу и совѣтовала ему проситься у Анны Леопольдовны въ отставку, но Остерманъ надѣялся на свою обычную изворотливость. Въ то время, когда любившая патетическія выраженія правительница,

---

(1) Scherer, IV, 246.

(2) Чтенія, 1863, I, смѣсь 42.

чувствуя приближеніе опасности, отправилась къ Остерману и заклинала его именемъ Спасителя (par les entrailles du devin Sauveur) (1) помочь ей въ бѣдѣ, хитрый дипломатъ держалъ сторону принца Антона Ульриха противъ его супруги и Линара и не подозрѣвалъ ничего. Относительно Елисаветы Петровны онъ велъ себя самоувѣренно и иногда даже оскорбительно для ея самолюбія. Это была самая большая ошибка дипломата. Вступаетъ на престолъ Елисавета и Остерманъ изъ министра и генералъ-адмирала превращается въ государственнаго преступника. Онъ равнодушенъ къ своей участи, хотя это — не равнодушіе отваги и смѣлости. Привезенный на эшафотъ въ своемъ обычномъ костюмѣ — шапочкѣ и красномъ халатѣ на лисьемъ мѣху — онъ хладнокровно всходитъ на ступени эшафота и также хладнокровно проситъ принести ему его парикъ и колпакъ. Впрочемъ онъ можетъ быть уже зналъ, что на эшафотѣ его ждетъ прощеніе. Его сослали въ Березовъ и поселили въ домѣ, гдѣ прежде жили сосланные Меншиковы и Долгорукіе. Остерманъ не пережилъ ссылки. Онъ сидѣлъ больше въ своей спальнѣ, рѣдко выходя въ другія комнаты. Караульные полагали, что онъ уединяется для молитвы, но онъ уединялся просто потому, что въ другихъ комнатахъ былъ нестерпимый запахъ отъ большаго числа поселенныхъ въ домѣ людей для караула. По крайней мѣрѣ такъ объяснялъ предшественникъ Остермана въ этомъ помѣщеніи, генералъ Бисмаркъ. Въ заключеніи Остерманъ поправился здоровьемъ: онъ прежде часто страдалъ отъ подагры; теперь ноги его совершенно поправились. Въ Березовѣ долго послѣ сохранялись дѣтскіе жилеты и женскія шапки, сшитые изъ бархатныхъ сапогъ Остермана. Говорятъ, что тѣло покойнаго Остермана было вынуто изъ могилы пережившею его супругою и увезено изъ мѣста заточенія. Въ нынѣшнемъ столѣтіи случайно была открыта могила Остермана и простой черный крестъ съ бѣлыми буквами H. O. (Henrich Ostermann) былъ поставленъ на ней.

Минихъ также былъ привезенъ къ эшафоту и помилованъ: вмѣ-

---

(1) Пекарскій, 269.

сто казни и его присудили къ ссылкѣ. Говорятъ, что Минихъ былъ осужденъ собственно за то, что какъ-то прежде оштрафовалъ А. Г. Разумовскаго (¹). Минихъ сохранялъ полное присутствіе духа. Въ своемъ красивомъ красномъ военномъ плащѣ, полный, здоровый, статный, красивый, не смотря на свои слишкомъ 50 лѣтъ, Минихъ разговаривалъ и шутилъ съ сопровождавшимъ его къ мѣсту казни солдатомъ: солдатъ видѣлъ передъ собою генералъ-фельдмаршала, а не осужденнаго государственнаго преступника. При допросѣ Минихъ просилъ слѣдователей написать въ отвѣтныхъ пунктахъ что̀ они пожелаютъ, а онъ подпишетъ эти показанія (²). На дорогѣ въ Пелымъ, онъ встрѣтился съ возвращавшимся изъ дальней ссылки Бирономъ. Въ Пелымѣ Миниха одно время не стѣсняли. Караульный офицеръ при немъ былъ прежде его подчиненнымъ въ турецкую войну и дѣлалъ возможныя послабленія. Минихъ на свободѣ писалъ свои мемуары, но скоро одинъ проѣзжій донесъ двору о послабленіяхъ ссыльному. Чтобы показать, что въ бумагахъ его нѣтъ ничего предосудительнаго, Минихъ отослалъ ихъ въ Петербургъ, гдѣ они были сожжены (³). Впрочемъ Елисавета разъ послала изгнаннику 6000 рублей. Минихъ въ изгнаніи училъ дѣтей мѣстныхъ жителей математикѣ; завелъ коровъ и продавалъ отъ нихъ молоко. Возвращенный изъ ссылки по смерти Елисаветы, онъ былъ встрѣченъ въ окрестностяхъ Петербурга своимъ сыномъ и 31 родственникомъ. Минихъ остался преданнымъ до конца вызвавшему его изъ ссылки государю. Можетъ быть многое было бы не такъ, если бы совѣта его во время послушались. Екатерина II, желавшая если можно привлечь на свою сторону и сторонниковъ покойнаго Петра III, благоволила къ Миниху. Минихъ писалъ даже къ ней галантныя посланія, которыя забавляли ее, потому что слишкомъ отзывались тономъ раздушенныхъ записокъ. Назначенный комендантомъ въ Рогервикъ, Минихъ разными выходками, какъ-то: маскараднымъ переряживаньемъ рабочихъ арестант-

(¹) Castéra, I, 116.
(²) Ibid.
(³) Richardson, 70—72.

скихъ ротъ и т. д. заставилъ разъ Екатерину замѣтить: „какъ жаль, что этотъ великій человѣкъ переживаетъ свою славу“ (¹).

Въ то время, какъ падшій Остерманъ казался равнодушнымъ, Минихъ по всей вѣроятности казался и былъ такимъ, а Левенвольде горько жаловался на свою участь и просилъ помилованія,—на ихъ мѣстѣ, въ высшихъ сферахъ управленія, явились съ воцареніемъ Елисаветы, какъ мы видѣли, новыя лица.

Мы уже нѣсколько знакомы съ Бестужевымъ. Воспитанный въ Англіи, человѣкъ очень образованный и умный, хотя иные иностранцы приписывали ему менѣе ума, чѣмъ лживости, Бестужевъ былъ продажный министръ и человѣкъ интриги. Въ царствованіе Анны Ивановны онъ дѣлается довѣреннымъ человѣкомъ Бирона. Онъ беретъ, какъ мы видѣли, съ Бирона 30,000 рублей за содѣйствіе въ доставленіи ему регентства. При Елисаветѣ Петровнѣ Бестужевъ выступаетъ на первый планъ и служитъ иностранной политикѣ за деньги. Въ этомъ подражаетъ ему Лестокъ. За полученіе денегъ отъ прусскаго правительства и за отправленіе знавшаго объ этомъ чиновника Эттингера, Лестока посадили въ крѣпость; тамъ онъ хотѣлъ уморить себя голодомъ, но безуспѣшно. У него было отобрано 40,000 р., изъ которыхъ возвращено ему было по освобожденіи только 11,000; остальныя деньги были показаны израсходованными, въ томъ числѣ 800 рублей на перья и бумагу при производствѣ дѣла. Впрочемъ освободившая его Екатерина II дала ему пенсію въ 7000 рублей и 30 гаковъ земли въ Лифляндіи. Но осужденіе Лестока при Елисаветѣ въ сущности было лишь слѣдствіемъ интриги его соперниковъ. Бестужевъ былъ удаленъ отъ должности также не за продажность. Тотъ и другой, получая пенсію отъ иностранныхъ правительствъ, могли себя считать до извѣстной степени въ безопасности. Припомнимъ, что сама Елисавета Петровна была не прочь получать деньги отъ иностранныхъ правительствъ, что конечно также не оставалось безъ вліянія на политическій образъ дѣйствій России. Приводилось, что ей нужны были деньги: она строила 2—3 большихъ дворца (²).

(¹) Scherer, I, 65.
(²) La Cour, 129.

П. И. Шуваловъ, заправлявшій многими отраслями внутренняго управленія, нажилъ себѣ громадное состояніе соединеніемъ въ своихъ рукахъ многихъ монополій. Онъ сблизилъ Елисавету съ своимъ братомъ Иваномъ Ивановичемъ. И. И. Шуваловъ, еще будучи камеръ-пажемъ, отличался наклонностью къ серьезнымъ занятіямъ и благодаря ему въ царствованіе Елисаветы было сдѣлано кое-что для народнаго образованія. Въ молодости его видѣли постоянно за книгою. Онъ сблизился съ Вольтеромъ и по его приглашенію фернейскій философъ сталъ за русское золото писать сочиненія о Россіи. При маломъ знаніи Россіи для Вольтера это дѣло было нелегкое, но плата была щедрая и онъ принималъ предложенія. Особенно смущали знаменитаго французскаго писателя русскія сочетанія согласныхъ и названія. Онъ напримѣръ спрашивалъ у Салтыкова, какъ писать: Kalkonistky, Ratzoniski, Ralkoniki или Roskolchiqui (1). Все дѣло шло о „раскольникахъ“. Этотъ одинъ примѣръ даетъ понять, съ какою подготовкою Вольтеръ приступалъ къ сочиненіямъ о Россіи. Онъ не могъ не дѣлать ошибокъ въ названіяхъ. Шуваловъ написалъ ему объ этомъ, отчасти по совѣту академика Тауберта. Вольтеръ былъ уязвленъ этимъ и отвѣчалъ колко: „Мнѣ кажется, что это нѣмецъ меня упрекаетъ—писалъ онъ—я ему желаю больше ума и поменьше согласныхъ“ (2).

Вольтеръ продолжалъ писать для Шувалова журнальныя статьи и по смерти Елисаветы. Но главный трудъ, предпринятый Вольтеромъ для Шувалова и Елисаветы Петровны, была „Исторія Петра Великаго“. Вольтеру доставили матерьялы, но значительную часть ихъ, которую историкъ могъ бы найдти для себя очень важною, спрятали подъ спудъ (3). Даже была составлена по порученію Елисаветы Петровны и послана чрезъ Шувалова къ Вольтеру послѣ предварительнаго просмотра императрицею „Исторія Петра Великаго“, очевидно для руководства. Но когда она была передана Вольтеру русскимъ посланникомъ въ Парижѣ кня-

---

(1) Шевыревъ, Ист. Моск. Унив. 97.
(2) Scherer, VI, 26.
(3) Merkwürdigkeiten, 107—108.

земъ Голицынымъ, то было уже поздно: Вольтеръ уже написалъ свою „Исторію“ и, вмѣсто отвѣта, послалъ Голицыну печатанный экземпляръ ея. Самъ Вольтеръ сознавалъ всю неполноту и незаконченность своего труда.

По словамъ Кокса, онъ хотѣлъ написать на своей могилѣ: „Ci-gît qui à voulu écrire l'histoire de Pierre le Grand“ (1) (здѣсь покоится тотъ, кто хотѣлъ написать исторію Петра Великаго).

Цѣль Елисаветы Петровны и Шувалова была однако отчасти достигнута. Трудъ такого знаменитаго писателя, какъ Вольтеръ, упрочилъ славу Петра I въ потомствѣ. До тѣхъ поръ о Петрѣ судили заграницей по сочиненіямъ менѣе лестнымъ для него. Такъ напр. Фридрихъ II прусскій считалъ Петра I болѣе эксцентрикомъ, чѣмъ великимъ человѣкомъ, и Жанъ-Жакъ-Руссо называлъ его геніемъ-подражателемъ, а не истиннымъ геніемъ (2).

И. И. Шуваловъ оставался при Елисаветѣ до самой смерти ея. Предъ смертію своей она передала ему ключи отъ шкатулки, гдѣ хранилась частная казна ея: 300,000 рублей (частная казна Анны Ивановны при смерти ея простиралась до 6 миліоновъ рублей).

---

(1) Coxe, Travels, II, 181; Lesur, 128—129.
(2) Lesur, 166—167, по Mémoires de Brandebourg и Contrat social, chap. VIII.

ПЕТРЪ III.

Великій князь Петръ Ѳедоровичъ.

Однажды въ 1739 г. въ замкѣ князя-епископа Эйтенскаго встрѣтились его молодые родственники: 12 лѣтній принцъ Петръ Фридрихъ Голштинскій и 10 лѣтняя принцеса Софія Августа, Ангальтъ Цербстская. Принцъ былъ двоюроднымъ племянникомъ князю—епископу; принцеса племянницей. Едва ли кто могъ предполагать, что пройдетъ нѣсколько лѣтъ и епископъ Эйтенскій займетъ шведскій престолъ, который уступитъ ему племянникъ, чтобы самому вступить на русскій, а троюродная сестра молодаго принца сдѣлается его супругою, и послѣ самодержавною русскою императрицею.

Принцъ Петръ-Фридрихъ былъ сынъ великой княгини Анны Петровны, слѣдовательно родной внукъ Петра I. Мы видѣли уже, какъ принцъ Фридрихъ Голштинскій, пріѣхавъ въ Петербургъ, сватался, не зная еще какую изъ дочерей отдастъ за него Петръ. Екатерина I покровительствовала молодому и любезному принцу, но на Петра 1 онъ по видимому не произвелъ особенно лестнаго впечатлѣнія. Петръ цѣловалъ его, приподнявъ съ земли на рукахъ; поилъ его, чтобы,—какъ самъ выражался—довести „до состоянія пьянаго нѣмца“ (¹), но дѣло о бракѣ все откладывалъ. Петръ не могъ не замѣтить ограниченности способностей вѣтреннаго и не очень образованнаго принца. Принцъ жилъ въ Россіи годъ за годомъ;

(¹) Бергольцъ, Ш, 106—107,

ѣздилъ по ней. Игралъ въ жгуты съ дамами у кн. Трубецкаго; былъ угощаемъ виномъ въ тверской аптекѣ; разсматривалъ московскую святыню и принималъ хлѣбъ-соль въ Троицкой лаврѣ, причемъ хлѣбъ поднять было впору только четыремъ человѣкамъ. Пять лѣтъ жилъ такимъ образомъ принцъ въ Россіи. Онъ вступилъ въ бракъ съ Анной Петровной только послѣ смерти Петра I. Получивъ не все что ожидали принцъ Фридрихъ и Анна Петровна уѣхали изъ Россіи въ Голштинію. Тамъ Анна Петровна недолго прожила. Она говорила, что русская натура не можетъ бояться непогоды. Смотря разъ на парадъ изъ раствореннаго окна въ холодную погоду, она простудилась и умерла. Еще до рожденія своего первенца, она сама готовила для него бѣлье, но сыну ея Петру Фридриху не суждено было съ младенческихъ дней видѣть ласкъ матери. Отецъ его, больше занятый хлопотами съ кредиторами, мало обращалъ вниманія на воспитаніе сына. Средства герцога были очень скудны; поправить свои обстоятельства онъ расчитывалъ въ будущемъ, благодаря сыну. Въ самомъ дѣлѣ, завидная по видимому доля выпала малюткѣ: его отъ самой колыбели ждалъ, если не одинъ престолъ, то другой—если не русскій, то шведскій. „Подождемъ, онъ поправитъ наши дѣла!“ говорилъ принцъ Фридрихъ, указывая на лежавшаго въ колыбели малютку-сына, и съ терпѣніемъ ѣлъ съ дырявыхъ скатертей, лучше которыхъ ему не оставили обрѣзанные герцогскіе доходы. Въ надеждѣ поправить свои дѣла когда выростетъ сынъ, герцогъ Фридрихъ такъ и умеръ. Малютка-сынъ его остался круглой сиротою. Его взялъ къ себѣ дядя, епископъ Эйтенскій. Но дядя очень мало прилагалъ вниманія о воспитаніи племянника. Маленькаго Петра-Фридриха окружилъ военный людъ третьестепеннаго германскаго двора. Его занимали только военными играми и упражненіями. Его самого произвели въ унтеръ-офицеры и затѣмъ по девятому году въ секундъ-лейтенанты. Въ наказаніе за проступки ему не давали смотрѣть на парадъ. Случалось также, что его становили на колѣни на горохъ и бѣдняжка стоялъ по получасу, такъ что колѣнки краснѣли и распухали. Примѣняясь къ обществу, которымъ былъ окруженъ, маленькій Петръ-Фридрихъ хотѣлъ быть съ каждымъ на „ты“ и требовалъ, чтобы ему говорили „ты“, хотя этого и не дѣлали.

Пока была надежда, что Петръ Фридрихъ вступитъ на русскій престолъ, онъ учился закону Божію у іеромонаха греческой церкви, но по вступленіи на престолъ Анны Ивановны надежда эта рушилась. Тогда предъ маленькимъ принцемъ открылся шведскій престолъ и его стали учить шведскому языку, а вмѣсто греческаго іеромонаха закону Божію сталъ учить докторъ Хоземанъ по лютеранской догмѣ. Высокій и худой педантъ, Юль, ректоръ кильской латинской школы, давалъ принцу уроки латинскаго языка и окончательно заставилъ ученика возненавидѣть латынь, такъ что даже нѣсколько лѣтъ спустя, когда принцу Петру-Фридриху—въ то время уже наслѣднику русскаго престола Петру Ѳедоровичу—прислали его библіотеку, онъ просилъ учителя своего Штелина пріобрѣсти для нея красивые шкапы, но латинскія книги дѣвать куда хочетъ.

Между тѣмъ снова обстоятельства перемѣнились: на русскомъ престолѣ была дочь Петра I, родная тетка принца. Когда Елисавета была еще великою княжною, голштинскій оберъ-егермейстеръ фонъ-Бредаль, будучи въ Петербургѣ по смерти герцога, отца принца, отдалъ ей портретъ ея племянника, рисованный масляными красками Деннеромъ въ Гамбургѣ и миніатюрный снимокъ съ этого портрета, сдѣланный Трунихомъ въ Килѣ. Передать портреты надо было осторожно, потому что императрица Анна была сильно нерасположена къ голштинскому дому. „Чёртушка въ Голштиніи еще живетъ“ (1), говорила Анна, получая отъ времени до времени вѣсти о маленькомъ Петрѣ Фридрихѣ. Она разорвала письмо отца его съ просьбою о деньгахъ. Со вступленіемъ на престолъ Елисаветы, снова открылся въ перспективѣ передъ молодымъ принцемъ русскій престолъ. Елисавета, рѣшась назначить племянника своимъ преемникомъ, послала за нимъ довѣренныхъ лицъ въ Киль. Петръ Фридрихъ ѣхалъ въ Россію подъ строгимъ инкогнито какъ графъ Дюкеръ; его везли почти тайкомъ. Это объясняется тѣмъ, что принцъ до послѣдняго времени считался наслѣдникомъ шведскаго престола, и шведы вовсе были нерасположены уступить его

(1) Пекарскій, 325; Штелинъ, 71— 72.

Россіи. Пріѣздъ его въ Петербургъ повелъ даже впослѣдствіи къ посылкѣ къ русскому двору шведской депутаціи, настаивавшей на кандидатурѣ принца на шведскую корону. Елисавета ласково приняла племянника, но нашла, что онъ блѣденъ и слабаго сложенія. Елисавета нашла также, что въ Голштиніи его почти ничему не учили. Она разослала къ своимъ посланникамъ за границей циркуляръ о присылкѣ программъ для обученія племянника. Изъ двухъ программъ, подвергнутыхъ разсмотрѣнію, Гольдбаха и Штелина, одобрена была программа послѣдняго. Въ первое время Елисавета прилагала много попеченій о принцѣ Петрѣ Фридрихѣ теперь великомъ князѣ Петрѣ Ѳедоровичѣ. Она сама даже учила его креститься по православному. Начали учить великаго князя, но нельзя сказать, чтобы успѣхи были значительны. Петръ учился сколько нибудь въ Голштиніи только французскому языку. За уроками закона Божія у Семеона Тодорскаго онъ, уже посвященный въ правила лютеранства, больше диспутировалъ съ учителемъ. Учитель русскаго языка Исаакъ Веселовскій ходилъ рѣдко, а потомъ и вовсе пересталъ ходить. Великій князь и впослѣдствіи говорилъ больше по нѣмецки, а по русски рѣдко и худо, да и не любилъ русскаго языка. Если изъ предметовъ преподаванія какой нибудь обращалъ на себя предпочтительное вниманіе Петра, то это математика. Способъ преподаванія, избранный Штелинымъ, былъ очень разумный и, при дѣльномъ и знающемъ наставникѣ, могъ ознакомить со многимъ ученика, даже не расположеннаго къ ученію; между наставникомъ и ученикомъ велась оживленная бесѣда, отъ одного предмета переходили къ другому, по мѣрѣ того, какъ о нихъ заходила рѣчь, и ученикъ могъ пріобрѣсти много познаній, не касаясь жесткой и трудно варимой скорлупы науки въ учебникахъ. Не удивительно, что даже одичавшій въ кильскомъ военномъ обществѣ и неохотно учившійся великій князь оказывалъ нѣкоторые успѣхи. Такъ, разъ Петръ Ѳедоровичъ поправилъ фельдмаршала Долгорукаго и оберъ-полицiймейстера Девіера въ русской исторіи; у Елисаветы при этомъ слезы показались отъ радости.

Петръ былъ недурной наружности. Если глаза его не выражали особеннаго ума, то въ нихъ свѣтились за то бойкость и открытый характеръ. Добродушный отъ природы, онъ былъ иногда

колокъ и даже остроуменъ въ своихъ замѣчаніяхъ. Вспомнимъ его замѣчаніе Чеглокову, человѣку вовсе не способному дѣйствовать на молодой умъ и характеръ, и котораго не смотря на то Елисавета опредѣлила къ племяннику вмѣстѣ въ роли пристава и попечителя: „Знаете ли вы, какая первая буква азбуки?“ спросилъ Петръ у Чеглокова. Чеглоковъ былъ извѣстенъ при дворѣ, какъ личность не только недальняя, но и мало образованная. „Знаю,“ отвѣчалъ Чеглоковъ. „Хорошо, былъ отвѣтъ Петра,—такъ какъ тетушка назначила васъ моимъ главнымъ гувернеромъ, то я узнаю это отъ васъ.“

Открытое, съ нѣсколько выдавшимся впередъ острымъ носомъ, лице Петра Өедоровича не въ состояніи было хранить никакой тайны. Воображеніе было чрезвычайно сильно развито въ молодомъ великомъ князѣ: иногда воображаемое казалось ему дѣйствительно существовавшимъ. Онъ, напримѣръ, разсказывалъ въ Петербургѣ съ малѣйшими подробностями объ экспедиціи противъ датчанъ, въ которой принималъ будто бы участіе, будучи ребенкомъ. Никто изъ окружавшихъ его голштинскихъ офицеровъ не помнилъ ни о чемъ подобномъ. Другою отличительною чертою характера Петра была его необыкновенная робость. Молодой человѣкъ, разсказывавшій дамамъ о томъ, какъ онъ ребенкомъ принималъ участіе въ военныхъ экспедиціяхъ, боялся подойдти къ ручному медвѣдю на цѣпи. Онъ могъ бить ласточку на лету и вмѣстѣ пугался выстрѣла. Онъ очень боялся грозы.

Петръ очень выросъ послѣ оспы, случившейся съ нимъ въ деревенской глуши во время переѣзда двора. Тотчасъ же приняты были мѣры; домъ, гдѣ его помѣстили, былъ обитъ досками и внутри войлокомъ. Елисавета плакала надъ больнымъ. Оспа страшно изуродовала молодое лице. Петръ совершенно измѣнился. Прежде его находили недурнымъ собою; теперь наружная привлекательность была навсегда потеряна.

Въ отношеніяхъ Елисаветы къ Петру надобно различать два періода: сначала она его ласкаетъ, прилагаетъ о немъ всевозможныя попеченія; затѣмъ все это перемѣняется, между теткой и племянникомъ наступаетъ рѣзкое охлажденіе. Въ первое время онъ юноша, учащійся подъ надзоромъ тетки; впослѣдствіи, наслѣдникъ

престола, преслѣдующій свои отдѣльные, частные и политическіе виды, часто діаметрально противоположные тому, чего хотѣла бы тетка-императрица. Пріѣхавъ въ Россію, Петръ Ѳедоровичъ не избавился вліянія на него голштинской военной среды. Замѣтили, что въ Петербургѣ онъ одно время похудѣлъ и сдѣлался вспыльчивымъ отъ постояннаго раздраженія, въ которомъ держалъ его сварливый и грубый Брюммеръ, его голштинскій оберъ-камергеръ. Брюммеръ спорилъ, выходилъ изъ себя, и даже съ кулаками подступалъ къ великому князю [1]. Расположеніе къ мелочамъ военнаго дѣла, которое старались развить въ ребячествѣ, сдѣлало Петра ребенкомъ въ томъ возрастѣ, когда молодые люди уже остепеняются: игра въ оловянные, картонные, восковые и трутовые солдатики оставалась долго любимымъ времепрепровожденіемъ великаго князя. Извѣстенъ разсказъ Екатерины о томъ, какъ крыса, забравшаяся въ картонную крѣпость и осмѣлившаяся съѣсть въ ней трутоваго солдатика, была повѣшена по военному кодексу. Но если у молодаго человѣка, и уже мужа, хватало времени на такія забавы, то пусть винятъ въ этомъ тѣхъ, кто не могъ лучшимъ наполнить времени Петра. Это была именно одна изъ тѣхъ натуръ, которыя дѣлаются тѣмъ, чѣмъ дѣлаютъ ихъ обстоятельства.

Посмотримъ, какъ пуста и безцвѣтна была обстановка жизни Петра Ѳедоровича. Аргусомъ надъ нимъ былъ Чеглоковъ, необразованный и очень ограниченный, безтактный старый селадонъ, дававшій много хлопотъ ревнивой женѣ и очень мало хорошихъ совѣтовъ великому князю. Безъ разрѣшенія императрицы, великій князь не имѣлъ права выходить изъ дома и сдѣлать обыкновенной прогулки—и это, когда онъ былъ взрослымъ человѣкомъ. Содержаніе его было далеко не роскошное; какъ гофмаршалъ его, Сиверсъ, не бился сводить концы съ концами, онъ не всегда могъ сдѣлать, чтобы къ обѣду подавались вкусныя блюда въ достаточномъ количествѣ. Петръ Ѳедоровичъ чуждался мысли о русскомъ постѣ. Ссылаясь на примѣръ своего дѣда, Петра I, желудокъ котораго не могъ варить рыбы, великій князь просилъ позволенія

---

(1) Штелинъ, 81.

у императрицы въ посту ѣсть скоромное; разрѣшеніе было дано лишь съ тѣмъ, чтобы обѣдъ великаго князя подавался отдѣльно въ его комнатахъ. Но уже подобная просьба сильно роняла племянника въ глазахъ такой поборницы предписаній религіозной обрядности, какою была Елисавета.

Дѣлами правленія, и даже вообще дѣлами, великаго князя не занимали. Онъ только числился директоромъ кадетскаго корпуса, ѣздилъ въ корпусъ, но товарищески проводилъ время съ кадетами — и это все. Разъ камеръ-юнгфера Елисаветы, Іоганна, убирая императрицу, замѣтила: что̀ будетъ съ государствомъ впослѣдствіи, если наслѣдника престола теперь не знакомятъ съ дѣлами? „Іоганна! ты знаешь гдѣ Сибирь?“ спросила Елисавета. Камеръ-юнгфера должна была прикусить языкъ. Но Елисавета была по природѣ добрая женщина, а можетъ быть внутри ея и что-то сказало, что Іоганна несовсѣмъ неправа. Какъ бы то ни было, на другой день послѣ этого Елисавета послала Іоганнѣ десять своихъ платьевъ и миръ вѣроятно былъ возстановленъ. Но откровенное слово простой нѣмки не повело ни къ какой перемѣнѣ въ судьбѣ наслѣдника престола. Было бы несправедливо однако источникъ разлада между теткою и племянникомъ видѣть исключительно въ Елисаветѣ. Многое въ племянникѣ должно было разочаровать ее. Онъ не любилъ Россіи и русскихъ, окружалъ себя постоянно нѣмцами, не имѣлъ даже на столько такта, чтобы показывать расположеніе къ обычаямъ страны, если не питалъ его. Елисавета находила его не свѣтскимъ; однажды въ Екатерингофѣ она сама должна была отворить дверцы кареты и помочь дамамъ, бывшимъ въ ней, выйдти, потому что шедшій съ ней Петръ Ѳеодоровичъ не догадался этого сдѣлать. За то игрушечные солдатики, шкапы съ бутылками вина и отверстія, проверченныя на ея половину, чтобы смотрѣть что̀ у нея дѣлалось — возмущали Елисавету.

Но самую рѣзкую черту проводило между императрицею и ея наслѣдникомъ престола несогласіе ихъ въ политическихъ мнѣніяхъ. Елисавету расположили въ пользу Австріи; Петръ Ѳеодоровичъ былъ страстнымъ поклонникомъ Фридриха II прусскаго. Императрица питала личное нерасположеніе къ Фридриху II. Фридрихъ говорилъ, что онъ имѣетъ дѣло съ тремя женщинами: Маріею Терезіею — ав-

стрійскою императрицею; Елисаветою — русскою императрицею и маркизою Помпадуръ. Надобно замѣтить, что Елисавета называла въ насмѣшку маркизою Помпадуръ гр. Елиз.. Ром. Воронцову, къ которой питалъ расположеніе Петръ Өедоровичъ. Можетъ быть названіе это придавалось и потому, что отцу графини Воронцовой, канцлеру Воронцову, Лудовикъ XV подарилъ за оказанныя ему политическія услуги мебель, купленную у m-me Помпадуръ. Но во всякомъ случаѣ m-me Помпадуръ очень низко стояла въ глазахъ Елисаветы и потому Фридрихъ II однимъ приведеннымъ сопоставленіемъ именъ наносилъ ей оскорбленіе. Елисавета говорила, что она враждебно расположена къ Фридриху за то, что во первыхъ онъ не имѣетъ религіи, во вторыхъ не живетъ съ женой и въ третьихъ не былъ коронованъ.

Напротивъ, наслѣдникъ престола Петръ Өедоровичъ души не видѣлъ въ королѣ прусскомъ. Онъ считалъ за честь числиться лейтенантомъ въ его службѣ. Онъ носилъ перстень съ его портретомъ, который однако тщательно скрывалъ, будучи въ присутствіи Елисаветы. Генералъ Тотлебенъ привезъ Елисаветѣ, когда она была еще не совсѣмъ въ враждебныхъ отношеніяхъ къ Фридриху, портретъ короля прусскаго. Петръ Өедоровичъ подвелъ одного изъ Разумовскихъ къ портрету и сказалъ: „падите передъ нимъ на колѣни, вотъ вашъ Богъ!“ (1). Когда между Россіею и Пруссіею началась война, между Фридрихомъ II и Петромъ Өедоровичемъ продолжались прежнія дружескія сношенія. При дворѣ читались однѣ реляціи, а Петръ Өедоровичъ получалъ другія, отъ Фридриха II, конечно мало сходныя съ первыми и онѣ читались великимъ княземъ открыто его приближеннымъ. Есть даже положительное свидѣтельство, что Петръ Өедоровичъ и секретарь его, Волковъ, дѣлали такія сообщенія Фридриху II, которыя раскрывали ему многое и были вовсе не въ интересахъ петербургскаго кабинета (2). Фридрихъ II былъ тонкій политикъ и пользовался обстоятельствами. Онъ не высоко цѣнилъ способности своего друга и союзника въ Петербургѣ,

(1) Scherer, VI, 101.
(2) Daschkoff, Mémoires, 58.

но умѣлъ изъ его расположенія извлекать выгоды. Неизвѣстно какова бы была судьба Пруссіи, если бы характеръ участія русской арміи въ семилѣтней войнѣ не представлялъ замѣчательныя и оригинальныя своеобразности. Русскіе генералы бьютъ прусскихъ и затѣмъ иногда никѣмъ не гонимые вдругъ быстро отступаютъ предъ разбитымъ. Разгадка этого бѣгства побѣдителей отъ побѣжденныхъ заключалась въ Петербургѣ, въ слабости здоровья императрицы. Всѣ знали, что наслѣдникъ престола стоитъ за Пруссію. Умри Елисавета—война тотчасъ бы кончилась и генералы побѣдители могли впасть въ опалу у новаго государя. Личныя соображенія брали верхъ надъ чувствомъ долга и хотя въ Берлинѣ уже чеканились талеры съ портретомъ императрицы Елисаветы и русскій орелъ печатался на газетахъ, выходившихъ въ столицѣ Пруссіи, но Фридрихъ II все увертывался, пока вступленіе на престолъ Петра III сдѣлало Россію, изъ врага, союзницею прусскаго короля.

Елисавета знала, чью сторону держитъ Петръ Ѳедоровичъ, понимала, что его образъ дѣйствій ей помѣха, и въ концѣ царствованія ея серьезно былъ поднятъ вопросъ: ему ли вступить на престолъ по смерти императрицы? Былъ схваченъ священникъ, напечатавшій сочиненіе, гдѣ раскрывались интриги части придворныхъ противъ Петра Ѳедоровича (1). Священникъ былъ разоблаченъ въ синодѣ; сенатъ приговорилъ его къ смертной казни; Елисавета замѣнила казнь изгнаніемъ. Когда Елисавета была на смертномъ одрѣ, новгородскій митрополитъ Дмитрій Сѣченовъ уговорилъ Петра Ѳедоровича пойдти къ постели умиравшей и быть внимательнѣе къ ней. Если бы, однако, Елисавета дѣйствительно хотѣла назначить другаго наслѣдника, то гдѣ же былъ онъ? Мысль объ Иванѣ Антоновичѣ надобно было оставить: способности бывшаго императора-младенца угасли навсегда и нельзя было думать о возведеніи его на престолъ. Все сложилось такимъ образомъ, чтобы наслѣдникомъ Елисаветы былъ Петръ Ѳедоровичъ. Онъ былъ тутъ, у ея изголовья, плакалъ и не отходилъ отъ нея ни на шагъ до самой смерти ея. Передавая ему царство, она просила только по-

---

(1) Sherer, VI, 175.

заботиться о маленькомъ сынѣ его, Павлѣ, но это напоминаніе не было вызвано намѣренною невнимательностію Петра Өедоровича къ сыну: Петръ Өедоровичъ, читаемъ мы у Штелина, взялъ, напримѣръ, разъ Павла, поцѣловалъ его и сказалъ, что изъ него выйдетъ добрый малый. Онъ присутствовалъ на экзаменѣ, сдѣланномъ маленькому Павлу его воспитателемъ Панинымъ. И вообще, если не какъ внимательный отецъ, то какъ добрый человѣкъ, онъ былъ расположенъ къ сыну.

Супруга Петра Өедоровича

Однажды въ началѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія, къ герцогинѣ Брауншвейгской пріѣхала погостить принцесса Іоанна Луиза Ангальтъ-Цербстская съ дочерью. У герцогини собралось нѣсколько духовныхъ. Между ними былъ каноникъ изъ рода Менгденовъ. Онъ извѣстенъ былъ умѣньемъ предсказывать будущее. Мать бывшей тутъ же принцессы Маріанны Беверicкой просила сказать судьбу ея дочери, не ждетъ ли ее въ будущемъ корона? Каноникъ отказался сказать что либо о Маріаннѣ, но за то, обратясь къ матери подруги ея, принцессѣ Ангальтъ-Цербстской, сказалъ: „на лбу вашей дочери вижу короны, по крайней мѣрѣ три“ (¹). Принцесса приняла это за шутку. Въ самомъ дѣлѣ, все мало обѣщало, чтобы маленькая Софія Августа или какъ мать звала ее уменьшительнымъ именемъ Фика—когда нибудь взошла на престолъ. Отецъ ея, принцъ Ангальтъ-Цербстскаго дома (Цербстъ—онѣмеченный славянскій городъ Сербскъ), былъ генераломъ въ прусской службѣ и въ то время, когда родилась Софія, занималъ мѣсто штетинскаго губернатора.

Софія родилась 2 мая (21 апрѣля) 1729 г. Когда ей былъ пятый годъ, отецъ ея вступилъ въ управленіе Ангальтъ-Цербстомъ. Но и въ это время, когда Софія воспитывалась у француженки, гувернантки Гардель, ничто не заставляло предполагать какая участь

(¹) Осьмнадцатый Вѣкъ, I, 6—7.

ждетъ ее. Матери ея при рожденіи Софіи было всего 16 лѣтъ. Сверстница и любимица Фридриха II, одаренная живыми способностями, знавшая Корнеля и Расина наизусть, мать Софіи не могла назваться въ принятомъ смыслѣ доброю матерью. Она была вспыльчива, капризна, нерѣдко рѣзка въ обращеніи съ дочерью и даже била ее, когда та далеко была уже немаленькою. Замѣтивъ, по ея мнѣнію, въ маленькой Фикѣ гордость, мать нарочно заставляла ее играть съ дѣтьми простыхъ штетинскихъ горожанъ. Іоанна Луиза не могла пріобрѣсти любви дочери.

Мы уже говорили о пріѣздѣ 10 лѣтней Софіи Августы въ 1739 г. въ Эйтенъ; тамъ она увидала 12 лѣтняго, дичившагося общества, троюроднаго брата своего принца Петра Фридриха. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того она посѣтила, какъ мы видѣли, Браунштейгъ.

Почему именно каноникъ Менгденъ предрекаетъ Софіи три короны? Семейство Менгденовъ не утратило все значеніе при русскомъ дворѣ съ паденіемъ Анны Леопольдовны. Между фрейлинами Елисаветы была одна Менгденъ. Не получилъ ли каноникъ Менгденъ извѣстій изъ Петербурга, что имп. Елисавета Петровна была не прочь увидѣть невѣстою своего наслѣдника престола дочь сестры своего прежняго жениха? Мать Софіи была родная сестра принцу Любскому, покойному жениху Елисаветы Петровны. Елисавета сохранила нѣжную память о своемъ женихѣ; она не могла не знать, что у сестры его Іоанны Луизы есть дочь. Императрицѣ надобно было женить своего наслѣдника престола и очень вѣроятно, что ей приходила мысль о молодой принцессѣ Ангальтъ-Цербстской. Если Менгдены въ Петербургѣ дали знать объ этомъ канонику Менгдену, то тому не трудно было предсказать Софіи Августѣ короны московскую, казанскую и астраханскую. Екатерина II — бывшая принцесса Софія Августа — припоминая о предсказаніи, бывшемъ ей въ ранней молодости, относитъ его къ тому времени, когда уже шла рѣчь о невѣстѣ для наслѣдника императрицы Елисаветы.

О вступленіи Софіи Августы въ бракъ съ наслѣдникомъ русскаго престола хлопоталъ еще Фридрихъ II. Фридрихъ говорилъ въ своихъ запискахъ, что это было съ его стороны дѣломъ так-

тики и государственной предусмотрительности ([1]). Пруссія должна была, по его словамъ, опасаться русскихъ варваровъ и обезпечить себѣ ихъ расположеніе. Фридрихъ особенно боялся казаковъ и татаръ, грабившихъ занятыя ими мѣстности. Пруссія, въ случаѣ войны съ Россіею, могла понести большой убытокъ, не будучи въ состояніи по обширности и малонаселенности Россіи отплатить ей тѣмъ же, особенно не имѣя флота для похода на Петербургъ. Фридрихъ предсказывалъ, что и будущіе короли прусскіе должны будутъ обезпечивать себѣ союзъ съ Россіею.

Фридрихъ хотѣлъ обезпечить себѣ добрыя отношенія къ Россіи. Но какъ было это сдѣлать? Онъ рѣшился достигнуть цѣли посредствомъ брака: выдать за наслѣдника русскаго престола принцессу, доброжелательную Пруссіи. Отдать одну изъ своихъ родственницъ онъ не хотѣлъ. Онъ остановился выборомъ на дочери своей пріятельницы. Король расчитывалъ, что принцесса Ангальтъ-Цербстская, воспитанная въ Пруссіи, уже изъ одного чувства благодарности будетъ доброжелательна къ ней. Фридрихъ II не совсѣмъ ошибся въ расчетѣ: если бы не хлопоты его о бракѣ Софіи Августы, Пруссія по всей вѣроятности не получила бы обширной и лучшей части Польши.

Король прусскій даетъ порученіе своему посланнику въ Петербургѣ, Мардефельду, хлопотать о бракѣ между великимъ княземъ Петромъ Ѳедоровичемъ и принцессою Ангальтъ-Цербстскою. Хлопоты идутъ успѣшно, потому что императрица Елисавета имѣла, какъ мы уже видѣли, поводъ склоняться въ пользу принцессы. Елисавета посылаетъ письмо къ матери Софіи Августы съ приглашеніемъ пріѣхать въ Петербургъ. Письма не ожидали; маленькій городокъ Ангальтъ-Цербстъ пришелъ въ волненіе отъ удивленія по поводу присылки русской эстафеты. Черезъ нѣсколько времени мать Софіи Августы получаетъ письмо отъ Фридриха II. Тотъ пишетъ ей, что уже и деньги асигнованы русскимъ дворомъ на поѣздку принцессъ въ Петербургъ: принцесса-мать должна была получить 10,000 рублей на переѣздъ въ Петербургъ и затѣмъ

([1]) Осьмнадцатый вѣкъ, I, 10.

1000 червонцевъ въ Петербургѣ на поѣздку въ Москву. Тонъ письма и то что деньги были въ прусской конторѣ въ Петербургѣ— все могло заставить думать, что деньги на поѣздку давалъ самъ Фридрихъ, и дѣйствительно нѣкоторые авторы полагаютъ, что принцесса ѣхала на деньги, занятыя у прусскаго короля. Фридрихъ совѣтовалъ не говорить ничего о поѣздкѣ отцу принцессы Софіи, а ѣхать сначала какъ бы въ Штетинъ и затѣмъ оттуда моремъ въ Петербургъ. Фридрихъ полагалъ, что отецъ Софіи, какъ ревностный протестантъ, не захочетъ, чтобы дочь его перемѣнила вѣру и такимъ образомъ помѣшаетъ выполненію плановъ короля. Но супруга принца отвѣчала, что она не можетъ не посвятить мужа въ тайну. Впрочемъ опасенія на счетъ принца были напрасны, онъ далъ согласіе на поѣздку. Принцесса мать просила короля о паспортѣ на имя графини Рейнбушъ, для проѣзда чрезъ его владѣнія.

Принцесса Софія съ матерью и дѣвицею Шенкъ отправились въ Россію. Въ Ригѣ ихъ встрѣтили съ пушечными выстрѣлами. Такъ какъ дворъ былъ въ Москвѣ, то принцесса съ матерью пробыли въ Петербургѣ только три дня. При нихъ назначено было состоять четыремъ фрейлинамъ, въ томъ числѣ и фрейлинѣ Менгденъ; имъ показывали главныя улицы города. Изъ Москвы на встрѣчу имъ посланъ былъ камергеръ Нарышкинъ. Въ Москвѣ императрица встрѣтила ихъ ласково; но вскорѣ эгоистическій и мелочной характеръ принцессы-матери оттолкнулъ отъ нея императрицу. Пробѣжавъ почти босикомъ по полу за книгою въ такомъ сыромъ и нездоровомъ дворцѣ, каковъ былъ кремлевскій, 15 лѣтняя Софія Августа опасно заболѣла. Мать ея уронила себя въ глазахъ Елисаветы Петровны и тѣмъ, что просила призвать къ находившейся въ опасности дочери протестантскаго духовника, когда та готовилась быть пріобщенною къ православному вѣроисповѣданію. Напротивъ, Софія Августа просила прислать къ ней православнаго духовнаго Симеона Тодорскаго. Елисаветѣ было это по душѣ. Елисавета оказывала расположеніе къ молодой принцессѣ съ самаго ея пріѣзда.

Ей, какъ и матери ея, данъ былъ вскорѣ по прибытіи ихъ въ Москву орденъ Екатерины. Елисавета не долго колебалась выбо-

ромъ ея въ невѣсты своему наслѣднику. Во время болѣзни Елисавета сама заботливо ходила за ней. Въ то время какъ мать Софіи Августы бранила больную за вырывавшіеся у нея стоны, Елисавета заботилась о необходимыхъ кровопусканіяхъ и уходѣ за больной. Даже самое спасеніе больной приписывалось Елисаветѣ: по настоянію ея Софіи Августѣ 16 разъ пускали кровь, иногда по четыре раза въ сутки. Елисавета не разъ плакала надъ бывшею въ опасности принцессою. Наконецъ она поправилась. 28 іюня 1744 г. былъ сговоръ между пріобщенною къ православію принцессою Софіею Августою—теперь Екатериною Алексѣевною, и великимъ княземъ Петромъ Ѳедоровичемъ. При пріобщеніи къ православію, Екатерина довольно бойко прочла по русски символъ вѣры, къ радости Елисаветы. Екатерина предъ тѣмъ по ночамъ твердила уроки своего учителя русскаго языка, Ададурова, и послѣ Елисавета, говоря съ ней по русски, хвалила ея выговоръ. Впрочемъ письма, посылавшіяся Екатериною къ Елисаветѣ въ Хотилово, хотя писались рукою Екатерины, были сочиненія Ададурова.

По объявленіи женихомъ, Петръ Ѳедоровичъ заболѣлъ оспою. Но хотя болѣзнь оставила на немъ страшные слѣды, Екатерина по выздоровленіи встрѣтила жениха выраженіями неизмѣнившейся привязанности. Была ли это маска? Можно сказать только одно, что Екатерина вступала въ бракъ по расчету. Со стороны Петра Ѳедоровича было также болѣе откровенности, чѣмъ любви. Ему больше всего нравилось, какъ признавался онъ невѣстѣ, то что она ему кузина и что по этому онъ открыто можетъ говорить съ ней о своихъ сердечныхъ привязанностяхъ (¹). Онъ ей говорилъ напримѣръ о своей любви къ Лопухиной, и Екатерина такъ себя поставила, что была повѣреннымъ жениха, и послѣ мужа, и отчасти даже его менторомъ. Пятнадцать дней послѣ брака Петръ признавался Екатеринѣ въ своей любви къ m-lle Карръ. Самый бракъ былъ совершенъ ранѣе, чѣмъ слѣдовало по совѣту врачей: доктора находили, что послѣ такой болѣзни, какую перенесъ Петръ Ѳедоровичъ, бракъ долженъ былъ послѣдовать не ранѣе какъ годъ

(¹) Catherine II, 10.

спустя по излеченіи. Впослѣдствіи вниманіе Петра Ѳедоровича привлекла m-lle Биронъ, дочь жившаго въ ссылкѣ герцога курляндскаго. Горбатая и маленькая ростомъ, но съ хорошенькими глазами, умница и интригантка, молодая Биронъ, нелюбимая дочь въ семействѣ, жаловалась императрицѣ Елисаветѣ на притѣсненія отъ отца и матери за желаніе перейдти въ православную вѣру. Елисавета приняла ее подъ свое покровительство, взяла ее ко двору и была ея воспріемницею. Петръ Ѳедоровичъ, не любившій русскаго языка и вообще русскихъ привычекъ, былъ въ восхищеніи оттого, что могъ съ молодою Биронъ говорить исключительно по нѣмецки. Екатерина знала о всѣхъ подобныхъ платоническихъ привязанностяхъ супруга. Она была холодною наблюдательницею всего этого. Одна утѣха Екатерины въ брачной жизни были — книги. Еще въ Гамбургѣ Гилленбургъ говорилъ матери ея, что Софія Августа была очень развита для своего возраста. Послѣ, въ Петербургѣ, тотъ же Гилленбургъ совѣтовалъ Екатеринѣ больше читать, указывалъ ей на „Жизнеописанія“ Плутарха, на „Жизнь Цицерона,“ „Причины возвышенія и паденія римской республики“ Монтескье. Эти книги съ трудомъ нашлись въ Петербургѣ. Прочитавъ сочиненіе Екатерины „Портретъ философа въ 15 лѣтъ“ Гилленбургъ прибавилъ къ нему 12 страницъ своихъ примѣчаній. Это произведеніе ранней молодости Екатерины было сожжено ею вмѣстѣ съ прочими ея бумагами 1758 г., когда она имѣла основаніе опасаться своихъ аргусовъ. До чего была сильна жажда знаній въ Екатеринѣ видно изъ того, что она читала томъ за томомъ громадный французскій словарь Бейля, по одному тому въ полгода. Уже въ это время начинаютъ являться въ головѣ Екатерины вопросы изъ области общесравнительнаго языкознанія. Они заставляютъ ее обратиться за помощью къ пастору англійской факторіи, Дюмареску. Чтеніе „Лѣтописей“ Тацита произвело, по признанію Екатерины, поворотъ идей въ головѣ ея. Словомъ, она учится, и учится прилежно. Съ особеннымъ стараніемъ изучаетъ она Россію и бытъ ея. Для этого она сближается и бесѣдуетъ съ канцлеромъ Бестужевымъ, человѣкомъ лживымъ, министромъ подкупнымъ до такой степени, по выраженію Фридриха II, что онъ продалъ бы и императрицу Елисавету, если бы кто могъ заплатить ему за

нее достаточную сумму, но вмѣстѣ умнымъ, много знавшимъ и весьма образованнымъ человѣкомъ по своему времени. Если бы Екатерина намѣренно готовилась къ дѣлу правленія, она не могла бы съ большею пользою проводить свое время. Но какъ знать! — она можетъ быть дѣйствительно готовилась. Она сама признавалась, что еще не видя Елисаветы и Петра Ѳедоровича, на дорогѣ въ Петербургъ, гдѣ ее ожидала неизвѣстная будущность, она ощущала какое-то предчувствіе, что ей быть самодержавною императрицею среди этой необозримой гладкой равнины, по которой катился ея экипажъ ([1]). Это предчувствіе не оставляло ее и послѣ. Обстановка, которую она встрѣтила, могла только усилить въ ней вѣру въ будущее. „Предсказаніе Менгдена сбывается,“ сказала мать Екатерины въ Петербургѣ. День за днемъ убѣждалъ дочь, что оно можетъ сбыться съ бо̀льшею полнотою, чѣмъ предполагали.

При тонкомъ, проницательномъ умѣ, Екатерина насквозь видѣла всѣ слабыя стороны, всю пустоту окружавшаго ее міра. Съ самаго начала она дѣйствуетъ искусно, лавируетъ. Религіозная Елисавета Петровна проситъ ее попоститься и вторую недѣлю поста; Екатерина проситъ, чтобъ ей дозволено было поститься весь постъ, хотя это послѣ стоитъ ей упрековъ со стороны Петра Ѳедоровича. Мы видѣли какъ 15 лѣтній философъ, будучи почти при смерти, угождаетъ Елисаветѣ просьбою о присылкѣ православнаго духовника. Императрица была высокаго мнѣнія о своихъ наружныхъ достоинствахъ. Мы видѣли, что она была красавица и на маскарадахъ, гдѣ дамы одѣвались мужчинами и мужчины дамами, стройный станъ и вообще прекрасное сложеніе Елисаветы не могли не обращать на себя вниманія. Послѣ одного изъ танцевъ — Елисавета была одною изъ лучшихъ танцорокъ въ свое время. — Екатерина подошла къ ней и сказала, что если бы императрица была мужчина, то она первая влюбилась бы въ нее. На комплиментъ отвѣчали комплиментомъ. Елисавета сказала, что если бы она была мужчиною, то отдала бы яблоко первенства Екатеринѣ. Привезшая съ собою ко двору, гдѣ платья мѣнялись три раза въ день,

---

([1]) La Cour... 166; Catherine II, 47.

всего дюжину рубашекъ и 3—4 платья, Екатерина понимала, что ей надобно привлекать свѣжестью первой молодости и простотою въ одеждѣ. Разъ Елисавета видитъ ее явившеюся на балъ въ простомъ бѣломъ платьѣ. Ленты и цвѣтокъ составляли все украшеніе ея. Такой уборъ наслѣдницы престола на балу у императрицы, оставившей послѣ смерти 15,000 платьевъ (8000 еще сгорѣло передъ тѣмъ въ пожаръ, бывшій во дворцѣ), нѣсколько тысячъ паръ башмаковъ и два сундука шелковыхъ чулокъ и лентъ—не могъ не обратить на себя общаго вниманія. Елисавета нашла, что такой нарядъ идетъ къ Екатеринѣ. Но какъ же можно, чтобы на лицѣ Екатерины не было ни одной мушки? Елисавета вынимаетъ изъ кармана коробку съ мушками и сама налѣпляетъ одну на лице Екатерины. Вообще Елисавета заботилась о наружности Екатерины. Въ первое время своей жизни въ Россіи, Екатерина не бѣлилась и не румянилась; она была замѣтное исключеніе въ русскомъ дамскомъ обществѣ, гдѣ бѣлила и румяны были во всеобщемъ употребленіи. Впослѣдствіи, когда Екатеринѣ—уже императрицѣ—при пріемахъ надобно было цѣловать дамъ и затѣмъ постоянно выходить въ другую комнату, чтобы смывать съ себя приставшія бѣлила и румяны,—она сама уже бѣлилась и румянилась. Если, по словамъ иностранцевъ, въ концѣ царствованія Екатерины, нанимая прислугу, спрашивали: хочетъ ли она жить съ хозяйскими бѣлилами и румянами, или безъ нихъ, то и при Елисаветѣ Петровнѣ естественный цвѣтъ лица въ женскомъ обществѣ былъ такъ рѣдокъ, что примѣръ Екатерины бросался въ глаза. Елисавета послала ей коробку съ бѣлилами и румянами. Это было проявленіе той же заботливости, съ какою Елисавета пеклась о сведеніи съ лица Екатерины загара смѣсью лимона, яичнаго бѣлка и французской водки. Составъ, рекомендованный имератрицею, былъ такое вѣрное средство, что Екатерина впослѣдствіи сама рекомендовала его другимъ, какъ отъ загара, такъ и отъ лишаевъ.

Медикъ императрицы Боергаве далъ Екатеринѣ противъ угрей на лицѣ масло Фальке, капля котораго разводилась въ чашкѣ воды, и этою водою Екатерина должна была тереть лице разъ въ недѣлю; угри сошли.

Не въ этомъ одномъ только Елисавета заботилась о Екате-

ринѣ. Она не желала, чтобы Екатерина ѣздила верхомъ на лошади по мужски, на томъ основаніи, что это могло помѣшать Екатеринѣ сдѣлаться матерью. Елисавета очень желала видѣть скоро потомка отъ Екатерины. Екатерина пріобрѣла себѣ складное сѣдло, изъ женскаго могшее превращаться въ мужское и, если не была на глазахъ тетки-императрицы, сидѣла на лошади какъ лихой наѣздникъ. Впрочемъ не Екатерина была виновата, если она не сдѣлалась матерью такъ скоро, какъ того хотѣли. Она чувствовала первые признаки беременности, когда дворъ собирался въ Москву. Довольно припомнить, чѣмъ были при Елисаветѣ эти переѣзды двора въ Москву. Тысячи двухъ сотъ лошадей на императорской конюшнѣ было очень мало, чтобы отвезти всѣхъ, ѣхавшихъ со дворомъ. На дорогу собирали до 19,000 лошадей. По полицейскимъ отчетамъ иногда до 80,000 народа уѣзжало въ Москву со дворомъ. Петербургъ положительно пустѣлъ; ни одной кареты не было видно на его улицахъ и даже улицы заростали травою. Царская мебель везлась также въ Москву. Елисавета ѣхала въ огромномъ возкѣ, запряженномъ 12 лошадьми. Возокъ отапливался печкою; въ немъ были поставлены столы для карточной игры. Во весь опоръ мчался императорскій поѣздъ; за нимъ скакали лошади на смѣну. Лошади, собранныя иногда за мѣсяцъ до путешествія, быстро запрягались на станціяхъ и опять среди рядовъ зажженныхъ плошекъ мчалась вереница экипажей далѣе. Весь путь изъ Петербурга въ Москву совершался иногда въ 48 часовъ. Екатерину, чувствовавшую признаки беременности, растрясло и надежда сдѣлаться матерью для нея исчезла; тѣмъ болѣе, что деревянный дворецъ, куда пріѣхалъ дворъ, былъ сыръ и вода просачивалась чрезъ стѣны его. Елисавета не любила жить въ домахъ болѣе чѣмъ въ одинъ этажъ; ей памятенъ еще былъ случай во дворцѣ, когда обрушившійся второй этажъ сдѣлался причиною многихъ несчастій, такъ что А. Г. Разумовскій хотѣлъ даже застрѣлиться. Когда императрицѣ вздумалось ѣхать въ Москву и не было дворца, гдѣ бы она хотѣла остановиться—въ нездоровомъ кремлевскомъ она, подобно Екатеринѣ, сильно захворала—то въ Москву отправили тысячи корабельныхъ плотниковъ и они въ 24 часа, ночью работая съ факелами, выстроили обширный одноэтажный домъ для помѣщенія двора. Такой

выстроенный болѣе чѣмъ на скорую руку дворецъ былъ очевидно очень незавиднымъ помѣщеніемъ въ сырую и ненастную погоду. Наконецъ, желаніе Елисаветы готово исполниться; Екатерина забеременила Павломъ. Кто не знаетъ, что съ глазъ будущей родильницы нужно удалять все, что можетъ встревожить ее, непріятно подѣйствовать на ея нервы? Какъ же берегли нервы Екатерины? Въ это время аргусомъ ея и Петра Ѳедоровича былъ, вмѣсто покойнаго Чеглокова, Александръ Шуваловъ. Екатерина обладала умѣньемъ смягчать всѣхъ церберовъ, съ которыми приходила въ столкновеніе. Старикъ Чеглоковъ предъ смертію влюбился въ нее и Александръ Шуваловъ, бывшій прежде начальникомъ тайной канцеляріи, могъ быть въ ея обществѣ естественно только обходительнымъ кавалеромъ. Но Екатерина справедливо замѣчаетъ, что такого человѣка едва ли слѣдовало постоянно держать на глазахъ родильницы. Правый глазъ Александра Шувалова постоянно моргалъ; вся правая часть лица его отъ глаза до подбородка была всегда въ судорожно нервномъ состояніи въ минуты душевныхъ движеній. Это былъ слѣдъ, оставленный на лицѣ Шувалова прежнею должностью. Всѣ три брата Шуваловы, по выраженію Екатерины, были трусы, а для того, чтобы переносить безъ содраганія зрѣлища пытокъ въ тайной канцеляріи надобно было обладать большою храбростью и каменнымъ сердцемъ. Родился Павелъ и въ то время, когда Екатерина лежала почти безъ попеченія и ухода, Елисавета взяла ея маленькаго и унесла къ себѣ въ жарко натопленныя комнаты, подъ присмотръ мамушекъ и нянюшекъ. Екатерина съ тѣхъ поръ рѣдко видѣла его. Вообще въ это время между нею и императрицею были частые разлады.

Какой тактикъ ни была Екатерина, но часто не могла поддержать согласія: Елисавета была нерѣдко слишкомъ взыскательна. Если Екатерина не довольно низко кланялась, то Елисавета спрашивала не болитъ ли у нея шея. Разъ Екатерина получила выговоръ за то, что сдѣлала долгъ въ 2,000 рублей. Когда Екатерина плакала, получивъ извѣстіе о смерти отца, то Чеглокова—органъ Елисаветы—замѣтила, что отецъ ея не былъ король, чтобы о немъ слѣдовало плакать цѣлую недѣлю. Впрочемъ сущность разлада между

императрицею и Екатериною состояла въ томъ, что Елисавета была недовольна своимъ племянникомъ и наслѣдникомъ престола.

Она не была довольна Петромъ Өедоровичемъ главнымъ образомъ за то, что тотъ не сближался съ Шуваловыми. Мы видѣли другую причину недовольства ея имъ: онъ не былъ расположенъ ни къ чему русскому. Елисавета не любила ничего голштинскаго, а Петръ Өедоровичъ вызвалъ въ Россію отряды голштинцевъ:— „сколько ихъ — говорили русскіе, смотрѣвшіе на вступившихъ голштинцевъ—столько измѣнниковъ, продавшихся прусскому королю.“ Елисавета не терпѣла запаха табаку столько же сколько чесноку; Петръ Өедоровичъ не терпѣлъ прежде запаха табаку, но послѣ научился курить у лейтенанта Цвейфеля и курилъ много, а въ царствованіе его куреніе табаку, прежде, почти неизвѣстное при дворѣ, распространилось между всѣми придворными, и даже никогда не курившій канцлеръ Воронцовъ показывалъ, что съ удовольствіемъ куритъ.

Все это большею частію были мелочи, но онѣ все болѣе проводили рознь между императрицею и ея наслѣдникомъ. За наслѣдника терпѣла отъ холодности императрицы и супруга его.

Елисавета хотѣла видѣть Петра Өедоровича отцемъ, но ожиданія ея долго не сбывались. Придворный хирургъ Боергаве нашелъ необходимымъ сдѣлать великому князю операцію (1) и произвелъ ее вполнѣ удачно, за что и получилъ отъ императрицы богатый алмазный перстень. Но и рожденіе сына не прибавило много Петру Өедоровичу въ милостяхъ императрицы.

Одно время положеніе Екатерины при дворѣ сдѣлалось столь тягостнымъ, что она чрезъ духовника своего Дубенскаго просила императрицу дозволить ей уѣхать къ матери за границу. Петръ Өедоровичъ соглашался исполнить это желаніе въ присутствіи императрицы, но Елисавета не желала отпустить Екатерину и уговорила ее остаться (2).

Нельзя не обратить вниманія на то, что такая умная женщина,

---

(1) Castéra, I, 169.
(2) Catherine II, 340.

какъ Екатерина, умѣвшая съ такимъ тактомъ обращаться съ окружавшими ее, не могла до конца поставить себя въ лучшія отношенія къ супругу. Правда, она заправляла дѣлами Голштиніи; Петръ Ѳедоровичъ высоко цѣнилъ ея ученость и въ затруднительныхъ случаяхъ говорилъ, что если онъ чего не знаетъ, то Екатерина за то знаетъ все. Онъ называлъ ее m-me la Ressource. Но помогая супругу въ одномъ отношеніи, Екатерина не оказывала ему той нравственной помощи и поддержки, къ которой была такъ способна она, но которую вызвать могла только привязанность. Петръ былъ очень открытъ вліяніямъ внѣшней обстановки. Добрый, простой, откровенный, не лишенный остроумія, онъ былъ тѣмъ человѣкомъ какимъ дѣлала его окружающая среда. Онъ говорилъ напр., что „при Берни стыдно было бы дѣлать глупости." Если бы Екатерина поддержала его среди окружавшей ихъ пустой и безцвѣтной обстановки, то принесла бы ему много добра. Но во первыхъ самое положеніе ея при дворѣ не совсѣмъ способствовало упроченію вліянія ея на мужа: многіе смотрѣли на введеніе въ кругъ царской семьи дочери бывшаго штетинскаго губернатора, какъ на милость, оказанную Екатеринѣ. И къ сожалѣнію Петръ Ѳедоровичъ самъ по видимому раздѣлялъ этотъ взглядъ. Онъ начинаетъ съ того, что дѣлаетъ Екатерину повѣренною своихъ сердечныхъ тайнъ, но и этой роли Екатерина не удерживаетъ за собою послѣ. Она равнодушно смотритъ на увлеченія супруга; равнодушнѣе даже имп. Елисаветы, которая напр. зло подсмѣивалась надъ нравившеюся Петру Ѳедоровичу некрасивою фрейлиною Полянскою. Но и это не упрочиваетъ семейнаго авторитета Екатерины. Интересы супруговъ раздѣляются. Петръ и Екатерина при жизни Елисаветы живутъ близко другъ отъ друга въ своемъ довольно тѣсномъ помѣщеніи, но міръ одного не имѣетъ ничего общаго съ міромъ другой. Положеніе обоихъ одинаково; оба находятся подъ извѣстнаго рода опекою. Но пока Петръ Ѳедоровичъ употребляетъ все время на обыкновенныя развлеченія и забавы, Екатерина углубляется въ книги, проводитъ долгіе монотонные годы за наукою и въ размышленіи. Казалось сфера, въ которой жили оба, была одна и таже; но эта сфера оказывала вліяніе на Петра и не произвела никакого на Екатерину. Если въ душѣ Екатерина готовилась къ дѣлу правле-

нія, то результаты стараній ея были блестящи. Удивленный въ разговорѣ съ Екатериною ея умомъ и образованностью, прусскій посланникъ Мардефельдъ сказалъ ей по французски, что „или онъ совершенный глупецъ или ей быть на престолѣ.“ — „Принимаю предсказаніе“, отвѣчала также по французски Екатерина ([1]).

Полугодовое царствованіе.

Въ траурной комнатѣ дворца лежало тѣло Елисаветы и ежедневно мѣнялась кутья, стоявшая въ серебряной чашѣ у ногъ покойной. Во дворцѣ были новыя лица. Во дворецъ пробирался какой то нѣмецъ. Караульный солдатъ, узнавъ по одеждѣ иностранца, почтительно далъ ему дорогу. „Вотъ — говоритъ одинъ иностранный авторъ ([2]) — что значитъ, что у нихъ третій день царствуетъ нѣмецкій принцъ.“ Дѣйствительно нѣмцы ждали теперь себѣ всего на Руси. Новый императоръ Петръ III не забылъ въ Россіи, что онъ голштинскій принцъ. Если вѣрить „Запискамъ“ Екатерины II, то онъ говорилъ, что Россія не создана для него, ни онъ для нея, и что ему погибнуть въ ней ([3]). Есть основаніе многое принимать въ „Запискахъ“ Екатерины съ осторожностію; ихъ начертывала рука недружеская Петру III. Тѣмъ не менѣе всѣ замѣчали, что сердце Петра лежитъ болѣе къ маленькой Голштиніи, чѣмъ къ большой Россіи. Съ Голштиніею Петръ свыкся; она сдѣлала его чѣмъ онъ былъ; среди однообразной придворной жизни въ Петербургѣ онъ не ознакомился съ Россіей. Хотѣли отъ человѣка, котораго сначала воспитывали въ греческой религіи, потомъ въ протестантствѣ, потомъ опять въ греческой религіи, требовать строгаго слѣдованія обрядовой странѣ православія. Ожидали, что принцъ, выросшій въ нѣмецкой землѣ, котораго одно время заставляли видѣть отечество въ Швеціи, другое — въ Россіи, сроднится, среди окружавшихъ его нѣмцевъ, съ Россіею и со всѣмъ русскимъ.

([1]) Энц. Лексиконъ, Екатерина II.
([2]) Merkwürdigkeiten, 38.
([3]) Catherine II, 270.

Елисавета не терпѣла Голштиніи, голштинскихъ дѣлъ и не хотѣла ничего слышать о нихъ. Но Петръ и при жизни тетки хорошо помнилъ, что онъ голштинскій принцъ. Голштинскія дѣла вершились въ Россіи, хотя ихъ вершила болѣе вел. кн. Екатерина Алексѣевна за своего супруга. Въ послѣднее время жизни Елисаветы ее просили предложить Петру Θедоровичу вознагражденіе съ тѣмъ, чтобы онъ совершенно отказался отъ Голштиніи. Пока дѣло тянулось, Елисавета умерла. Канцлеръ Воронцовъ является съ проектомъ объ отказѣ отъ Голштиніи къ Петру, уже императору. Въ то время, какъ Воронцовъ объяснялъ молчавшему все время императору въ чемъ дѣло, входитъ голштинскій камергеръ послѣдняго, Брокдорфъ. „Любезный Брокдорфъ!—обращается къ нему Петръ,—представьте себѣ, что мнѣ предлагаютъ отказаться отъ моей Голштиніи! Нѣтъ, вы подумайте объ этомъ, вы вникните въ это" (¹)! Очевидно Петру была досадна самая мысль о проектѣ. Онъ остался русскимъ императоромъ и вмѣстѣ герцогомъ голштинскимъ. Онъ сформировалъ у себя корпусъ голштинскихъ войскъ; въ Россіи была открыта вербовка волонтеровъ въ голштинскую армію (²) и Россія объявила войну Даніи за Голштинію. Петръ намѣревался отправиться во главѣ 80,000 русскаго войска въ Голштинію для борьбы противъ Даніи. Уже 20,000 подъ предводительствомъ Румянцева, какъ авангардъ, были отправлены въ походъ. Десять милліоновъ рублей уже было переведено въ иностранные банки, на расходы по экспедиціи. Впослѣдствіи, когда смерть Петра III прекратила въ началѣ эту непопулярную въ Россіи войну, русскому правительству посовѣтовали, не переводя денегъ обратно, купить на нихъ серебряныхъ и золотыхъ слитковъ, что и было сдѣлано съ выгодою для казны (³).

Вступленіе Петра III на престолъ естественно прекратило войну между Россіею и Пруссіею. Новый императоръ, считавшій за честь носить мундиръ прусскаго генерала, немедленно предписалъ своей

(¹) Scherer, VI, 173—174.
(²) П. С. З., № 11, 587.
(³) Took, II, 320.

арміи изъ враждебной сдѣлаться союзной Фридриху II. Петръ не только прекратилъ войну между двумя государствами и сдѣлалъ Россію союзницею Пруссіи, но даже посылалъ въ Померанію деньги и хлѣбъ въ возмездіе за разореніе страны русскими войсками въ предшествовавшіе годы. Указъ о дачѣ двойнаго жалованья кадетамъ, которые пожелаютъ вступить въ службу на иностранные флоты, имѣетъ прямое соотношеніе съ союзомъ между Россіею, Пруссіею и Голштиніею противъ Даніи. Во внутреннемъ управленіи новый государь предпринялъ много реформъ. Можно коротко характеризовать общее значеніе этихъ реформъ, сказавъ, что онѣ вводили въ Россію тотъ порядокъ вещей, который былъ въ Германіи. И Петръ I перестраивалъ Россію по иностранному образцу, но — какъ замѣчаетъ Фридрихъ II — Петръ III подражалъ Петру I, не имѣя его генія. Петръ I успѣлъ во многомъ; Петръ III очень рано кончилъ свое царствованіе и не успѣлъ почти ни въ чемъ.

Въ военномъ отношеніи предпринята была полная реформа по прусскому образцу. Права полковыхъ командировъ были весьма расширены и командиръ могъ называть полкъ своимъ именемъ. Едва умерла имп. Елисавета, какъ Минихъ, кн. Трубецкой и фельдмаршалъ Разумовскій должны были взять къ себѣ на домъ молодыхъ офицеровъ, чтобы учиться у нихъ фронту по новому образцу.

Петръ III приступалъ къ составленію сборника законовъ по образцу Codex Fredericianus (¹), но дѣло остановилось на первомъ же шагу. Оказалось, что можно было найдти только двухъ переводчиковъ съ латинскаго языка на русскій, да и тѣ не въ состояніи были переводить по русски латинскіе термины права. Увидали, что прежде нужны училища и Петръ вошелъ въ сношеніе съ высшимъ духовенствомъ о городахъ, въ которыхъ нужно было учредить училища.

При Петрѣ III юстицъ-коллегія наполнилась нѣмцами и вышелъ замѣчательный указъ, что въ присутственныя мѣста могутъ подаваться бумаги только на русскомъ и *нѣмецкомъ* языкахъ (²),

---

(¹) Merkwürdigkeiten, 53-59.

(²) Laveaux, 186.

а такъ какъ до того всѣ дѣла писали на русскомъ языкѣ, то этимъ — съ соблюденіемъ осторожности въ выраженіи — вводился нѣмецкій языкъ въ русскую канцелярскую процедуру.

Императоръ предложилъ высшему духовенству обратить вниманіе, чтобы въ церквахъ не было излишка иконъ и дозволить духовенству ходить въ свѣтскомъ платьѣ ([1]). Новгородскій архіепископъ рѣшительно воспротивился этому нововведенію и получилъ приказаніе выѣхать изъ Петербурга. Но черезъ 8 дней его возвратили, такъ какъ предположенную мѣру нельзя было привести въ исполненіе за опозиціею въ массахъ народа. Въ царствованіе Екатерины II духовные, возвратившіеся изъ-за границы, уже ходятъ безъ бородъ и въ свѣтскомъ платьѣ, и никто не видитъ въ этомъ ничего особеннаго; но они составляли исключеніе въ массѣ духовенства.

Важнѣйшими правительственными мѣрами въ царствованіе Петра III было дарованіе дворянской граматы и отобраніе у монастырей крестьянъ. Обѣ эти мѣры были подтверждены въ царстованіе Екатерины II, но тотъ, за кѣмъ была инипіатива, не выдержалъ послѣдствій, вызванныхъ этими мѣрами.

Въ Германіи не было обязательной службы для дворянства; дворянство пользовалось тамъ всѣми льготами, заповѣданными феодальными преданіями. Дарованіемъ дворянской граматы Петръ III поставилъ русскихъ дворянъ въ положеніе германскихъ. Дворяне съ благоговѣйною благодарностью приняли неожиданную милость и хотѣли въ память этого событія вылить изъ золота статую своего благодѣтеля ([2]), но мѣра Петра III была логична только въ томъ случаѣ, если бы и русское крестьянство поставлено было одновременно въ такое же положеніе, какъ нѣмецкое. Крѣпостное право явилось на Руси именно вслѣдствіе помѣщичьяго сословія. Помѣщикъ былъ служивый государя и съ царствованія Ивана III получалъ за службу свою землю. Потомъ нашли, что земля одна не обезпечиваетъ помѣщика, если крестьяне, ползуясь правомъ перехо-

([1]) Saldern, 55.
([2]) Scherer, I, 125.

да, будутъ по усмотрѣнію уходить въ одни мѣста и оставлять въ пустѣ другія. Чтобы помѣщикъ всегда могъ выставить обязательное число людей въ царскую рать, нужно было, чтобы у него были люди. Правительство нашло нужнымъ прикрѣпить крестьянъ къ землѣ, чтобы каждый помѣщикъ зналъ что̀ онъ получаетъ за службу и не могъ уклоняться отъ службы отговорками. Но укрѣпленіе крестьянъ, начинавшееся при Борисѣ, или отчасти даже ранѣе, и закончившееся при Алексѣѣ Михайловичѣ, было лишь прикрѣпленіемъ къ землѣ. Прикрѣпленіе къ людямъ — извѣстное въ старину подъ названіемъ кабальнаго права — вводится въ среду сельскаго сословія правительствомъ, только съ тѣхъ поръ какъ помѣстья стали превращаться въ вотчины. Помѣщикъ не владѣлъ помѣстьемъ, какъ собственностью; онъ получалъ отъ правительства надѣлъ за свою службу землею, на которой жили люди. Онъ получалъ доходъ, но ни земля, ни люди не принадлежали ему. Вотчинникъ, напротивъ, былъ собственникъ. Окончательное прикрѣпленіе людей къ людямъ — крестьянъ къ помѣщикамъ — произошло въ 1714 г. когда указомъ Петра I всѣ помѣстья были превращены въ вотчины. И такъ крѣпостное право явилось въ Россіи, благодаря обязательной службѣ помѣщиковъ царю. Логика фактовъ говорила, что если обязательная служба для дворянства была отмѣнена, то должна была послѣдовать и отмѣна крѣпостнаго права. Ввести нѣмецкіе порядки на половину, значило создать въ Россіи сотни тысячъ азіатскихъ пашалыковъ. Неудивительно, что вслѣдъ за обнародованіемъ дворянской грамоты, многіе ждали отъ Петра III и отмѣны крѣпостнаго права. Молва объ этомъ распространилась, но дворянство не было расположено лишиться своихъ правъ на крестьянъ. Если отмѣны крѣпостной зависимости Петромъ III ожидали, то смерть его не позволила исполнить этихъ ожиданій.

Отобраніе крестьянъ у монастырей могло считаться первымъ шагомъ къ отмѣнѣ крѣпостной зависимости сельскаго сословія отъ частныхъ лицъ. Эта мѣра возбудила сильную опозицію въ духовенствѣ противъ Петра III.

Толки объ освобожденіи крестьянъ, опозицію въ духовенствѣ и нерасположеніе Петра III къ гвардіи, которой не нравились мун-

дири голштинскаго образца—все это нужно имѣть въ виду при оцѣнкѣ послѣдующихъ событій.

Петръ III началъ свое правленіе съ милостей. Онъ возвратилъ 17,000 изъ 80,000 сосланныхъ Елисаветою. Между возвращенными были Биронъ и Минихъ. Петръ III, обходившійся съ приближенными добродушно и снисходительно, балагурившій съ ними и собиравшій ихъ обыкновенно за большою чашею пунша, около которой лежали горы табаку и десятки трубокъ—хотѣлъ помирить Бирона съ Минихомъ. Но это было трудно сдѣлать. Биронъ, явившійся во дворецъ въ возвращенной ему андреевской лентѣ, и Минихъ, представившійся государю въ овчинномъ тулупѣ, взялись за бокалы примиренія, но какъ скоро Петръ куда-то на минуту вышелъ, они поставили бокалы на столъ и разошлись по прежнему врагами.

Полагали, что не послѣднею причиною возвращенія Бирону герцогства курляндскаго было то, что Петръ хотѣлъ доставить Курляндію своему дядѣ, герцогу голштинскому, прибывшему въ Петербургъ: чтобы передать права свои герцогу голштинскому, Биронъ долженъ былъ очевидно прежде самъ быть возстановленъ въ нихъ.

Въ это время дворъ дѣлился на два лагеря. Петръ и Екатерина были не въ ладахъ. Въ то время какъ всѣ мелочи въ жизни Петра III замѣчались, чтобы нерѣдко истолковывать ихъ въ невыгодную для него сторону, Екатерина вела себя чрезвычайно осторожно и хотя подъ рукой приводила задуманные планы въ исполненіе, но въ глазахъ всѣхъ она была образцомъ кротости, терпѣнія и покорности. Петръ не могъ внушить придворнымъ строгой подчиненности, какъ его грозный дѣдъ. Петръ I перепаивалъ на вечеринкахъ дамъ и никто не смѣлъ отказаться пить. Петръ III ввелъ при дворѣ, вмѣсто русскаго поклона всѣмъ тѣломъ, французское присѣданіе: этого было достаточно, чтобы вооружить противъ него многихъ. Старуха Бутурлина, присѣдая, чуть не упала, или хотѣла показать видъ, что падаетъ;—и въ этомъ нашли предметъ для толковъ. Много пищи для толковъ было и въ томъ, что Петръ далъ орденъ Екатерины Елисаветѣ Романовнѣ Воронцовой—это было первое пожалованіе этимъ орденомъ лица женскаго пола невладѣтельнаго дома. Не отличавшаяся спо-

собностями, довольно рѣзкая въ обращеніи, высокая и полная, но некрасивая, носившая слѣды оспы—Елисавета Романовна не была личностью, бесѣды съ которой могли сколько нибудь благопріятно дѣйствовать на Петра. Злые языки называли ее „трактирщицей“. Сестра ея, Екатерина Романовна, вышедшая замужъ за князя Дашкова, была несравненно даровитѣе ея. Дашкова стала на сторонѣ Екатерины, и въ то время, какъ носились слухи объ удаленіи императрицы отъ двора и о постриженіи ея, Дашкова дѣятельно принялась за хлопоты, пока старанія партіи Екатерины не увѣнчались успѣхомъ.

Прусскій посланникъ получилъ приказаніе отъ своего короля увѣдомить Петра, что ему грозитъ опасность, но Петръ не хочетъ слышать ни о чемъ подобномъ. Были толки между приближенными Петра, что готовится что-то недоброе. Ребиндеръ говоритъ объ этомъ Будбергу, тотъ передаетъ императору, но Петръ не вѣритъ опасности. Между тѣмъ враждебная партія дѣйствуетъ. Пять братьевъ Орловыхъ волнуютъ и подстрекаютъ гвардію. Русской арміи не хочется отправляться въ Голштинію, а между тѣмъ война неизбѣжна. Этимъ пользуются. Духовенство недовольно; до дворянства доносятся слухи о движеніи между крестьянами. Все это средства въ рукахъ партіи враждебной Петру. Приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ положено въ концѣ іюня. Главнымъ дѣятелемъ въ драмѣ является Алексѣй Орловъ. Изъ братьевъ Орловыхъ—внуковъ стрѣльца—Алексѣй былъ, если не самый умный и образованный, то болѣе другихъ представительный и отчаянный. Съ Орловыми Екатерину познакомилъ случай. Разъ офицеръ Орловъ бросаетъ записку въ комнату камеръ-юнгферы Екатерины. Екатерина—она была тогда еще великою княгинею—читаетъ записку вмѣстѣ съ камеръ-юнгферой и интересуется видѣть автора. При свиданіи Орлова съ камеръ-юнгферою, Екатерина смотритъ изъ за занавѣса (1). Это—начало сближенія. Впослѣдствіи Екатерина приблизила къ себѣ болѣе другихъ, Григорія Орлова, самаго даровитаго изъ всѣхъ братьевъ; но Алексѣй является главнымъ по-

---

(1) Saldern, 26.

мощникомъ ея при восшествіи на престолъ и послѣ вѣрнымъ ея слугою. Дюжій, ражій, красивый мужчина — 9 пудовъ вѣса ([1]), Алексѣй Орловъ былъ силачъ, какихъ мало. Однимъ сабельнымъ ударомъ онъ отрубалъ голову быку. Въ Римѣ онъ, во время поѣздки за княжной Таракановой, ломалъ въ рукахъ хрусталь и желѣзо. Ему не стоило труда раздавить яблоко между двумя пальцами. Онъ поднималъ Екатерину вмѣстѣ съ коляскою, въ которой она сидѣла. При гигантской силѣ Орловъ обладалъ отчаянною смѣлостью и рѣшимостью на все. Онъ является главнымъ орудіемъ въ рукахъ Екатерины при исполненіи ея плана устранить отъ власти Петра III.

Въ лѣтнюю іюньскую ночь, когда Петръ и Екатерина были въ двухъ различныхъ загородныхъ дворцахъ, Алексѣй Орловъ поскакалъ за Екатериною. Та тотчасъ же прибыла съ нимъ въ Петербургъ. Рано утромъ былъ сборъ войскамъ и били барабаны. Гвардія сбѣгалась въ мундирахъ старой формы къ Казанскому собору. Въ народѣ говорили—кто распускалъ слухъ, неизвѣстно—что императоръ упалъ на охотѣ и убился и что императрица принимаетъ присягу какъ мать наслѣдника ([2]). Многіе и изъ собравшихся у Казанскаго собора полагали, что Екатерина принимаетъ присягу лишь какъ регентша, но Алексѣй Орловъ неожиданно провозгласилъ присягу ей какъ императрицѣ ([3]). Пока государственные чины, созванные во дворецъ, приносили присягу, собралось 14,000 человѣкъ гвардіи ([4]) и во главѣ ихъ Екатерина двинулась къ Петергофу, гдѣ былъ Петръ III. У Петра было въ наличности 3 миліона рублей. Онъ могъ воспользоваться услугами Миниха, подъ начальствомъ котораго было 2000 голштинскихъ войскъ, 5000 русскихъ и 15 пушекъ. Эти войска были подъ рукою, расположены по Петергофской дорогѣ; Минихъ былъ отважный, преданный и искусный генералъ. Рѣшительный правитель отважился бы на сопротивленіе. Петръ этого не сдѣлалъ. Если бы даже онъ

([1]) Журналъ Коннозаводства, 1869, II, 8.
([2]) Merkwürdigkeiten, 171—172, Saldern, 82.
([3]) Herrmann, VII, 105.
([4]) Stanislas Auguste, 26.

немедленно удалился въ Кронштадтъ, то и въ такомъ случаѣ могъ удержать престолъ, или удалиться за границу въ Пруссію, къ стоявшей тамъ русской арміи, или къ союзнику своему Фридриху II. Но Петръ колебался, медлилъ и когда въ два часа ночи онъ подплылъ къ Кронштадту, то его не пустили туда: капитанъ Талызинъ, прибывъ прежде изъ Петербурга, уже успѣлъ склонить коменданта въ пользу Екатерины. Петръ долженъ былъ возвратиться на берегъ и покориться своей участи.

Между тѣмъ, какъ Петръ колебался въ Петергофѣ, что ему предпринять, Екатерина во главѣ гвардіи выступила къ Петергофу. Она была въ военномъ мундирѣ на конѣ. Мундиръ, старый гвардейскій, добытъ былъ для нея княгинею Дашковою у капитана Талызина. Сама Дашкова, ѣхавшая съ Екатериною, была въ мундирѣ лейтенанта Пушкина. Впослѣдствіи Дашкова придавала очень много значенія услугамъ, оказаннымъ ею Екатеринѣ въ этотъ день. Но, по словамъ Фридриха II, она была ничто иное, какъ муха, хлопотавшая на рогахъ вола.

Не будемъ много говорить объ исходѣ предпріятія; онъ общеизвѣстенъ. Сдавшагося Петра, Алексѣй Орловъ отвезъ въ сопровожденіи кн. Барятинскаго, Васкакова и др. въ Ропшу. Петръ совершенно упалъ духомъ, или лучше сказать, упалъ духомъ чтобы вскорѣ затѣмъ примириться съ своей участью. Онъ отказался отъ престола и просилъ только, чтобы его оставили жить въ покоѣ. Онъ просилъ, чтобы ему прислали его мопса, негра Нарцисса, скрипку, романовъ и нѣмецкую библію. Между тѣмъ Екатерина, истомленная, съ распущенными по плечамъ волосами, въ запыленномъ мундирѣ, возвратилась на своемъ сѣромъ конѣ въ Петербургъ самодержавною императрицею.

Черезъ нѣсколько дней получено было изъ Ропши извѣстіе о смерти Петра III. На другой день по полученіи Екатериною отъ Алексѣя Орлова этого извѣстія, о немъ было заявлено всенародно. Въ манифестѣ Екатерины было объявлено, что Петръ умеръ отъ геморроидальной колики ([1]). Произведено было вскрытіе тѣла по-

([1]) П. С. З., № 11 ,599.

койнаго императора; Екатерина говоритъ, что сердце покойнаго оказалось очень малымъ. Черезъ нѣсколько дней указъ императрицы приглашалъ ея подданныхъ проститься съ тѣломъ Петра „безъ злопамятствія“ (1). Тѣло стояло три дня въ Невской лаврѣ. Покойный императоръ лежалъ въ небогатомъ гробѣ. Четыре свѣчи горѣли по сторонамъ гроба. Сложенныя на груди руки одѣтаго въ поношенный голштинскій мундиръ покойника были въ большихъ бѣлыхъ перчаткахъ, на которыхъ запеклась кровь (тѣло, какъ мы видѣли, было подвергнуто вскрытію). Ни блеска, ни пышности не было при погребеніи и тѣло было опущено въ убогую могилу, о которой вспомнили только 34 года спустя, когда останки Петра III были вынуты изъ могилы и вновь погребены съ царскою пышностью.

(1) Тамъ же, 70.

ЕКАТЕРИНА II.

Шлиссельбургскій узникъ.

Мысль, мелькнувшая въ умѣ Екатерины, когда она ѣхала въ Россію, что она будетъ здѣсь царствовать одна (1), осуществилась. Петръ III не послушался предостереженія Фридриха II сблизиться съ нею и руководиться ея совѣтами (2), и теперь она царствовала одна. Но въ началѣ положеніе ея было шатко. Панинская партія настаивала на установленіи въ Россіи представительнаго правленія съ палатою несмѣняемыхъ верховною властью членовъ (3). Партія Орловыхъ противодѣйствовала панинской, поддерживала самодержавіе въ его прежнихъ правахъ и одержала верхъ, хотя и не вполнѣ достигла своихъ цѣлей; противная партія помѣшала браку Екатерины съ Г. Г. Орловымъ (4). Панинъ, Воронцовъ и Разумовскій были противъ брака. Воронцовъ упалъ на колѣни предъ Екатериной, какъ говорятъ иные, прося ее не выходить за Орлова. Мы уже касались проекта объ этомъ бракѣ (5). Екатерина въ душѣ по всей вѣроятности была довольна, что много сильныхъ людей въ государствѣ смотрѣли недружелюбно на планъ Орловыхъ: это давало ей возможность безъ заявленія собственнаго мнѣнія остаться

---

(1) La Cour, 166.
(2) Ibid, 187.
(3) Chronique, II, 9—10.
(4) Ibid, 10—11. Чтенія, 1863, III, смѣсь, 155—157.
(5) См. Елисавета Петровна.

свободною. Екатерина дорожила услугами Орловыхъ. Фридрихъ II говоритъ въ своихъ мемуарахъ, что Екатерина была даже подъ вліяніемъ Орловыхъ въ это время. Какъ ни приготовлялась Екатерина къ дѣлу правленія, но овладѣть всѣмъ, подчинить все своему вліянію, было ей въ первые годы трудно. Екатерина съ ея понятіями, съ ея образомъ мыслей, съ ея еще недавно нѣмецкимъ прошедшимъ не могла не чувствовать себя въ первое время одинокою среди интригъ придворныхъ партій. Если дубокъ, одиноко выросшій въ Монплезирѣ среди деревьевъ другихъ названій представлялъ, по замѣчанію Екатерины, эмблему ея царствованія ([1]), то это замѣчаніе всего болѣе относилось къ ея теперешнему положенію. Она была одинока среди этихъ людей и партій, стремившихся къ разнымъ, чаще личнымъ, цѣлямъ. Германіи и даже собственнаго семейства теперь для нея болѣе не существовало. Она отрѣшилась отъ своего нѣмецкаго прошлаго. Мать ея, съ которой при жизни Елисаветы Петровны ей позволяли переписываться только чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ и которой, какъ заподозренной въ политическихъ интригахъ, во время пребыванія ея въ Россіи, Лестокъ могъ передавать нужныя записки только тайкомъ, въ поднятыхъ съ полу перчаткахъ—не задолго предъ тѣмъ умерла и Екатерина, никогда не бывшая любимою дочерью, даже не заплатила ея долговъ. О своемъ братѣ, котораго Екатерина не любила за мотовство, она также мало заботилась. Такимъ образомъ ее даже семейныя узы не соединяли съ Германіей. Она принадлежала всецѣло Россіи. Но должно было пройдти еще нѣсколько времени, пока она вполнѣ сжилась съ Россіею. До вступленія на престолъ она знакомилась съ Россіею и русскимъ бытомъ почти только по книгамъ; ея жизнь, какъ супруги наслѣдника престола, была полу-уединеніе. Знакомство съ новымъ отечествомъ на дѣлѣ, въ жизни, только что началось.

Если трудно было личное положеніе Екатерины среди новой для нея обстановки, то эта трудность еще болѣе увеличивалась обстоятельствами. Вступленіе ея на престолъ сопровождалъ шумный раз-

---

([1]) Castéra, I, 357.

гулъ. Вернувшимся изъ Петергофа солдатамъ отворены были винные погреба и питейные дома. Солдаты и ихъ жены сливали въ одни и тѣже кадки водку, медъ, шампанское и уносили ихъ къ себѣ. Какой-то пьяный гусаръ сказалъ гвардейцамъ, что пруссаки хотятъ похитить Екатерину, и 300 солдатъ явилось къ Зимнему дворцу, объявляя, что хотятъ видѣть матушку-государыню (1). Дежурный офицеръ Пассекъ доложилъ, и Екатерина, измученная нѣсколькими безсонными ночами, должна была выйдти и показаться солдатамъ. При вступленіи Екатерины на престолъ было волненіе между горнозаводскими и монастырскими крестьянами; 200,000 ихъ, какъ пишетъ сама Екатерина — бунтовало. Въ средѣ духовенства нельзя было не ожидать неудовольствія; имѣнія были у него отобраны по указу Петра III въ казну, а между тѣмъ ему не было опредѣлено содержанія. Чѣмъ былъ сенатъ, главное правительственное учрежденіе въ Россіи, при вступленіи на престолъ Екатерины? Онъ употреблялъ шесть недѣль на разсужденіе объ одномъ выгонѣ города Масальска (2); онъ вѣрилъ въ напущеніе червей по вѣтру и осуждалъ по судебнымъ преслѣдованіямъ за такое напущеніе (3); онъ не зналъ числа городовъ въ Россіи, пока Екатерина не послала купить для него атласъ Кирилова въ академической лавкѣ; онъ полагалъ сумму государственныхъ доходовъ въ 16 мил. рублей, а когда князь Вяземскій и Мельгуновъ стали считать, по желанію Екатерины, то насчитали 28 милліоновъ (4). Одинокое положеніе Екатерины, при отчасти хаотическомъ характерѣ государственнаго управленія, который она застала, заставляло ее въ первое время искать опоры и она нашла ее въ братьяхъ Орловыхъ. Но мы исчислили еще не всѣ трудности ея положенія. Былъ въ живыхъ молодой человѣкъ, теперь уже слишкомъ 20 лѣтъ, въ младенчествѣ императоръ, теперь узникъ, почти лишенный тюремнымъ заключеніемъ, чуть не съ первыхъ дней дѣтства, человѣческаго пониманія, но которымъ могли воспользоваться какъ орудіемъ.

---

(1) Stanislas Auguste, 30.

(2) Разсказъ Екатерины II, въ Русскомъ Архивѣ, 1865, стр. 479.

(3) Русскій Архивъ, 1867, стр. 1084—1085.

(4) Русскій Архивъ, 1865, стр. 481.

Имя его служило лозунгомъ. Неудовольствіе въ средѣ духовенства въ первое время царствованія Екатерины II отразилось и на духѣ гвардіи. Открытъ былъ заговоръ Хрущева и бр. Гурьевыхъ; съ ними замѣшано было 24 человѣка (1). Гурьевымъ и Хрущеву дано было на площади палачемъ по пощечинѣ и они были сосланы въ Сибирь. Гвардейскимъ солдатамъ запрещено было собираться кучками на улицахъ безъ позволенія офицеровъ (2). Не смотря на эти мѣры, предъ отправленіемъ Екатерины въ лифляндское путешествіе, въ 1764 г., носился слухъ о новомъ заговорѣ.

Теперь обратимся къ участи шлиссельбургскаго узника.

Мы видѣли какъ браунпівейгское семейство было арестовано во дворцѣ. Его послали въ Шлиссельбургъ. Въ сущности Елисавета Петровна не имѣла ничего противъ Анны Леопольдовны и ея семейства. Анна Леопольдовна была довольна, что все обошлось безъ пролитія крови. Елисавета Петровна не была ни суроваго, ни жестокаго характера отъ природы. Она хотѣла удалить брауншвейгское семейство въ Германію, къ роднымъ, и съ этою цѣлью его отправили въ Ригу, чтобы затѣмъ препроводить далѣе. Мѣсяцъ продолжалась перевозка изъ Шлиссельбурга въ Ригу, перевозили человѣка за человѣкомъ, вещь за вещью (3). Дальше Риги брауншвейгскіе однако не поѣхали; Антона-Ульриха съ супругою и со всѣмъ семействомъ, за исключеніемъ сына Ивана, бывшаго младенца-императора, послали въ Холмогоры, а Ивана въ Раненбургъ.

Полуторогодовая задержка въ Ригѣ и затѣмъ новая ссылка вмѣсто освобожденія—были слѣдствіемъ иностранной интриги. Фридрихъ II прусскій былъ близкій родственникъ брауншвейгскаго семейства, но онъ держался правила, что родственникъ тотъ, кто другъ (4). Бранденбургскій домъ въ Берлинѣ и брауншвейгскій домъ, одно время державшій кормило правленія въ Петербургѣ, расходились въ политическихъ стремленіяхъ и симпатіяхъ. Анна Леопольдовна и Антонъ-Ульрихъ, правившіе именемъ младенца-сына,

---

(1) Chronique, II, 19.
(2) Ibid. 18.
(3) Laveaux, II, 50.
(4) Пекарскій, стр. XIV. La Cour, 172.

держали сторону Саксоніи и Австріи, враждебно расположенныхъ къ Пруссіи. Низверженіе брауншвейгской династіи было очень выгодно для Фридриха и онъ употребилъ всѣ старанія, чтобы она не могла вновь возвратить себѣ русскій престолъ. Онъ представилъ чрезъ своихъ агентовъ въ Петербургѣ какъ опасно было бы для Елисаветы Петровны отпустить брауншвейгское семейство въ Германію. А между тѣмъ, какъ онъ искусно ведетъ дѣло въ Петербургѣ, изъ Риги доходятъ до императрицы вѣсти, что Анна Леопольдовна недовольна, бранитъ приставленнаго къ ней Салтыкова, а маленькій Иванъ Антоновичъ будто бы говоритъ, что когда онъ выростетъ, то срубитъ голову Василію Өедоровичу (Салтыкову) (¹). Елисавету систематически возстановляютъ противъ членовъ брауншвейгскаго семейства и наконецъ пребываніе въ Ригѣ кончается отправленіемъ снова внутрь Россіи, сначала въ Раненбургъ и потомъ въ Холмогоры (²). Въ Холмогоры пріѣхалъ гвардейскій офицеръ отъ двора прямо въ церковь и объявилъ служившему преосвященному волю императрицы, чтобы архіерейскій домъ былъ немедленно очищенъ для пріема ссыльнаго семейства. Служба прервана. Архіерей протестуетъ, что ему некуда самому переселиться, но офицеръ именемъ императрицы прекращаетъ протестъ. Все это происходитъ въ церкви во всеуслышаніе. Но чѣмъ больше было послѣ толковъ о знатныхъ ссыльныхъ, поселившихся въ архіерейскомъ домѣ, тѣмъ строже была соблюдаема тайна о нихъ. Сосланнымъ не было выхода изъ дома. Дальше ограды архіерейскаго дома они не могли сдѣлать ни шагу. Тридцать слишкомъ лѣтъ прожилъ здѣсь Антонъ Ульрихъ съ своимъ семействомъ. Анна Леопольдовна, давъ жизнь еще нѣсколькимъ дѣтямъ, умерла довольно скоро. Антонъ Ульрихъ, по видимому, сжился съ своей участью, свыкся съ заключеніемъ. При Елисаветѣ незначительная сумма отпускалась на содержаніе брауншвейгскаго семейства; при Екатеринѣ финансовое положеніе его было улучшено (³). На запросъ Екате-

---

(¹) Чтенія, 1861, II, смѣсь, 4.
(²) Castéra, I, 301.
(³) Полѣновъ, 8.

рины Антону Ульриху что ему нужно, тотъ отвѣчалъ просьбою объ улучшеніи только его комфорта и о присылкѣ ему серебрянаго сервиза. Мебель и сервизъ были посланы въ Холмогоры. Посылалось дѣтямъ Антона Ульриха и платье, приличное ихъ званію, изъ Петербурга, но не имѣвъ прежде ничего подобнаго, не видя никого и не зная никакого общества, они не знали какъ носить его (1). Не видя людей, кромѣ немногихъ окружавшихъ ихъ, они знали только садъ и дворъ дома, въ которомъ выросли. Сквозь щели въ стѣнѣ они видѣли цвѣты на лугахъ, какихъ не было у нихъ въ саду; все за стѣнами дома было для нихъ невѣдомымъ, полнымъ какого-то таинственнаго обаянія. Они и въ зрѣломъ возрастѣ оставались какъ бы дѣтьми въ обращеніи. Лишь одна принцесса Елисавета походила нѣсколько на сверстницъ въ ея возрастѣ. При однообразіи занятій и развлеченій, карточная игра была почти постояннымъ ихъ времяпрепровожденіемъ. Въ 1774 году умеръ ихъ ослѣпшій передъ смертью отецъ. Вскорѣ затѣмъ двѣ принцессы и принцъ были отвезены къ родственникамъ за-границу.

Когда остальное семейство было отправлено въ Холмогоры, маленькаго Ивана Антоновича оставили въ Раненбургѣ. Фридрихъ II упоминаетъ въ своихъ запискахъ, что маленькаго Ивана стали опаивать дурманомъ, чтобы сдѣлать идіотомъ (2). У Кастеры сохранилось извѣстіе, что Ивана похитилъ въ Раненбургѣ монахъ, чтобы отвезти въ Германію, но былъ схваченъ въ Смоленскѣ и затѣмъ отправленъ въ монастырь близъ Валдая (3). Если дѣйствительно было нѣчто подобное, то быть можетъ и тутъ нужно видѣть руку Фридриха II, губившаго опаснаго ему ребенка изъ политическихъ видовъ. Чѣмъ болѣе можно было застращать Елисавету, какъ не указаніемъ на попытку увезти Ивана въ Германію? Въ Петербургѣ англійскій посланникъ Вильямсъ—въ то время англійскіе интересы были общіе съ прусскими—представлялъ Елисаветѣ, что Фридрихъ II можетъ двинуть войска въ Россію, чтобы возвести на престолъ Ивана Антоновича. Не угадывая куда кло-

(1) Тамъ же, 12—13.
(2) La Cour, 172.
(3) Castéra, I, 301—302.

нилось это заявленіе, Елисавета объявила, что если Фридрихъ рѣшится на такую попытку, то Иванъ будетъ немедленно обезглавленъ. Около этого же времени, нѣмецъ, везшій за-границу рубль съ изображеніемъ императора Ивана, былъ остановленъ и сосланъ въ Сибирь (1).

Затѣмъ Ивана Антоновича послали также въ Холмогоры, гдѣ были его родные; но его велѣно было содержать совершенно отдѣльно, въ особомъ помѣщеніи и никто изъ своихъ не долженъ былъ его видѣть. Приставленный къ нему офицеръ Миллеръ долженъ былъ называть его Григоріемъ (2). Почему именно Григоріемъ? Не имѣли ли въ виду сопоставленіе бывшаго младенца-императора съ Гришкой Отрепьевымъ. При степени тогдашняго знакомства съ русской исторіей, это предположить возможно. Миллеру приказано было называть себя отцомъ ребенка. Говорятъ, Миллеръ, вопреки приказанію, тайно научилъ Ивана Антоновича грамотѣ (3). По другимъ извѣстіямъ (4) Ивану Антоновичу было открыто о его происхожденіи караульнымъ солдатомъ, когда Ивану было 12 лѣтъ отъ роду. Молодаго узника содержали въ совершенномъ одиночествѣ. Чертежъ комнатамъ, въ которыхъ жилъ онъ, былъ посланъ въ Петербургъ, чтобы тамъ могли точнѣе судить какъ онъ содержался. Даже жена Миллера не имѣла позволенія видѣть ребенка (5). Когда въ Холмогорахъ открылись въ 1748 г. оспа и корь, то въ Петербургъ пошелъ запросъ, допускать ли къ заключенному лекаря и священника, если бы въ нихъ была надобность (6). Когда Ивана отправляли въ Холмогоры, его назначеніемъ былъ Соловецкій монастырь (7); но изъ Холмогоръ его отправили въ шлиссельбургскую крѣпость. По словамъ голландскаго посланника Сварта въ 1757 г. Иванъ былъ привезенъ по желанію Елисаветы въ

---

(1) Merkwürdigkeiten, 27—28.
(2) Чтенія, 1861, II, смѣсь, 10.
(3) Castéra, II, 79.
(4) Saldern, 13—14.
(5) Чтенія, 1861, II, смѣсь, 30.
(6) Тамъ же, 25.
(7) Тамъ же, 10.

Петербургъ (1). Это было сдѣлано подъ секретомъ. Его помѣстили въ домѣ Петра Шувалова, прилично одѣли и императрица видѣла его два раза, но такъ, что онъ не зналъ кого видитъ предъ собою. Иванъ былъ теперь 17 лѣтнимъ юношею, съ бѣлокурыми вьющимися прекрасными волосами, большими голубыми глазами и орлинымъ носомъ (2). Необыкновенная бѣлизна его лица говорила о томъ, что мало солнечнаго свѣта падало на него въ душномъ заключеніи. Голосъ его былъ пріятенъ и мелодиченъ, но онъ сильно заикался. Послѣднее могло быть слѣдствіемъ полнаго уединенія, въ которомъ почти не съ кѣмъ было говорить; но вообще косноязычность была наслѣдственный недостатокъ въ брауншвейгскомъ семействѣ. Появленіе Ивана Антоновича въ Петербургѣ совпадало съ окончательнымъ разрывомъ между Елисаветою и Фридрихомъ II и съ началомъ семилѣтней войны. Если вспомнимъ, что Фридрихъ II былъ главною причиною заточенія молодаго принца, то появленіе Ивана въ Петербургѣ, въ такое время, было уже само по себѣ важнымъ политическимъ симптомомъ. Но болѣе того. Носились слухи, что Елисавета намѣрена была назначить Ивана Антоновича своимъ наслѣдникомъ престола вмѣсто преданнаго Фридриху II Петра Ѳедоровича. Дворъ былъ взволнованъ этимъ извѣстіемъ. Но предположеніе было неисполнимо. Иванъ Антоновичъ былъ уже неспособенъ занять престолъ. Заточеніе достигло своей цѣли; искра разума въ молодомъ человѣкѣ отлетѣла на всегда. Узникъ былъ отвезенъ въ свою прежнюю темницу, въ Шлиссельбургъ.

Пять лѣтъ спустя къ Шлиссельбургу подъѣхала наемная карета (3), изъ которой вышли пять посѣтителей. У нихъ было письменное дозволеніе видѣть Ивана Антоновича за подписью императора Петра III. Не смотря на инкогнито, всѣ знали, что одинъ изъ посѣтителей былъ самъ Петръ III. Но формальность должно было соблюсти: только листъ за императорскою подписью открывалъ до-

(1) La Cour, 172,
(2) Asseburg 171.
(3) Laveaux, II, 102.

ступъ къ узнику; при всякой попыткѣ найдти доступъ къ нему безъ такого разрѣшенія караульные офицеры имѣли приказаніе немедленно обезглавить принца. Это приказаніе дано было еще при Елисаветѣ. Съ Петромъ III были тутъ Нарышкинъ, баронъ Корфъ, Унгернъ-Штернбергъ и Волковъ. Въ подробностяхъ о посѣщеніи Петромъ III Ивана Антоновича мы основываемся на словахъ трехъ первыхъ: эти подробности были переданы ими въ послѣдствіи ихъ близкимъ и знакомымъ и появились въ печати (1). Петръ и его спутники нашли Ивана Антоновича въ засаленной курткѣ и въ туфляхъ на босую ногу въ темной комнатѣ, въ окно которой не пропускала свѣтъ постройка на дворѣ. Комната и днемъ освѣщалась свѣчами; воздухъ въ ней былъ душный (2). Посѣтители увидѣли предъ собою молодаго человѣка шесть футовъ ростомъ, съ всклоченными волосами, рыжевато-русою бородою и блуждающимъ взглядомъ. Петръ началъ съ нимъ говорить; Иванъ Антоновичъ отвѣчалъ невнятно и мысль его замѣтно блуждала. Онъ сказалъ, что онъ не тотъ за кого его принимаютъ, но готовъ принять на себя его права. Петръ велѣлъ тотчасъ же облегчить участь узника; добрый отъ природы, онъ хотѣлъ загладить прошедшее для невиннаго страдальца, чѣмъ могъ. Темничная обстановка была тотчасъ же измѣнена. Велѣно было построить для Ивана Антоновича помѣстительный и удобный домъ. Петръ приказалъ учить узника грамотѣ, и разрѣшилъ говорить съ нимъ обо всемъ, исключая его происхожденія (3). Если и справедливо, что Миллеръ училъ маленькаго Ивана, то ученикъ долженъ былъ позабыть съ тѣхъ поръ все выученное. Подаренному императоромъ красному шелковому халату узникъ радовался какъ дитя и, надѣвъ его, въ восхищеніи бѣгалъ по комнатамъ.

Впослѣдствіи Петръ III взялъ Ивана Антоновича въ Петербургъ и онъ оставался тамъ до самой революціи, доставившей престолъ Екатеринѣ (4). Петръ намѣревался выдать замужъ за Ивана

---

(1) Büschings Magazin: La Cour... Castéra.

(2) Бантышъ-Каменскій (б), I. 226.

(3) Saldern, 50.

(4) La Cour.,

Антоновича служившую при русскомъ дворѣ принцессу Гольштейнъ-Бекскую (послѣ кн. Барятинскую) (1).

Со вступленіемъ на престолъ Екатерины II, Ивана Антоновича возвратили въ прежнюю темницу въ Шлиссельбургъ. Екатерина желала видѣть его—онъ оказался—заимствуемъ выраженіе официальнаго документа—„косноязыченъ, лишенъ разума и смысла человѣческаго.“ Тотъ же документъ прибавляетъ, что всѣ бывшіе съ Екатериной видѣли, какъ она жалѣла заключеннаго (2). И его-то предлагалъ ей въ женихи адресъ, сочиненный Бестужевымъ въ видахъ склоненія Екатерины къ браку съ Орловымъ.

Иванъ Антоновичъ погибъ въ Шлиссельбургѣ въ ночь съ 4 на 5 іюля 1764 г., во время поѣздки Екатерины въ Лифляндію.

Подпоручикъ смоленскаго полка Василій Мировичъ подговорилъ трехъ капраловъ и трехъ солдатъ помочь ему освободить Ивана Антоновича. Мировичъ давно обдумывалъ свое предпріятіе. Онъ сговорился съ поручикомъ великолуцкаго полка Апполономъ Ушаковымъ. Мировичъ и Ушаковъ въ Казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ дали обѣтъ другъ другу дѣйствовать за одно. Но Ушаковъ, посланный въ Смоленскъ, утонулъ. Мировичъ рѣшился дѣйствовать одинъ. Онъ былъ однимъ изъ караульныхъ офицеровъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Караулы смѣнялись понедѣльно. Мировичъ напросился въ караулъ не въ очередь. 38 человѣкъ его команды ничего не знали о предпріятіи. Ночью на 5 іюля Мировичъ собираетъ свою команду и подступаетъ къ отдѣленію крѣпости, гдѣ содержался Иванъ Антоновичъ. Коменданту Бередникову самъ Мировичъ нанесъ ударъ прикладомъ ружья, впрочемъ неопасный, потому что сопротивленія не было. Оставивъ 10 солдатъ съ обнаженными тесаками при арестованномъ Бередниковѣ, Мировичъ требуетъ у капитана Власьева, караульнаго при принцѣ, чтобы тотъ выдалъ ему Ивана Антоновича. У Власьева было всего 16 человѣкъ команды, т. е. почти втрое меньше людей, чѣмъ у Мировича. Но Власьевъ рѣшился не исполнить требованія и объ-

---

(1) Castéra, I, 415.
(2) П. С. З., ст. 12, 228.

явилъ, что будетъ стрѣлять въ отрядъ Мировича. Команда Мировича отступила, и солдаты, не знавшіе что предпринималъ ихъ командиръ, потребовали объясненія. Мировичъ вынимаетъ изъ кармана указъ, будто бы присланный изъ сената и читаетъ солдатамъ, что такъ какъ Екатеринѣ наскучило править надъ неблагодарнымъ народомъ и она хочетъ оставить престолъ и сочетаться бракомъ съ гр. Орловымъ, то сенатъ постановилъ освободить Ивана Антоновича и возвести его на престолъ (1). Отбитый командою Власьева, Мировичъ беретъ затѣмъ пушку съ бастіона и подвозитъ ее къ крѣпостному отдѣленію, охраняемому отрядомъ Власьева, угрожая стрѣлять.

Но въ то время, какъ это происходило на дворѣ крѣпости, внутри темницы Ивана Антоновича разыгрывалась страшная сцена борьбы за жизнь полусоннаго безоружнаго молодаго человѣка съ нѣсколькими вооруженными людьми. Мы видѣли, что караульные офицеры имѣли приказаніе при первой попыткѣ къ освобожденію узника, умертвить его. Когда сдѣлалась тревога, Иванъ спалъ. Его соннаго караульный офицеръ ударяетъ саблею. Иванъ просыпается и схватывается за саблю. Начинается борьба, сабля переломлена; но восемь сабельныхъ ударовъ одинъ за другимъ скоро оканчиваютъ сопротивленіе. Иванъ погибъ.

Когда смерть Ивана сдѣлалась извѣстна Мировичу, тотъ упалъ духомъ. Всѣ надежды его рушились. Ему оставалось только сдаться и унтеръ-офицеръ его же команды, Мироновъ, взялъ у него шпагу.

Наряженный надъ Мировичемъ судъ нашелъ, что онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ вражды къ императрицѣ за то, что ему не была возвращена часть конфискованныхъ имѣній дѣда его, соучастника Мазепы (2). Найдено было, что по первоначальному плану Ушаковъ долженъ былъ привезти на шлюпкѣ изъ Петербурга указъ (прочитанный Мировичемъ солдатамъ) и на той же шлюпкѣ должны были отвезти Ивана Антоновича въ артилерійскій лагерь, на Выборгской сторонѣ въ Петербургѣ. Изъ отчета слѣдственной

---

(1) Herrmann, V, 650.
(2) Lesur, 220—221.

комиссіи видно, что Мировичъ и Ушаковъ сдѣлали множество обѣщаній Божіей Матери, отчасти довольно странныхъ, если предпріятіе ихъ удастся. Есть извѣстіе, что Мировичъ имѣлъ сообщниковъ въ Петербургѣ и что въ ночь покушенія изъ Петербурга отправились въ Шлиссельбургъ шлюпки по заранѣе условленному плану ([1]). На вопросъ кн. Вяземскаго, на кого изъ сообщниковъ можетъ указать Мировичъ, тотъ упорно стоялъ на томъ, что сообщниковъ у него не было. Наконецъ Мировичъ отвѣчалъ, что если кн. Вяземскій хочетъ, то онъ можетъ указать на него самого. Оказалось однако, что о заговорѣ знали другія лица. Подпоручикъ Семенъ Чефаридзевъ показалъ, что слышалъ отъ Мировича о намѣреніи его привезти Ивана Антоновича къ артилерійскому корпусу въ Петербургъ ([2]). Чефаридзевъ разсказалъ объ этомъ регистратору Безсонову, на что Безсоновъ замѣтилъ: „не ври, дуракъ“ и ударилъ его. Носились впрочемъ слухи, что въ заговорѣ замѣшаны были важныя лица. На вопросъ Панина (Петра Ив.), при слѣдствіи, для чего Мировичъ хотѣлъ освободить Ивана Антоновича, Мировичъ рѣзко отвѣчалъ: „затѣмъ, чтобы сдѣлаться тѣмъ же, чѣмъ теперь ты“ ([3]). Экземпляры подложнаго манифеста, оскорбительнаго для Екатерины, найденные въ карманѣ Мировича, Панинъ отдалъ императрицѣ, чтобы она собственноручно уничтожила ихъ ([4]). Мировичъ былъ приговоренъ къ казни, но въ народѣ по видимому ожидали его помилованія. Говорятъ, самъ Мировичъ ожидалъ, что его помилуютъ. Державинъ говоритъ въ своихъ Запискахъ, что когда, вопреки ожиданіямъ, народъ увидѣлъ отрубленную голову Мировича въ рукахъ палача, то содрогнулся такъ, что мостъ, на которомъ стояла эта толпа народа, пошатнулся и перила обвалились.

Въ то время, когда въ Петербургѣ судили Мировича, тѣло убитаго Ивана Антоновича было выставлено въ Шлиссельбургѣ.

([1]) Laveaux, II, 112.
([2]) П. С. З., статья 12, 241.
([3]) Бантышъ-Каменскій (6), I, 227.
([4]) Laveaux, II, 113.

Покойный лежалъ въ гробу въ простой матроской одеждѣ. Потомъ его покрыли овчиною и похоронили безъ всякаго обряда.

Караульныхъ, умертвившихъ его, послали сначала въ Данію, какъ говорили, изъ опасенія ярости народной; но потомъ возвратили и повысили чинами, какъ исполнившихъ съ точностію данное имъ приказаніе.

Попытка Мировича какъ разъ совпала съ тѣмъ временемъ, когда открывались заговоръ за заговоромъ противъ Екатерины и когда въ шлиссельбургскомъ узникѣ видѣли соперника и помѣху ей на престолѣ. Смерть Ивана Антоновича лишала враговъ ея орудія и укрѣпляла ее на престолѣ. Такое стеченіе обстоятельствъ подало поводъ къ сомнѣніямъ. „Большая часть русскихъ — замѣчаетъ Виллъямсъ—увѣрена, что пѣхотный офицеръ, чуждый желанія быть заговорщикомъ и коноводомъ революціи, былъ слѣпымъ орудіемъ двора“ (¹). Онъ замѣчаетъ далѣе, что Мировичъ по слухамъ ожидалъ награды за свой поступокъ и что его казнили лишь когда увидали, что смерть Ивана Антоновича произвела глубокое впечатлѣніе на народъ. На это конечно можно представить возраженія. Приведенныя подробности о заговорѣ говорятъ другое. Но эти подробности почерпнуты изъ отчета слѣдственной комиссіи. Гораздо важнѣе другое возраженіе: почему Мировичъ не выдалъ своихъ сообщниковъ и пострадалъ одинъ, хотя былъ только орудіемъ ихъ? Онъ имѣлъ право хотя на эшафотѣ выдать тѣхъ, кто привелъ его на эшафотъ и теперь хотѣлъ избавиться отъ опаснаго свидѣтеля. Но на это отвѣчаютъ, что Мировичъ смотрѣлъ на судъ какъ на фарсъ и бодро шелъ на эшафотъ, ожидая помилованія и послѣ награды: во всякомъ случаѣ казни онъ не ожидалъ точно также, какъ она была неожиданна и для собравшагося къ эшафоту народа.

Предполагая, что было основаніе видѣть въ попыткѣ Мировича руку болѣе важныхъ лицъ, чѣмъ мелкіе армейскіе офицеры, едва ли можно допустить, что Мировичъ дѣйствовалъ по соглашенію съ

(¹) Williams. The rise, progress and present state of the Northern Governments, II, p. 270.

тѣми, кто послѣ казнилъ его. Предположеніе, что Мировичъ разыгралъ въ Шлиссельбургѣ комедію съ цѣлью устранить соперника Екатерины и заслужить послѣ награду—возможно. Но рядъ сомнѣній привелъ затѣмъ къ такимъ предположеніямъ, которыя не оправдываются безпристрастнымъ критическимъ анализомъ.

Братья Орловы.

Вскорѣ послѣ іюньскихъ событій 1762 г. княгиня Дашкова, войдя разъ въ комнаты Екатерины, увидала какого-то мужчину, небрежно развалившагося на диванѣ, какъ дома. Княгиня признается, что такое положеніе показалось ей предосудительнымъ во дворцѣ, хотя въ комнатѣ и не было Екатерины. Это былъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, и зная, что при серьезномъ умѣ Орловъ обладалъ нѣкоторою наклонностью къ шуткѣ и шаловливостью характера, можно предположить, что онъ принялъ даже нарочно описанную позу, чтобы подразнить чопорную и раздражительную княгиню, приписывавшую себѣ очень много въ іюньскихъ событіяхъ и очень мало Орловымъ, которые однако были главными дѣятелями.

Екатерина видѣла въ Орловѣ замѣчательно умнаго человѣка. Это былъ дѣйствительно человѣкъ, любившій серьезныя занятія, любознательный въ области науки и особенно преданный изученію физики и вообще естественныхъ наукъ. Его видѣли читавшимъ въ каретѣ, по дорогѣ въ Царское село, сочиненіе о кометахъ. У него надъ Лѣтнимъ дворцомъ была устроена обсерваторія для наблюденій въ телескопъ (1). Научные предметы были любимою темою его разговоровъ въ обществѣ. Разъ изъ шелковой матеріи креселъ, о которыя часто терлась одежда маленькаго вел. кн. Павла Петровича, не могшаго долго по живости темперамента посидѣть на мѣстѣ, стали при прикосновеніи выскакивать искры. Даже учитель физики при Павлѣ Петровичѣ, Эпинусъ, былъ удивленъ такимъ явленіемъ. Припомнимъ, что въ то время законы электри-

(1) Порошинъ, 354.

чества еще были очень мало изслѣдованы. Разговоры о креслахъ, издающихъ искры, дошли до императрицы и Г. Г. Орлова. Кресла и стулья, издававшіе искры, были отнесены на половину императрицы. Орловъ тотчасъ же, по словамъ Порошина, начинаетъ опыты и находитъ, что если муфтой, или даже просто рукой потереть шелковые обои, то отъ нихъ будутъ сыпаться искры.

Орловъ былъ при Екатеринѣ изъ числа тѣхъ, которые сочувствовали новой въ наукѣ и литературѣ эрѣ, открытой французскими энциклопедистами. Сохранилось письмо его къ Жанъ-Жаку Руссо, приглашавшее знаменитаго французскаго писателя пріѣхать въ Россію и поселиться въ ней. Руссо жилъ въ то время (1766) въ Англіи у герцога Ричмондскаго. Орловъ въ письмѣ своемъ говоритъ, что онъ зоветъ Руссо жить въ своемъ имѣніи изъ благодарности за почерпнутое изъ его книгъ (¹). Имѣніе Орлова въ 60 верстахъ отъ Петербурга; климатъ въ немъ здоровъ; можно мечтать сколько угодно; мѣстный священникъ не диспутируетъ и не проповѣдуетъ, а паства, сдѣлавъ крестное знаменіе, добродушно думаетъ, что сдѣлано все. Все нужное будетъ къ услугамъ Руссо, если онъ того пожелаетъ; онъ можетъ охотиться, ловить рыбу, быть въ обществѣ кого хочетъ. Его не заставятъ почувствовать никакого стѣсненія, никому ничѣмъ онъ не будетъ обязанъ, никому не будетъ даже объявлено о его присутствіи, если онъ того захочетъ. Ѣхать ему самое лучшее моремъ, если онъ только можетъ перенести морской переѣздъ. Въ отвѣтъ на эту идилическую картину будущей жизни въ Россіи Руссо отвѣчалъ, что пріѣхалъ бы только въ такомъ случаѣ, если бы не былъ слабъ, если бы былъ болѣе подвиженъ, помоложе и — если бы графъ (Орловъ) былъ поближе къ солнцу.

Съ наклонностью къ серьезнымъ занятіямъ Г. Г. Орловъ соединялъ живой и подвижной характеръ. Мы видимъ изъ записокъ Порошина напр., что онъ борется во дворцѣ съ однимъ изъ придворныхъ. Другой разъ онъ, желая перепрыгнуть черезъ скамейку въ саду, сильно ушибъ себѣ ногу, такъ что его возили въ колясочкѣ

(¹) Русскій Архивъ, 1869, стр. 583.

по дворцу. На одномъ изъ святочныхъ маскарадахъ во дворцѣ, Орловъ является переряженный въ женское платье.

О предполагавшемся бракѣ между Екатериною II и Г. Г. Орловымъ мы уже упоминали. Многіе были очень вооружены противъ мысли объ этомъ бракѣ. Ходили даже толки о покушеніи на жизнь гр. Орлова во время пребыванія двора въ Москвѣ. Говорятъ Орловъ спасся только, благодаря случайной смѣнѣ караульнаго солдата, закупленнаго заговорщиками (1).

Вліяніе Орлова пало когда сталъ возвышаться Потемкинъ. Конецъ гр. Орлова былъ печальный: онъ умеръ въ припадкахъ бѣшенства. Ходила молва, что бѣшенство было слѣдствіемъ даннаго ему зелья и темные слухи обвиняли въ этомъ Потемкина.

Нельзя не согласиться, во всякомъ случаѣ, что время, когда Г. Г. Орловъ былъ въ силѣ, совпадаетъ съ лучшею и свѣтлою эпохою царствованія Екатерины. Это было то время, когда Екатерина руководилась сочиненіями Монтескье и Беккаріи при составленіи своего наказа; когда созвана была комиссія Уложенія и Екатерина награждала автора, ратовавшаго за свободу крестьянъ, преміею.

Екатерина долго благоволила къ графамъ Орловымъ. Расчитываютъ, что съ 1762 по 1783 годъ Орловы получили отъ императрицы 45,000 душъ крестьянъ и 17 м. рублей деньгами (2). Полагали, что у каждаго изъ пяти братьевъ Орловыхъ было не менѣе 100,000 годоваго дохода. Всѣ Орловы занимали видныя мѣста, но послѣ Григорія намъ придется сказать нѣсколько обстоятельно только объ Алексѣ Орловѣ. Атлетъ по сложенію, красавецъ собой, не смотря на шрамъ на лицѣ, настоящій Марсъ, когда онъ надѣвалъ римскую каску и драпировался по древнему, человѣкъ не блестящихъ способностей, но съ сильнымъ характеромъ,— А. Орловъ играетъ очень видную роль во все время царствованія Екатерины, пережилъ ее, ея сына и наконецъ умеръ при внукѣ въ очень преклонномъ возрастѣ. Участіе въ событіяхъ при вступленіи Екатерины II на престолъ, сожженіе турецкаго флота при

---

(1) Chronique, 15.
(2) La Cour..., 376.

Чесмѣ и похищеніе въ Италіи княжны Таракановой — главные эпизоды изъ общественной жизни гр. А. Орлова.

Успѣхъ чесменской битвы приписывается многими англичанамъ, бывшимъ подъ начальствомъ Орлова: Эльфинстонъ заперъ турецкій флотъ въ чесменской гавани; Грейгъ. повелъ атаку противъ запертаго флота; Дэгдель (Dugdale) пустилъ первый изъ брандеровъ, сжегшихъ этотъ флотъ. Орлова, прибывшаго къ флоту сухимъ путемъ, въ Италію, обвиняли въ полномъ незнаніи морскаго дѣла. Какъ прежній гвардейскій офицеръ, онъ разумѣется дѣйствительно вовсе не былъ знакомъ съ морскимъ дѣломъ, но его обвиняли и въ серьезной политической ошибкѣ. Англійскіе командиры въ русскомъ флотѣ предлагали послѣ чесменскаго боя идти прямо на Константинополь (¹). Орловъ не рѣшился на это, хотя турки не могли оказать дальнѣйшаго сопротивленія и взятіе столицы ихъ могло блестящимъ образомъ закончить войну. Но удовлетворились и тѣмъ успѣшнымъ дѣломъ, которое было совершено: герой чесменскій былъ восхваленъ и богато награжденъ; весь успѣхъ чесменской битвы былъ приписанъ ему. Европа должна была знать о его подвигѣ, и чтобы вѣрнѣе представить ходъ чесменскаго боя живописцу, писавшему картину его, Орловъ купилъ нѣсколько судовъ и зажегъ ихъ въ гавани Флоренціи. Въ путешествіе по Европѣ чесменскій герой велъ себя такъ, что о немъ должны были говорить. Въ Спа онъ затмилъ своимъ богатствомъ герцога Шартрскаго. Въ Парижѣ, при дворѣ, его видѣли напротивъ во фракѣ изъ грубаго сукна—въ насмѣшку надъ щепетильною утонченностью французовъ.

Когда во время чесменскаго сраженія взорвало русскій адмиральскій корабль, на которомъ былъ одинъ изъ братьевъ Орлова, Алексѣй Орловъ при мысли, что братъ его погибъ — онъ не зналъ, что экипажъ корабля спасся—упалъ въ обморокъ. Натура его была крѣпче при другихъ обстоятельствахъ, которыя могли бы потрясти душу человѣка, одареннаго несходнымъ съ нимъ характеромъ.

Орлову поручено было захватить въ Италіи княжну Тараканову.

(¹) Herrmann, V, 623—624.

Княжна называла себя дочерью императрицы Елисаветы Петровны. Она сама мало помнила о своемъ дѣтствѣ. Изъ словъ ея знали только, что она родилась въ 1745 г., что жила послѣ въ Килѣ, въ Голштиніи и въ Персіи. Помнила, что ее звали Алиной и что о ней заботился какой-то важный человѣкъ. Ходила молва, что въ бумагахъ И. И. Шувалова было кое-что подтверждавшее это показаніе; это замяли. Въ запискахъ абата Горани упоминается, что княжна Тараканова была младшею изъ трехъ дочерей отъ брака А. Г. Разумовскаго съ Елисаветою Петровною. Молодой человѣкъ подъ именемъ князя Тараканова жилъ впослѣдствіи въ Россіи и умеръ облившись какою-то жидкостью при занятіяхъ химіею съ своимъ учителемъ. Слова абата Горани о томъ, что Тараканова была дочь Разумовскаго, совпадаютъ съ тѣмъ, что показывала княжна о годѣ своего рожденія. Если она родилась дѣйствительно въ 1745 г., то это было за нѣсколько лѣтъ до разрыва съ Разумовскимъ и до возвышенія И. И. Шувалова. Въ разсказѣ Таракановой о себѣ такъ все групировалось, что ему можно было вѣрить. Она говорила, что родилась въ 1745 г. за 4 года до секвестра у ея отца. Подъ секвестромъ она могла разумѣть охлажденіе между ея отцемъ и императрицею и послѣдствія этого охлажденія. Четырех-лѣтняя дѣвочка могла только смутно помнить объ этомъ времени и говорила лишь что ей передавали другіе. Затѣмъ она помнитъ себя въ Килѣ,—и дѣйствительно, когда узы съ Разумовскимъ были расторгнуты, участь дѣтей его должна была перемѣниться. Куда же можно было всего удобнѣе послать маленькую княжну Тараканову какъ не въ Голштинію, гдѣ со времени Анны Петровны и послѣ, когда голштинскій герцогъ жилъ въ Россіи, у Елисаветы Петровны было болѣе связей, чѣмъ гдѣ нибудь за границей?

Объ участи маленькой Таракановой печется И. И. Шуваловъ— да и кому было скорѣе всего печься о ней какъ не ему, если разсказъ ея былъ вѣренъ: Шуваловъ былъ въ то время главнымъ повѣреннымъ Елисаветы во всѣхъ ея частныхъ дѣлахъ. Затѣмъ Тараканова помнитъ себя привезенною въ Персію неподалеку отъ русской границы. Востокъ съ его особенностями рѣзко запечатлѣлся въ памяти подроставшей дѣвочки. Ей присылались большія де-

нежныя пособія. Она помнила, что съ ранняго дѣтства ей говорили, что она дочь Елисаветы Петровны.

Если все это была сказка, то сказка, надобно замѣтить, очень хитро выдуманная. Одно только вѣрно: кто ни сходился съ Таракановой за-границей, всякій готовъ былъ вѣрить ея словамъ. Ходила молва, что Радзивилъ, человѣкъ слабаго характера и не твердыхъ правилъ, увезъ Тараканову изъ Россіи въ Польшу и затѣмъ въ Италію, чтобы дѣйствовать ею изъ политическихъ видовъ противъ Екатерины II. Но теперь дознано положительно, что Радзивилъ, дѣйствительно изъ политическихъ видовъ, познакомился съ Таракановой уже за-границей, послѣ того какъ она имѣла много сторонниковъ и доброжелателей. Польскіе патріоты хотѣли воспользоваться именемъ дочери Елисаветы Петровны противъ Екатерины. Несомнѣнно, что расчетъ на Тараканову былъ въ связи съ пугачевскимъ бунтомъ. Если ходили только темные слухи, что и въ Петербургѣ были сообщники Пугачева, то несомнѣнно, что поляки принимали участіе въ немъ. Нѣкоторые изъ поляковъ были при Пугачевѣ. Безграмотный казакъ, заставлявшій экзаменовать изъ ариѳметики 15 лѣтняго мальчика, Мертваго, потому что ему нуженъ былъ секретарь изъ дворянъ и безъ секретаря онъ не могъ сдѣлать никакихъ письменныхъ распоряженій, — этотъ казакъ, у котораго приверженцы, какъ говорили, были лишь изъ толпы черни, вдругъ чеканитъ медали съ изображеніемъ Петра III, на которыхъ латинскими буквами стояло: „Redivivus et ultor“ (Воскресшій и мститель). Уже то, что Пугачевъ представлялъ себя не воскресшимъ, а дѣйствительнымъ Петромъ III, доказываетъ, что не онъ распространялъ эти медали, а что въ дѣлѣ была замѣшена интрига, которой очень мало было дѣла до того—кто былъ Пугачевъ, но которая изъ мятежа въ восточной Россіи сдѣлала политическій капиталъ для враговъ Екатерины. Такъ Екатерина называла Густава III, короля шведскаго, другомъ „маркиза де Пугачева“—какъ она именовала Пугачева въ письмахъ къ Вольтеру. Такъ и противники вліянія Екатерины въ Польшѣ, воспользовавшись пугачевскимъ бунтомъ, старались воспользоваться и Тарако-

вой для своихъ цѣлей ([1]). Но хотя Радзивилъ входитъ въ сношенія съ Таракановой, но у нихъ дѣло не слаживается. Радзивилъ былъ не изъ тѣхъ личностей, которыя искусно могли вести интригу, Княжна Тараканова обладала на столько проницательнымъ умомъ, чтобы различать съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Притомъ мы напрасно стали бы приписывать Таракановой честолюбивыя стремленія. Она себя дѣйствительно называла дочерью Елисаветы Петровны, но потому, что ей съ дѣтства говорили объ этомъ и она была увѣрена въ своемъ происхожденіи. Она не могла имѣть мысли о какомъ либо правѣ на русскій престолъ, о сверженіи Екатерины II. Это была обворожительная собою женщина, по отзывамъ современниковъ, свѣтская, ловкая, но женскія слабости въ ней преобладали надъ честолюбіемъ. Говорятъ, Радзивилъ, у котораго были конфискованы имѣнія въ Польшѣ за его сношенія съ Таракановой, возвратясь въ Варшаву, вступилъ въ сдѣлку съ кн. Репнинымъ, по которой возвращены были ему имѣнія, но за то онъ долженъ былъ отказаться отъ сношеній съ Таракановой ([2]).

Мы приблизились къ тому времени, когда въ судьбѣ княжны Таракановой начинаетъ игратъ роль А. Орловъ.

Княжна жила въ Италіи, довольно скромно, потому что средства ея были теперь очень ограничены. Ее могли звать княжной Таракановой — могли смѣшивать послѣ фамиліи *Тараканова* и *Дараганъ*, производя одну отъ другой, но сама княжна называла себя Елисаветой, принцессой Владимірской. Она могла быть не честолюбивой, но она приняла титулъ, въ которомъ Екатерина видѣла посягательство на свое право. Княжна Тараканова могла быть не опасна для Екатерины сама по себѣ; но изъ нея могли сдѣлать орудіе враги Екатерины, и попытка была уже сдѣлана. Рѣшено было захватить Тараканову и привезти въ Россію. За дѣло взялся А. Орловъ. Орловъ воспользовался для этой цѣли своимъ пребываніемъ въ Италіи. Интрига поведена была очень хитро. Орлову помогалъ въ этомъ дѣлѣ неаполитанецъ Рибасъ.

([1]) Took, Life of Catherine II, II, 57.
([2]). Belani, I, 130—133.

Орловъ встрѣчается съ княжною Таракановой. Онъ прикидывается недовольнымъ Екатериной. Тараканова тѣмъ скорѣе можетъ вѣрить этому, что онъ не только любезенъ и обходителенъ съ ней, но даже выказываетъ знаки расположенія, въ которыхъ трудно обмануться: онъ влюбленъ въ нее и влюбленъ всѣмъ пламенемъ страсти. Княжна, какъ мы видѣли, была не чужда женскихъ слабостей: она сдалась ему. Кастера и Тукъ повторяютъ за абатомъ Горани, что послѣ того какъ между Орловымъ и княжной начались интимныя отношенія, поднятъ былъ вопросъ о бракѣ; явились подставные священники и чиновники. Такъ ли было это какъ говорятъ иностранцы авторы, только впослѣдствіи Орловъ на слова Екатерины замѣтилъ, что онъ ради ея пользы готовъ былъ даже жениться на Таракановой, если бы это могло помочь дѣлу (¹): слѣдовательно онъ не считалъ себя связаннымъ съ нею брачными узами.

Княжна увлечена Орловымъ; онъ предметъ ея страсти, ея другъ и приверженецъ. Всѣ предосторожности забыты; опасеніямъ нѣтъ мѣста. Орловъ приглашаетъ княжну посмотрѣть суда своего флота, стоявшаго въ виду берега. Княжна ѣдетъ; вступаетъ на корабль; начинаетъ его осматривать. Но тутъ сцена измѣняется. Подходитъ капитанъ Литвиновъ и объявляетъ ей арестъ. Орловъ былъ также арестованъ; внѣшность соблюдена. Судно подняло паруса и княжну повезли въ Петербургъ. Тамъ ее ждалъ казаматъ въ Петропавловской крѣпости. Екатерина была раздражена противъ нея. Особенно приводило ее въ негодованіе то, что не смотря на всѣ увѣщанія, Тараканова не отказывалась отъ того что утверждала прежде и подписывалась Elisabeth. На донесенія, что Тараканова остается при своихъ прежнихъ показаніяхъ, Екатерина называла ее лгуньей и побродяжкой (²); мѣры строгости были усилены. Слѣдовали допросъ за допросомъ; въ казаматѣ княжны оставались иногда день и ночь офицеръ и два солдата. Истомленная физически и нравственно, княжна стала впадать въ чахотку. Въ этомъ положеніи

(¹) Мельниковъ, VIII, 559.

(²) Мельниковъ, 598, 602.

она родила сына (впослѣдствіи—Александра Алексѣевича Чесменскаго). Случалось, пріѣзжалъ къ княжнѣ и А. Орловъ, и тогда даже сторожу въ другой комнатѣ слышно было, какъ княжна рѣзко и громко говорила съ нимъ, а Орловъ больше молчалъ и какъ бы стушевывался ([1]). День ото дня княжна больше чахла и можно было предполагать, что конецъ ея близокъ. Затѣмъ ничего болѣе не было извѣстно о ея участи. Одни полагали, что она утонула въ наводненіе 1777 г., не будучи въ состояніи спастись отъ воды, залившей казаматъ. Эту сцену гибели представляетъ извѣстная картина Флавицкаго. Другіе полагали, что она умерла иною смертью и была погребена тутъ же подъ поломъ казамата, получившаго прозваніе „алексѣевскаго равелина"...

Въ то время, когда уже забыли о княжнѣ Таракановой, и много лѣтъ послѣ того, въ Ивановскомъ монастырѣ въ Москвѣ жила старица Досифея. Въ самомъ строгомъ затворничествѣ жила она въ большой и хорошо убранной кельѣ. Рѣдко кто могъ видѣть ее, потому что она могла слышать службы, не показываясь другимъ. У Досифеи бывали иногда важныя лица. Замѣчали, что А. Орловъ постоянно объѣзжалъ стороною Ивановскій монастырь (2). Досифея была загадкой для самихъ сестеръ монастыря; и онѣ не знали кто она, какого происхожденія и какое было ея имя до постриженія. Но разъ сама Досифея открылась Г. И. Головиной ([3]). Она говорила о жизни своей за границей, о привозѣ ея въ Россію и т. д. Предъ молоденькой дѣвушкой, какою тогда была Головина, если бы она была знакома съ закулисною исторіею минувшаго, воскресла бы при этихъ разсказахъ память о той, останковъ которой искали подъ поломъ алексѣевскаго равелина. При погребеніи Досифеи присутствовала вся знать и первая аристократія Москвы. На надгробной плитѣ значилось, что тутъ погребена старица Досифея, родившаяся въ 1745 г. Досифея умерла уже въ царствованіе Александра I, въ 1810 году. Воспитанникъ А. Орлова, А. А. Чесменскій, дослужился впослѣдствіи до генеральскаго чина.

([1]) Мельниковъ, 603.
([2]) Мельниковъ, 198.
([3]) Мельниковъ, 196—197.

Долго жилъ гр. А. Орловъ, но послѣ похищенія Таракановой— мы его уже не видимъ болѣе на поприщѣ политической дѣятельности. Онъ посвящаетъ почти все свое время улучшенію коннозаводства въ Россіи. Ерофеичъ и орловскіе рысаки остались потомству памятью о гр. А. Орловѣ.

Разъ Орловъ опасно заболѣлъ. Доктора уже отказывались отъ больнаго, когда за леченіе его принялся простой и не ученый русскій человѣкъ Ерофеичъ. Ерофеичъ много путешествовалъ по Россіи; собиралъ травы въ Сибири на китайской границѣ и послѣ лечилъ этими травами разные недуги. Ерофеичъ вылечилъ Орлова, былъ позванъ къ императрицѣ и та лично его благодарила (¹). Ерофеичъ вошелъ въ славу. Екатерина посылала курьера для отъисканія его травъ (²). Къ нему стали обращаться многіе. Если болѣзнь была мудреная, то приносили какую-то большую книгу и секретарь Ерофеича, грамотный мальчикъ—самъ Ерофеичъ не зналъ грамоты—долго копался въ ней, отыскивая болѣзнь и средство для ея излеченія. Именемъ Ерофеича была названа настойка, впослѣдствіи пріобрѣвшая популярность во всей Россіи исцѣлителю графа Орлова.

Услуга, оказанная гр. А. Орловымъ русскому коннозаводству, была посущественнѣе. Рысаки Орлова — прародители всѣхъ рысаковъ въ Россіи. Охотникъ до лошадей, Орловъ едва ли, однако, добывая отъ турецкаго визиря знаменитую *Смѣтанку* и выписывая лучшихъ кровныхъ лошадей изъ Англіи, заботился о государственной пользѣ. Хрѣновскій заводъ гр. Орлова, производившій лошадей исключительно для графа, сталъ распространителемъ рысистой породы въ Россіи только послѣ того, какъ былъ пріобрѣтенъ въ казну.

О позднѣйшей жизни гр. А. Орлова сохранились воспоминанія, между людьми еще живущаго поколѣнія. Графъ, какъ разсказывалъ однодворецъ Овсянниковъ (³), былъ большой охотникъ смо-

---

(¹) Scherer, VI, 221—223.

(²) Чтенія, 1863, II. Письма Екатерины, стр. 66.

(³) Тургеневъ, Записки охотника, I, 122—124.

трѣть на голубей — въ воду, по обычаю охотниковъ этого рода, чтобы не кружилась голова отъ держанія ея вверхъ. Охотникъ былъ онъ также бороться: силачей къ нему привозили изъ Тулы, Харькова, Тамбова. Кого случалось ему побороть—того отпускалъ домой съ наградою; поборетъ кто его—совсѣмъ задаритъ и въ губы поцѣлуетъ. Разъ онъ затѣялъ большую охоту и созвалъ охотниковъ на нее со всего государства. Три мѣсяца сроку дано было для съѣзда. Съѣхались охотники какъ войско.

Въ катаніи на бѣговыхъ дрожкахъ, въ смотрѣніи на голубей и упражненіи физической силы протекло много послѣднихъ годовъ жизни человѣка, который въ началѣ карьеры вліялъ на политическія судьбы обширной державы и не удержался въ политической сферѣ только въ силу той исторической аксіомы, что неожиданные перевороты часто выдвигаютъ впередъ бездарность, но только дарованіе можетъ затѣмъ удержаться впереди.

Потемкинъ.

Царствованіе Екатерины носитъ двойной характеръ: въ началѣ—до пугачевскаго бунта и до совершеннолѣтія наслѣдника престола Павла Петровича—мы видимъ въ Екатеринѣ умную и образованную женщину на престолѣ, мечтающую о счастіи своихъ подданныхъ, отзывающуюся на все живое, ниспровергающее рутину въ наукѣ и въ быту народовъ. Это —то время, когда она по справедливости могла назваться республиканкою по образу мыслей, какъ она называетъ себя въ письмѣ къ Циммерману (¹); когда она любила философію, приглашала Даламбера быть воспитателемъ вел. кн. Павла Петровича. Это было то время, когда болѣе другихъ приближенъ былъ въ Екатеринѣ Г. Г. Орловъ. Наступаетъ другая эпоха въ царствованіи Екатерины. Появленіе нѣсколькихъ сряду Петровъ III, начавшееся съ тѣмъ первымъ вѣяніемъ идеи равноправія, которую внесла въ русскую общественную жизнь

(¹) Сумароковъ, Черты Екатерины, 51.

комиссія Уложенія—въ 1767 г.—и завершившееся пугачевскимъ бунтомъ: показало, что нельзя въ одно время оставлять крестьянъ закрѣпощенными, возвышать подушный окладъ и съ другой стороны покровительствовать Даламберу и Дидро и награждать авторовъ теоретическихъ сочиненій объ отмѣнѣ крѣпостнаго права. Екатерина видѣла съ другой стороны, что въ то время когда имя Петра III, какъ лозунгъ, подняло массы народа на востокѣ Россіи, въ Петербургѣ была партія, дававшая понять, что наслѣдникъ престола, какъ пришедшій въ возрастъ, долженъ принять участіе въ дѣлѣ правленія (¹). Екатерина избрала съ этой минуты путь, по которому слѣдовала до конца жизни. Это не былъ путь, которымъ шла она въ первые годы царствованія. Мечты о народномъ благосостояніи оставлены; о равноправіи предъ закономъ нѣтъ болѣе рѣчи. Екатерина группируетъ около себя одно сословіе—дворянство. На него изливаетъ она всѣ щедроты. Жалованная грамота дѣлаетъ дворянство строго привелигированнымъ, рѣзко отличающимся отъ другихъ сословій. Купцы и мѣщане удостоились также нѣкоторыхъ льготъ. Но сельское сословіе остается почти совершенно въ сторонѣ въ узаконеніяхъ императрицы; оно было забыто. Этотъ періодъ царствованія Екатерины оправдываетъ слова ея Сегюру; „я аристократка, это мой цѣхъ (c'est mon métier)" (²). Гр. П. Зубовъ сравнивалъ населеніе страны съ кускомъ металла, имѣющимъ блескъ только снаружи (³). Зубовъ былъ ученикомъ Екатерины въ то время, когда аристократка въ ней окончательно сформировалась. Много заботъ прилагалось во вторую половину царствованія Екатерины о наружномъ блескѣ и очень мало о томъ, что было внутри куска металла. Всего болѣе удобнымъ нашли сковать изъ этого куска металла мечъ, и въ то время когда мысль объ Уложеніи была оставлена и дѣло комиссіи 1767 г. велось по старымъ порядкамъ и какъ бы для проформы, Европу начинаетъ оглашать громъ русскихъ побѣдъ и Россія ведетъ войну за

(¹) Лебедевъ, 183.
(²) Русскій Архивъ, 1866, 1597.
(³) Лебедевъ, 297.

войной съ сосѣдями. Войны были отводомъ: жажда дѣятельности нуждается въ исходѣ и эта жажда дѣятельности была сильна въ Екатеринѣ. Она не нашла удобнымъ слѣдовать на пути внутреннихъ реформъ; ей оставалось отдаться съ увлеченіемъ внѣшнимъ завоеваніямъ.

Какъ въ первый періодъ царствованія, у престола Екатерины стоитъ Г. Г. Орловъ, такъ во второй главнымъ довѣреннымъ лицемъ и помощникомъ ея является Потемкинъ.

Сынъ небогатаго смоленскаго дворянина, Потемкинъ поступаетъ въ московскій университетъ. У молодаго человѣка прекрасныя способности, но онъ чрезвычайно лѣнивъ. Онъ очень честолюбивъ и мечтаетъ быть впослѣдствіи архіереемъ, или министромъ. Но въ 1760 г. его исключаютъ изъ университета за лѣность и нехожденіе въ классы. Ему 24 года; онъ безъ дѣла. Онъ ѣдетъ въ Петербургъ и поступаетъ въ конную гвардію. Высокій и красивый, конногвардейскій офицеръ Потемкинъ былъ замѣченъ въ 1762 г.; онъ принималъ дѣятельное участіе въ іюньскихъ событіяхъ этого года и былъ въ числѣ щедро награжденныхъ Екатериною при восшествіи ея на престолъ. Сдѣланный затѣмъ камеръ-юнкеромъ, Потемкинъ былъ назначенъ за оберъ-прокурорскій столъ въ Синодъ. Это назначеніе объясняется отчасти тѣмъ, что Потемкинъ склоненъ былъ къ занятіямъ духовными предметами. Но вообще до 1774 г. Потемкинъ не играетъ видной роли при дворѣ и въ государствѣ. Орловы стараются оттѣснить его и съ этою цѣлью его назначаютъ въ дѣйствующую армію. Возвышеніе Потемкина начинается съ потушенія пугачевскаго бунта, которое приписывается главнымъ образомъ его щедрости подъ рукою и умѣнію вести дѣло (1). Онъ дѣлается довѣреннымъ лицемъ Екатерины съ того времени, какъ является противовѣсомъ панинской партіи, желавшей допущенія Павла Петровича къ дѣламъ правленія (2). Потемкина называли любимцемъ фортуны. Это несправедливо. Потемкинъ является представителемъ извѣстныхъ убѣжденій, олицетвореніемъ извѣстнаго по-

---

(1) Лебедевъ, 112, 118.
(2) Herrmann, VII, 653.

литическаго образа дѣйствій. Его появленіе при Екатеринѣ — не дѣло случая, встрѣчи. Онъ долго былъ вблизи ея и оставался почти незамѣченнымъ. Какъ человѣкъ, онъ пользовался расположеніемъ Екатерины всего только два года съ 1774 по 1776 годъ. Значеніе его какъ государственнаго человѣка начинается только съ этихъ поръ. Впослѣдствіи любимцы за любимцами являются при дворѣ, но Потемкинъ стоитъ непоколебимо, какъ опора Екатерины въ правленіи до самой смерти его. Многіе изъ четырнадцати любимцевъ, являвшихся одинъ за другимъ при дворѣ, не имѣли никакого вліянія на ходъ дѣлъ въ государствѣ; со многими изъ нихъ Екатерина разставалась безъ сожалѣнія, но когда вѣтренный и влюбленный до конца жизни Потемкинъ умеръ на плащѣ въ новороссійской степи, 62 лѣтняя Екатерина плакала неутѣшно, такъ что ей должны были въ тотъ день отворять кровь (¹). Другія связи, чѣмъ расположеніе двухъ людей другъ къ другу, соединяли Екатерину и Потемкина: это были связи, соединяющія двухъ людей съ одними убѣжденіями, съ однимъ образомъ мыслей, идущихъ къ одной и той же цѣли. Екатерина называла Потемкина лучшимъ другомъ, воспитанникомъ и ученикомъ своимъ.

Но почему же Екатерина приблизила къ себѣ Потемкина не съ самой той поры какъ замѣтила его, если онъ былъ такъ дорогъ, такъ необходимъ для нея впослѣдствіи? Отвѣтъ на это найдемъ въ томъ, что Екатерина сначала была другою женщиною, чѣмъ послѣ. Прежде былъ болѣе по ней, по ея склонностямъ и направленію ея идей Г. Г. Орловъ съ его привязанностью къ научнымъ предметамъ и симпатіею къ философіи и философамъ. Впослѣдствіи идеи Орлова уже не гармонировали съ образомъ убѣжденій Екатерины. Ей нуженъ былъ другой человѣкъ, на котораго она могла бы опереться; ей нужны были мужскія силы и помощь такой личности, которая бы вполнѣ сочувствовала ея новымъ стремленіямъ и принципамъ. Такимъ человѣкомъ былъ Потемкинъ. Но Екатерина не приблизила бы Потемкина къ себѣ, если бы онъ въ 1774 г. былъ тѣмъ же, чѣмъ въ 1762. Екатерина была не изъ тѣхъ лич-

(¹) Herrmann, VII, 108.

ностей, которыя могли приблизить къ себѣ посредственность, а Потемкинъ, когда она впервые встрѣтилась съ нимъ, былъ не болѣе какъ посредственностью. Правда, онъ былъ уменъ и честолюбивъ, но онъ не имѣлъ никакой серьезной подготовки, мало читалъ и не много знаній вынесъ со школьной скамьи. Онъ былъ не болѣе какъ одинъ изъ молодежи; свѣтскій человѣкъ, иногда мотъ, гуляка. Но въ жизни случился съ нимъ поворотъ. Онъ лишился одного глаза и былъ послѣ того опасно боленъ. Молва говорила, что глазъ былъ выколотъ ему шпагой въ ссорѣ съ А. Орловымъ. Послѣ этого Потемкинъ совершенно перемѣняется. Онъ уединяется и занимается серьезнымъ чтеніемъ. Гостемъ въ с. Татевѣ, тульской губерніи, онъ проводилъ цѣлые дни за книгами; все время его занято библіотекой; онъ читаетъ и дѣлаетъ замѣтки. Онъ, случается, проводитъ ночь за книгой на бильярдѣ вмѣсто постели (¹). Если впослѣдствіи Суворовъ—очень тонкій знатокъ людей—говорилъ о Потемкинѣ словами Бэкона о французскомъ посланникѣ въ Лондонѣ: „онъ великъ тѣломъ, великъ и умомъ, чердакъ его не худо меблированъ,“ то омеблировка чердака Потемкина произошла главнымъ образомъ во время этого добровольнаго уединенія.

Екатерина приближаетъ къ себѣ Потемкина въ 1774 г. Въ два года его случая онъ получилъ отъ императрицы 37,000 душъ крестьянъ и 9 мил. рублей деньгами (²). Онъ могъ получать изъ казны деньги когда хотѣлъ, безъ всякихъ формальностей. Записки съ требованіемъ денегъ онъ писалъ обыкновенно на клочкахъ бумаги, иногда не подписывая своей фамиліи. Разъ князь Вяземскій получилъ такую бумажку съ требованіемъ 10,000 р. Вяземскій просилъ подождать и показалъ бумажку императрицѣ. Екатерина осталась недовольной. „Значитъ нужно! — отвѣчала она Вяземскому,—и можно было бы отпустить не спрашивая у меня“ (³). Разумѣется такъ послѣ и дѣлалось. Если принять, что любимцы Екатерины получили отъ щедротъ ея 92,800,000 рублей—Массонъ полагаетъ, что

(¹) Русскій Архивъ, 1867, 600.
(²) La Cour..., 376.
(³) Herrmann, VII, 108.

однихъ гласныхъ пособій было роздано на 1/3 болѣе этой суммы, приводимой Тукомъ—то Потемкинъ получилъ больше половины этой суммы, именно 50 мил. рублей. Но не надо упускать изъ виду, что Потемкинъ тратилъ деньги какъ на себя и на свои прихоти—часто эксцентричныя,—такъ и въ значительной части случаевъ на нужды государственныя. Въ библіотекѣ Потемкина стояли переплетенные томы банковыхъ билетовъ. Въ 1785 г. доходы Потемкина опредѣляли въ 400,000 р. Но получая громадныя суммы, Потемкинъ часто былъ безъ денегъ. Онъ имѣлъ также особенность иногда не платить мелкихъ долговъ, когда и имѣлъ большія деньги, оправдывая тѣмъ замѣчаніе де Кабра о русскихъ въ царствованіе Екатерины, что они готовы проиграть въ карты 20,000 рублей и не отдать нѣсколькихъ рублей ремесленнику. Когда умеръ Потемкинъ, то оказалось, что свѣтлѣйшій князь, ворочавшій миліонами при жизни, остался долженъ петербургскимъ извощикамъ 19,000 рублей и цвѣточнымъ торговцамъ 38,000 р. (1). На прихоти Потемкина тратились громадныя суммы. Курьеры летали во всѣ концы Россіи, чтобы привезти то или другое, что вздумалось ему. Икру ему возили съ Урала, рыбу изъ Астрахани въ Нижній посылали за подновскими огурцами, въ Калугу за тѣстомъ. Потемкинъ любилъ смотрѣть на игру на бильярдѣ—для него всюду отыскивали лучшихъ игроковъ; онъ любилъ смотрѣть на шахматную игру—выписали нарочно изъ Тулы игрока, котораго онъ съ собою возилъ и въ лагерь (2). Съ Кавказа въ Яссы къ Потемкину привезли офицеровъ братьевъ Кузминыхъ, чтобы только проплясать по цыгански по желанію княгини Долгорукой. Въ Петербургъ изъ Херсона привезли для него чиновника, о которомъ онъ слышалъ, что тотъ умѣлъ хорошо передразнивать другихъ. Изъ Москвы подъ Очаковъ вызвали нѣкоего Спечинскаго, о которомъ Потемкинъ слышалъ, что онъ наизусть знаетъ святцы. „Правда ли, что вы знаете всѣ святцы наизусть?“ спросилъ Потемкинъ у Спечинскаго. Тотъ отвѣчалъ утвердительно. Потемкинъ

(1) Herrmann, VII, 106.
(2) Энгельгардтъ, 40.

экзаменуетъ его и получаетъ удовлетворительные отвѣты. Довольно; онъ хотѣлъ только убѣдиться въ справедливости слышаннаго. Спечинскій можетъ ѣхать обратно въ Москву ([1]). Потемкинъ былъ эксцентрикъ. Де-Линь называлъ его Алкивіадомъ; самъ Потемкинъ записался въ 1772 г. въ сѣчевые казаки, подъ именемъ Грицки Нечеса ([2]) и дѣйствительно въ Потемкинѣ было смѣшеніе Алкивіада съ Грыцкой Нечесомъ. Потемкинъ—статный и красивый, не смотря на потерянный глазъ, окруженый пятью прелестными племянницами, писавшій къ Екатеринѣ сентиментальное посланіе, начинавшееся словами: „Какъ скоро я тебя видѣлъ“ —былъ Алкивіадъ. Потемкинъ, лежавшій по цѣлымъ днямъ на диванѣ грызя ногти, нечесанный, босоногій, иногда въ рукѣ съ сырою морковью, которую онъ обгладывалъ, былъ Грыцко Нечесъ. Потемкинъ, скакавшій въ легкой какъ пухъ зеленой бархатной бекешѣ, подбитой мѣхомъ и ѣвшій уху въ 1300 рублей изъ серебряной ванны въ 7—8 пудовъ вѣсомъ, очень мало походилъ на Потемкина, лежавшаго въ хандрѣ въ своемъ кабинетѣ, или отроствшаго бороду, когда ему пришло на мысль въ одну изъ минутъ такой хандры идти въ монахи.

Мы видѣли отзывъ Суворова о Потемкинѣ. Екатерина считала Потемкина геніальнымъ человѣкомъ. Если онъ былъ умнымъ человѣкомъ, когда полюбившій его Г. Г. Орловъ впервые рекомендовалъ его Екатеринѣ ([3]), то впослѣдствіи, онъ обогатилъ себя обширными знаніями. Онъ имѣлъ обыкновеніе не ставить въ письмѣ ни одного знака препинанія; но при всемъ этомъ онъ да Безбородко были, по замѣчанію Грибовскаго, единственными людьми при Екатеринѣ, которые могли правильно и хорошо излагать свои мысли по-русски на бумагѣ. Онъ казался разсѣяннымъ и почти не слушалъ что говорилось ему иногда объ очень важныхъ предметахъ, но все хорошо запоминалъ и соображалъ очень быстро.

Онъ умѣлъ глубоко презирать людей, но не былъ мстителенъ.

([1]) Энгельгардтъ, 88—89.
([2]) Шубинскій, 9.
([3]) Лебедевъ, 180.

Екатерина, получивъ „Фелицу" Державина, подчеркнула всѣ строки, относящіяся къ Потемкину и разослала ихъ по своимъ знакомымъ. Потемкинъ не обидѣлся и продолжалъ по прежнему быть обходительнымъ съ Державинымъ. „А помните какъ вы меня исключили изъ университета?" спросилъ ласково Потемкинъ, встрѣтивъ професора Барсова, особенно настаивавшаго на его исключеніи. „Вы тогда, ваша свѣтлость, того заслуживали", отвѣчалъ Барсовъ. Потемкинъ лично не былъ расположенъ къ князю А. И. Вяземскому; не смотря на то Вяземскій занималъ все время высшія должности при жизни всесильнаго князя Таврическаго. Потемкинъ не любилъ замашекъ свысока и злословія. Какъ товарищъ его по университету и извѣстный писатель, Фонъ-Визинъ былъ вхожъ къ нему. „Умри, Денисъ, или больше не пиши", сказалъ ему Потемкинъ послѣ представленія „Недоросля", отдавая наравнѣ съ другими дань таланту Фонъ-Визина. Постоянно наклонный къ сатирѣ умъ Фонъ-Визина по видимому доставлялъ развлеченіе Потемкину. Это по крайней мѣрѣ видно изъ словъ одного письма Екатерины. „Чертъ Фонъ-Визина къ вамъ принесъ, писала она къ Потемкину, онъ забавнѣе меня; однако я тебя люблю, а онъ кромѣ себя никого" (1). Но разъ Фонъ-Визинъ началъ говорить Потемкину, что тотъ напрасно принимаетъ у себя людей безъ разбора; Фонъ-Визинъ не совѣтовалъ ему принимать подлыхъ людей. „Подлый" значило въ то время нерѣдко „простой", когда говорилось о людяхъ нисшаго класса. Въ этомъ смыслѣ оно употреблено напр. въ словахъ Екатерины о мощахъ Дмитрія Ростовскаго въ письмѣ къ Н. И. Панину: „вчерашній день еще и чудеса были, а преосвященный Сѣченой хочетъ запечатывать раку; дабы подлый народъ не подумалъ, что мощи отъ меня скрылись, оставить ихъ еще нѣсколько время снаружи (2)." Потемкинъ часто имѣлъ дѣло съ простыми людьми. Онъ бесѣдовалъ съ старообрядцами и иные изъ нихъ были даже представлены имъ Екатеринѣ. На какой бы классъ людей ни намекалъ Фонъ-Визинъ, во всякомъ случаѣ цензорская

---

(1) Лебедевъ, 251—252.

(2) Чтенія, 1863, II. Письмо Екатерины къ Панину, стр. 71.

критика его не понравилась Потемкину. На другой день Фонъ-Визинъ приходитъ опять къ князю. Швейцаръ его не принимаетъ. „Какъ, не можетъ быть!“ Швейцаръ можетъ быть ошибся! Нѣтъ, ошибиться нельзя было. Одного Фонъ-Визина только и не велѣно было принимать (1).

Наклонность къ религіознымъ преніямъ и вообще къ богословскимъ предметамъ, была сильна въ Потемкинѣ въ теченіе всей жизни. Правда, замѣчали, что онъ о духовныхъ предметахъ чаще говорилъ съ генералами, а съ высшимъ духовенствомъ болѣе о войнѣ и военныхъ дѣлахъ; но онъ любилъ входить въ пренія съ старообрядцами и нѣкоторые изъ нихъ имѣли къ нему доступъ. Благодаря Потемкину старообрядцы получили нѣкоторыя гражданскія права, въ которыхъ имъ прежде было отказываемо. Онъ же съ Румянцевымъ были основателями единовѣрія въ Россіи; при его посредничествѣ старообрядцы стали сближаться съ послѣдователями никоновскихъ измѣненій. Потемкинъ былъ поборникомъ вѣротерпимости, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Папа Пій VI благодарилъ его буллою за покровительство католикамъ.

Какъ политическій дѣятель, Потемкинъ стоялъ за союзъ съ Австріею, и такъ какъ въ то время Пруссія была въ постоянномъ соперничествѣ съ Австріею, то сторонникъ Пруссіи графъ Румянцевъ былъ недоволенъ, что Потемкинъ склонилъ Екатерину къ союзу съ соперницей Пруссіи. „Свой умъ царь въ головѣ,“ сказалъ Румянцевъ Екатеринѣ, намекая, что ей можно было не слушаться Потемкина. „Одинъ умъ хорошъ, а два лучше“, отвѣчала Екатерина и продолжала слѣдовать политикѣ Потемкина. Восточный вопросъ обязанъ своимъ началомъ Потемкину: онъ нетолько утвердилъ русское господство на Черномъ морѣ, но и мечталъ о возстановленіи греческой имперіи и изгнаніи турокъ изъ Европы. Если въ политическія мечтанія Потемкина входило даже завоеваніе Россіею Китая (2), то въ восточномъ вопросѣ онъ шелъ прямымъ практическимъ путемъ. Въ 1775 году Потемкинъ счелъ необходимымъ

---

(1) Энгельгардтъ, 56.
(2) Вигель (см. Русс. Вѣстн.), V, 124.

лишить тѣни независимости запорожскихъ казаковъ; генералъ Текелли вступилъ въ Сѣчь и разрушилъ ее. На присоединенномъ прибрежьѣ Чернаго моря построены были Николаевъ и Херсонъ. Постройка Херсона, на мѣстности, окруженной болотами, стоила много жизней; говорили о 20,000 человѣкъ (¹). Но за то на столбѣ у одной изъ херсонскихъ заставъ была надпись: „дорога въ Византію (²)". Потемкинъ подготовилъ присоединеніе Крыма къ Россіи и имъ основанъ былъ Севастополь. Строя Екатеринославъ Потемкинъ хотѣлъ учредить въ немъ университетъ и началъ строить обширный соборъ, прося архитектора „прикинуть хоть на аршинчикъ" болѣе въ длину, чѣмъ соборъ св. Петра въ Римѣ (³). Соборъ остался только начатымъ. Устраивая Новороссію, Потемкинъ являлся всестороннимъ дѣятелемъ. Онъ заводилъ въ Екатеринославѣ суконную мануфактуру, постановивъ правиломъ, чтобы учениками на мануфактуру поступали и дѣти дворянъ. Одно это показываетъ, что Потемкинъ здраво смотрѣлъ на значеніе промышленности въ государствѣ и понималъ, что высшій классъ можетъ съ достоинствомъ занимать свое положеніе въ средѣ трудящихся классовъ только участіемъ въ трудѣ. Онъ разводилъ шелковицу на черноморскомъ прибрежьѣ и въ перекопскихъ степяхъ; выписывалъ виноградъ изъ Венгріи и гналъ французскую водку. Основывая много прочнаго и полезнаго для края, Потемкинъ многое задумывалъ иногда въ такихъ размѣрахъ, которые были неосуществимы. Многое дѣлалось также для того, чтобы блеснуть предъ иностранными державами и заслужить признательность императрицы. Городъ Алешки былъ построенъ въ шесть мѣсяцевъ къ пріѣзду императрицы въ ея крымское путешествіе. Кромѣ дѣйствительныхъ городовъ и селъ, быстро возникшихъ среди прежней пустыни, по пути императрицы представлялись иногда фантастическіе, какъ декораціи для обмана зрѣнія.

Планы и мечты Потемкина были планами и мечтами Екатери-

(¹) Belani, II, 97.
(²) Русскій Архивъ, 1865, 1514.
(³) Русскій Архивъ, 1865, 869.

пы, тѣшили ея самолюбіе и честолюбіе. Если въ однихъ случаяхъ онъ былъ ея ученикомъ, то въ другихъ она отъ него заимствовалась. „Хорошо ли я поступила, учитель?“ писала она ему подъ Очаковъ. Потемкинъ въ письмахъ къ Екатеринѣ называлъ ее обыкновенно „матушка, родимая!“ и употреблялъ вездѣ „ты.“ Екатерина писала ему: „Другъ ты мой сердечный, Григорій Александровичъ!“ Когда Потемкинъ вошелъ въ силу, все припадало передъ нимъ. Васильчиковъ въ письмахъ цѣловалъ „ручки“ у него (1). А. Орловъ просилъ его о покровительствѣ своему воспитаннику, А. А. Чесменскому (2). Кастера говоритъ, что Потемкинъ билъ Пассека, Долгорукаго и Волконскаго. Все сходило съ рукъ великолѣпному и всесильному князю Таврическому.

Потемкинъ былъ первый кто навелъ Екатерину на мысль, что московскіе мартинисты должны имѣть политическіе замыслы (3). Екатерина уже прежде осмѣивала ихъ, называя мартышками (4). Но когда начато было дѣло о Новиковѣ и назначенъ былъ главноначальствующимъ въ Москву Прозоровскій, Потемкинъ писалъ императрицѣ: „Ваше величество выдвинули изъ вашего арсенала самую старую пушку, которая непремѣнно будетъ стрѣлять въ вашу цѣль, потому что своей собственной не имѣетъ. Только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью имя вашего величества“ (5). Предостереженіе было не лишнее. Прозоровскій былъ любимъ солдатами за то, что отмѣнилъ въ арміи пудреніе волосъ и бѣленіе ремней, но при ограниченности административныхъ способностей могъ усердіемъ не въ пору надѣлать правительству много хлопотъ.

Въ послѣдніе дни жизни Потемкинъ мучимъ былъ припадками мнительности и хандры. Онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, далъ рядъ великолѣпныхъ пировъ, изъ которыхъ одинъ, устроенный въ Таврическомъ дворцѣ его, походилъ на возсозданіе сказокъ Тысячи одной ночи. Одного воска, въ свѣчахъ и шкаликахъ, сожжено было на

---

(1) Лебедевъ, 180.
(2) Лебедевъ, 181.
(3) Herrmann, VII, 633—634.
(4) Біографическія записки, 1858, стр. 172.
(5) Вѣстникъ Европы, 1867. Русское масонство, стр. 63.

немъ на 70,000 рублей; войска, бывшаго въ Петербургѣ, не достало, и за нимъ по почтѣ посылали въ Москву.

Но праздества болѣе не развлекали Потемкина. Въ то время Зубовъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе значенія. Изящно сложенный, свѣтскій, хорошо говорившій по-французски, имѣвшій прекрасные глаза и лобъ, Зубовъ былъ однако личность довольно ограниченная. Екатерина могла сказать о немъ только, что онъ былъ „вѣренъ, скроменъ, привязанъ и благодаренъ до крайности“ ([1]). Суворовъ говорилъ о Зубовѣ, что онъ „тихъ, благочестивъ, безстрастенъ по природѣ, точно изъ унтеръ-офицеровъ гвардіи; лукавъ, но не умёнъ“ ([2]). Если Зубовъ былъ нѣсколько образованъ, то этимъ онъ былъ обязанъ Екатеринѣ. Прежде подобная личность не могла быть опасна для Потемкина. Но Екатерина въ 60 лѣтъ была уже не тою, какою мы ее видимъ въ молодые годы; она во многомъ измѣняла самой себѣ. Теперь могла имѣть около нея значеніе даже такая личность какъ Зубовъ. Потемкинъ видѣлъ совмѣстника въ Зубовѣ. „Зубъ болитъ, надобно его выдернуть“, говорилъ онъ спрашивавшимъ отчего онъ не въ духѣ. Онъ не могъ вырвать этого зуба и уѣхалъ на югъ, страдая ипохондріей. Онъ болѣе не возвращался. Когда пришла вѣсть о его смерти, Екатерина была глубоко огорчена, но великій князь Александръ Павловичъ замѣтилъ, по словамъ саксонскаго посланника Фелькерзама ([3]): „однимъ дурнымъ человѣкомъ меньше;“ и когда ему замѣтили на это о грусти Екатерины, прибавилъ: „я люблю и цѣню бабушку до безконечности, но еще болѣе отечество, а для него Потемкинъ былъ вредный человѣкъ.“

Императоръ Павелъ, по вступленіи на престолъ, изъ бумагъ Потемкина увидѣлъ какъ много тотъ вредилъ ему во мнѣніи императрицы ([4]). Это онъ могъ угадывать и прежде. Изъ писемъ Екатерины къ Панину видно, что она была привязана къ сыну ког-

---

([1]) Русскій архивъ, 1865, 2 изд., стр. 767.

([2]) Лебедевъ, 29.

([3]) Herrmann, VII, 109.

([4]) Лебедевъ, 273.

да тотъ былъ ребенкомъ (1). Въ Павлѣ взросломъ не привлекала ее глубокая сыновняя привязанность; отлученный отъ нея въ раннемъ дѣтствѣ, онъ какъ-то дичился ее. Замѣтивъ, что онъ честолюбивъ и что можно имѣть вліяніе на него, дѣйствуя на его самолюбіе, она исполняетъ, когда ему минуло 20 лѣтъ, обѣщаніе, данное ему ребенку, призывать его слушать дѣла; онъ приходитъ къ ней для этого въ опредѣленные дни и часы (2). Согласіе между матерью и сыномъ могло бы установиться; по крайней мѣрѣ охлажденіе между ними могло бы быть не такъ сильно, если бы злымъ геніемъ между ними не явился Потемкинъ. У Павла—наслѣдника престола и Потемкина не было ничего общаго; мнѣнія и убѣжденія одного шли въ разрѣзъ съ образомъ мыслей другаго. Павелъ стоялъ за союзъ съ Пруссіей; Потемкинъ—съ Австріей. Павелъ хотѣлъ мира; Потемкинъ внѣшнихъ войнъ и завоеваній. Павелъ былъ благосклоненъ къ мартинистамъ, и впослѣдствіи самъ дѣлается масономъ (3). Потемкинъ тотчасъ же наводитъ Екатерину на мысль, что мартинисты имѣютъ политическіе замыслы.

Въ царствованіе Павла многое было оставлено и измѣнено изъ начатаго и сдѣланнаго Потемкинымъ. Ходила молва, что останки Потемкина были вынуты изъ соборнаго склепа, гдѣ были погребены и затѣмъ исчезли.

Мы видѣли отзывъ 14 лѣтняго вел. князя Александра Павловича о Потемкинѣ при вѣсти о его смерти. Исторія согласится съ нимъ лишь отчасти. Потемкинъ принесъ немного пользы по тѣмъ средствамъ, которыя были въ его распоряженіи; но его едва ли можно назвать и вреднымъ человѣкомъ. Онъ дѣйствительно является въ ту эпоху, когда Екатерина отъ внутреннихъ преобразованій переходитъ къ внѣшнимъ завоеваніямъ; но если бы не Потемкинъ, явился бы на его мѣстѣ другой и было бы все-таки тоже. Не Потемкинъ создалъ Екатерину, а Екатерина Потемкина. Если она— въ его ли родномъ с. Чижовѣ, гдѣ баня, въ которой родился онъ,

(1) Чтенія, 1863, II.
(2) Русскій Архивъ, 1864, 935.
(3) Русскій Архивъ, 1869, 518.

была перестроена ею въ каменную бесѣдку, или во дворцѣ—была одинаково сильно привязана къ нему, если она дорожила имъ какъ политическимъ дѣятелемъ, помимо всякой привязанности къ нему, какъ къ человѣку, то это потому, что онъ былъ ея созданіе, ея ученикъ. Мы видимъ, что какъ скоро образъ мыслей Екатерины и ея убѣжденія еще болѣе измѣнились—и Потемкинъ сталъ отодвигаться на второй планъ и впередъ выдвинулся ограниченный политическій фантазеръ и ультрамонтанъ Зубовъ. Потемкинъ олицетворялъ собою лишь направленіе мыслей и убѣжденій Екатерины въ данную эпоху. Слѣдовательно, его нельзя обвинять въ томъ, что онъ могъ направить дѣятельность императрицы въ ту или другую сторону и не сдѣлалъ этого. Напротивъ, какъ государственный человѣкъ, онъ сдѣлалъ довольно на томъ поприщѣ, которое было ему открыто. При его содѣйствіи усилено внѣшнее могущество Россіи. Дѣятельность его во многомъ помогла тому, что Россія перестаетъ быть въ зависимости отъ политики иностранныхъ дворовъ и, отрѣшась одинаково отъ ордынскихъ преданій древней Московіи и отъ желанія быть сколкомъ съ западной Европы, какимъ она дѣлалась при Петрѣ I,—занимаетъ то мѣсто, которое было предназначено ей исторіей: становится посредницей между Европой и Азіей.

Екатерина, какъ женщина и императрица.

Въ жизни замѣчательныхъ и вліятельныхъ личностей мелочи домашняго быта и личныя привычки интересны, потому что объясняютъ многое. Екатерина вставала въ шесть часовъ, когда все еще во дворцѣ спало; одѣвалась никого не будя; сама зажигала свѣчку и разводила каминъ. Одною изъ любимыхъ ея поговорокъ была: „надо жить и давать жить другимъ." Екатерина старалась давать окружавшимъ ее какъ можно менѣе хлопотъ. Пока все во дворцѣ спало, она садилась писать. „Невозможно прожить одинъ день и не пописать", говорила она уже въ преклонныхъ лѣтахъ своему статсъ-секретарю Грибовскому. По утрамъ она пила очень крѣпкій кофе; фунтъ левантскаго кофе клался для нея на пять чашекъ. Кофе

былъ столь крѣпокъ, что когда его разъ выпилъ чашку секретарь императрицы Кузьминъ, то у него тотчасъ же сдѣлалось сильное біеніе сердца. Екатерина постоянно пила такой кофе. Въ послѣднее время жизни онъ былъ ей запрещенъ. Ея полнокровіе и апоплексическій ударъ, прекратившій ея жизнь, можно приписать въ значительной степени постоянному употребленію такого кофе. Въ день смерти она съ особеннымъ удовольствіемъ выпила его двѣ чашки. Кофе пился съ бѣлыми гренками, которыми, какъ и сахаромъ, императрица дѣлилась съ своими любимыми собачками. Она очень любила англійскихъ собачекъ, присланныхъ ей докторомъ Димсделемъ; онѣ спали подлѣ ея кровати на маленькихъ тюфячкахъ подъ атласными одѣялами. Екатерина вообще любила животныхъ; обезьяна бѣгала у нея по плечамъ; послѣ одного большаго петербургскаго пожара, голуби слетались тысячами ко дворцу и по распоряженію Екатерины по звонку получали кормъ.

Утромъ Екатерина принимала своихъ секретарей и слушала доклады министровъ. Пока читались бумаги, она занималась какою нибудь женскою работою; вязала, шила по канвѣ и т. д. Въ послѣдніе годы жизни, она, по замѣчанію Державина, увлекшись политическими планами, почти не вникала въ читаемыя бумаги по внутреннимъ дѣламъ.

Обѣдала Екатерина въ часъ или два. Обыкновенно 3—4 блюда удовлетворяли ее. Вина она никакого не пила; только впослѣдствіи, по совѣту доктора, стала пить по рюмкѣ мадеры въ день. Обыкновенный напитокъ ея для удовлетворенія жажды было смородинное желе, разведенное водою. Послѣ обѣда или она сама читала или читалъ ей книги Ив. Ив. Бецкій. Романовъ читать Екатерина не любила; ее болѣе занимали научныя сочиненія, старыя и новыя.

Екатерина играла немного на бильярдѣ и по вечерамъ игрывала нерѣдко въ карты: ея любимыми играми были бостонъ, пикетъ и крибэджъ. По вечерамъ же императрица выходила въ эрмитажъ. Въ эрмитажѣ собиралось избранное общество и составлены были особыя правила для эрмитажныхъ собраній. Входившіе въ эрмитажъ должны были „чины и званія оставлять съ палками и верхнимъ платьемъ въ прихожей.“ Въ собраніи должно было господствовать то равенство членовъ, которое естественно въ образованной средѣ.

Кто не соблюдалъ эрмитажныхъ правилъ и былъ уличенъ въ томъ двумя свидѣтелями, долженъ былъ выпить стаканъ холодной воды и прочесть отрывокъ изъ „Телемахиды“ Тредьяковскаго. Въ иныхъ случаяхъ Екатерина обращала вниманіе на внѣшность: при пріемахъ ея оберъ-гофмаршалъ и гофмаршалы обходили присутствовавшихъ, чтобы осмотрѣть, всѣ ли были одѣты какъ слѣдовало; кто не выполнилъ требованій этикета, долженъ былъ выходить (1). Но въ избранномъ обществѣ Екатерина любила быть на равной ногѣ съ прочими. Гордая и величественная императрица, она любила среди избраннаго кружка обращать на себя вниманіе болѣе достоинствами умной и свѣтской женщины, чѣмъ своимъ званіемъ. Можетъ быть именно потому, что она, когда нужно, могла принять непринужденно величественные видъ и осанку, она умѣла оставлять въ сторонѣ и величіе и санъ въ другихъ случаяхъ. Она была слишкомъ горда и самолюбива для того, чтобы властвовать надъ окружающимъ однимъ своимъ званіемъ; она хотѣла брать верхъ умомъ и достоинствами, какъ первая между равными. А. Орловъ называетъ ее въ письмахъ „добрымъ молодцомъ“ (2); докторъ Роджерсонъ говоритъ ей „браво, мадамъ!“ и треплетъ ее по плечу, когда она приняла противное лекарство (3); Дидро въ жару разговора хлопаетъ ее по колѣнямъ; — и все это въ порядкѣ вещей. Екатерина выше того, чтобы замѣчать эти фамильярности со стороны простаго и нѣсколько не отесаннаго въ обращеніи русскаго человѣка, добраго англичанина-доктора и живаго увлекающагося француза, котораго она называла по однимъ понятіямъ старикомъ ста лѣтъ, по другимъ — 10 лѣтнимъ ребенкомъ. Разъ Екатеринѣ пришла охота вести съ окружавшими ее разговоръ на „ты“. „Отчего ты мнѣ не говоришь ты?“ спросила она у Л. Н. Нарышкина, обыкновенно забавлявшаго ее разными шутками и выходками, продававшаго ей разныя вещицы, которыми онъ наполнялъ для нея свои карманы и т. д. „Хорошо! — отвѣчалъ Нарышкинъ — только ты сама будь со мною поучтивѣе“. Всѣ придворные заговорили

---

(1) Энгельгардтъ, 36.

(2) Грибовскій, 50.

(3) Сумароковъ. Черты Екатерины, 45.

на „ты“; но фразы какъ-то не клеились. Принцъ де-Линь обращался къ Екатеринѣ съ „ты“ и вмѣстѣ вмѣшивалъ въ разговоръ „ваше величество“! (¹) Принцъ замѣчаетъ, что не смотря на эту республиканскую фамильярность бесѣды, Екатерина казалась владычицею полусвѣта. Сожалѣніе Екатерины, что „вы“ вытѣснило въ разговорѣ единственное „ты“, не повело ни къ какимъ послѣдствіямъ.

Но эрмитажныя собранія отвлекли насъ отъ очерка ежедневной рутины дня Екатерины. Она никогда не завтракала и не ужинала. Въ 10 часовъ вечера она обыкновенно выпивала стаканъ отварной воды и ложилась спать.

Такъ, или почти такъ, проходили всѣ дни Екатерины. Лѣтомъ дворъ переселялся въ Царское Село. Деревня, названная по жившей когда-то тамъ молодой дѣвушкѣ Сарѣ, превратилась изъ Сарскаго села въ Царское Село, любимое лѣтнее мѣстопребываніе Екатерины. Если въ Зимнемъ дворцѣ у императрицы преобладало изящество надъ великолѣпіемъ въ обстановкѣ, то въ Царскомъ Селѣ изящество мѣшалось съ поэтическими причудами. Сохранились преданія о бывшихъ тутъ танцахъ амуровъ и нимфъ въ лѣсу подъ несшіеся издалека звуки музыки и пѣнія. Тутъ изъ земли поднимались невидимыми силами столы съ роскошными яствами. Тутъ было дерево, сѣсть подъ которое значило вдругъ увидѣть себя окруженнымъ водяною стѣною неожиданно брызнувшаго фонтана (²). Иногда изобрѣтались особенныя увеселенія: многочисленное общество мужчинъ и дамъ, въ разнообразныхъ костюмахъ, входили въ море и такимъ образомъ устроивалось купанье—маскарадъ въ обществѣ (³). У Екатерины не было шутовъ, но она не могла обойтись безъ забавлявшихъ ее лицъ. Эти забавы конечно не были такого рода какъ тѣ, при которыхъ шута Балакирева били батогами за то, что онъ отказался упасть на полъ по приказанію,— а шутъ Коста переодѣвался то Петромъ I, то самоѣдскимъ коро-

(¹) Сумароковъ, 134.
(²) Maxwell, 116.
(³) Порошинъ, 328.

лемъ. Забавникомъ для Екатерины служилъ, какъ мы видѣли, Нарышкинъ, человѣкъ очень остроумный и большой сатирикъ. Впрочемъ у Екатерины была приживалка Марья Даниловна, развлекавшая ее другого рода болтовней. У Марьи Даниловны было то общаго съ шутами прежнихъ временъ, что она при видимой глупости и простоватости была себѣ на умѣ. Одно время она все наговаривала Екатеринѣ дурное про петербургскаго оберъ-полиціймейстера Рылѣева. „Послушай, Никита Ивановичъ — сказала разъ императрица Рылѣеву — ты бы прислалъ Марьѣ Даниловнѣ къ празднику чего нибудь изъ провизіи.“ Не понимая къ чему это клонится, Рылѣевъ послушался совѣта и послалъ Марьѣ Даниловнѣ большой запасъ всякой живности. Екатерина вдругъ затѣмъ слышитъ только одно хорошее отъ Марьи Даниловны о Рылѣевѣ, и конечно не упустила замѣтить въ разговорѣ съ ней, что такую перемѣну она можетъ приписать лишь тому, что жирные гуси и утки Рылѣева были очень вкусны (¹). Въ послѣдніе года жизни у Екатерины былъ буфонъ Ламбро-Кацціони; но и это не былъ шутъ прежнихъ временъ, а человѣкъ на столько положительный, что совѣту его послѣдовали когда онъ рекомендовалъ ванны изъ морской воды противъ опухоли ногъ, которою страдала Екатерина, и ванны дѣйствительно помогли (²).

При умѣренности и правильномъ образѣ жизни, Екатеринѣ не трудно было долго сохраниться. Въ томъ возрастѣ, который для многихъ называется старческимъ, она вставала тоже рано, хотя и нѣсколько позднѣе прежняго. Теперь она одѣвалась уже не одна; ей помогала ея пріятельница и домашній другъ Марья Савишна Перекусихина. Но вставъ, она также садилась писать, пока не являлись съ докладами.

О наружности Екатерины можно встрѣтить различныя мнѣнія и это очень естественно: это было одно изъ тѣхъ лицъ, которыя въ одну минуту непохожи на то, чѣмъ были въ другую. Въ характерѣ Екатерины было сочетаніе качествъ отчасти противопо-

---

(¹) Сумароковъ, 59—60.
(²) Masson, I, 58—59.

ложныхъ и всѣ они должны были въ разные моменты находить выраженіе въ лицѣ ея. Ричардсонъ, бывшій въ Россіи въ 1768 г., говоритъ, что Екатерина была по его мнѣнію красивѣе всѣхъ ея подданныхъ, которыхъ онъ видѣлъ ([1]). Улыбку Екатерины всѣ находили необыкновенно пріятною. Полное, бѣлое съ румянцемъ лице ея было величаво и такимъ оставалось почти до самой смерти. Мы видѣли, что по пріѣздѣ въ Россію она долго не бѣлилась и не румянилась, такъ что прилагавшая заботы о лицѣ ея Елисавета Петровна посылала ей бѣлилъ и румянъ, съ приказаніемъ нарумяниться. Вскорѣ по вступленіи на престолъ, Екатерина уже румянилась, подобно очень значительной части ея подданныхъ, отъ густо-разрумяненой дѣвицы Алексѣевой, подававшей ей по утрамъ ледъ для обтиранія лица и до самыхъ свѣтскихъ барынь. За 60 лѣтъ Екатерина сохранила еще много свѣжести, — всѣ зубы ея были цѣлы, руки сохранили прежнюю прекрасную форму; но зрѣніе ея уже нѣсколько ослабѣло и она должна была надѣвать очки съ увеличивающими стеклами, когда читала книги. Не смотря на опухоль ногъ, на которыхъ открывались и гноились раны (закрытіе ихъ, какъ говорили, было одною изъ главныхъ причинъ смерти Екатерины), здоровье императрицы было таково, что прусскій посланникъ Тауенцинъ писалъ въ апрѣлѣ 1796 г. (слѣдовательно только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Екатерины), что она проживетъ еще много лѣтъ ([2]). Но если Екатерина — въ одеждѣ ли царей, или въ костюмѣ ея собственнаго изобрѣтенія: чепцѣ, въ видѣ маленькой легкой коронки и полугреческомъ-полурусскомъ камзольчикѣ — умѣла одинаково сохранить величавость во внѣшности, въ осанкѣ и поступи до конца жизни, то красота ея съ теченіемъ времени, конечно, отцвѣла и тутъ-то открылось широкое поле для тѣхъ, кто хотѣлъ подыскать дурныя стороны въ „русской Семирамидѣ“. „Въ нижней части лица Екатерины — писалъ авторъ Mémoires secrets — было что-то угловатое и неуклюжее, — въ ея свѣтлосѣрыхъ глазахъ — что-то лицемѣрное; морщина носа прида-

([1]) Richardson, 17.
([2]) Herrmann, VII, 534.

вала ей какое-то отчасти зловѣщее выраженіе“ (1). Тотъ же авторъ прибавляетъ, что когда извѣстный Лампи, снявъ портретъ съ Екатерины—довольно похожій, хотя и крайне польстившій, забылъ опустить досадную морщину, придававшую характеристическій оттѣнокъ ея физіономіи, то Екатерина осталась очень недовольна и сказала, что Лампи представилъ ее очень серьезною и очень злою. „Пришлось переписать портретъ пока онъ не оказался портретомъ юной нимфы“ (2). Но не забудемъ, что это говорили злые языки памфлетистовъ-иностранцевъ.

Въ 1769 г. Екатерина привила себѣ и своему наслѣднику престола оспу. Это дѣло тогда было новое. Привитіе искуственной оспы въ то время только стало вводиться. Открытіе Дженнера въ то время встрѣчало еще много невѣрующихъ. На поступокъ Екатерины смотрѣли какъ на подвигъ. Сенатъ поднесъ ей 12 золотыхъ медалей, вычеканенныхъ въ честь событія и зала московскаго зданія сената украсилась барельефомъ, изображавшимъ Екатерину, съ подписью: „Своею опасностью спасаетъ другихъ“. Оспа къ Екатеринѣ была привита отъ семилѣтняго ребенка Маркова, произведеннаго въ ознаменованіе этого событія въ потомственные дворяне. Англичанинъ докторъ Димсдель, вызванный привить императрицѣ оспу, получилъ въ вознагражденіе за трудъ 10,000 ф. стерлинговъ, 500 ф. ст. пенсіи, чинъ статскаго совѣтника и баронское достоинство. Все было сдѣлано, чтобы придать событію возможно болѣе значенія. Но въ сущности Екатерина была далеко не изъ первыхъ въ Россіи, рѣшившихся прибѣгнуть къ привитію оспы. Въ дерптскомъ уѣздѣ прививаніе оспы введено было съ 1756 и въ 8 лѣтъ одинъ медикъ привилъ оспу 1,023 дѣтямъ, причемъ умеръ только одинъ ребенокъ. Въ Петербургѣ врачи прививали оспу съ 1758 г., а въ 1768 г. — непосредственно предъ привитіемъ оспы императрицѣ — былъ сдѣланъ публичный опытъ надъ 10 дѣтьми (3).

---

(1) Mémoires secrets sur la Russie. Amsterdam, 1800, I, pp. 87—88.
(2) Lesur, 319—320.
(3) Took, 1, 589.

При среднемъ ростѣ, но полномъ и плотномъ сложеніи, Екатерина обладала замѣчательнымъ избыткомъ жизненной силы. Біографъ ея, Сумароковъ, говоритъ, что съ шелковыхъ платковъ и простынь императрицы нерѣдко отскакивали электрическія искры. Разъ Марья Саввишна Перекусихина, одѣвая Екатерину, почувствовала сильный толчекъ въ руку при прикосновеніи къ ея обнаженному тѣлу. Этотъ электрическій толчекъ отозвался и на Екатеринѣ, потому что она, обратясь къ Перекусихиной, сказала, что объ этомъ надо переговорить съ докторомъ Роджерсономъ (1).

Екатерина обладала удивительною способностью привлекать къ себѣ не только людей — если только хотѣла — но и животныхъ. Чужія собаки изъ дальнихъ комнатъ дворца приходили въ ея комнату улечься у ея ногъ. Животныя и птицы, дичившіяся другихъ, ласково встрѣчали ее и давали ласкать себя. Тому же обаянію поддавались люди. „Боже мой, кто можетъ устоять противъ этой женщины! сказалъ разъ Державинъ, будучи на докладѣ у Екатерины. — Государыня, вы не человѣкъ! Я сегодня наложилъ на себя клятву съ вами ничего не говорить, но вы противъ воли моей дѣлаете изъ меня что хотите.“ — „Неужто это правда“? — былъ отвѣтъ Екатерины. Екатерина говорила, что привлекать сердца лишь нѣкоторыхъ недостаточно: она хотѣла привлекать сердца всѣхъ (2). Привлеченіе сердецъ было для Екатерины какъ бы предметомъ науки; она изучала людей, чтобы на нихъ дѣйствовать. Она сама говорила, что власть ея состоитъ въ направленіи дѣятельности каждаго такъ, что исполняя ея волю, каждый казался дѣйствующимъ по собственному побужденію. Каждый согласится, что ничего нѣтъ неограниченнѣе подобной власти. Прежде чѣмъ приказывать, она задавала себѣ вопросъ: встрѣтитъ ли приказаніе ея всеобщее одобреніе (3). Екатерина умѣла щадить самолюбіе другихъ. „Я хвалю вслухъ и браню потихоньку,“ говорила она.

---

(1) Сумароковъ, 46—47.
(2) Русскій Архивъ, 1864, 932.
(3) Русскій Архивъ, 1864, 447.

Не любя попрошаекъ, по выраженію ея, она любила дать [1]; но щедро награждая, она дѣлала подарки часто съ такимъ умѣніемъ и тактомъ, что ихъ нельзя было не принять. Въ наказаніяхъ, которыя назначались ею лично, также проявлялось стремленіе быть гуманною. Она смотрѣла недоброжелательно на пытку [2]. Она писала къ Бибикову, что въ 12 лѣтъ, при ней не прибѣгали къ пыткѣ, однакожъ болѣе выходило наружу, чѣмъ хотѣли знать. Ее съ трудомъ могли уговорить подписать смертный приговоръ Пугачеву [3]. Къ сожалѣнію гуманность женщины на престолѣ простиралась въ ея царствованіе лишь на тѣ немногія рѣшенія, которыя были лично дѣлаемы ею или почему нибудь обращали на себя ея вниманіе. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ дѣла текли по старому. Владимірскому намѣстнику Екатерина, узнавъ, что онъ беретъ взятки, послала въ именинный подарокъ кошелекъ длиною въ аршинъ, и этотъ кошелекъ былъ развернутъ на глазахъ всѣхъ гостей за обѣденнымъ столомъ у намѣстника [4]. Но въ тоже время мелкихъ взяточниковъ наказывали жестоко. Отставнаго полковника Боборыкина, ударившаго палкою сторожа въ сенатѣ, продержали, по приказанію Екатерины, три дня на хлѣбѣ и на водѣ, и затѣмъ съ предостереженіемъ отправили домой въ Москву; личность менѣе чиновная и если бы дѣло рѣшала не Екатерина, не отдѣлалась бы такъ легко за подобный поступокъ въ сенатѣ. Салтычиху, замучившую и изувѣчившую въ своихъ имѣніяхъ 139 человѣкъ, привязали къ позорному столбу съ надписью: „мучительница и душегубица“ и затѣмъ помѣстили на всю жизнь въ тюрьмѣ, гдѣ бы ее не могъ видѣть ни одинъ посторонній человѣкъ; а между тѣмъ священника, хоронившаго убитыхъ Салтычихою, безъ заявленія о томъ, съ вырваніемъ ноздрей и наказавъ батогами сослали въ Сибирь. Мѣрилось очевидно не равною мѣрою.

Окружавшимъ Екатерину жилось хорошо. Она заставляла себя беречь и покоить тѣмъ, что берегла и покоила тѣхъ, которые

---

(1) Русскій архивъ, 1864, 981.
(2) Русскій Архивъ, 1866, 398.
(3) Бантышъ-Каменскій (а), III, 552.
(4) Сегюръ, 19.

были къ ней близко. Она по видимому хотѣла быть солнцемъ, которое бы разливало вокругъ себя тепло и утрата котораго скоро почувствовалась бы тѣми, кто долженъ былъ лишиться этого тепла. Если это была тактика эгоистическаго расчета, то она нерѣдко могла походить на гуманное желаніе разливать вокругъ себя добро. Служащій дворцовый штатъ наживался при Екатеринѣ и она смотрѣла на эту поживу глазами хозяйки, которая не прочь, если берутъ у нея отъ ея избытка. Показывалось, что на одинъ обѣдъ караульнаго офицера во дворцѣ расходовалось 70 р., хотя, замѣчаетъ Тукъ, не вина императрицы, если обѣдъ не стоилъ ничего. Гдѣ нужно было 100 свѣчей брали 1,200. За невскую воду, доставлявшуюся въ Царское Село—другой Екатерина не пила—выводилось въ лѣто 10,000 рублей. Дворцовое серебро быстро убавлялось въ вѣсѣ; его чистили такимъ порошкомъ, что значительная доля металла оставалась чистившимъ ([1]). Разъ великому князю Александру Павловичу потребовалась при нездоровьи ложка рома; съ тѣхъ поръ каждый день въ дворцовый расходъ записывалась бутылка рому, хотя для великаго князя въ ромѣ болѣе не было нужды. Затѣмъ Александръ Павловичъ вступилъ на претолъ и умеръ, а бутылка рому все записывалась въ ежедневный дворцовый расходъ. Ее открыла наконецъ уже въ царствованіе императора Николая, императрица Александра Ѳедоровна; бутылка теперь показывалась въ расходъ на наслѣдника престола, Александра Николаевича ([2]). Обезпечивая матерьяльныя выгоды окружавшихъ ее, Екатерина хотѣла также, чтобы жизнь ихъ текла въ покоѣ и безъ тревогъ. Если она звонила, чтобы ей подали воды и камеръ-лакей спалъ въ сосѣдней комнатѣ, то она терпѣливо ждала. Въ комнатѣ сосѣдней съ той, гдѣ она слушала доклады, играли въ воланы съ такимъ шумомъ, что едва можно было разслышать слова статсъ-секретаря и Екатерина не прерывала игры, говоря, что каждый пусть занимается своимъ дѣломъ, а только просила статсъ-секретаря читать громче. Зная, что какъ скоро утреннія занятія его кончены, его болѣе въ тотъ день не потревожатъ, секретарь ея Хра-

---

([1]) Took, II, 232—233.
([2]) Bade, 85—86.

новицкій имѣлъ обыкновеніе пить болѣе обыкновеннаго, отходя ко сну. Разъ отъ императрицы прислали за нимъ вечеромъ. Секретарь пустилъ себѣ кровь и явился къ императрицѣ вполнѣ трезвымъ (¹). Въ екатерининское время возможно было Панину, занимавшему высшія должности въ государствѣ, работать только полчаса въ сутки, англійскому посланнику находить министра полиціи въ 7 часовъ утра съ грязною колодою картъ за раскладываніемъ грандъ-пасьянса (²) и Безбородкѣ выходить заднимъ ходомъ изъ своего министерскаго дома для прогулки по Большой Мѣщанской, въ то время какъ предъ домомъ стояла вереница экипажей и толпа посѣтителей ждала министра въ пріемной.

Екатерина пеклась, чтобы окружавшимъ ее было покойно и хорошо, и они готовы были для нея на многое; оставляя по видимому каждаго дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, она достигала того, что они дѣлали все что ей было угодно. Въ сущности она руководила всѣмъ, все дѣлалось по ея желанію, и принцъ де Линь—называвшій Екатерину „Великимъ" вмѣсто „Великой"—справедливо замѣчалъ въ письмѣ къ ней: „много говорятъ о петербургскомъ кабинетѣ; я не знаю ни одного, который былъ бы меньше по размѣрамъ: онъ простирается отъ одного виска до другаго и отъ верхней части носа до волосъ." При Екатеринѣ это такъ и было, хотя она очень часто показывала видъ, что руководится совѣтами другихъ.

При Екатеринѣ любимцы могли имѣть силу лишь насколько заслуживали того по способностямъ, но никогда воля ихъ не ставилась выше всего. Только Зубовъ при умственной ограниченности занимаетъ первое мѣсто въ совѣтѣ ея; но это было уже когда силы Екатерины упадали. Но и о Зубовѣ Ермоловъ отзывался, что онъ лучше многихъ современниковъ зналъ Россію. Въ большинствѣ же случаевъ людьми обыкновенными Екатерина, какъ признавалась сама, играла какъ игрушками.

Мы не намѣрены ни перечислять ея любимцевъ, ни останавливаться на нихъ. Исторія впадала бы въ романъ или въ сканда-

(¹) Бантышъ-Каменскій (а), III, 508.
(²) Русскій Архивъ, 1866, 593.

лезную хронику, если бы брала изъ частной жизни болѣе того, чѣмъ сколько нужно для характеристики историческаго лица. Довольно сказать, что случаи не прерывались во все время царствованія Екатерины. Бывшій въ случаѣ жилъ во дворцѣ и на содержаніе его расходовалось въ годъ 250,000 рублей (1). Не говоря ничего о большинствѣ любимцевъ, между которыми были однако Завадовскій, впослѣдствіи первый министръ народнаго просвѣщенія въ Россіи, Дмитріевъ-Мамоновъ, нѣсколько извѣстный своими литературными опытами и Зоричъ, основатель 1-го московскаго кадетскаго корпуса—мы остановились въ нашемъ біографическомъ очеркѣ Екатерины только на двухъ любимцахъ, которые были вмѣстѣ первыми министрами Екатерины—на Г. Г. Орловѣ и Г. А. Потемкинѣ.

Духовный міръ Екатерины.

Соображая писанное другимъ о Екатеринѣ и писанное ею самою, ея выраженія и бѣглыя замѣтки, мы въ состояніи представить себѣ не только довольно полный портретъ Екатерины, но и ближе ознакомиться съ ея духовнымъ міромъ, съ Екатериною мыслителемъ, литераторомъ и политическимъ дѣятелемъ.

Въ проницательности и гибкости ума Екатерина уступала немногимъ современникамъ, но особенно выдающіяся въ ней качества безспорно были честолюбіе и славолюбіе. Она говорила, „что если бы родилась мужчиною и въ другой долѣ, то въ молодыхъ лѣтахъ не снесла бы головы, въ первомъ сраженіи погнавшись за славою„ (2). Въ другое время она замѣтила, что если бы она лишилась одной изъ 13 американскихъ провинцій, отпавшихъ отъ англійскаго короля, то всадила бы себѣ пулю въ лобъ (3). Что Екатерина обладала твердымъ характеромъ—это знали всѣ ея современники. Принцъ де Линь говорилъ, что и при разрушеніи

(1) Lesur (по Кастерѣ и Туку), 328.
(2) Сегюръ, 188.
(3) Сегюръ, 234.

вселенной Екатерина не упала бы духомъ. Екатерина стремится къ власти съ дѣтства, 14 лѣтней дѣвочкой она мечтаетъ сдѣлаться русской самодержицей. Цѣль видна; средства достигнуть ее уловимы и уже обсуждены; Екатерину занимаетъ уже вопросъ, какъ она будетъ пользоваться властью, когда достигнетъ ея, чтобы сдѣлаться достойною своего сана. Почти 20 лѣтъ она готовится къ дѣлу правленія. Если и справедливо, что ей, молодой дѣвушкѣ, занимавшейся одно время нарядами и свѣтскими удовольствіями, далъ нравственный толчекъ прусскій посланникъ Мардефельдъ, сказавъ, что пустыя развлеченія не достойны ея способностей, то никакой намекъ, никакое подобное внушеніе не заставили бы Екатерину въ пору первой молодости зарыться въ книгахъ и углубиться въ себя, если бы въ ней самой не было той искры, которая не давала угаснуть честолюбивымъ стремленіямъ въ молодомъ сердцѣ. Екатерина видитъ передъ собою въ будущемъ санъ русской императрицы. Въ ней естественно является желаніе возвысить Россію, сдѣлать ее славною. Съ этого времени слава Россіи—ея слава. Вѣрно ли Екатерина понимаетъ что составляетъ славу царствованія— это другой вопросъ; но стремленія ея искренни. Слава Россіи сливалась съ славою Екатерины, но прежде для этого сама Екатерина должна была слиться съ Россіею. Екатерина старается сдѣлаться вполнѣ русскою и достигаетъ цѣли. Постоянно окруженной русскими, ей при ея тихомъ горловомъ и нѣсколько напряженномъ говорѣ, при замѣчательномъ тактѣ, съ которымъ она расчитывала слова и обороты, не трудно было научиться хорошо и правильно говорить по-русски. Если есть въ языкѣ ея особенности, то это не отступленія отъ духа языка, а своеобразности. Екатерина усвоиваетъ себѣ не книжный русскій говоръ, а обыкновенный, со всѣми его особенностями и оборотами. Говоря простымъ русскимъ языкомъ, Екатерина любила однако употреблять въ письмѣ старинныя слова и обороты, даже въ ея время употреблявшіеся только въ такъ называемомъ высокомъ слогѣ: „понеже“, „дондеже“, „якобы“ и т. д. У нея эти слова употреблялись иногда далеко не въ высокомъ слогѣ. Такъ она писала напр. Салтыкову (Н. И.): „дондеже окошки раскрыты будутъ.“ Екатерина нерѣдко употребляла въ разговорѣ русскія поговорки и прибаутки. Въ письмѣ, какъ на

французскомъ, такъ и русскомъ языкахъ, Екатерина не соблюдала орѳографической правильности. Уже въ преклонныхъ лѣтахъ Екатерина говорила своему секретарю Грибовскому: „ты не смѣйся надъ моею русскою орѳографіею; по пріѣздѣ сюда я хотѣла учиться, но тетка Елисавета Петровна сказала гофмейстеринѣ: — „полно учить ее, она и безъ того умна." Послѣ уже, по словамъ Екатерины, по книгамъ, безъ учителя, она не могла выучиться. Какъ писала она, покажетъ слѣдущій буквально приведенный отрывокъ изъ письма ея. Она узнала, что въ имѣніи К. Г. Разумовскаго есть крестьяне, называющіе себя варягами. Она занималась вопросами русской исторіи. „Реестръ словъ—писала она—отвезитѣ къ гр. Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому и попроситѣ его именемъ моимъ, чтобъ онъ послалъ въ своихъ копорскихъ деревенъ кого поисправнѣе и приказалъ бы у тѣхъ мужиковъ, кои себя варягами называютъ, тѣхъ словъ на ихъ языка переписать, а еще луче буде бы суда человѣка другаго посмыслѣннѣе для того привозить велѣлъ" (1). Екатерина говорила, что русскій языкъ съ богатствомъ нѣмецкаго соединяетъ звучность итальянскаго и долженъ быть языкомъ всемірнымъ (2). Въ письмѣ къ Вольтеру она называла его языкъ бѣднымъ въ сравненіи съ русскимъ и говорила, что для того, чтобы писать на французскомъ языкѣ надобно быть такимъ писателемъ какъ Вольтеръ. Екатерина сама много писала по-русски, въ разныхъ литературныхъ родахъ: она писала историческія разсужденія, комедіи, сказки пр. При разладѣ, постоянно господствовавшемъ между Ломоносовымъ и нѣмецкими членами петербургской академіи наукъ, нѣмцы сильно не дружили знаменитому русскому ученому. Екатерина не явилась и тутъ нѣмкой. Не обращая вниманія на сплетни нѣмцевъ, что Ломоносовъ писалъ свою русскую граматику окруженный бутылками и въ пьяномъ видѣ, она уважала русскаго ученаго и доказала свое уваженіе къ нему. Вскорѣ по вступленіи на престолъ, она съ княгиней Дашковой сдѣлала визитъ Ломоносову, застала его за работой, была очень внимательн-

(1) Русскій Архивъ, 1863, 390—391.
(2) Дашкова, въ Bibliothèque Russe et Polonaise, II, 264.

на къ нему и звала къ себѣ на обѣдъ, сказавъ, что у нея будутъ щи. Въ царскосельской колоннадѣ изображеніе Ломоносова было поставлено, по ея повелѣнію, на ряду со статуями великихъ мужей (1).

Усвоивъ себѣ русскую рѣчь и во многихъ случаяхъ русскій образъ мыслей, Екатерина усвоила себѣ и многія русскія привычки. Она парилась въ русской банѣ. При дворѣ ея было введено русское платье. При всѣхъ случаяхъ Екатерина оказывала уваженіе къ догматамъ и обрядамъ русской церкви. Каковы бы ни были личныя убѣжденія женщины-философа и друга Вольтера и Дидро, она во всѣхъ случаяхъ является на глазахъ другихъ исполняющею предписанія религіи. Она подходитъ къ рукѣ высшихъ духовныхъ лицъ, которыя въ свою очередь цѣлуютъ руку у нея, какъ у императрицы. Она сходитъ въ пещеры кіевской лавры и потѣетъ тамъ, по ея словамъ, не смотря на 11—12 градусный морозъ на дворѣ. Она посылаетъ изъ Кіева знакомымъ дамамъ два кольца великомученицы Варвары. Въ посту въ Кіевѣ она питается — какъ видно изъ писемъ ея—почти однимъ картофелемъ (2). Она ведетъ бесѣды съ Дидро и вмѣстѣ увлекается краснорѣчіемъ проповѣдей Платона, отвѣтившаго на вопросъ Дидро вѣруетъ ли онъ, текстомъ „рече безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ.“

Екатерина была знакома съ русской исторіей. Петръ I былъ образцомъ, которому она постоянно хотѣла слѣдовать. Изображеніе его было на ея табакеркѣ (она постоянно нюхала, когда писала, простой рульный табакъ, который послѣ держалъ для нея одинъ изъ камеръ-лакеевъ, когда докторъ Роджерсонъ запретилъ ей часто нюхать). Смотря на портретъ Петра, Екатерина, по ея словамъ, нерѣдко думала: сдѣлалъ ли бы онъ точно также? одобрилъ ли бы ея поступокъ? Во время путешествія въ Крымъ, она отслужила молебенъ въ Полтавѣ въ память полтавскаго сраженія. Она собственноручно преклонила предъ гробницею Петра одно изъ знаменъ, отбитыхъ у турокъ въ чесменскомъ боѣ. Она поставила Петру па-

(1) Сумароковъ, 284.
(2) Русскій Архивъ, 1864, 953, 956—957.

мятникъ съ надписью: „Петру первому Екатерина вторая“, и эта надпись уже сама по себѣ говоритъ многое. Подъ конную статую Петра привезли глыбу финляндскаго гранита въ 100,000 слишкомъ пудовъ вѣсомъ. Первоначально глыба была еще больше; она имѣла 6½ саженей въ длину, 3 сажени въ ширину и 3½ въ вышину. На дорогѣ она обилась и уменьшилась въ размѣрахъ, но и въ томъ видѣ, въ какомъ ее положили на Исакіевской площади, она вѣсила въ 4 раза слишкомъ больше самаго большаго обелиска въ Римѣ. Очень трудно было перевезти такую глыбу гранита, и 7,000 р. было предложено въ премію тому, кто найдетъ способъ доставить ее въ Петербургъ. Уже 160,000 рублей было израсходовано на доставку глыбы, когда она грозила потонуть при перевозкѣ черезъ Неву (1). Бецкій, которому поручены были заботы о перевозкѣ, уже отчаявался, но все обошлось одною тревогою: заколебавшееся подъ паденіемъ глыбы судно, благополучно довезло ее до противоположнаго берега рѣки.

Екатерина чтила память Петра I; но если она хотѣла принимать его себѣ образцомъ въ государственной дѣятельности, то это доказывало лишь не совсѣмъ полное знакомство ея съ исторіею прошлаго. Екатерина не могла походить на Петра. Петръ во всемъ хотѣлъ подражать, по его словамъ, Ивану Грозному, какъ это видно изъ записокъ Берхгольца, и дѣйствительно подражалъ ему. Это былъ тотъ же грозный царь, лишь несравненно болѣе талантливый и жившій почти два вѣка спустя. Въ Екатеринѣ было очень мало сходнаго, какъ съ Иваномъ Грознымъ, такъ и съ Петромъ I. Ее увлекали толки о преобразователѣ, которому геній и твердый характеръ дозволили исполнить многія изъ начинаній. Она увлекалась его славою и, мало знакомая съ его характеромъ и темными сторонами его царствованія, чтила его по панигирикамъ, вызываемымъ всякимъ успѣхомъ. Дань памяти Петра была со стороны Екатерины данью славолюбію.

Русская императрица Екатерина считала Россію съ Англіею единственными націями, стоющими этого названія въ Европѣ (2).

---

(1) Scherer, VI, 241—242.
(2) Lesur, 220—221.

Въ концѣ царствованія она говорила, по словамъ Державина, что если бы ей пришлось procaрствовать 200 лѣтъ, то вся Европа сдѣлалась бы подвластною ей. Она хотѣла гремѣть въ Европѣ; хотѣла доставить Россіи, въ ряду европейскихъ державъ, независимое и гордое положеніе. Это было новое стремленіе со смерти Петра I; въ предшествовавшія царствованія образъ дѣйствій Россіи былъ въ постоянной зависимости отъ иностранныхъ интригъ. „Никогда еще не было видно столько ума на Сѣверѣ", говорилъ Фридрихъ II о правленіи Екатерины. На западѣ восхваляли сѣверную Семирамиду. Отказываясь отъ сравненій съ греческими богинями, Екатерина писала Вольтеру, что она не хочетъ быть завистливой Юноной, не столь тщеславна, чтобы сравниться съ Минервой, Венерой не хочетъ быть потому, что ужъ слишкомъ много говорятъ на счетъ этой красавицы, и не можетъ быть Церерой, потому что „урожай въ этомъ году въ Россіи былъ не слишкомъ хорошъ." Екатерина могла не любить восхваленій и потому уже что они не всегда заключаютъ въ себѣ похвалу. Такъ она осталась не совсѣмъ довольна сравненіемъ ея графомъ Прованскимъ съ Елисаветою англійскою; она дала замѣтить французскому принцу, что ея безкорыстіе и правота покажутъ различіе между ею и Елисаветою.

Само собою разумѣется, что въ Россіи славили Екатерину еще больше чѣмъ за границею. Въ 1767 г. комиссія Уложенія поднесла ей титулъ Великой, Премудрой и матери отечества. Екатерина не приняла титула. Она замѣтила, что назначила комиссію составлять законы, а та дѣлаетъ „анатомію ея качествамъ" (1). Что касается титула Великой, Екатерина отвѣчала, что оставляетъ времени и потомкамъ судить безпристрастно заслуживаетъ ли она его. Относительно „Премудрой" она замѣтила, что премудръ одинъ Богъ. Матерью отечества отказалась назваться на томъ основаніи, что любить подданныхъ ея долгъ (2). Въ этомъ отказѣ видѣнъ тотъ же тактъ, который руководилъ ее во всѣхъ ея поступкахъ.

(1) Сумароковъ, 230.
(2) П. С. З., XVIII, стр., 353.

Въ самомъ дѣлѣ, она царствовала только 4 года, когда предложенъ былъ ей этотъ титулъ, и если бы она обладала дѣйствительно тѣмъ что приписывали ей предлагавшіе титулъ, то ей не было ни времени, ни возможности заслужить его. Въ 1782 году было вновь предложено воздать ей подобную похвалу. Теперь Екатерина отнеслась еще рѣзче къ предложенію и, отказавшись отъ монумента, велѣла деньги, собранныя на него, обратить въ приказъ общественнаго призрѣнія. Но и этимъ не пресѣклись попытки благодарныхъ подданныхъ. Въ 1793 г. генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій, предлагая титулъ Премудрой и Великой, сказалъ: „Реки премудрая, буди вамъ по глаголу вашему“ (1). Эти повторительныя попытки можно объяснить только тѣмъ, что въ концѣ царствованія Екатерина была уже менѣе глуха къ восхваленіямъ, чѣмъ прежде.

При честолюбіи и обширномъ умѣ, Екатерина обладала возвышенными чувствами, устранявшими мстительность и мелочность въ характерѣ. Она старалась обращать враговъ въ друзей, непріятелей въ доброжелателей. Она чувствуетъ себя на столько выше окружающихъ, что не можетъ съ ними входить въ состязаніе, на ихъ страсти отвѣчать страстями; они всѣ, други и недруги, нужны ей, какъ орудія для приведенія въ исполненіе ея плановъ. Сотрудники покойнаго Петра III, Мельгуновъ и Волковъ, находятъ занятія въ ея царствованіе. Она далека отъ мести Елис. Ром. Воронцовой, по смерти Петра III даетъ ей средства на уплату долговъ и послѣ беретъ дочь ея къ себѣ въ фрейлины. Она приближаетъ къ себѣ Миниха, послѣ того какъ онъ склонялъ Петра III къ энергическому сопротивленію. Румянцевъ не хотѣлъ присягать ей, пока не удостовѣрится въ смерти Петра III; не смотря на то, она оказывала ему знаки уваженія, можетъ быть впрочемъ какъ сыну, по молвѣ, Петра I (2), столько же какъ и замѣчательному генералу. Она называетъ его Велисаріемъ, и даже впослѣдствіи, когда она осталась недовольна отстройкою Кіева, и Румянцевъ, тогдашній малороссійскій намѣстникъ, от-

(1) Сумароковъ, 232.
(2) Русскій Архивъ, 1864, стр. 521.

вѣчалъ Мамонову, передавшему ему недовольство императрицы: „мое дѣло брать города, а не строить ихъ,“ — Екатерина ограничилась замѣчаніемъ, что пусть фельдмаршалъ продолжаетъ брать города, а она будетъ ихъ строить (¹). Сдѣлавъ недоброжелательствовавшаго ей кн. Долгорукаго сенаторомъ, Екатерина замѣтила, что хотя онъ не любитъ ея, но любитъ отечество и можетъ быть ему полезнымъ (2). Камергеръ Чертковъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать ей выговоры за картами и даже иногда бросать карты; она не обижалась и гдѣ слѣдовало извинялась предъ задорнымъ игрокомъ. Такія сцены не бросали тѣни на отношенія обоихъ. Стоя постоянно на сторожѣ за свою репутацію и славу, Екатерина помнила, что исторія потребуетъ прежде всего справедливости въ ея дѣйствіяхъ. Разъ Екатерина дала одной своей приближенной 14,000 р. на покупку дома. Та, будучи замужемъ, совершила общую купчую, на имя свое и своего мужа. Она была бездѣтна и по смерти мужа ея наслѣдники его требовали себѣ половину имущества. По законамъ она имъ и слѣдовала. Но Екатерина ссылаясь на то, что она дала деньги женѣ, а не мужу, хотѣла, чтобы наслѣдники мужа были отстранены отъ наслѣдства. Императрица передаетъ свой взглядъ сенатскому генералъ-рекетмейстеру Маслову. Масловъ докладываетъ, что сенатское рѣшеніе въ пользу наслѣдниковъ мужа основано на законахъ. Екатерина раздражена. Какъ всегда въ подобныя минуты, она краснѣетъ, засучиваетъ рукава и, ходя по комнатѣ скорыми шагами, пьетъ воду. Она проситъ Маслова не разсуждать, а дѣлать что велѣно. Масловъ повинуется. На слѣдующій разъ привезъ съ собою указъ, согласный съ волею Екатерины, онъ отдаетъ ей вмѣстѣ и другой, основанный на сенатскомъ рѣшеніи, представляя, что одинъ написанъ по законамъ, а другой по волѣ самодержицы. Екатерина, успѣвшая уже стихнуть, беретъ оба указа, и молча оставляетъ у себя. Въ слѣдующій пріѣздъ Маслова она отдаетъ ему одинъ указъ подписанный; это былъ основанный на законахъ (³).

Екатерина любила говорить, что будучи самодержицею, она ни-

---

(1) Русскій Архивъ, 1868, 91.
(2) Сумароковъ, 57.
(3) Сумароковъ, 86—89.

когда не употребляла свою власть во зло. Власть самодержавную она считала единственною соотвѣтствующею состоянію Россіи. Тоже убѣжденіе было высказываемо главными сподвижниками ея, напр. Безбородкою. Екатерина теоретически основывалась въ своемъ убѣжденіи на томъ, что только самодержавная власть можетъ поддержать связь между столь разнородными мѣстностями и племенами, какія представляетъ Россія. Въ своемъ мнѣніи о дѣятельности сената она говоритъ, что самодержавный государь необходимъ, „остальные по слову евангелія наемники суть" (1). Но она была щекотлива къ возможнымъ нареканіямъ въ неправомъ пользованіи властью. „Не знаю какова нѣга власти въ другихъ владѣтеляхъ — говоритъ замѣтка Екатерины на книгѣ Радищева — во мнѣ не велика" (2).

Мы видѣли, что Екатерина любила показать себя и Россію передъ Европою, передъ свѣтомъ. Купецъ Владиміровъ, затопившій въ Англіи половину своего груза пеньки на томъ основаніи, что англичане, не давшіе прежде просимой цѣны за весь товаръ, дадутъ ее послѣ за половину, — могъ быть увѣренъ, что Екатерина не только не сочтетъ его поступокъ самодурствомъ, но даже одобритъ его. Показать однако себя и Россію при каждомъ случаѣ Екатерина могла только сплотивъ изъ Россіи солидное, мощное цѣлое. Будучи убѣждена, что власть въ Россіи призвана скрѣплять ея части, Екатерина была врагъ провинціальныхъ и поплеменныхъ привилегій. На просьбу эстляндскихъ и лифляндскихъ сословій подтвердить ихъ древнія мѣстныя привилегіи, дарованныя еще Сигизмундомъ, Екатерина поручила Бибикову передать кому слѣдуетъ, что они подданные Россіи, а она ея императрица, „а не лифляндская принцесса" (3). Въ другомъ мѣстѣ она замѣчаетъ, что Малую Россію, Лифляндію, Финляндію не только ошибка, но и глупость считать чужестранными, хотя они и имѣютъ привилегіи; „надобно ихъ и Смоленскую провинцію легчайшими способами привести къ тому, чтобы перестали глядѣть какъ волки къ лѣсу" (4).

(1) Чтенія, 1858, I, смѣсь, 102—103.
(2) Чтенія, 1865, III, смѣсь, 68.
(3) Сумароковъ, 64.
(4) Чтенія, 1858, I, смѣсь, 104.

Интересенъ взглядъ Екатерины на Россію и ея мѣстности, проскальзывающій въ ея письмахъ и замѣткахъ. Казань, по ея мнѣнію, была первый городъ въ Россіи послѣ Москвы, а Тверь послѣ Петербурга лучшій (1). Ея взглядъ на полосы средней Россіи діаметрально противоположенъ тому что встрѣчаемъ у другихъ путешественниковъ. Такъ напр. Вигель и Марковъ описываютъ контрастъ, представляемый чистыми хатами, веселыми лицами и зажиточностью черноземныхъ малорусскихъ губерній темнымъ и грязнымъ избамъ, угрюмому населенію и бѣдности смежной Великороссіи. Тургеневъ противополагаетъ открытый и веселый видъ, недурную наружность и зажиточную чистоплотность крестьянина черноземной орловской губерніи угрюмо смотрящему, приземистому и нуждающемуся крестьянину смежной лѣсистой калужской губерніи. Напротивъ Екатерина при переѣздѣ отъ Симбирска до Мурома сдѣлала наблюденіе, что гдѣ земля хороша, черноземъ — тамъ жители лѣнивы и много пустырей, а напротивъ, гдѣ земля хуже (ближе къ Мурому), тамъ мѣстность населеннѣе и богаче (2). Осмотрѣвъ Кіевъ, Екатерина замѣтила, что видѣла двѣ крѣпости и предмѣстья, а города не нашла (3). Екатерина занималась литературою, какъ она говорила, для развлеченія и считала свои произведенія за бездѣлки. Она училась даже, у Сегюра, 8 дней писать стихи, къ которымъ не чувствовала ни малѣйшей склонности, но безъ успѣха. Въ 1767 г. во время путешествія по Волгѣ, она переводила выпавшую на ея долю по жребію 9-ю главу изъ „Велисарія“; прочія главы были переводимы ея спутниками. Переводъ былъ посвященъ императрицею тверскому епископу Гавріилу. Не любя романовъ, она впослѣдствіи съ охотою слушала и писала сказки. Сказки ей читалъ ея секретарь Храповицкій и она слушала ихъ, какъ выражалась сама, „для разбитія мыслей.“ Она занималась философіею и науками, но хотя виттенбергскій университетъ и сдѣлалъ ее докторомъ и магистромъ свободныхъ наукъ, тѣмъ не менѣе въ

(1) Русскій Архивъ, 1863, 201—202.
(2) Чтенія, 1863, II, Письма Екатерины, стр. 31.
(3) Русскій Архивъ, 1864, 951.

ученой дѣятельности Екатерины не видно той самостоятельности, которая возможна лишь при большомъ углубленіи въ трудъ. Ея Наказъ, въ составленіи котораго ей помогали Матоніусъ и Розецкій (которые послѣ и перевели его на русскій языкъ), составленъ изъ мѣстъ, выбранныхъ изъ Монтескье и Беккаріи, такъ что когда его стали переводить на французскій языкъ, то переводчики нашли болѣе удобнымъ прямо выписывать мѣста изъ оригинальныхъ сочиненій приведенныхъ авторовъ. Если въ ученой дѣятельности Екатерины замѣтенъ нѣкоторый проблескъ самостоятельной работы, то это въ области сравнительнаго языкознанія. Нѣмка, знакомая съ французскимъ языкомъ, она начинаетъ изучать, какъ родной, русскій языкъ. При поверхностномъ изученіи никакая бы мысль не мелькнула въ головѣ ея; но она изучаетъ русскій языкъ основательно, терпѣливо, и при близкомъ знакомствѣ съ двумя такими языками, какъ русскій и нѣмецкій, мысль о корневомъ сродствѣ разныхъ языковъ начинаетъ занимать ее.

Какъ императрица, она можетъ не только пересмотрѣть существующіе лексиконы (мы видѣли съ какимъ усердіемъ она перечитывала отъ страницы до страницы большой словарь Бейля), но и поручать составленіе новыхъ. Такъ составленъ былъ извѣстный лексиконъ общеупотребительныхъ словъ на всѣхъ извѣстныхъ языкахъ. Екатерина лично участвовала въ составленіи его. Она сама относилась къ патріархамъ англійскому и александрійскому съ просьбою о присылкѣ ей 286 словъ, которыя она перечисляла, на абисинскомъ и эѳіопскомъ языкахъ (1).

Какъ тактъ управлялъ всѣми сношеніями Екатерины съ окружавшими ее лицами, такъ съ другой стороны она видѣла ихъ насквозь, и въ интимной бесѣдѣ съ близкими людьми не стѣснялась въ характеристикѣ личностей. Отзывы эти были иногда колки и полны юмора, а иногда и съ оттѣнкомъ циничности. Она называла Густава III „фуфлыгою-богатыремъ;“ Брюса „дуракомъ;“ Мусинъ-Пушкина „мѣшкомъ не рѣшимымъ“ (2) и т. д. Въ одномъ письмѣ

---

(1) Русскій Архивъ, 1864, 293.
(2) Лебедевъ, 26, 263, 267.

къ Панину Екатерина говоритъ: „Никита Ивановичъ — перелистайте берлинскій альманахъ, чтобы найдти этой вѣчной принцессѣ Голштинской мужа; начните съ Ангальтскаго дома и перейдите къ Голштинскому. Держать ее при дворѣ значитъ дворъ сдѣлать слишкомъ похожимъ на дворъ Петра III. Если иностранныхъ жениховъ не будетъ, то въ Россіи всегда найдутся" (1). Дѣло шло о принцессѣ Гольштейнъ-Бекской, которую Петръ III хотѣлъ выдать за Ивана Антоновича. Она впослѣдствіи вышла замужъ за князя Барятинскаго.

Въ письмѣ къ Панину же Екатерина дѣлаетъ замѣтку: „графа Захара Чернышева свадьба обошлась безъ чиновъ и безъ безчинства." Надобно знать сварливый нравъ Чернышева, которому ничего не стоило напр. за обѣдомъ разорвать жемчужное ожерелье его графини-жены и въ которомъ нѣкоторые видѣли главную пружину придворныхъ интригъ, чтобы понять соль замѣтки Екатерины.

Въ другомъ письмѣ къ Панину Екатерина, всегда вѣротерпимая въ дѣлахъ церкви, писала: „гонитель, казанскій архіерей Лука при Елисаветѣ Петровнѣ разрушилъ изъ зависти Болгары, которые у татаръ въ благоговѣніи, хотя есть указъ Петра I не разрушать" (2).

Говоря о награжденіи орденомъ Анны, Екатерина предлагаетъ надѣть его: „на господина Теплова, чтобы онъ скорѣе выздоровѣлъ."

Графъ Ангальтъ, „извѣстный начальникъ шляхетскаго корпуса, просилъ о назначеніи его главнокомандующимъ въ армію, выступавшую противъ шведовъ, и производствѣ въ генералъ-аншефы въ сравненіе съ сверстниками по саксонской службѣ." Екатерина замѣтила на это: „не побилъ ли кто графа Ангальта?" Безбородко, бывшій на докладѣ, отвѣчалъ, что графъ Ангальтъ „изъ русскихъ ни съ кѣмъ не въ связи, а развѣ иностранные" (3).

Отрѣшенный отъ должности прокуроръ Иванчинъ-Писаревъ под-

---

(1) Чтенія, 1863, II, письма Екатерины II къ Панину, стр. 13.
(2) Чтенія, 1863, стр. 27.
(3) Храповицкій, 69.

писался подъ прошеніемъ къ императрицѣ всеподданѣйшимъ сыномъ. Резолюція императрицѣ: „освидѣтельствовать Еропкину не безумной ли“ (1)?

Екатерина въ началѣ царствованія лично принимала просьбы, но когда разъ во время коронаціи, въ Москвѣ, просители, ставъ на колѣни полукругомъ, преградили ей дорогу въ соборы, а грузины подали даже вмѣсто просьбъ свои паспорты,—личный пріемъ просьбъ былъ прекращенъ. Но Екатерина и послѣ сама внимательно просматривала просьбы на ея имя. На одной изъ такихъ просьбъ она сдѣлала замѣтку: „вдова полковница Естко проситъ о жалованіи; что за барыня?“

Подобнымъ простымъ языкомъ Екатерина нерѣдко объяснялась съ приближенными. „Ну, баринъ,—писала она Бибикову, поѣхавшему усмирять Пугачева, — не скажешь, что войскъ у тебя не довольно.“

Когда ей говорили, замѣчаетъ Вигель, что она напрасно произвела Хвостова, женатаго на племянницѣ Суворова, въ камеръюнкеры, какъ человѣка очень ограниченнаго и писателя безъ дарованій, она отвѣчала, что „произвела бы его и во фрейлины, если бы Суворовъ того захотѣлъ.“

Шутя надъ дородностью своего секретаря Храповицкаго, Екатерина обыкновенно просила его садиться на диванъ, а не на стулъ, говоря, что сама не можетъ поднять его, если онъ упадетъ.

Мы нарочно сгрупировали эти отзывы и замѣтки Екатерины. Они лучше длинныхъ разсужденій уясняютъ намъ ея складъ мыслей и внутренній міръ, ея отношенія къ окружавшимъ и индивидуальныя особенности.

Два періода.

Съ тѣхъ поръ какъ развилась государственная жизнь въ Россіи въ ея нынѣшнихъ формахъ, отдѣльныя царствованія представ-

(1) Храповицкій, 25.

ляютъ аналогическое явленіе. Государь вступаетъ на престолъ съ благими пожеланіями; въ первое время онъ образецъ дѣятельности, онъ заботится о благѣ народномъ, его мысли обращены на внутреннія реформы. Но вдругъ толчекъ, какое-нибудь неожиданное обстоятельство, —и наступаетъ поворотъ. Является апатія, реформаторская дѣятельность слабѣетъ и если въ человѣкѣ сильна потребность дѣятельности, то она направляется на внѣшнія дѣла, войны и завоеванія, а не на внутреннія преобразованія. Это мы видимъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ представитель власти является человѣкомъ иниціативы, энергическимъ, самодѣйствующимъ лицомъ. Такъ было въ царствованіе Ивана Грознаго, Павла I, Александра I; такъ было и въ царствованіе Екатерины II. Исключеніе составляетъ Петръ I, который и на престолъ вступалъ безъ особенно возвышенныхъ идеаловъ и окончилъ жизнь не уклонившись отъ предначертанной имъ програмы — введенія Россіи въ кругъ европейскихъ государствъ.

Мы не будемъ здѣсь входить въ объясненія этого явленія, но оно — фактъ. Можно однако замѣтить, что во первыхъ, стоя по большей части въ сторонѣ и ревниво удерживаемый отъ дѣлъ, наслѣдникъ престола скорѣе замѣчаетъ со стороны погрѣшности управленія и когда въ свою очередь вступаетъ на престолъ, то его мысль прежде всего направлена на исправленіе этихъ погрѣшностей. Во вторыхъ, наслѣдники до вступленія на престолъ обыкновенно приближаютъ къ себѣ товарищей своего дѣтства, съ которыми обращаются болѣе свободно и которые, желая обезпечить себѣ благосклонность и довѣріе будущаго правителя, или даже безъ всякой эгоистической цѣли, стараются открыть слабыя стороны правленія и обращать на нихъ вниманіе наслѣдника, чтобы этимъ выказать свою способность въ государственныхъ дѣлахъ. Наслѣдникъ такимъ образомъ вступаетъ на престолъ съ большимъ запасомъ свѣденій о нуждахъ народа. Но проходятъ года. Сфера, которая окружала его предшественника дѣйствуетъ и на него. Онъ въ свою очередь уподобляется предшественнику.

Рѣзко отличаются одинъ отъ другаго два противоположные періода царствованія Екатерины. Долго продолжалось это царствованіе: 34

года—жизнь человѣка. Екатерина въ концѣ царствованія было совсѣмъ не то, что въ началѣ, и при характеристикѣ ея и ея правленія необходимо обращать вниманіе на это различіе. Въ первое время царствованія Екатерина обращаетъ все свое вниманіе на внутреннее управленіе. Созывается комиссія Уложенія. Правда, при образованіи ея приведена въ исполненіе программа, допускающая критику и иногда вызывающая нареканія. Такъ Петербургъ представлялъ въ комиссіи всего одинъ депутатъ гр. А. Орловъ (1), и въ то время какъ въ ней самоѣды имѣли своихъ депутатовъ, миліоны крѣпостныхъ людей вовсе не имѣли представительства; интересы ихъ представлялось защищать помѣщикамъ. Правда и то, что мысль и цѣль Екатерины не были поняты иными въ Россіи. Такъ, одинъ господинъ въ Твери отказался принять участіе въ образованіи комиссіи на томъ основаніи, что былъ освобожденъ грамотами прежнихъ государей отъ всякой службы. Тѣмъ не менѣе уже то, что созывалось депутатское собраніе, которому императрица поручала составленіе законовъ—значило многое. Наказъ комиссіи, составленный Екатериной, дышалъ мудростью и гуманностью. Ничего, что онъ былъ составленъ изъ выборокъ изъ иностранныхъ авторовъ. Уже того, что Екатерина усвоила себѣ духъ ихъ, взяла выводы ихъ себѣ за правило—было достаточно. Наказъ такъ либераленъ, что Шуазель во Франціи предаетъ французскій экземпляръ его сожженію. Онъ такъ либераленъ, что совѣтники Екатерины находятъ необходимымъ вычеркнуть почти половину того, что заключалъ первоначальный текстъ, переданный имъ императрицею (2).

Двадцать три года спустя Екатеринѣ приносятъ книгу, напечатанную неизвѣстно въ какой типографіи, но авторъ которой отысканъ. Это—Радищевъ; въ книгѣ его „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ видятъ много злыхъ нападокъ на Екатерину. Конечно все представлено алегорически, но алегорія была ясна для тѣхъ, кто брался объяснять ее. Потемкина Радищевъ выводилъ восточнымъ тираномъ. Сначала казеннокоштный студентъ въ лейп-

(1) Чтенія, 1866, I, смѣсь 17.
(2) Русскій Архивъ, 1865, 479.

цигскомъ университетѣ, потомъ таможенный чиновникъ, человѣкъ очень образованный, но угрюмый, сдержанный и рѣдко бывавшій въ обществѣ, Радищевъ никакъ не могъ быть вожакомъ революціи въ Россіи. Въ прежнее время книга его едва ли жестоко отозвалась бы на судьбѣ автора, да и едва ли могла появиться. Теперь она явилась и вызвала гнѣвное преслѣдованіе. Екатерина была напугана событіями 1789 г. во Франціи. Въ замѣткахъ, сдѣланныхъ ею на книгѣ Радищева, еще видѣнъ отчасти прежній философъ. „Тутъ царямъ достается крупно" замѣчаетъ она въ одномъ мѣстѣ. „Скажите сочинителю—говоритъ другая ея замѣтка—что я читала его книгу отъ доски до доски и почти усумнилась не сдѣлана ли ему мною какая обида, ибо судить его не хочу дондеже не выслушанъ, хотя онъ судитъ о царяхъ не выслушивая ихъ оправданія" (1). Но орудія умственнаго превосходства, которыя были такъ свойственны прежде Екатеринѣ въ борьбѣ съ противниками, теперь уже считались недостаточными. Радищевъ, не смотря на отзывъ его, что книга была написана еще до французской революціи (2), былъ посланъ въ ссылку и экземпляры книги его уничтожены. Небольшое число уцѣлѣвшихъ читались тайкомъ и за прочтеніе книги иные платили по 25 рублей въ часъ.

Въ 1793 г. былъ запрещенъ „Вадимъ" Княжнина. Смерть Людовика XVI и Густава III въ это время подѣйствовала сильно на Екатерину и расположила ее еще болѣе къ репресивнымъ мѣрамъ.

Общее мнѣніе говорило, что гоненіе всего болѣе обрушилось на Радищева за то, что онъ въ своей книгѣ явился ревностымъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ. Въ началѣ своего правленія Екатерина давала понять, что освобожденіе крестьянъ было бы ей пріятно. Делабей за свое сочиненіе въ пользу освобожденія крѣпостныхъ получаетъ премію отъ Вольно-Экономическаго общества и душою этого одобренія была Екатерина. Находились и тогда люди около Екатерины, представлявшіе, что такое одобреніе можетъ имѣть

---

(1) Чтенія, 1865, III, смѣсь, 76.
(2) Чтенія, 1865, III, смѣсь, 83.

вліяніе на умы и вызвать волненіе между крѣпостными, такъ какъ, въ народѣ—по словамъ генералъ-прокурора князя Вяземскаго—привыкли все печатное считать за указъ" ([1]). Это предостереженіе не лишено значенія, если вспомнимъ, что появленіе первыхъ самозванцевъ Петровъ III относится къ тому времени, когда была написана и одобрена книга Делабея. Въ комиссіи Уложенія вопросъ о крѣпостномъ правѣ былъ затронутъ лишь въ одномъ отношеніи: церковнослужители и купцы просили себѣ права покупать крестьянъ. Андрей Шуваловъ, извѣстный авторъ epître à Ninon, говорилъ, что между нѣкоторыми помѣщиками-депутатами въ комиссіи Уложенія было соглашеніе убить перваго кто подниметъ крестьянскій вопросъ (2). Впрочемъ не всѣ раздѣляли мнѣніе по этому вопросу князя Вяземскаго, каторого, за введеніе крѣпостнаго права въ средѣ казаковъ, финновъ и татаръ, Мамоновъ называлъ ·Volterre. Первый богачъ въ Россіи, у котораго было 120,000 душъ крестьянъ и 600,000 рублей дохода, графъ Шереметьевъ говорилъ, что онъ готовъ согласиться на отмѣну крѣпостнаго права, если она будетъ предложена. Даже въ 1785 г. по изданіи дворянской грамоты и Городоваго Положенія, Екатерина имѣетъ мысль освободить изъ крѣпостной зависимости всѣхъ крестьянскихъ дѣтей, которыя родятся со дня обнародованія указа, хотя мысль эта и не приводится въ исполненіе. Но въ послѣдніе годы жизни и царствованія ея, въ періодъ который можно назвать Зубовскимъ, она уже возстаетъ противъ защитниковъ освобожденія крестьянъ. На книгѣ Радищева она слѣдала замѣтку: „уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, да никто не послушаетъ" (3). Зубовъ, ученикъ и помощникъ въ дѣлѣ правленія Екатерины, въ этотъ періодъ, заявляетъ себя прямо противъ освобожденія крестьянъ.

Въ первые годы правленія Екатерина прилагаетъ все стараніе о государственной экономіи. Уплачены долги Петра I, Анны и $^3/_4$ долговъ Елисаветы. Въ 1765 г. была сдѣлана экономія въ $5^1/_2$

---

(1) Иловайскій, Сиверсъ, Рус. Вѣст. 1865.
(2) Castéra, II, 142.
(3) Чтенія, 1865, III, смѣсь, 75.

мил. рублей (1). Роскошь была гонима, и во дворцѣ Екатерины изящество и вкусъ брали верхъ надъ пышностью. Когда вышли мундиры по губерніямъ не только для мужчинъ, но и для дамъ, то говорили, что это сдѣлано въ предупрежденіе роскоши въ одеждѣ при дворѣ (2). Тѣмъ же объяснили распоряженіе о числѣ лошадей, какое можетъ запрягаться въ экипажи лицъ разныхъ классовъ. Но затѣмъ забота объ экономіи слабѣетъ. Великолѣпный князь Тавриды вводилъ съ собою роскошь и пышность всюду. Предпринимается крымское путешествіе императрицы. Сорокъ тысячъ человѣкъ сопровождаетъ ее. Всѣ провинціи имперіи должны принять на себя издержки по этому путешествію. Лифляндія должна была израсходоваться лишь на двѣ станціи и ей пришлось заплатить 45,000 рублей (3). Приливъ такой массы пріѣзжихъ въ Кіевъ непомѣрно поднимаетъ цѣны на все; за дурное помѣщеніе платятъ 80 червонныхъ въ недѣлю. Прежде Екатерина дѣлала выговоръ князю Трубецкому за посылку сыну, лейпцигскому студенту, денегъ на лучшую одежду; русскимъ студентамъ въ Лейпцигѣ предписано было носить простой сѣрый сюртукъ и императрица не хотѣла, чтобы они мотали на платье (4). Мы видѣли какъ сорилъ послѣ деньгами Потемкинъ, когда вошелъ въ силу. Другіе вельможи Екатерины подражали ему. У графа Остермана ставился на столъ великолѣпный серебряный сервизъ на 300 гостей; какая бы грязь ни была, два скорохода съ булавами и въ башмакахъ шли впереди его великолѣпной золоченой кареты, запряженной шестернею бѣлыхъ лошадей. Въ домѣ Безбородки въ 1795 и 1796 гг. стояли во время празднествъ горки золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, въ 6 футовъ вышиной и 3 ф. въ ширину. Деньги теперь стали значить все; къ пріобрѣтенію ихъ всякій стремится. Потемкинъ держитъ винный откупъ въ Ярославлѣ. Не смотря на законъ, запрещавшій покупку земли евреями, богатый еврей Штиглицъ получаетъ разрѣшеніе купить въ Новороссіи земли, населенныя 2000 преж-

---

(1) Русскій Архивъ, 1866, стр. 60—61.

(2) Энгельгардтъ, 37.

(3) Herrmann, VII, 544.

(4) Русскій Архивъ, 1863, 274.

нихъ запорожцевъ. Прежде великолѣпный алмазъ въ 460,000 рублей покупаетъ у Лазарева для императрицы частный человѣкъ, гр. Г. Г. Орловъ; она получаетъ эту рѣдкую драгоцѣнность въ подарокъ (1). Теперь расходы дворца чрезвычайно увеличились. Нужны деньги и чтобы имѣть ихъ выпускаются асигнаціи. Такъ какъ не находится матеріала, годнаго на выдѣлку бумаги для асигнацій, то во дворцѣ собираются старыя скатерти и салфетки и отправляются на бумажный заводъ. До 1794 г. было выпущено асигнацій на 130 мил. рублей (2). Въ царствованіе Екатерины по расчету монетнаго департамента было въ обращеніи въ Россіи серебряныхъ денегъ на 80 мил. рублей. Мѣдной монеты было въ обращеніи около того же времени на 47 мил. рублей. Золотой монеты при вступленіи на престолъ Екатерины было лишь на миліонъ и съ тѣхъ поръ количество ея въ обращеніи немного увеличилось. Такимъ образомъ, если возьмемъ всю сумму звонкой монеты, бывшей въ обращеніи, то цифра ея окажется менѣе той, на какую было выпущено асигнацій. Не удивительно, что съ 1789 г. по 1795 стоимость асигнаціоннаго рубля упала до 68 копѣекъ. Надобно сказать также, что упадку цѣнности его много способствовало и то, что казна отказала въ размѣнѣ первыхъ выпущенныхъ асигнацій и еще то, что появилось въ обращеніи много фальшивыхъ асигнацій.

Екатерина, въ первые годы своего царствованія, была другомъ всѣхъ философовъ и передовыхъ людей. Вольтера она называла своимъ добрымъ покровителемъ. Помимо составленія журнальныхъ статей на темы, которыя задавалъ ему графъ И. И. Шуваловъ, Вольтеръ писалъ много къ самой Екатеринѣ. Онъ и она писали другъ къ другу какъ о важномъ, такъ и о мелочахъ. Фернейскій философъ являлся въ письмахъ къ Екатеринѣ продавцемъ часовъ. Для Екатерины онъ принималъ княгиню Дашкову, которую называлъ Тамариссою, говорящею по-французски. Пріѣхать въ Петербургъ по приглашенію Екатерины Вольтеръ однако отказался. Екатерина купила его библіотеку—6760 томовъ, большею частію по философіи и исторіи. Книги были доставлены какъ были, съ бумаж-

(1) Русскій Архивъ, 1863, 276.
(2) Herrmann, VII, 439.

ками въ нихъ—замѣтками Вольтера; этихъ замѣтокъ особенно много было въ богословскихъ книгахъ. Эта библіотека была установлена въ эрмитажѣ вызваннымъ Екатериною секретаремъ Вольтера въ томъ же видѣ, въ какомъ была она у владѣльца ([1]). Въ 1762 г. Екатерина писала къ Даламберу, прося его пріѣхать въ Россію и быть воспитателемъ великаго князя Павла Петровича. Ученый энциклопедистъ не согласился на предложеніе, хотя Екатерина указала ему, что онъ можетъ оказать услугу человѣчеству въ предлагаемой должности, и писала, что онъ можетъ взять въ Россію всѣхъ друзей своихъ. Едва ли можно сомнѣваться, что предложеніе графа Орлова Жанъ-Жаку Руссо пріѣхать въ Россію было сдѣлано съ согласія или даже по желанію Екатерины. Дидро принялъ предложеніе пріѣхать въ Россію. Пріемъ ему со стороны русскаго общества былъ не очень блестящій. Мы приводили отвѣтъ митрополита Платона на вопросъ бойкаго француза. Даже Н. И. Новиковъ отозвался: „не вѣрующему можно ли вѣрить?“ но Екатерина приняла французскаго философа со всею благосклонностью и любезностью и много бесѣдовала съ нимъ. У него была куплена для нея библіотека изъ 2900 томовъ, почти все по философіи ([2])! Екатерина не ограничилась покупкою библіотеки, и чтобы Дидро могъ пользоваться своими книгами при жизни, она оставила библіотеку у него, назначивъ его своимъ бобліотекаремъ съ жалованіемъ по 1000 франковъ въ годъ и съ уплатою жалованія за 50 лѣтъ впередъ. На такихъ же условіяхъ была куплена для Екатерины библіотека русскаго посланника въ Даніи барона Корфа. Екатерина помогала деньгами Базедову.

Въ послѣдніе годы своей жизни Екатерина не хочетъ ничего имѣть общаго съ энциклопедистами и ихъ философіей. Бюстъ Вольтера былъ снятъ и кинутъ въ уголъ; точно также было поступлено съ бюстомъ Фокса. Вашингтонъ для Екатерины изъ героя и освободителя своей родины превратился въ мятежника ([3]). Эхо Екате-

---

([1]) Ancelot, 165.
([2]) Ancelot, 167.
([3]) Masson, I. 120.

рины въ это время, Платонъ Зубовъ, рѣзко отзывался о философахъ (¹).

Въ первые годы правленія Екатерина занята преимущественно внутренними дѣлами государства; впослѣдствіи внутреннія дѣла нерѣдко забываются для внѣшнихъ. Отказавшись отъ внутреннихъ преобразованій, Екатерина жаждетъ грома побѣдъ и славы завоеваній. Кто можетъ быть лучше ея помощникомъ во внѣшнихъ предпріятіяхъ, какъ не Потемкинъ, для котораго композиторъ Сартій долженъ былъ ввести громъ пушечныхъ залповъ въ тактъ церковному пѣнію гимна: „Тебѣ Бога хвалимъ". Изгнаніе турокъ изъ Европы—цѣль стрѣляній Потемкина. Екатерина и Потемкинъ положили возстановить греческую имперію на берегахъ Босфора. Уже рѣшено изъ чего составить новую имперію; Молдавія и Валахія должны войдти въ составъ ея подъ именемъ Дакіи. Уже выбита медаль на покореніе Турціи. На одной сторонѣ ея было написано „Потщится и низринется" и на другой: „поборнику православія" (²). По видимому все благопріятствуетъ исполненію плана Екатерины и Потемкина. Шуазель смѣется надъ отправленіемъ нѣсколькихъ старыхъ кораблей изъ Кронштадта къ Босфору; но эти корабли, починенные въ Англіи и командуемые офицерами — англичанами уничтожили турецкій флотъ при Чесмѣ. Румянцевъ и Суворовъ нанесли рядъ ударовъ туркамъ. Задача осталась неисполненной только по своей обширности.

Польша пала, преимущественно, благодаря Екатеринѣ. Вскорѣ по воцареніи ея, на польскій престолъ вступаетъ по ея желанію Станиславъ Августъ Понятовскій. Близкій человѣкъ къ Екатеринѣ еще до вступленія ея на престолъ, Понятовскій возводится въ санъ короля для того, чтобы значительная часть Польши вѣрнѣе подпала подъ власть Россіи. При немъ русскія войска стоятъ гарнизонами въ Польшѣ; посланники императрицы въ Варшавѣ деспотически управляютъ королемъ и сеймомъ. Кн. Репнинъ принимаетъ короля Станислава Августа въ халатѣ (³); велитъ сыграть во вто-

(¹) Лебедевъ, 285.
(²) Русскій Архивъ, 1865, 1506.
(³) Masson, I, 335.

рой разъ первый актъ пьесы въ театрѣ, сыгранный до него, хотя король тутъ же (1); въ бесѣдѣ у примаса Польши на слова Понятовскаго, что одному польскому королю пришлось впослѣдствіи быть ювелиромъ во Флоренціи и что онъ (Понятовскій) не зналъ бы что ему дѣлать, если бы онъ былъ изгнанъ, кн. Репнинъ замѣтилъ: „вы ваше величество хорошо танцуете“ (2). И тотъ же самый Понятовскій во время крымскаго путешествія Екатерины, представляясь ей въ Каневѣ, когда она подала ему шляпу, въ отвѣтъ на любезность, съ которою онъ взялъ у лакея ея перчатки и опахало и подалъ ей, сказалъ: „ваше величество дали мнѣ лучшую“. Понятовскій подразумѣвалъ тутъ корону, которую на его мѣстѣ многимъ трудно было бы носить. Екатерина неохотно согласилась на первый раздѣлъ Польши, потому что она уже господствовала въ ней. Въ 1792 году она рѣшила принять окончательныя мѣры противъ Польши и писала Зубову, что Австрія и Пруссія ничего не получатъ, если откажутся присоединиться въ этомъ дѣлѣ къ Россіи (3). Екатерина дѣйствовала энергически противъ Польши, потому что видѣла связь между дѣйствіями партій въ Польшѣ и революціонною Франціею. Объ этомъ говоритъ Гродненская декларація 9 апрѣля 1793 г. Свиданіе и переговоры Костюшки въ Парижѣ съ французскимъ республиканскимъ министерствомъ и сношенія польскихъ политическихъ клубовъ съ якобинскими, утверждали Екатерину въ убѣжденіи, что черезъ Польшу дѣйствуетъ французская революціонная пропаганда. Нанося удары Польшѣ, она дѣйствовала противъ Франціи. Она вѣроятно была бы не прочь присоединить къ Россіи всю Польшу, но при первомъ раздѣлѣ она подѣлилась съ сосѣдями въ виду угрожавшаго союза Пруссіи съ Турціей (4); а при двухъ послѣднихъ раздѣлахъ Екатеринѣ нужна была помощь Австріи и Пруссіи, потому что раздробленіе Польши было въ сущности началомъ борьбы съ Франціею и революціонною пропагандою.

---

(1) Сегюръ, 142.
(2) Русскій Архивъ, 1865, 849.
(3) Herrmann, VII, 232.
(4) Coxe. Travels into Russia, I, 39—42.

Въ ходѣ историческихъ событій раздробленіе Польши было шагъ впередъ для нѣмцевъ въ ихъ распространеніи на востокъ Европы. Но едва ли этотъ шагъ былъ сдѣланъ по желанію Екатерины. Хотя нѣмка на русскомъ престолѣ, она желала распространенія русскаго элемента на западъ, а не нѣмецкаго на востокъ. Въ ея планы входило также присоединеніе къ Россіи Галиціи съ расширеніемъ въ обмѣнъ границъ Венгріи на счетъ Турціи (1).

Екатерина и прямо дѣйствовала противъ революціонной Франціи. Она объявила, что не хочетъ имѣть никакого дѣла съ народомъ, казнившимъ своего короля; сношенія съ Франціею были запрещены (2). Рѣшено было считать старшаго принца французскаго королевскаго дома королемъ, 2 мил. рублей было дано французскимъ принцамъ въ воспомоществованіе (3). Русскій флотъ вмѣстѣ съ шведскимъ и англійскимъ крейсировалъ у береговъ Франціи. Въ послѣдніе годы жизни Екатерина приготовлялась къ открытой войнѣ съ Франціею (4).

Въ это время главнымъ совѣтникомъ при Екатеринѣ стоитъ Зубовъ. Человѣкъ обыкновенныхъ способностей, онъ — не болѣе какъ политическій мечтатель. Въ то время какъ дѣла за него дѣлаютъ, тяжелый, неглижеръ въ одеждѣ, всегда какъ не выспавшійся, съ походкой слона, но вмѣстѣ человѣкъ необыкновенно умный и дѣловой, Безбородко, и утонченный, изысканный фатъ съ пріемами танцмейстера, Марковъ—Зубовъ строитъ планы, которые должны передѣлать Европу. Онъ отправляетъ своего брата Валеріана въ походъ въ Персію и готовится къ войнѣ съ Швеціею, потому что по словамъ сатириковъ, ему хотѣлось получить георгіевскій крестъ и фельдмаршалскій жезлъ.

Въ молодости Екатерина обращается съ европейскими государями, по словамъ Миниха, какъ искусная кокетка; но въ сущности она снискиваетъ ихъ уваженіе къ себѣ болѣе своимъ умомъ и достоинствами, чѣмъ саномъ. Въ концѣ жизни она требуетъ почета и уваженія какъ русская императрица. И тяжелы были теперь для

---

(1) Русскій Архивъ, 1865, 1506.
(2) Сумароковъ, 233.
(3) Сумароковъ, 309.
(4) Лебедевъ, 28.

нея удары, наносимые ея самолюбію; первый приступъ апоплексіи случился съ нею при полученіи неожиданнаго извѣстія, что король шведскій, торжественно и съ почетомъ принятый въ Петербургѣ и въ которомъ всѣ уже видѣли жениха великой княгини Александры Павловны, вдругъ отказался отъ своей красавицы-невѣсты. Екатерина измѣнилась въ лицѣ, кровь прилила ей въ голову и полагаютъ, что этотъ ударъ самолюбію императрицы, въ характерѣ которой самолюбіе было выдающимся свойствомъ, сократилъ ея жизнь.

Царствованіе Екатерины можно охарактеризовать въ нѣсколькихъ словахъ: Славолюбивая отъ природы, она знала въ чемъ состоитъ истинная слава. Екатерина любила распространять добро и счастіе вокругъ себя, и желавшихъ этого добра и счастія столпилось столько сотенъ тысячъ вокругъ нея, что миліоны, стоявшіе позади ихъ вовсе не видали лучей этого солнца, свѣтившаго немногимъ, а Екатерина не была на столько геніальна, чтобы возвыситься надъ уровнемъ окружавшей ее толпы, и дать солнцу ея добрыхъ намѣреній и гуманности свѣтить всѣмъ.

ПАВЕЛЪ I.

Дѣтство Павла.

Прямо по рожденіи у вел. князя Петра Ѳедоровича сына-первенца, имп. Елисавета унесла его къ себѣ въ комнаты. Она привязалась къ ребенку и, отдавъ его на руки сонма мамъ и нянекъ, приходила иногда раза по три, по четыре въ день, во всякое время, провѣдать малютку. Няньки и мамки однако впослѣдствіи своими разсказами объ императрицѣ такъ напугали маленькаго Павла, что онъ, 4—5 лѣтній ребенокъ, трясся всѣмъ тѣломъ, когда приходила Елисавета. Вслѣдствіе-ли этого, или потому, что Елисавета впослѣдствіи охладѣла къ ребенку, только послѣ она приходила взглянуть на него много разъ или два въ годъ. Общество мамъ и нянекъ въ первые годы жизни Павла имѣло на него гибельное вліяніе. Росказни о домовыхъ и привидѣніяхъ женщинъ, усыплявшихъ Елисавету чесаніемъ ножекъ, может быть не мало содѣйствовали тревогѣ, въ которой постоянно держало императрицу ея воображеніе. Тоже общество до того подѣйствовало на ребенка, что онъ прятался подъ столъ при сколько нибудь сильномъ хлопаньи дверьми. Впослѣдствіи, уже мальчикомъ на возрастѣ, онъ чрезвычайно боялся грозы. Когда къ нему хотѣли опредѣлить воспитателемъ Панина, то окружавшія мамушки заранѣе наговорили ему о строгости его будущаго гувернера и о томъ, что ему жить будетъ гораздо хуже. Павелъ плакалъ за мѣсяцъ до поступленія Панина въ должность. Разъ онъ увидалъ шедшаго старика въ парикѣ; почему-то ему показалось, что это Панинъ; слѣдствіемъ были опять слезы. И надобно согласиться, что воспитатель, вновь опредѣленный къ напуганному имъ питомцу, могъ бы повести дѣло при первомъ свиданіи съ ребенкомъ нѣсколько иначе, чѣмъ это сдѣлалъ

Панинъ. Панинъ отрекомендовалъ себя тѣмъ, что съ перваго раза началъ поступать съ ребенкомъ деспотически. Павлу жаль было своихъ прежнихъ собесѣдниковъ за столомъ; къ солиднымъ, степеннымъ „кавалерамъ", сидѣвшимъ теперь съ нимъ, онъ еще не привыкъ. „Для чего нѣтъ Ивана Ивановича за столомъ", спросилъ онъ у Панина. — „Не нужно", былъ отвѣтъ воспитателя. Въ растворенную дверь Павелъ увидалъ свою прежнюю собесѣдницу Мавру Ивановну и попросилъ поставить для нея приборъ. — „Не нужно", былъ опять отвѣтъ (1). И впослѣдствіи, когда воспитатель и питомецъ ближе узнали другъ друга, Панинъ кричалъ на Павла (2). Правда, Павелъ сильно нашалилъ: онъ назвалъ одного изъ своихъ „кавалеровъ" дуракомъ и сказалъ, что „чертъ принесъ его". Но Панинъ, такой развитый и умный человѣкъ, могъ знать, что проступокъ ребенка не извиняетъ горячности, роняющей достоинство воспитателя.

Можетъ быть Елисавета не остановилась бы на выборѣ Панина въ воспитатели къ маленькому Павлу, если бы она въ концѣ своей жизни питала къ нему туже привязанность, какъ въ младенческіе годы его жизни. Но мы видѣли уже, что впослѣдствіи она приходила въ комнаты маленькаго великаго князя рѣже въ теченіе цѣлаго года, чѣмъ прежде на дню. Въ это время она была не только холодна къ отцу Павла, Петру Ѳедоровичу, но ходили слухи, что она даже не рѣшается оставить престолъ племяннику, что изъ Шлиссельбурга привозили Ивана Антоновича и Елисавета видѣла его съ цѣлью узнать, не можетъ ли онъ быть назначенъ ея наслѣдникомъ.

Впрочемъ, нельзя не сознаться, что Н. И. Панинъ былъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени. Въ Швеціи, гдѣ онъ былъ посланникомъ, онъ занимался изученіемъ ремеслъ. По словамъ современниковъ, честность и добродѣтель были написаны на лицѣ его. Вспомнимъ, какъ получивъ богатый подарокъ отъ Екатерины, Панинъ щедро подѣлился имъ съ своими секретарями

---

(1) Афанасьевъ, 39—40.
(2) Порошинъ (б), 449.

на томъ основаніи, что они помогали ему въ работѣ; немногіе изъ его современниковъ рѣшились бы на такую щедрость. Панинъ говорилъ, что онъ при Елисаветѣ отказался отъ вице-канцлерства, чтобы сдѣлаться воспитателемъ при Павлѣ Петровичѣ и что при Екатеринѣ онъ могъ бы получать 10,000 р. дохода вмѣсто 7,000, если бы отказался отъ воспитательской должности. Очевидно, онъ былъ привязанъ къ своему воспитаннику; по крайней мѣрѣ такъ надобно полагать, если вспомнимъ, съ какою горестію и съ какими слезами Павелъ, уже взрослый, цѣловалъ руки у умиравшаго Панина [1]. Такъ нельзя было любить воспитателя, если бы тотъ въ свою очередь не любилъ воспитанника. Чѣмъ же объяснить суровость первыхъ пріемовъ Панина? Новостью ли воспитательнаго дѣла для него, или незнаніемъ свойствъ воспитанника? По всей вѣроятности тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Одно очевидно: Елисавета никогда не назначила бы Панина къ Павлу, если бы любила послѣдняго съ прежнею горячностью: въ первое время Павелъ смотрѣлъ на Панина какъ на пугало и на опредѣленіе его какъ на наказаніе себѣ. Если впослѣдствіи между воспитателемъ и воспитанникомъ устанавливаются лучшія отношенія, то все же Панинъ не имѣлъ на Павла — какъ это видно напр. и при внимательномъ чтеніи записокъ Порошина — того моральнаго вліянія, которое никогда не достигается строгостью и только одно даетъ возможность овладѣть вполнѣ духовнымъ развитіемъ ребенка. Но ненадобно забывать, что и положеніе Панина было одно изъ труднѣйшихъ. Панина называли не только воспитателемъ, но и опекуномъ Павла; но воспитателю во многихъ случаяхъ необходимо имѣть права отца. Ихъ не могъ имѣть Панинъ, воспитатель наслѣдника престола, своего будущаго государя; по крайней мѣрѣ онъ не имѣлъ ихъ, хотя и долженъ былъ бы имѣть ради пользы своего же царственнаго воспитанника. Павелъ имѣлъ дворъ, толпу угодниковъ; онъ раздавалъ не малыя суммы по собственному ребяческому усмотрѣнію, рядился то въ мундиръ генералъ-адмирала, то во фракъ, то въ бѣлый тафтяный халатъ и во множество другихъ платьевъ; къ его

---

(1) Лебедевъ, 262.

услугамъ былъ корабль въ 15 футовъ длины и всевозможныя игрушки. Многое, чтд ему вздумалось пожелать, дѣлалось для него. Онъ читаетъ статью „Amour“ во французской энциклопедіи, и окружающіе оставляютъ его нѣкоторое время за этимъ чтеніемъ, хотя сами видятъ, что дѣлать этого ему не должно. Павелъ вырѣзываетъ ножницами то мѣсто изъ своего бѣлаго халатца, на которое упала табачная капля изъ носа его прислужника Фузадье и всѣмъ это кажется дѣломъ обыкновеннымъ.

Удивительно ли послѣ этого, что въ характерѣ Павла являются черты, которыхъ могло бы и не быть, если бы онъ выросъ при другой обстановкѣ. Опытъ не пропалъ безъ слѣда и Екатерина уже далеко иначе воспитываетъ дѣтей Павла, Алексанлра и Константина Павловичей.

Натура Павла была чрезвычайно впечатлительна; преобладавшая способность въ немъ было воображеніе. Онъ быстро усвоивалъ себѣ что говорилось другими; слышалъ часто, показывая что не слышитъ. Умъ его былъ преимущественно аналитическій, онъ зорко подмѣчалъ мелочи и подробности; зналъ обстоятельно все о послѣднемъ изъ окружавшихъ его. Сила воображенія его была такъ велика, что пирамида казалась ему кораблемъ послѣ того, какъ онъ долго вглядывался въ бывшій у него корабль. Иногда онъ представлялъ себя на службѣ. Чтеніе исторіи Мальтійскаго ордена произвело на него сильное впечатлѣніе. Онъ воображалъ себя мальтійскимъ рыцаремъ и, какъ посланный отъ ордена, представлялся своему товарищу по играмъ и ученію,—Сашѣ Куракину, тому самому, котораго онъ, по словамъ Порошина, такъ живо копировалъ, воображая какъ Александръ Борисовичъ Куракинъ будетъ важничать, когда сдѣлается канцлеромъ. Павелъ занимался снами и они производили на него сильное дѣйствіе. Замѣчательно однако, что онъ спалъ очень крѣпко, такъ крѣпко, что однажды, будучи еще очень маленькимъ на попеченіи женщинъ, и выпавъ изъ люльки, даже не проснулся. Часто воображаемое онъ принималъ какъ бы за случившееся. Нервичность и какая-то торопливость въ характерѣ были замѣтны въ немъ вмѣстѣ съ неустойчивостью впечатлѣній. Иногда онъ разомъ влюблялся въ человѣка и затѣмъ также быстро, часто безъ видимой причины, остывалъ къ нему. Вставъ, онъ торопился одѣться; его

мучило, если приходилось долго ждать кушанья; за столомъ онъ глоталъ пищу большими кусками, чтобы скорѣе кончить обѣдъ. Разъ за 92 часа до маскарада (Павелъ очень любилъ маскарады) онъ считалъ время по часамъ.

Особенности характера Павла надобно непремѣнно изучать въ связи съ его физическими особенностями. Надобно пожалѣть, что около Павла не было человѣка, который бы лучше всмотрѣлся въ его физическую природу и ознакомился съ ея требованіями. Павла наказывали тѣмъ, что кормили его молочнымъ ([1]). Онъ нерѣдко выказывалъ отвращеніе и къ мясу, а между тѣмъ считали долгомъ кормить его мяснымъ, когда ему того не хотѣлось, и не давали рыбы, къ которой онъ привыкъ въ посты, еще живя съ мамушками и нянюшками ([2]). По видимому природа мальчика сангвиническаго, пылкаго не по лѣтамъ темперамента, нуждалась всего менѣе въ слишкомъ питательной, возбуждающей пищѣ, а между тѣмъ ее-то ему и давали, и затѣмъ, когда его рвало послѣ обѣда и у него болѣла голова, говорили что это отъ глотанія пищи большими кусками. Медицинская наука давно уже объяснила неестественную напряженность и разстройство воображенія разстройствомъ пищеварительныхъ органовъ и хотя о діэтѣ Павла по видимому прилагали стараніе,— Панинъ постоянно напр. отвѣдывалъ кофе, подававшійся его питомцу—но этой же діэтой разстраивали его здоровье.

Живой, подвижный мальчикъ, съ выразительнымъ лицомъ и нѣсколько вздернутымъ носикомъ, имѣвшій привычку нюхать все новое, не могшій выговорить твердо *р*, Павелъ не могъ долго оставаться на мѣстѣ: онъ постоянно бѣгалъ и подпрыгивалъ. Это подпрыгиванье было у него общею чертою съ его родителемъ Петромъ Ѳедоровичемъ. Вообще знакомясь ближе съ личностью Павла, нельзя не видѣть многихъ общихъ чертъ характера между нимъ и Петромъ III. Историку есть много основаній остановиться на этомъ психологическомъ сходствѣ.

Павла начали учить очень рано и больше заставляли твердить

([1]) Порошинъ, 7—8.
([2]) Русскій Архивъ, 1869, стр. 8.

наизусть. Это еще упрекъ Панину, подъ руководствомъ котораго начато было ученіе. Все затверженное было забыто послѣ сильной болѣзни, которую вынесъ Павелъ въ Москвѣ, во время пребыванія тамъ двора въ 1763 г. Закону Божію Павла училъ Платонъ, послѣ митрополитъ московскій, тогда только начинавшій карьеру, блестящій проповѣдникъ, обладавшій, по замѣчанію и Екатерины II, удивительнымъ даромъ слова. Разъ Платонъ, говоря что человѣкъ сотворенъ по образу и подобію Божію, объяснялъ, что это надо понимать въ духовномъ смыслѣ. „И точно, замѣтилъ Павелъ, лица у людей разныя, а Богъ одинъ—какъ же можно!“ Находчивый умъ проявлялся въ Павлѣ и въ другихъ случаяхъ. Учитель исторіи, Остервальдъ, дойдя съ нимъ до преемника Нина, перечислилъ 30 государей и ни въ одномъ изъ нихъ не нашелъ ничего хорошаго. Послѣ урока отъ императрицы принесли 5 арбузовъ. Разрѣзали всѣ, но оказался одинъ лишь хорошимъ: „Вотъ—замѣтилъ Павелъ—изъ 30 государей не было ни одного хорошаго, а изъ пяти арбузовъ, хотя одинъ да сыскался хорошій.“

Павелъ былъ силенъ въ исторіи, и разъ за обѣдомъ поправилъ историческую ошибку одного изъ присутствовавшихъ, Штакельберга. Матиматикѣ онъ учился сносно, благодаря вліянію, пріобрѣтенному на него Порошинымъ, учителемъ и вмѣстѣ гувернеромъ его. По французски съ великимъ княземъ говорили довольно часто, но надъ смѣсью французскаго и русскаго языковъ, въ разговорѣ, онъ смѣялся. Нѣмецкій языкъ онъ очень не любилъ и учился по нѣмецки плохо. Нѣмецкій языкъ казался ему грубымъ:—„Нѣмецъ говоритъ: вытянуть пользу“, „выломать пользу“, „притащить къ суду“—если держаться буквальнаго перевода. „Я не нѣмецкій принцъ“, разъ сказалъ Павелъ; вообще онъ дурно отзывался о нѣмцахъ. Это враждебное къ нѣмцамъ настроеніе безспорно было слѣдствіемъ вліянія на великаго князя Порошина. Вообще можно замѣтить, что Павелъ нерѣдко усвоивалъ себѣ и повторялъ замѣчанія другихъ. Физическимъ наукамъ Павла училъ Эпинусъ. Бецкій снабдилъ учебную комнату Павла токарнымъ станкомъ и ящикомъ съ шелковичными червями. Порошинъ старался внушить Павлу, что онъ Романовъ, внукъ Петра великаго. Маленькаго великаго князя старались исправлять, дѣйствуя на его самолюбіе: показывали ему пись-

ма, будто бы написанныя посторонними людьми о немъ, говорили, что въ Европѣ судятъ о жизни наслѣдника русскаго престола и слѣдятъ за подробностями ея.

Павелъ былъ самолюбивъ отъ природы. Разъ въ театрѣ онъ остался недоволенъ, что партеръ два раза захлопалъ безъ сигнала отъ него. Когда принесли его бюстъ и хвалили работу, онъ также былъ недоволенъ: „есть что хвалить—замѣтилъ онъ—какой фурсикъ сдѣланъ!“ Но съ другой стороны маленькій Павелъ отзывался не лестно о придворныхъ льстецахъ. Разъ, когда ему стали апплодировать, еще прежде чѣмъ онъ началъ танцовать въ балетѣ, онъ замѣтилъ: „настоящіе персики“ („персики“ на его языкѣ значило „льстецы“) и прибавилъ: „о дворъ, дворъ!“ Не смотря на сильно развитое воображеніе, Павелъ не любилъ театра. Онъ говорилъ, что ему нравится уединеніе и что если бы онъ былъ дѣвочкою, то поступилъ бы въ Смольный монастырь; слово „монастырь“ вѣроятно заставляло его предполагать уединеніе въ Смольномъ. Одно время въ комнатахъ Павла устроился Павловскій монастырь, настоятелемъ котораго былъ Панинъ, а Павелъ вѣчно дежурнымъ монахомъ.

Павелъ былъ отъ природы очень добраго сердца. Онъ не забывалъ своихъ прежнихъ нянь, хранившихъ какъ сокровище волоса, обрѣзанные у него въ дѣтствѣ, и иногда посѣщалъ ихъ. Разъ обуваясь, онъ увидѣлъ на полу ползущую мокрицу и не могъ удержаться, чтобы не крикнуть изъ боязни, что ее раздавятъ (1). Двадцати-семилѣтній Павелъ плакалъ, разставаясь съ своимъ попечителемъ Салтыковымъ (2). Впослѣдствіи уже императоромъ, онъ по личному побужденію писалъ къ рязанскому губернатору Сонину, объ одной несчастной (обвиненной въ томъ, что она тайно зарыла мертворожденнаго своего ребенка), что ее не надобно отдавать подъ судъ, прибавляя, что самое приключеніе для нея было достаточнымъ наказаніемъ (3). Вспыльчивость и отчасти характеръ воспитанія объ-

(1) Русскій Архивъ, 1869, 7.
(2) Русскій Архивъ, 1864, 944.
(3) Русскій Архивъ, 1867, 246.

ясняютъ рѣзкость, съ какою иногда выражался Павелъ, когда ему что нибудь не нравилось. „Пень, какъ его ни одѣнь—замѣтилъ Павелъ разъ о фрейлинѣ Паниной—все останется пнемъ“. Но какъ скоро онъ могъ вспылить, такъ скоро и приходилъ въ себя. Поссорясь съ Порошинымъ, онъ послѣ просилъ у него прощенія. На такую натуру можно было дѣйствовать только добромъ и добрымъ примѣромъ; дѣйствовать строгостью значило вести къ упрямству. Разъ Павелъ до того ожесточился за столомъ, что Сальдернъ замѣтилъ присутствовавшимъ о немъ: „c'est une tête de fer.“ При этомъ случаѣ Павелъ былъ высланъ изъ за стола. „Ваше высочество при всѣхъ добрыхъ наклонностяхъ вашей души можете заставить себя ненавидѣть“,—сказалъ разъ Павлу выведенный изъ себя Порошинъ (1). Это было сказано можетъ быть слишкомъ рѣзко, но подобныя слова западали въ впечатлительную душу Павла и заставляли его исправляться.

Вообще въ природѣ Павла много было задатковъ хорошаго; дурное слѣдовало устранить воспитаніемъ. Но если умственное воспитаніе дано было ему по тому времени очень хорошее, то воспитаніе души, воспитаніе нравственное оставляло многаго желать. Физическое же воспитаніе его было таково, что ошибки воспитателей ярко бросаются въ глаза.

Цесаревна Наталья Алексѣевна.

Павелъ былъ ребенкомъ страстная, впечатлительная натура. Въ раннемъ дѣтствѣ, въ комнатахъ имп. Елисаветы Петровны его, ренебка лежавшаго въ колыбели, кутали въ мѣха и одѣяла; нѣсколько первыхъ лѣтъ жизни онъ пробылъ среди мамокъ и нянюшекъ, нѣжившихъ и холившихъ его какъ тепличное растеніе. Онъ развился физически очень рано. Отъ природы сильное воображеніе тревожило его романическими образами уже на одинадцатомъ году жизни и даже ранѣе. Десятилѣтній мальчикъ, онъ уже писалъ на

---

(1) Русскій Архивъ, 1869, стр. 15.

окнѣ имя нравившейся ему фрейлины. Одинадцати лѣтъ онъ прочелъ два раза у Ролленя то мѣсто, гдѣ говорится о женскихъ свойствахъ, стараясь, по словамъ Порошина, не дать замѣтить другимъ что читалъ. „Когда женюсь—говорилъ около того же времени маленькій Павелъ—то жену очень любить стану и ревнивъ буду.“ Екатерина II была далека оттого, чтобы противодѣйствовать этимъ, рано развивавшимся наклонностямъ въ Павлѣ. Напротивъ, она сама поощряла его быть любезнымъ и играть въ нѣжныя чувства. Но хотя отъ воспитателей своихъ десятилѣтній Павелъ не скрывалъ своихъ сердечныхъ тайнъ, матери, однако, онъ не сказалъ на ухо имя фрейлины, всего больше нравившейся ему, когда Екатерина спросила его о томъ; его отвѣтъ былъ: „всѣ равны“. Но не забудемъ, что предъ Екатериной маленькій великій князь чувствовалъ себя съ дѣтства какъ-то неловко; такъ напр. Порошинъ замѣчаетъ, что великій князь, довольно порядочный игрокъ на бильярдѣ съ другими, съ Екатериною игралъ очень плохо. Впослѣдствіи иностранцы при русскомъ дворѣ замѣчали, что Павелъ являлся предъ матерью какъ предъ судьею ([1]). Но скрыть отъ Екатерины своихъ ощущеній десятилѣтній Павелъ не могъ. Такъ Порошинъ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ о великомъ князѣ: „ея величество примѣтила, что смотрятъ на любезную.“ Молодыя фрейлины, пользуясь тѣмъ, что императрица снисходительными глазами смотрѣла на пробужденіе нѣжныхъ чувствъ въ сынѣ, вели себя съ Павломъ довольно свободно. Онѣ подмигивали изъ оконъ „любезному Пунюшкѣ“, какъ онѣ звали между собою Павла ([2]); казались обиженными тѣмъ, что Павелъ на маскарадахъ танцовалъ не съ ними, а съ посредственнаго состоянія дѣвушками; острились надъ Павломъ, когда онъ подарилъ своей возлюбленной бергамотъ. Порошинъ отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что въ окошко перемигивалась съ нимъ больше его „модная“, т. е. нравившаяся ему болѣе другихъ въ то время; и въ другомъ мѣстѣ, что „любезная“ часто поглядывала на Павла въ лорнетъ. Воспитатель Павла говоритъ и

([1]) La Cour, 251.
([2]) Порошинъ, 225.

объ объясненіяхъ его съ возлюбленной. Фрейлина Чеглокова, о которой Павелъ сталъ мечтать послѣ Хованской (съ Хованской онъ не хотѣлъ послѣ даже играть въ fête d'amour), разъ сказала, что хотѣла бы поцѣловать у Павла руку. Въ новый (1766) годъ сдѣлала такъ, что Павлу за ужиномъ досталось сидѣть съ Чеглоковой, хотя садились по билетамъ. Павелъ былъ ревнивъ въ своихъ дѣтскихъ страстяхъ; онъ назвалъ разъ свой предметъ страсти червонной десяткой, говоря, что она многимъ отдаетъ свое сердце. Послѣ, въ сердцахъ, онъ разорвалъ червонную десятку въ клочки.

Екатерина, слѣдившая за развитіемъ Павла, стала рано подыскивать ему невѣсту. Павлу еще нѣтъ одинадцати лѣтъ, а агентъ и повѣренный Екатерины, Ассебургъ, уже объѣзжаетъ германскіе дворы, высматривая достойную невѣсту для наслѣдника русскаго престола. Ассебургъ остановился на пяти принцессахъ, но напр. Луиза Саксенъ-Готская отказалась ѣхать съ дочерми въ Петербургъ: ревностная лютеранка, она не желала чтобы дочь ея, на которую могъ пасть выборъ наслѣдника русскаго престола, перемѣнила вѣру. Между принцессами, остановившими на себя вниманіе Ассебурга, была также одна, Доротея Виртембергская, которой года не позволяли сдѣлаться невѣстою: ей было всего 9 лѣтъ, когда ее увидѣлъ впервые Ассебургъ. Впрочемъ, подруга дѣтства принцессы Виртембергской, баронесса Оберкирхъ, говоритъ, что 10 лѣтней Доротеѣ — будущей имп. Маріи Ѳедоровнѣ — казалось 15 лѣтъ, такъ она была физически развита. Окончательно вниманіе Ассебурга остановилось на принцессѣ Вильгельминѣ Гессенъ-Дармштадтской. О Вильгельминѣ Ассебургъ писалъ Н. И. Панину какъ о достойной невѣстѣ для наслѣдника русскаго престола. Предполагалось, что Панинъ покажетъ письмо Екатеринѣ, но онъ этого не сдѣлалъ. Екатерина, однако, узнала о письмѣ чрезъ своихъ агентовъ (¹). Тутъ могла зарониться искра неудовольствія въ сердцѣ Екатерины противъ главнаго воспитателя ея сына; вліяніе Панина на Павла впослѣдствіи должно было еще болѣе усилить это неудовольствіе.

Екатерина не хотѣла связывать себя какими либо условіями въ

(¹) Лебедевъ, 137.

выборѣ невѣсты для сына прежде, чѣмъ видѣла ее собственными глазами. Желаніе ея было, чтобы принцессы, на которыхъ падетъ выборъ ея повѣреннаго, пріѣхали въ Петербургъ, и чтобы ей остановиться выборомъ можно было лишь послѣ личнаго знакомства. Но она была далека отъ того, чтобы предоставить выборъ принцессъ, которыхъ она могла пригласить въ Петербургъ, исключительно Ассебургу. Напротивъ, она хотѣла изучить избранныхъ прежде, чѣмъ могло быть послано имъ приглашеніе пріѣхать. Это дѣлалось посредствомъ частой, обстоятельной переписки съ Ассебургомъ. Екатерина вела эту переписку съ любовью, съ искуствомъ; въ письмахъ ея къ Ассебургу высказывается много тонкаго ума и знанія людей. Но обстоятельная, вполнѣ дѣловая переписка не была единственнымъ средствомъ у Екатерины для оцѣнки будущей невѣсты сына. Она вѣрила въ физіогномику, въ способность узнавать человѣка по лицу; если она не могла видѣть человѣка лично, то судила о немъ по портрету; Ассебургъ долженъ былъ присылать ей портреты принцессъ, о которыхъ писалъ. Принцесса Вильгельмина Дармштадтская понравилась Екатеринѣ по портрету. Но посмотримъ что говоритъ Ассебургъ о Вильгельминѣ и ея двухъ сестрахъ (¹): онъ колебался въ выборѣ одной изъ трехъ.

Мать принцессъ Дармштадтскихъ описывается женщиною слабою, не могшею руководить дѣтьми. Отецъ былъ холоденъ къ дѣлу ихъ воспитанія. Но, по замѣчанію Ассебурга, отличительною чертою дармштадтскаго владѣтельнаго дома было то, что члены этой семьи „удалялись отъ пороковъ и любили истину.“ Эта фраза была едва ли общее мѣсто. По крайней мѣрѣ Ассебургъ такими привлекательными чертами описываетъ одну изъ принцессъ, выросшихъ безъ присмотра и руководства, среди дармштадтской придворной скуки, что надобно удивляться какъ выборъ его готовъ былъ остановиться не на ней, а на сестрѣ ея Вильгельминѣ, о которой онъ писалъ Панину. Когда Ассебургъ первый разъ увидѣлъ Амалію, старшую принцессу,—она была высокая, очень недурная собою, дѣвушка. На лицѣ ея, по временамъ освѣщаемомъ мыслью, отражалась кротость.

(¹) Лебедевъ, 161—171.

Въ обращеніи она была благородна, даже съ оттѣнкомъ великодушія. Она была наклонна къ чтенію, застѣнчива, не цѣнила внѣшней обстановки. Ассебургъ прибавляетъ, что она была невнимательна къ себѣ, даже неряшлива. Но у екатерининскаго повѣреннаго могъ быть свой взглядъ на неряшливость. Интересно напр., что онъ ставитъ въ вину принцессамъ ихъ убѣжденіе, что добродѣтель блистаетъ сама собою, что грація, тактъ, умѣнье держать себя, знаніе свѣтскихъ обычаевъ—качества искуственныя и легко пріобрѣтаемыя. На этомъ основаніи онъ отвергъ старшую принцессу, Амалію, притомъ еще опираясь на то, что она была въ то время (въ 1768 г.) больна глазами, и отдалъ предпочтеніе Вильгельминѣ.

Портретъ Вильгельмины, набрасываемый Ассебургомъ въ его письмахъ, далеко, однако, не такъ симпатиченъ, какъ портретъ ея старшей сестры. Вильгельмина была прекрасное дитя, но послѣ очень измѣнилась. Черты лица ея огрубѣли, носъ и ротъ измѣнили форму, цвѣтъ лица потемнѣлъ и испортился, лице утратило прежній колоритъ; талія, походка, даже голосъ совершенно измѣнились. Веселость характера смѣнилась скрытностью, сухостью въ разговорахъ, даже мрачностью, тяжеловатостью и невнимательностью. У Вильгельмины явилось заученое выраженіе лица. Удовольствія, танцы, наряды, общество подругъ и игры ее не занимали. Хвалили ея умъ и послушаніе, но не было недостатка и въ капризахъ. Она была нервна и нѣсколько рѣзка въ рѣшеніяхъ. Не терпѣла принужденія ни въ чемъ; и даже въ нарядахъ, дѣлавшихся для сестеръ, оно ей было невыносимо. Но Ассебургъ пишетъ точно также, что она была равна въ обращеніи со всѣми, открыта и доступна вѣрному сужденію. Онъ полагалъ, что если манеры ея нѣсколько небрежны, то при другихъ обстоятельствахъ онѣ сдѣлаются милѣе, пріятнѣе и ласковѣе. Когда принцессамъ дали понять, что Россія можетъ сдѣлаться для одной изъ нихъ новымъ отечествомъ, то Вильгельмина казалось какъ-то болѣе сестеръ интересовалась бесѣдами объ этомъ. Рѣчи о Петербургѣ сдѣлали ее разговорчивѣе, она говорила и слушала съ видимою цѣлью научиться и интересовалась предстоящею поѣздкою, хотя гордость нрава и заставляла ее скрывать это. Ассебургъ пришелъ къ убѣжденію, что она честолюбивѣе сестеръ. Екатерина по видимому пришла къ тому же убѣжденію, на основаніи

его писемъ. Сохранилась приписка Екатерины на письмѣ Ассебурга при имени Вильгельмины: „увѣрена, что честолюбивѣе другихъ; кто не имѣетъ ни къ чему влеченія и ни чемъ не забавляется, тотъ снѣдаемъ честолюбіемъ—это безошибочное правило" (1). Екатерина предлагала пари барону Черкасову, что вторая изъ принцессъ (Вильгельмина) будетъ предпочтена при выборѣ невѣсты. Надобно замѣтить, что Екатерина, впрочемъ, относилась довольно холодно и безучастно къ выбору принцессы Вильгельмины. Ея избранница для сына была бы Доротея Виртембергская (2), если бы въ то время, когда шло самое горячее сватовство, ей не было всего 12 лѣтъ. Въ Доротеѣ не было быть можетъ столь развитаго ума, какой видѣли въ Вильгельминѣ, но Екатерину въ ней въ особенности привлекала доброта, да и по умственному развитію 12 лѣтней дѣвочки нельзя было судить чѣмъ она будетъ въ зрѣломъ возрастѣ. Надобно прибавить также, что за выборъ Вильгельмины въ супруги Павлу былъ Фридрихъ II. Ландграфиня Гессенъ-Дармштадтская получила приглашеніе отъ Екатерины пріѣхать съ дочерьми въ Петербургъ. Ландграфиня была въ затруднительномъ положеніи. Злые языки могли сказать, что она ѣдетъ представить своихъ дочерей на выборъ. Она давала понять повѣренному Екатерины, что лучше было бы прежде поѣздки сдѣлать извѣстнымъ выборъ одной изъ дочерей ея въ супруги великому князю Павлу Петровичу (3); въ Петербургъ ѣхала бы невѣста наслѣдника русскаго престола со всѣми родными, и не было бы никакихъ толковъ и пересудовъ. Но Екатерина не могла думать согласиться на это. Она ни за что не хотѣла заранѣе стѣснять себя какими либо условіями. Она просто приглашала ландграфиню посѣтить ее и ея ли дѣло было, что злые языки могли дѣлать тѣ или другіе выводы. Ландграфиня сдалась. На поѣздку ея было отпущено изъ русской казны 80,000 гульденовъ. Эскадра Крузе была послана въ Любекъ, чтобы перевезти оттуда моремъ ландграфиню съ дѣтьми въ Россію. Баронъ Черка-

(1) Лебедевъ, 173.
(2) Asseburg, 276—277.
(3) Лебедевъ, 272—273.

совъ, домашній человѣкъ Екатерины и ея партнеръ въ карточныхъ играхъ, котораго она можетъ быть за его замѣчательную толстоту прозвала Ѳомою Діафорусомъ, былъ назначенъ распорядиться пріемомъ ландграфини въ Россіи. Баронъ спрашивалъ: поцѣловать ли ему руку у ландграфини и принцессъ по выходѣ ихъ на берегъ? Екатерина отвѣтила, что цѣловать руки нельзя. Поцѣлуй руки у прибывшихъ принцессъ уполномоченнымъ Екатерины могъ быть истолкованъ какъ доказательство того, что на нихъ уже смотрятъ какъ на будущихъ родственницъ царскаго дома, а этого-то именно Екатерина и не желала.

Не будемъ останавливаться на подробностяхъ. Принцесса Вильгельмина была избрана и вступила въ царскую семью подъ именемъ вел. кн. Натальи Алексѣевны. Не долга была брачная жизнь ея. Сначала ей по видимому многое улыбалось. Екатерина, нерѣдко бывшая въ размолвкахъ съ своимъ наслѣдникомъ престола, болѣе по интригамъ Панина и Потемкина, въ первое время послѣ брака Павла сошлась съ нимъ; большой и малый дворы сблизились, Панинъ (Н. И.) и Потемкинъ на время помирились (1). Екатерина говорила, что невѣстка возвратила ей сына. Но миръ и союзъ продолжались недолго. Опять началась борьба между Потемкинымъ и Панинымъ. Потемкинъ не доброжелательствовалъ Павлу и его вліяніе на Екатерину держало наслѣдника ея вдали отъ дѣлъ. Панинъ, успѣвшій пріобрѣсти значительное вліяніе на своего воспитанника въ его дѣтствѣ и не утратившій этого вліянія съ годами, внушалъ подъ рукою кому нужно было, что Павелъ теперь уже совершеннолѣтній и долженъ имѣть участіе въ дѣлахъ государственныхъ (2). Это породило недовѣрчивость въ Екатеринѣ. Умная и честолюбивая невѣстка могла казаться опасною ей, если бы внушенія Панина имѣли дѣйствіе. Екатеринѣ казалось, что она открыла нѣкоторыя задушевныя тайны Натальи Алексѣевны. Ходили толки, что супруга наслѣдника ищетъ случая сблизиться съ народомъ (3). Гордый и

(1) Лебедевъ, 183.
(2) Лебедевъ, 175—176.
(3) Лебедевъ, 184.

самолюбивый характеръ Натальи Алексѣевны былъ не изъ тѣхъ, которые прибѣгаютъ къ объясненіямъ и идутъ на мировую, если считаютъ свое дѣло правымъ. Уединенная жизнь, которую вели наслѣдникъ престола и его супруга, не разсѣявала сомнѣній и недовѣрія при большомъ дворѣ. Кромѣ молодаго Разумовскаго (Андрея Кир.) рѣдко кто бывалъ съ нѣкотораго времени въ сообществѣ Павла Петровича и Натальи Алексѣевны. Молодая супруга своимъ твердымъ характеромъ и умомъ пріобрѣла сильное вліяніе на впечатлительную натуру Павла.

Недоумѣнія и опасенія скоро рушились и рушились трагически. Молодая супруга наслѣдника престола умерла первыми родами. Роды несчастны были вслѣдствіе того, какъ говорятъ, что не подоспѣлъ во время акушеръ. Акушеру, доктору Альманну, Екатерина сказала, что онъ отвѣчаетъ своею головою, если что нибудь случится. Альманнъ перепугался и не пошелъ къ родильницѣ (1).

Сближеніе именъ значитъ очень мало въ исторіи. Но нельзя не замѣтить, что въ характерѣ и судьбѣ второй Натальи Алексѣевны, умершей въ царскомъ семействѣ въ XVIII ст., было что-то общее съ первой. Обѣ начали рано жить умомъ; обѣ хотѣли быть полезны имъ тѣмъ, кто былъ имъ дорогъ. Умъ обѣихъ былъ препятствіемъ для эгоистическаго расчета другихъ. Обѣ увяли рано въ жизни, почти не оплаканныя тѣми, для кого онѣ хотѣли быть опорою, сопровожденныя въ могилу равнодушіемъ тѣхъ, кому трагическій конецъ ихъ очищалъ дорогу.

Павелъ еще въ очень молодомъ возрастѣ остался вдовцемъ.

Императрица Марія Θедоровна.

Судьба судила, чтобы та, съ мыслью о которой, какъ о невѣстѣ для своего сына, Екатеринѣ такъ трудно было разстаться, сдѣлалась супругою Павла Петровича. Умерла Наталья Алексѣевна и

---

(1) Castéra, II, 379.

уже выбирать другую невѣсту для него не нужно было: Доротея Виртембергская была заранѣе избрана Екатериною.

Принцесса Доротея родилась въ 1759 г. и воспитывалась въ родовомъ замкѣ Монбельяръ въ Виртембергѣ. Семья отца ея была велика: у Доротеи было 11 братьевъ и сестеръ. Ея семейство считало въ своемъ родствѣ Фридриха II и по желанію короля прусскаго Доротея была воспитана въ лютеранствѣ, хотя отецъ ея былъ католикъ. Мать ея не хотѣла, чтобы дѣти ея пріобрѣтали французскія привычки, въ то время быстро усвоивавшіяся при дворахъ и въ высшемъ обществѣ Германіи. Гувернанткой Доротеи была неприступная m-me Гендель, нѣмка, о которой Доротея, уже будучи супругою наслѣдника русскаго престола, писала своей подругѣ, баронессѣ Оберкирхъ: „цѣлую прахъ съ башмаковъ m-me Гендель." Отъ жены гувернера своихъ братьевъ, Моклера, урожденной баронессы Лефортъ (происходившей отъ Лефорта, учителя и сподвижника Петра I), Доротея ребенкомъ слышала много о Петрѣ, о Россіи и, по словамъ ея подруги дѣтства, съ любопытствомъ всегда говорила о странѣ, которой суждено было сдѣлаться ея вторымъ отечествомъ. Баронесса Оберкирхъ помнила какъ Доротея постоянно чихала, произнося одно трудное русское имя, слѣдствіемъ чего обыкновенно былъ неумѣренный смѣхъ. „По счастью—шутливо прибавляетъ баронесса—господинъ, носившій это имя, умеръ до свадьбы Доротеи, а то онъ причинялъ бы ей постоянную простуду." Доротея такъ много слышала о Россіи въ дѣтствѣ, что когда рѣчь зашла о сватовствѣ, принцесса считала его какъ бы предназначеніемъ судьбы. Доротея радовалась мысли о предстоящемъ бракѣ, говорила, что считаетъ себя счастливѣйшею принцессою въ мірѣ. Но потомъ дума набѣгала на ея молодое, розовое личико и грусть оттѣнялась на близорукихъ, но добрыхъ и красивыхъ ея глазахъ. „Ужасныя несчастія постигаютъ иногда царей—говорила она,—кто знаетъ какую судьбу небо судило моему ребенку" (1). Но скоро ребячески-меланхолическая мысль слетаетъ съ ея лица и она начинаетъ съ подругою учиться кланяться передъ креслами, чтобы не

(1) Oberkirch, I, 99.

уронить себя при появленіи при дворѣ Екатерины. Мысль явиться предъ русскою императрицею смущала Доротею; она такъ много слышала о Екатеринѣ: „Я боюсь Екатерины — говорила она,— она испугаетъ меня; я увѣрена, что покажусь ей допельзя глупою. О, если бы только понравиться ей и великому князю!"

Екатерина, судя по портрету, говорила, что у Доротеи одно качество—доброта. Впослѣдствіи (въ 1778 г.) Корберонъ говорилъ, что принцесса Виртембергская, послѣ великая княгиня, будущая императрица, всегда была и останется женщиною и ни чѣмъ болѣе. Женственная по природѣ, любившая цвѣты до страсти, очень не дурная собой, Доротея по пріѣздѣ въ Петербургъ не могла не понравиться Павлу Петровичу. Надобно замѣтить, что о лицѣ ея едва ли можно судить по портретамъ: изъ пяти, написанныхъ съ нея вскорѣ по вступленіи въ бракъ, только одинъ оказался нѣсколько сноснымъ. Императрицею она сохранила слѣды молодости и свѣжести въ 50 лѣтнемъ возрастѣ, на памяти людей живущихъ. Ровный характеръ, большой запасъ терпѣнія и любовь къ порядку во всемъ, отличительныя черты бывшей принцессы Доротеи, содѣйствовали этому.

Екатерина привязалась по портрету и письмамъ Ассебурга еще къ 12 лѣтней Доротеѣ. Она просила прислать Доротею и еще кого нибудь изъ ея 11 братьевъ и сестеръ къ ней въ Петербургъ, обѣщаясь приложить стараніе о ихъ воспитаніи (1). Рѣчь объ этомъ шла, когда уже была избрана другая въ невѣсты наслѣднику престола. Наконецъ желаніе Екатерины исполнилось. Доротея въ Петербургѣ, но уже не воспитанницею русской императрицы, а невѣсткою ея, великою княгинею Маріею Θеодоровною.

Молодые супруги жили въ любви и согласіи. Изъ задушевныхъ писемъ Маріи Θеодоровны къ ея подругѣ дѣтства видно, что ея впервые пробужденная привязанность была сильна. Эпизодъ изъ путешествія молодыхъ супруговъ по Италіи, уже нѣсколько лѣтъ спустя по вступленіи ихъ въ бракъ, показываетъ, что они долго смотрѣли другъ на друга глазами влюбленныхъ. Разъ Павелъ и

---

(1) Asseburg, 276—277.

Марія Өедоровна ѣдутъ въ каретѣ съ англичаниномъ серомъ Вильямомъ Гамильтономъ. Павелъ цѣлуетъ Марію Өедоровну. Чопорный англичанинъ отворачиваетъ голову въ сторону, стараясь показать, что ничего не видалъ. Павла тѣшитъ маневръ англичанина и онъ въ духѣ. Онъ нарочно старается цѣловать супругу въ то время, когда англичанинъ поворачивается къ нимъ. Гамильтонъ то и дѣло отворачивается въ сторону; онъ смущенъ и теряется... Наконецъ пріѣхали, пытка его кончилась.

Марія Өедоровна по природѣ не могла не быть доброю, заботливою матерью. Когда было рѣшено Павлу съ супругой ѣхать путешествовать за границу, ее едва можно было побудить разстаться съ ея малолѣтними дѣтьми; ее вынесли въ карету, стоявшую возлѣ крыльца, въ обморокѣ (1).

Остановимся на нѣкоторыхъ подробностяхъ этого путешествія. По общему мнѣнію, въ Парижѣ король принялъ Павла какъ друга, герцогъ орлеанскій какъ гражданина, принцъ Конде какъ императора (2). Церковь Notre-Dame въ Парижѣ, какъ и соборъ Петра въ Римѣ, очень понравились Марьѣ Өедоровнѣ, но—какъ признавалась она—греческія церкви нравились ей больше. Во время представленія въ театрѣ піесы „Chasse de Henri Quatre“ Павелъ такъ былъ разтроганъ, что плакалъ о Генрихѣ IV и попросилъ повторить для него пьесу. Это было сдѣлано и въ честь этого случая были написаны стихи, пророчившіе, что Павелъ уподобится Генриху IV. Интересна замѣтка Павла о французахъ. Разъ въ толпѣ, окружавшей его, слышится замѣчаніе, что онъ дуренъ собой: „Хотя французы очень учтивы, замѣтилъ Павелъ, обращаясь къ русскому посланнику въ Парижѣ, но нельзя отрицать, что они очень откровенны.“ Королева Марія Антуанета произвела сильное впечатлѣніе на Павла при свиданіи ихъ. Онъ много говорилъ о ея глазахъ, орлиномъ носѣ, гордо складывавшихся губкахъ, такъ что Марія Өедоровна, слушавшая все это, поддалась—по словамъ бар. Оберкирхъ—легкому чувству ревности. Проблескъ того же чув-

(1) Лебедевъ, 260.

(2) Oberkirch, II,24.

ства слышится въ замѣчаніи великой княгини по поводу чрезвычайной благодарности баронессы Оберкирхъ Павлу за доставленные имъ ей цвѣты и фрукты; Марія Ѳедоровна назвала это изліяніе благодарности слѣдствіемъ разстройства желудка.

Заботливая мать, Марія Ѳедоровна, конечно, желала бы сама воспитывать своихъ дѣтей; но воля имп. Екатерины была, чтобы дѣти Павла воспитывались въ Петербургѣ, и подъ ея непосредственнымъ надзоромъ. Конечно, императрица дѣлала это не изъ нерасположенія къ великой княгинѣ. Извѣстно, что Екатерина, иногда надѣвавшая фартухъ и исполнявшая должность повивальной бабки даже у обыкновенныхъ приближенныхъ, спасла Марію Ѳедоровну отъ смерти родами при рожденіи вел. кн. Екатерины Павловны (¹). Впослѣдствіи Марія Ѳедоровна, уже мать взрослыхъ дѣтей, должна была иногда нѣсколько разъ въ недѣлю ѣздить по тряской тогдашней дорогѣ изъ Гатчина въ Петербургъ для свиданія съ дѣтьми. И въ домашней жизни ея не все были розы. 30,000 р. асигнаціями въ годъ, выдававшіеся наслѣднику престола, были средства очень скудныя для содержанія двора. Великая княгиня сопровождала своего супруга на его любимые маневры и военныя экзерциціи, терпя иногда стужу и холодъ. Самъ Павелъ въ актѣ, имѣвшемъ быть обнародованнымъ въ случаѣ его смерти (въ 1788 г., когда шла рѣчь объ отправленіи его въ дѣйствующую армію), благодарилъ ее за терпѣніе (²).

Мы не разъ еще встрѣтимся впослѣдствіи съ имп. Маріею Ѳедоровною.

Гатчино.

Разъ къ подъѣзду зимняго дворца подошелъ ямщикъ съ хлѣбомъ-солью и просилъ его допустить къ государю Павлу Петровичу. Придворные вскинулись на него; свое ли онъ затѣваетъ?

(¹) Лебедевъ, 263.
(²) Вѣстникъ Европы, 1867, I.

Хотѣли мужика вытолкать. Но онъ просилъ только доложить о немъ, а государь его уже знаетъ. Доложили. Павелъ принялъ ласково ямщика и спросилъ императрицу помнитъ ли она его. На отрицательный отвѣтъ, онъ напомнилъ ей, что это былъ тотъ самый мужичокъ, который имъ, когда они жили въ Гатчинѣ, ссудилъ въ долгъ на 2,000 р. лошадей. Павелъ замѣтилъ, что ямщикъ можетъ спрашивать теперь у него денегъ въ долгъ, но тотъ отвѣчалъ, что у него, благодаря Бога, на нужду денегъ довольно, а если государю они когда нибудь понадобятся, то онъ готовъ отдать ихъ до послѣдней полушки (1).

Этотъ эпизодъ бросаетъ свѣтъ на гатчинскую жизнь Павла Петровича и Маріи Өедоровны въ царствованіе Екатерины II. Средства ихъ — 30,000 р. асигнаціями въ годъ—были очень скудны. Припомнимъ, что въ это время русскій посланникъ въ Варшавѣ, Штакельбергъ, получалъ 44,000 р. жалованья въ годъ и посланникъ въ Константинополѣ 26,000 (2). При дворѣ Екатерины во вторую половину ея царствованія господствовала роскошь; на дневное содержаніе только трехъ лицъ отпускалось отъ двора по 600 р. въ день (3). Въ такое время содержаніе наслѣдника престола казалось очень скуднымъ. Правда, Екатерина взяла на себя заботы о дѣтяхъ Павла Петровича и, слѣдовательно, расходы на нихъ, но содержать гатчинскій дворъ, хотя и небольшой, все таки стоило чего нибудь. Притомъ если Екатерина и хотѣла воспитать Павла въ англійской простотѣ, то во первыхъ воспитаніе его начато было Елисаветою Петровной, а во вторыхъ и послѣдующая обстановка его воспитанія вела къ совершенно противоположному. Павелъ любилъ хорошо одѣваться и хотя старался вести возможно умѣренный образъ жизни, но часто нуждался въ деньгахъ. Мы видимъ, что онъ занимаетъ у простаго ямщика. Другъ его, Александръ Бор. Куракинъ, тотъ самый Саша Куракинъ, котораго онъ „валялъ“ въ дѣтствѣ съ своими воспитателя-

---

(1) Болотовъ, въ Рус. Арх., 1864, 602.
(2) Asseburg, 308.
(3) Грибовскій, 5.

ми и обгонялъ въ ученіи—закладывалъ свои имѣнія, чтобы выручить наслѣдника престола изъ нужды (1).

Впослѣдствіи Павелъ императоромъ заплатилъ долгъ другу своему съ лихвою. Скудость средствъ во время жизни въ Гатчинѣ, съ одной стороны сдѣлавъ умѣренность въ жизни и отсутствіе роскоши необходимостью для Павла, повела въ царствованіе его къ ряду реформъ и мѣръ противъ пышности и расточительности. Съ другой стороны, узнавъ на опытѣ что̀ значитъ имѣть недостаточныя средства, Павелъ впослѣдствіи щедрою рукою опредѣляетъ содержаніе царскаго семейства и отдѣляетъ часть казенныхъ крестьянъ, подъ названіемъ удѣльныхъ, для императорской фамиліи.

Что же разъединило мать съ сыномъ и заставило Павла поселиться въ гатчинскомъ уединеніи? Или быть можетъ Екатерина не любила сына и преслѣдовала его? Впослѣдствіи дѣйствительно между матерью и сыномъ произошелъ разладъ, если не наружный, то скрытый; но напрасно было бы думать, что Екатерина питала нелюбовь къ сыну съ дѣтства (2). Она нерѣдко посѣщала его, ласкала. Мы видѣли, что она входила съ нимъ въ интимные разговоры, прося сказать ей на ушко, которая изъ фрейлинъ ему больше нравится. Называя его по-французски „Monsieur le Grand Duc“, она обращается къ нему по-русски со словомъ „ты, батюшка“. Она обѣщаетъ, когда Павелъ выростетъ, призывать его къ себѣ для слушанія дѣлъ. Изъ „записокъ“ же Порошина мы знаемъ, что императрица, играя съ сыномъ въ берланъ, сбрасывала нарочно старшія карты, чтобы проиграть маленькому Павлу; по крайней мѣрѣ такъ казалось Порошину. Очень вѣроятно, что если бы она встрѣтила привязанность и откровенность со стороны Павла, то между ними установились бы дружескія отношенія. Но Павелъ дичится и робѣетъ въ присутствіи матери. Онъ скучаетъ и чувствуетъ себя связаннымъ на ея половинѣ. Какъ впослѣдствіи любовь внука, Александра Павловича, къ ней находила отвѣтъ въ страстной любви съ ея стороны, такъ дѣтская угрюмость и сдержанность Павла при

---

(1) Русскій Архивъ, 1868, стр. 23.

(2) Ср. Письма Екатерины II къ Н. И. Панину. Чтенія, 1863, II.

ней могли сдѣлать ее впослѣдствіи холоднѣе къ нему. Но холодныя отношенія установились еще не скоро. Павелъ сближается съ Екатериною въ первое время брачной жизни своей съ Натальею Алексѣевною и потомъ при рожденіи вел. кн. Екатерины Павловны отъ Маріи Ѳедоровны. Но съ усиленіемъ вліянія Потемкина, Екатерина и Павелъ окончательно охладѣваютъ другъ къ другу и Потемкинъ былъ главною причиною этого. Чтобы объяснить чувства Павла къ Екатеринѣ, нужно обратить вниманіе на нѣкоторыя обстоятельства его дѣтства. Мы уже видѣли, что Павелъ былъ ребенокъ весьма впечатлительный. Семи лѣтній малютка, онъ былъ крайне перепуганъ событіями іюня 1762 г. Въ ту ночь, когда Екатерина отправилась въ Петергофъ во главѣ корпуса войскъ, Панинъ легъ на одну постель съ великимъ княземъ. На другой день, Павелъ отправился съ своимъ воспитателемъ въ каретѣ, въ то время какъ солдаты на-скоро и полуодѣтые бѣжали къ Казанскому собору. Памятная ночь отозвалась сильнымъ нервнымъ потрясеніемъ въ ребенкѣ, имѣвшимъ слѣдствіемъ припадки, въ послѣдущіе годы жизни Павла. Произвела также сильное впечатлѣніе на Павла, два года спустя, казнь Мировича, о которой и до него дошли толки.

Толки.... именно толки многое значили въ воспитаніи Павла Петровича. Не мало лицъ сходилось ежедневно въ комнатахъ великаго князя и тонъ разговоровъ въ этомъ кружкѣ не могъ не оказать сильнаго впечатлѣнія на Павла. Мы знаемъ, что онъ ко всему внимательно прислушивался и что чужія мнѣнія, даже слова, усвоивались имъ. „Что о дуракѣ жалѣть, были слова маленькаго Павла при вѣсти о смерти Ломоносова,—казну только разорялъ и ничего не сдѣлалъ“ (1)... Очевидно, маленькій великій князь, не любившій нѣмцевъ и говорившій, что предпочитаетъ арабскій языкъ нѣмецкому, тутъ поддался нѣмецкому вліянію и по всей вѣроятности повторялъ при этомъ слова какого-нибудь изъ окружавшихъ его нѣмцевъ. Тонъ разговорамъ вокругъ великаго князя давалъ Панинъ. Мы уже видѣли, что моральное вліяніе Панина на его

(1) Русскій Архивъ, 1869, стр. 13.

воспитанника было слабо; Павелъ не особенно уважалъ своего воспитателя. Разъ Панинъ замѣтилъ, что ему некогда читать: „Вотъ какъ вчера у меня были, могли-бъ и читать,“ замѣтилъ Павелъ (1). Панинъ не могъ не замѣтить иронической колкости этого совѣта,— маленькій великій князь, очевидно, хотѣлъ дать понять, что можетъ обойдтись и безъ излишнихъ заботъ со стороны воспитателя. Привязанность къ Панину, если она явилась въ душѣ Павла, пробудилась позже, съ годами. При всемъ томъ нельзя не сознаться, что молодой воспитанникъ былъ воскъ, на которомъ съ ранняго дѣтства Панинъ, человѣкъ умный и тонкій, могъ отпечатлѣть что̀ ему угодно.

Невольно является вопросъ: не было ли отчужденіе, которое Павелъ чувствовалъ къ матери, слѣдствіемъ внушеній Панина? Братья Панины играютъ видную роль въ царствованіе Екатерины, и роль преимущественно опозиціонную. Петръ Панинъ, котораго впослѣдствіи Екатерина называла „первымъ вралемъ и своимъ персональнымъ оскорбителемъ“ (2), извѣстный служака и сердитый говорунъ, былъ одно время, какъ глава московской гостинной опозиціи, подъ косвеннымъ полицейскимъ надзоромъ. Никита Ивановичъ былъ человѣкъ хитрый и дипломатъ; его языкъ не надобно было держать на привязи кн. Волконскимъ и градскою полиціею. Никита Ивановичъ оставался постоянно на важныхъ постахъ, въ чести у государыни. Тѣмъ не менѣе на обоихъ братьевъ падали подозрѣнія въ содѣйствіи, подъ рукою, пугачевскому движенію. Припомнимъ также, что главный ударъ проекту Бестужева заключить бракъ между императрицею Екатериною и гр. Г. Г. Орловымъ, былъ нанесенъ Н. И. Панинымъ. При вступленіи Екатерины на престолъ, Н. И. Панинъ дѣйствуетъ въ пользу объявленія ея не императрицею, а правительницею въ малолѣтство сына. Онъ же главный дѣятель кружка, дѣйствовавшаго въ пользу дарованія Екатериною уложенія и представительнаго правленія. Наконецъ, отъ него же, какъ мы видѣли, идутъ внушенія, что Павелъ долженъ быть допущенъ къ дѣламъ правле-

(1) Русскій Архивъ, 1869, стр. 22.
(2) Лебедевъ, 116.

нія, какъ скоро сдѣлался онъ совершеннолѣтнимъ. Впослѣдствіи Панинъ борется съ Потемкинымъ, точно также какъ онъ прежде боролся съ Орловыми. Словомъ, воспитатель Павла Петровича былъ настоящій глава опозиціи случайнымъ людямъ въ царствованіе Екатерины и ей самой. Можно угадать, какого рода было вліяніе Панина на его воспитанника, если бы оно положительно не уяснялось напр. записками Порошина и т. д. Панинъ долженъ былъ дѣйствовать осторожно, средствами такъ сказать неосязаемыми; но онъ имѣлъ полную возможность дѣйствовать, и какъ будущее показало—дѣйствовалъ.

Если прибавить къ косвеннымъ внушеніямъ Панина, что Павелъ росъ вдали отъ матери и, въ царствованіе Елисаветы, среди лицъ нерѣдко враждебно расположенныхъ къ Екатеринѣ, то причина отчужденія Павла отъ матери разъяснится.

Какъ бы то ни было, но Павелъ удаляется отъ большаго двора въ небольшое село Гатчино и уединяется тамъ. Тамъ у него есть свой небольшой отрядъ войска, которому онъ производитъ частые смотры. Онъ погрузился въ военныя экзерциціи съ своими одѣтыми по прусскому образцу гатчинскими солдатами, носившими у петербургскихъ гвардейцевъ названіе „пруссаковъ". Онъ объявилъ себя главою Голштинскаго дома и хотя Екатерина уступила Голштинію Даніи за 6 линейныхъ кораблей, которыхъ та никогда не могла отдать,—раздавалъ голштинскій орденъ Анны своимъ приближеннымъ. Право награждать этимъ орденомъ было дано Павлу императрицею и иные иностранные писатели говорятъ, что раздача ордена Анны была одною изъ статей дохода гатчинскаго двора. Уже наслѣдникомъ Павелъ сдѣлалъ раздѣленіе этого ордена на три степени, обнародованное по восшествіи его на престолъ, когда орденъ Анны былъ причисленъ къ числу русскихъ. Это было только одно изъ многихъ постановленій, сдѣланныхъ въ Гатчинѣ за долго до вступленія Павла на престолъ и послѣ введенныхъ въ силу. Такъ уставы, обнародованные 29 ноября 1796 г. были составлены въ 1781 г. и только впослѣдствіи слогъ ихъ былъ исправленъ подъ редакціею Растопчина (1). Другіе проекты были составлены въ 1784 г. Въ 1788 г.

(1) Лебедевъ, 193.

приготовляясь отправиться въ походъ противъ турокъ, Павелъ пишетъ завѣщаніе, въ которомъ, въ случаѣ своей смерти, опредѣляетъ, чтобы сынъ его былъ немедленно объявленъ императоромъ (1): словомъ, Павелъ смотритъ уже и тутъ на себя, какъ на императора и хотя повелѣнія и указы его не выходятъ изъ гатчинскаго кабинета, но бережно сохраняются и впослѣдствіи выйдутъ на свѣтъ. Павелъ остается генералъ-адмираломъ русскаго флота, но не принимаетъ никакого участія въ государственныхъ дѣлахъ. Какъ скоро узнаютъ, что онъ не прочь былъ отъ личныхъ переговоровъ съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ, его отзываютъ изъ арміи. Въ 1788 г. Павелъ просится въ армію, дѣйствовавшую противъ турокъ. Екатерина не отпустила его. „Что скажетъ Европа?“ спросилъ Павелъ.—„Что вы были послушнымъ сыномъ“, былъ отвѣтъ Екатерины (2). Случалось прибѣгать Екатеринѣ и къ личной строгости въ отношеніи Павла. Разъ въ бумагѣ къ германскому императору, Павлу нужно было подписать: servus, frater et affinis. Павелъ отказался подписать, говоря, что онъ не слуга германскаго императора. Напрасно Екатерина представляла, что она сама подписалась serva, soror et amica; Павелъ не согласился. Наконецъ Екатерина должна была прибѣгнуть къ приказанію (3). Въ началѣ Екатерина какъ будто хотѣла исполнить свое обѣщаніе по немногу знакомить Павла съ дѣлами управленія. Такъ она ему показала указъ о прощеніи замѣшанныхъ въ пугачевскомъ бунтѣ; Павелъ склонялся къ мѣрамъ строгости и говоритъ, что обнародовать указъ еще рано (4). Въ 1774 г. Павломъ была подана записка императрицѣ, доказывавшая, что образъ мыслей и политическія правила матери и сына были во многомъ діаметрально противоположны. По мнѣнію Павла Россіи былъ нуженъ миръ; военныя силы государства онъ называлъ только его руками, давая понять, что нужно позаботиться и о головѣ. Онъ возставалъ противъ войны съ Польшею и Турціею, называя ее посягательствомъ на

---

(1) Вѣстникъ Европы, 1867, I.
(2) Herrmann, VII, 652.
(3) Herrmann, VII, 412—413.
(4) Лебедевъ, 175.

чужую самостоятельность (1). Онъ прямо давалъ понять, что былъ противъ тогдашнихъ совѣтниковъ императрицы. Нечего говорить, что все это были мнѣнія Панина и прямо направлены противъ Потемкина. Этого довольно было, чтобы усиленіе Потемкина совпадало съ окончательнымъ отчужденіемъ отъ дѣлъ Павла. Есть даже полное основаніе думать, что возвышеніе Потемкина, находившееся въ прямой связи съ скорымъ потушеніемъ имъ пугачевскаго бунта, было слѣдствіемъ того положенія, которое Потемкинъ занялъ въ отношеніи къ Панину и послѣ къ гатчинскому двору. Въ 1775 г. Потемкинъ надѣется надѣть на себя польскую корону (2). Это не удается ему, но въ 1791 г., почти наканунѣ смерти князя Таврическаго, снова дѣйствуетъ интрига въ Польшѣ о возведеніи его на престолъ; на устройство этого дѣла Потемкинымъ было занято у петербургскаго банкира Содерленда 700,000 р. Были также толки, что для Потемкина готовится королевство изъ соединенныхъ княжествъ Молдавіи и Валахіи (3); одно время онъ хотѣлъ сдѣлаться и герцогомъ. О Потемкинѣ и его арміи упоминалось въ церквахъ на выносѣ. Въ иностранныхъ журналахъ послѣ его имени ставили I, что значило Imperator (4)... А между тѣмъ возвышеніе Потемкина означало, что вліяніе и значеніе гатчинскаго двора все болѣе падаетъ.

Въ груди Павла накипѣло много. Онъ ждалъ своего вступленія на престолъ, чтобы измѣнить многое. Императоръ не долженъ былъ забыть того, что̀ хотѣлъ сдѣлать наслѣдникъ. Одинъ случай покажетъ съ какою настойчивостью императоръ долженъ былъ выполнять желанія наслѣдника и какъ Павелъ даже въ мелочныхъ обстоятельствахъ хотѣлъ сдѣлать то въ будущемъ, что̀ предположилъ въ настоящемъ. Разъ Павелъ проѣзжалъ верхомъ съ своимъ адъютантомъ Кутлубицкимъ по Мѣщанской улицѣ, въ Петербургѣ. Вели арестантовъ и Павелъ велѣлъ раздать имъ милостыню. „По-

---

(1) Лебедевъ, 204.
(2) Herrmann, VII, 107.
(3) Lesur, 280.
(4) Лебедевъ, 123.

мяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ," сказалъ одинъ изъ арестантовъ, Прохоръ Матвѣевъ. Павелъ велѣлъ записать фамилію этого арестанта и эта записка затѣмъ изо дня въ день перекладывалась въ карманъ платья, которое носилъ Павелъ. По вступленіи Павла на престолъ, Прохоръ Матвѣевъ былъ освобожденъ.

Потемкинъ и Екатерина были за союзъ съ Австріею. Едва ли нужно прибавлять, что гатчинскій дворъ былъ въ пользу Пруссіи. Гр. Румянцевъ былъ также въ пользу Пруссіи и противъ многаго въ политикѣ Потемкина. Павелъ сносился тайкомъ съ Румянцевымъ,—жившимъ въ Малороссіи,—какъ это видно напр. изъ разсказовъ Кутлубицкаго. Павелъ разъ призвалъ къ себѣ Кутлубицкаго, ѣхавшаго въ Малороссію, и привязалъ ему на снурокъ шейнаго креста записку для Румянцева. Пріѣхавъ къ Румянцеву, Кутлубицкій передаетъ карлику фельдмаршала (такъ приказалъ ему поступить Павелъ), что ему нужно видѣться съ фельдмаршаломъ. Прочитавъ записку Павла, Румянцевъ привязываетъ другую къ снурку креста Кутлубицкаго, замѣтивъ, что должна храниться тайна, что онъ вручаетъ ему свою сѣдую голову, и Кутлубицкій долженъ съѣсть записку въ случаѣ опасности.

Теперь снова обратимся къ домашней жизни образованнаго, живаго по уму, выказывавшаго благородное великодушіе, хотя и чрезвычайно щекотливаго въ разговорѣ, наслѣдника русскаго престола, какъ отзывается о Павлѣ гр. Сегюръ.

Мы видѣли, что здоровье Павла съ дѣтства было слабо. Одно время вельможи просили даже Екатерину составить актъ о престолонаслѣдіи, ссылаясь на слабость тѣлосложенія Павла, заставлявшую предполагать, что онъ не проживетъ долго (¹). Умѣренный образъ жизни и постоянныя дѣятельныя упражненія съ небольшимъ отрядомъ солдатъ, бывшемъ въ его распоряженіи, физически укрѣпили Павла; даже Марія Ѳедоровна должна была нерѣдко присутствовать верхомъ, не смотря ни на какую погоду, на гатчинскихъ маневрахъ. Какъ гатчинскіе солдаты отличались во всемъ отъ сол-

---

(¹) La Cour.... 238.

дать остальной арміи, такъ и небольшой гатчинскій дворъ не походилъ ни въ чемъ на дворъ Екатерины. Разъ гр. Орловъ въ Петербургѣ остригся по русски въ кружекъ; это вошло при екатерининскомъ дворѣ въ моду. Павелъ сказалъ, что онъ выгонитъ перваго изъ своего дома, кто острижется подобнымъ же образомъ (1). Въ своемъ кабинетѣ, какъ видѣли мы, Павелъ занимался составленіемъ уставовъ и постановленій для будущаго времени. Эта кабинетная гатчинская работа имѣла впослѣдствіи большое вліяніе на ходъ событій въ Россіи. Здѣсь впервые были занесены на бумагу мысли о необходимости оборонительнаго укрѣпленія Россіи и о военныхъ поселеніяхъ; о точной регламентаціи и необходимости строгой дисциплины въ арміи (2) и т. д. Даже гатчинскіе маневры не остались безъ послѣдствій для будущаго. Не говоря уже о томъ, что въ царствованіе Павла была произведена реформа во всей русской арміи по гатчинскому образцу, даже подъ Аустерлицемъ у генералъ-квартирмейстера русской арміи, Гартинга, были планы гатчинскихъ маневровъ и не безъ результата. Войска, потерпѣвшія пораженіе, дѣйствовали какъ на парадѣ.

Не одними только уставами и планами маневровъ занимался Павелъ въ своемъ уединеніи. Изъ письма архитектора Бажанова, переданнаго Екатеринѣ, императрица увидала, что Павелъ благосклонно смотритъ на масонство. Увѣряли, что самъ Павелъ былъ масонъ (3). Масоны-мартинисты подверглись преслѣдованію со стороны Екатерины, именно можетъ быть въ значительной степени благодаря этому обстоятельству. Екатерина сначала осмѣивала мартинистовъ, которыхъ она называла „мартышками,“ въ комедіяхъ; но потомъ дошло дѣло до полицейскаго и цензурнаго преслѣдованія.

При всѣхъ занятіяхъ у Павла оставалось не мало времени. Не удивительно, что онъ зналъ о мелкихъ подробностяхъ домашней жизни своихъ приближенныхъ. Такъ Павелъ зналъ о домашнихъ

---

(1) Ibid. 251—252.
(2) Лебедевъ, 193—198.
(3) Русскій Архивъ, 1869, 518.

обстоятельствахъ Кутлубицкаго, котораго просто звалъ Николкой; жену его за маленькій ростъ великій князь называлъ „колибри;“ зналъ что у Кутлубицкаго есть лакей Андрюшка. Разъ сказавъ Кутлубицкому, что ему не слѣдуетъ передвигать самому стола, такъ какъ онъ государственный слуга, Павелъ прибавилъ, что у него на это есть такой же слуга какъ у Кутлубицкаго Андрюшка—Иванъ. Этотъ Иванъ былъ—Кутайсовъ, турокъ по происхожденію, взятый маленькимъ въ Кутаисѣ и оттого получившій фамилію Кутайсовъ. Сначала слуга и брадобрѣй Павла, потомъ любимецъ его, — что не мѣшало однако палкѣ Павла прогуливаться иногда по спинѣ его при келейномъ наказаніи за проступки — красавецъ собою, Кутайсовъ достигъ впослѣдствіи званія графа и положенія одного изъ первыхъ вельможъ въ государствѣ.

Тихо дѣнь за днемъ текла гатчинская жизнь до 5 ноября 1796 года.

Воцареніе.

5 ноября 1796 г. Павелъ Петровичъ поѣхалъ кататься въ большихъ саняхъ съ Маріею Өеодоровною. При этомъ онъ разсказалъ сопровождавшимъ ихъ о снѣ, видѣнномъ имъ въ прошлую ночь. Ему снилось, что какая-то невѣдомая сила поднимаетъ его три раза къ верху. Гр. Ильинскій, бывшій тутъ-же въ саняхъ, объяснилъ, что великому князю быть скоро императоромъ. Казалось самъ Павелъ вѣрилъ въ это. Павелъ вѣрилъ въ видѣнія и сны, и, соображая все, можно сказать, что чудесное могло нерѣдко носить отпечатокъ дѣйствительности для этой нервной, чутко отзывавшейся на всѣ впечатлѣнія, жившей воображеніемъ, натуры. Когда Елисавета умирала и просила наслѣдника своего Петра Өеодоровича позаботиться о его сынѣ — прежнее расположеніе къ ребенку на смертномъ одрѣ возвратилось—какое-то странное, давящее чувство стѣсняло маленькаго Павла; это было предчувствіе. Нѣчто подобное ощущалъ Павелъ при разсказахъ о казни Мировича. Павелъ твердо вѣрилъ, что разъ, когда онъ гулялъ въ лунную ночь съ Кураки-

нымъ, ему явился Петръ I (¹); онъ даже слышалъ что̀ говорилъ Петръ, чувствовалъ прикосновеніе его къ себѣ. Онъ впослѣдствіи блѣднѣлъ при воспоминаніи объ этомъ видѣніи; въ его ушахъ какъ бы звучали слова Петра: „Павелъ! бѣдный Павелъ! бѣдный великій князь!“ Куракинъ, шедшій сзади Павла и видѣвшій, какъ тотъ прижимался бокомъ къ холоднымъ стѣнамъ домовъ, не могъ разувѣрить, что бокъ охладѣлъ отъ этого, а не отъ прикосновенія Петра I, котораго, очень естественно, Куракинъ не видалъ. Вѣру Павла въ дѣйствительность видѣнія усилило то, что впослѣдствіи Екатерина поставила монументъ Петру именно на томъ мѣстѣ, гдѣ, какъ казалось Павлу, Петръ оставилъ его, хотя она не могла знать о видѣніи.

Уже по вступленіи Павла на престолъ, случилось еще одно обстоятельство, которое носило на себѣ также печать чудеснаго.

Караульный у стараго лѣтняго дворца разсказываетъ своимъ начальникамъ о бывшемъ ему видѣніи. Сѣдой старецъ явился солдату во снѣ и велѣлъ ему сказать императору, чтобы на мѣстѣ дворца былъ построенъ храмъ во имя Николая чудотворца съ предѣломъ архистратига Михаила. Когда солдатъ возразилъ старцу, что онъ не смѣетъ утруждать государя, старецъ сказалъ, что государь объ этомъ уже знаетъ. Доложили Павлу о разсказѣ солдата. „Да, я уже это зналъ“, былъ отвѣтъ императора, по словамъ современниковъ (²). Вслѣдъ затѣмъ велѣно было построить церковь во имя Николая чудотворца съ предѣломъ архистратига Михаила, на мѣстѣ стараго дворца, и вновь построенный тутъ-же затѣмъ дворецъ велѣно было называть Михайловскимъ. Въ этомъ дворцѣ умеръ Павелъ. Замѣтимъ, что двумъ сыновьямъ императора Павла, родившимся въ 1796 и 1798 годахъ, были даны имена Николай и Михаилъ, являющіяся впервые въ родословной русскаго императорскаго дома. Интересно одно обстоятельство. Старецъ, явившійся караульному солдату и котораго тотъ могъ скорѣе всего принять за Николая чудотворца, сказалъ, что онъ увидится съ государемъ че-

---

(¹) Русскій Архивъ, 1869, 518—526.

(²) Болотовъ въ Русск. Арх., 1864, 774.

резъ 30 лѣтъ; 30 лѣтъ спустя былъ первый годъ царствованія императора Николая въ Россіи. Если имена царскихъ дѣтей поставить въ связи съ этимъ видѣніемъ, бывшимъ уже по вступленіи Павла на престолъ, тогда какъ великій князь Николай Павловичъ родился 25 іюня 1796 г., то понятенъ становится отвѣтъ Павла: „я уже это зналъ". Естественнѣе всего кажется, что Павелъ, еще будучи наслѣдникомъ престола, разсказывалъ о какомъ нибудь снѣ или видѣніи, бывшемъ ему, и этимъ воспользовались тѣ, кто хотѣлъ дѣйствовать вѣрою въ чудесное для достиженія личныхъ цѣлей.

Но возвратимся къ 5 ноября 1796 г. Павелъ разсказалъ, какъ мы видѣли, гр. Ильинскому и другимъ, бывшимъ съ нимъ въ саняхъ, о снѣ, видѣнномъ имъ. Въ это время прискакалъ въ Гатчино гр. Зубовъ, братъ любимца императрицы, съ извѣстіемъ, что императрица при смерти. Не зная, куда поѣхалъ Павелъ, Зубовъ посылаетъ гонцевъ по двумъ разнымъ дорогамъ для встрѣчи его. Павелъ, увидавъ скакавшаго къ нему на встрѣчу гусара, спросилъ его по малороссійски: „що тамъ таке?" (въ то время гусары были по большей части малороссы),—Зубовъ пріихавъ, ваше высочество, отвѣчалъ гусаръ.

— „А богацько ихъ?" спросилъ Павелъ („богацько" значитъ много).

— Одинъ якъ песъ, ваше высочество, проговорилъ гусаръ-малороссъ, передѣлывая на свой ладъ слышанную имъ и непонятую, великорусскую поговорку: „одинъ какъ перстъ".

— „Ну, съ однимъ можно справиться", замѣтилъ Павелъ. Затѣмъ онъ снялъ шапку и перекрестился.

Между тѣмъ, пока въ Зимнемъ дворцѣ лежала въ страшныхъ терзаніяхъ Екатерина, съ трудомъ разставаясь съ жизнію, которую лишь отчасти парализовалъ апоплексическій ударъ,—гонцы за гонцами скакали въ Гатчино. Скакали гонцы отъ А. Орлова, Зубова,—отъ многихъ другихъ лицъ при дворѣ; даже одинъ изъ придворныхъ поваровъ и рыбный подрядчикъ сочли нужнымъ, по словамъ гр. Растопчина, послать отъ себя гонцевъ. Отъ великаго князя Александра Павловича пріѣхалъ съ извѣстіемъ Растопчинъ. Вечеромъ въ этотъ день Павелъ Петровичъ былъ уже во дворцѣ

*

около умиравшей матери. Современники говорятъ, что наслѣдникъ престола выказалъ искреннюю и глубокую горесть при видѣ боровшейся со смертію Екатерины. Тридцать слишкомъ часовъ длилась смертная агонія; Екатерина умерла только вечеромъ 6 ноября. Борясь со смертію, она со стонами терзала на себѣ платье (1).

Въ ночь на 6 ноября дворецъ былъ наполненъ народомъ. Государственные сановники оставались тутъ всю ночь. А. Г. Орловъ не ѣлъ и не пилъ во время смертной агоніи императрицы, оставаясь при ней, и горести его не было конца. Платонъ Зубовъ плакалъ какъ ребенокъ; онъ упалъ къ ногамъ Павла. Павелъ ласково обнялъ его и обнадежилъ, но велѣлъ немедленно опечатать всѣ бумаги, бывшія въ кабинетѣ графа. Между тѣмъ во всю ночь 5—6 ноября въ сенатѣ кипѣла неустанная работа; говорили, что тамъ было до 30,000 нерѣшенныхъ дѣлъ (2) и ихъ старались рѣшать возможно поспѣшнѣе: боялись новаго государя, зная, что онъ врагъ запущенности.

Отошла Екатерина. Началась присяга новому государю. Присягала съ другими и имп. Марія Ѳедоровна. По окончаніи присяги она низко поклонилась императору и, сойдя съ своего мѣста, въ средѣ прочихъ членовъ царскаго семейства, подошла къ Павлу, стоявшему одиноко на мѣстѣ бывшей императрицы и обняла его. Императоръ послалъ за уѣхавшихъ домой гр. Орловымъ, чтобы онъ пріѣхалъ во дворецъ принести присягу. Ссылаясь на истомленіе отъ двухъ дней, проведенныхъ безъ сна и пищи и на ночное время, Орловъ просилъ дозволенія пріѣхать рано утромъ. Посланный вернулся отъ государя и привезъ приказъ графу явиться немедленно. „Я думаю, что и вамъ надобно принести присягу“, замѣтилъ холодно Павелъ, встрѣтивъ Орлова. Послѣдній отвѣчалъ, что исполнитъ это сейчасъ же съ живѣйшимъ удовольствіемъ (3).

Тѣло Екатерины плохо набальзамировали (4), такъ что оно спустя

---

(1) Masson, I, 68.
(2) Русскій Архивъ, 1867, 1271.
(3) Болотовъ, въ Русск. Архивѣ, 1864, 618.
(4) Masson, I, 191—192.

короткое время пожелтѣло, посинѣло и почернѣло и стало портиться, но одѣли его и выставили для прощальной церемоніи со всѣмъ этикетомъ и пышностью. Въ серебряномъ парчевомъ платьѣ, отдѣланномъ испанскими кружевами, съ короною на головѣ, положенною на нее имп. Маріею Ѳедоровною, лежало тѣло Екатерины въ тронной залѣ. Допускались къ прощальному цѣлованію руки всѣ, кромѣ крестьянъ. Павелъ изъявилъ желаніе одновременно съ погребеніемъ Екатерины отдать погребальныя почести своему покойному родителю. Тѣло Петра было похоронено на кладбищѣ Алекс. Невск. лавры. Его останки были взяты и облечены въ пурпуръ и въ богатомъ гробѣ торжественно поставлены около тѣла Екатерины. Предположено было похоронить одновременно обоихъ супруговъ со всею царскою пышностью. Отрядъ кирасировъ посланъ былъ въ Москву за царскими регаліями. Говорятъ, что тогдашній московскій главнокомандующій, кн. Долгорукій, перепугался, узнавъ о прибытіи кирасировъ, полагая, что не ему ли приходится идти къ отвѣту, но все ограничилось упаковкою царскихъ регалій въ большой и богато отдѣланный, обитый внутри зеленымъ бархатомъ, ящикъ, и торжественнымъ отправленіемъ его, при большомъ стеченіи народа, въ Петербургъ. При похоронахъ Петра III и Екатерины II, по волѣ императора, гр. А. Орловъ и кн. Барятинскій несли царскія регаліи. Обыкновенно столь величественный гр. Орловъ шелъ за печальною колесницею неровнымъ шагомъ, съ опущенными внизъ глазами и лицомъ блѣднымъ, какъ смерть (¹). Послѣ погребенія Орловъ получилъ приказъ выѣхать изъ Россіи и затѣмъ путешествовалъ по Германіи и южной Европѣ.

Въѣздъ Павла въ Москву на коронацію совершился при обычномъ стеченіи народа. По заранѣе объявленнымъ правиламъ новаго этикета, зрители, сидѣвшіе на скамьяхъ вдоль пути царскаго поѣзда, должны были не только снимать шляпы, но и быть безъ перчатокъ. Императоръ поселился въ первомъ по богатству въ Москвѣ домѣ гр. Безбородко. Разъ смотря изъ окошка этого дома на обширный садъ, разведенный при немъ, императоръ замѣтилъ,

---

(¹) Lesur, 332—333.

что славный плацъ-парадъ могъ бы быть на мѣстѣ этого сада. Безбородко былъ тонкій политикъ. Одному изъ первыхъ богачей въ Россіи, ему не стоило ничего употребить 4,000—5,000 р. на замѣну въ своемъ домѣ лѣстницы покатымъ спускомъ для входа имп. Екатерины, когда та подъ конецъ жизни стала слаба ногами, а между тѣмъ носить себя не позволяла. При вступленіи Павла на престолъ, Безбородко не только удержался, но былъ еще болѣе возвышенъ. Онъ имѣлъ возможность изучить характеръ Павла, и одного намека на плацъ-парадъ ему было достаточно. Въ одну ночь всѣ деревья сада, разведеннаго дорогою цѣною, исчезли и когда на другой день императоръ взглянулъ въ окно, онъ едва могъ повѣрить своимъ глазамъ: предъ нимъ былъ большой гладкій плацъ-парадъ. Государь былъ еще милостивѣе послѣ того къ Безбородкѣ.

Торжественныя встрѣчи Павлу въ Москвѣ были иногда неожиданны. Разъ государь подъѣзжаетъ къ Иверской. Вдругъ изъ толпы отдѣляются два красивыхъ юноши съ цвѣтами въ рукахъ и между ними начинается слѣдующій діалогъ:

— Бросай же поскорѣй цвѣты!
«Но онъ ли это, знаешь ты?»
— Да какъ же не узнать намъ Феба,
Когда онъ къ намъ нисходитъ съ неба.

Это были студенты московской духовной академіи; одинъ изъ нихъ, здоровый и румяный юноша, былъ впослѣдствіи Григорій, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій (1). Въ Кремлѣ при встрѣчѣ Павла было употреблено нѣсколько другихъ духовныхъ воспитанниковъ старшаго и младшаго возраста. Съ Фебомъ сравнивался Павелъ еще въ другой велерѣчивой одѣ, сочиненной въ то время, гдѣ встрѣчаются стихи:

Ты Фебъ Россійскія державы,
Блаженства нашего творецъ!

При коронаціи, Павелъ послѣ того какъ надѣлъ корону на себя, коснулся ею головы императрицы и послѣ снова надѣлъ ее на

(1) Гротъ, Сочиненія Державина, I, 61.

себя, а на императрицу надѣлъ меньшую по размѣрамъ (1). Во время празднествъ, сопровождавшихъ коронацію, обѣдало на счетъ Павла до 100,000 народа. Милости лились на придворныхъ. Безбородко, у котораго безъ того было 250,000 р. годоваго дохода, получилъ 16,000 душъ крестьянъ, что, какъ полагали, составляло еще до 100,000 р. дохода. Вообще расчитываютъ, что при Павлѣ до 2,000,000 казенныхъ крестьянъ было роздано во владѣніе частнымъ лицамъ. Павелъ еще наслѣдникомъ престола былъ того мнѣнія, что положеніе помѣщичьихъ крестьянъ несравненно лучше казенныхъ.

Павелъ началъ правленіе съ милостей лицамъ, окружавшимъ его въ Гатчинѣ и приближеннымъ императора Петра III; нѣкоторые изъ послѣднихъ еще доживали свой вѣкъ въ глубокой старости. Но и ко многимъ тѣмъ, кто былъ недоволенъ наслѣдникомъ, Павелъ былъ милостивъ, сдѣлавшись государемъ. Такъ камергеру, распускавшему про него при жизни Екатерины неблагопріятные слухи, императоръ, встрѣтивъ его во дворцѣ, сказалъ: „великій князь не скажетъ о томъ что зналъ и слышалъ императору.“ Опала простерлась только на немногихъ. Измайлову, помогшему дѣлу Екатерины, при восшествіи ея на престолъ, хотя до тѣхъ поръ онъ былъ приближеннымъ Петра III, и княгинѣ Дашковой, одной изъ главныхъ виновницъ іюньскихъ происшествій 1762 г., кончившихся такъ печально для родной ея сестры Елисаветы Романовны Воронцовой,—былъ посланъ указъ немедленно выѣхать изъ Москвы и не являться въ обѣихъ столицахъ. Самъ главнокомандующій Москвы счелъ долгомъ отправиться къ княгинѣ Дашковой съ повелѣніемъ государя.

„Въ двадцать четыре часа? сказала Дашкова,—донесите государю, что я выѣхала въ двадцать четыре минуты“; велѣла заложить карету и, попросивъ главнокомандующаго посидѣть, чтобы быть свидѣтелемъ ея отъѣзда, тотчасъ же какъ лошади были готовы выѣхала изъ Москвы (2).

---

(1) Stanislas Auguste, Mémoires, 89.
(2) Русскій Архивъ, 1864, 622.

Частной опалѣ подвергся также, какъ мы видѣли, графъ А. Г. Орловъ. Князь Барятинскій и другіе были только удалены отъ двора.

Три важныя дамы получили приказаніе не являться ко двору, но, по замѣчанію Болотова, онѣ были извѣстны вольностію поведенія, а Павелъ, въ самомъ началѣ своего царствованія принявшій мѣры противъ господствовавшей легкости въ то время разводовъ, требовалъ отъ приближенныхъ болѣе строгой семейной жизни.

Особенно обратилъ на себя вниманіе поступокъ императора съ Бобринскимъ. Императрица Екатерина, отдѣлившая богатыя имѣнія для этого молодаго человѣка—фамилію его производили отъ beau prince—посылала его путешествовать за границу и послѣ онъ жилъ въ Россіи какъ бы подъ опекою извѣстнаго графа П. В. Заводовскаго. Отдѣленныя для него имѣнія управлялись какъ дворцовыя, но ему еще не были отданы. Завѣщаніе императрицы однако отдавало ихъ ему. Павелъ не только исполнилъ волю матери, но сверхъ того подарилъ Бобринскому большой каменный домъ въ Петербургѣ, принадлежавшій прежде графу Г. Г. Орлову, и возвелъ Бобринскаго въ графское достоинство. Это была милость, которой многіе не ожидали.

При дворѣ былъ введенъ новый этикетъ. При торжественныхъ пріемахъ мужчины должны были становиться передъ государемъ на колѣни и цѣловать у него руку. Изъ титула русскихъ государей при Павлѣ были исключены слова „почтенный“, „тишайшій“ и „благородный.“ Вмѣсто „благородный“ положено было употреблять „благовѣрный“, потому что „благороднымъ можетъ назваться и каждый дворянинъ“. Императоръ былъ строгъ въ исполненіи заведеннаго имъ этикета, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ предполагалъ намѣренное уклоненіе отъ него. Такъ онъ принялъ бывшаго короля польскаго, Станислава Понятовскаго, со всѣми королевскими почестями и назначилъ быть при немъ камергеромъ тому самому Штакельбергу, который въ былое время такъ деспотически обращался съ Станиславомъ Августомъ, будучи русскимъ посланникомъ въ Варшавѣ. Но когда тотъ же самый Понятовскій, будучи на торжественномъ пріемѣ во дворцѣ, сѣлъ, по старости лѣтъ, или быть можетъ полагая, что ему, принятому по королевски, не приходится

стоять за одно съ другими, то Павелъ послалъ сказать ему, что этикетъ требуетъ, чтобы онъ всталъ (1). Но тотъ же самый Павелъ стоялъ передъ сидѣвшимъ старикомъ, полковникомъ Татищевымъ; тутъ видѣнъ тотъ Павелъ, который по вступленіи на престолъ въ письмѣ къ бывшему своему законоучитею, митрополиту Платону, „цѣловалъ его сѣдины."

Чистосердечное признаніе и откровенность могли во многихъ случаяхъ спасти проступившихся передъ Павломъ. Разъ купецъ, которому петербургскій генералъ-губернаторъ Архаровъ былъ долженъ 12,000 р. и не отдавалъ, подаетъ лично просьбу государю на разводѣ. Тутъ же при государѣ и Архаровъ. Павелъ взглядываетъ на бумагу и ему достаточно, чтобы понять въ чемъ дѣло.

„Что-то у меня сегодня глаза слипаются, сказалъ Павелъ, оборотясь къ Архарову,—и властно какъ запорошены, такъ что я прочесть не могу. Пожалуй, Николай Петровичъ, прими на себя трудъ и прочти мнѣ оную."

Архаровъ беретъ бумагу, видитъ что это такое и читаетъ очень тихимъ голосомъ. Павелъ проситъ его читать погромче, замѣтивъ, что ему сегодня и слышится плохо. Архаровъ возвышаетъ голосъ, но лишь на столько, чтобы слышалъ одинъ государь. Павлу и этого недовольно; ему нужно, чтобы читалось такъ громко и съ такою разстоновкой, чтобы слышали всѣ окружающіе. А читалось тутъ о томъ, что Архаровъ не только не отдавалъ денегъ купцу, но и выталкивалъ его въ шею, когда тотъ приходилъ за ними. „Что это?—Сказалъ Павелъ по окончаніи чтенія,—это на тебя, Николай Петровичъ?"

Тотъ откровенно признался во всемъ и все кончилось тѣмъ, что онъ долженъ былъ заплатить долгъ въ тотъ же день (2).

Другой случай. Павелъ спрашиваетъ у бывшаго начальника канцеляріи Потемкина, Попова, что сталось съ рекрутами, набранными съ женами при Екатеринѣ. При Екатеринѣ былъ одинъ рекрутскій наборъ людей съ семействами для поселенія ихъ въ

(1) Belani, II, 205—206.
(2) Русскій Архивъ, 1864, 72.

Крыму, но въ Крымъ ихъ не посылали, а значительныя лица разобрали ихъ къ себѣ и населили ими цѣлыя деревни. Нѣкоторыя изъ такихъ деревень были и у Попова. Павелъ зналъ объ этомъ наборѣ, которымъ поживились одни помѣщики на счетъ другихъ и спросилъ Попова не безъ намѣренія. Поповъ зналъ, что запираться передъ Павломъ излишне и опасно.

Онъ упалъ на колѣни и откровенно разсказалъ въ чемъ было дѣло. Павелъ былъ доволенъ его откровенностью и не сдѣлалъ ему ничего.

За то противорѣчій Павелъ не любилъ. Унтеръ-офицеръ, дворянинъ Горскинъ, пріѣзжаетъ въ Петербургъ, чтобы показаться и уѣхать. Онъ числился въ полку, но никогда не служилъ и не имѣлъ желанія служить. Пріѣзжаетъ онъ въ Петербургъ, но тамъ уже не екатерининскіе порядки. Горскину надобно было стать въ шеренгу; его полку пришлось быть на разводѣ и на разводѣ присутствуетъ государь. Горскинъ выставилъ ногу далѣе другихъ. „Унтеръ-офицеръ во второй шеренгѣ худо равняется,“ сказалъ Павелъ.

— Нѣтъ, я равняюсь прямо и противъ перваго человѣка, отвѣчалъ Горскинъ. Не успѣлъ, говоритъ Болотовъ, произнести Горскинъ этихъ словъ, какъ увидѣлъ государя, бѣгущаго къ себѣ въ гнѣвѣ. Горскинъ хотѣлъ оправдываться.

„Я никакъ не думалъ, проговорилъ заикаясь Горскинъ, чтобы это ваше величество говорить изволили; а думалъ, что сказано то фельдфебелемъ.“ Это значило подлить масла въ огонь, тѣмъ болѣе, что фельдфебель стоялъ отъ Горскина лишь чрезъ человѣка, и ему не нужно было такъ возвышать голосъ, чтобы отвѣчать фельдфеблю. Несчастнаго Горскина вывели изъ рядовъ и сорвали съ него, по приказанію Павла, позументы. Черезъ нѣсколько дней его, однако, простили, какъ ходилъ слухъ, по усиленной просьбѣ старика, полковника Татищева, представившаго государю, что Горскинъ лишь первый разъ отъ роду былъ въ этотъ день въ строю и не зналъ службы. Державинъ рѣзкимъ отвѣтомъ также навлекъ на себя гнѣвъ Павла.

Говорили, что Павелъ, помнившій какъ иногда Державинъ разговаривалъ съ Екатериною, при назначеніи его начальникомъ кан-

целяріи своего совѣта, замѣтилъ, что надобно быть терпѣливѣе и умѣреннѣе въ выраженіяхъ, на что Державинъ возразилъ, что онъ не можетъ передѣлать себя и быть такимъ же терпѣливымъ какъ Павелъ. Результатомъ былъ указъ сената, гдѣ коротко говорилось, что тайный совѣтникъ Державинъ, за непристойный отвѣтъ, отсылается къ прежнему его мѣсту (1).

Реформы.

При восшествіи Павла на престолъ остановлена была почта и не велѣно было давать лошадей, пока не разошлются манифесты новаго государя. Вслѣдъ за манифестами началась разсылка указовъ, во многомъ измѣнявшихъ порядки, установленные при Екатеринѣ.

Названія нѣкоторыхъ губерній и городовъ были измѣнены. Произошло отчасти передѣленіе губерній, измѣненіе границъ ихъ и т. д. Нѣкоторые города, учрежденные при Екатеринѣ, были упразднены. Особенно чувствительная реформа коснулась арміи. Павелъ занимался спеціально военнымъ дѣломъ. Онъ изучилъ бытъ русской арміи исторически, еще бывши въ Гатчинѣ. По замѣчанію Павла, при Екатеринѣ I и Петрѣ II хотѣли истребить наше войско, чтобы успокоить ревнивую бдительность сосѣдей (2). При Аннѣ, по мнѣнію Павла, наша армія была въ лучшемъ положеніи; при Елисаветѣ ея состояніе опять ухудшилось. При Екатеринѣ II, по словамъ его, тоже самое стали дѣлать что причли въ вину Петру III, хотя подъ другими названіями. У себя въ Гатчинѣ, какъ мы видѣли, Павелъ завелъ прусскіе военные порядки. Екатерина, Потемкинъ, Суворовъ не одобряли этихъ порядковъ. Екатерина называла ихъ „обрядами неудобь·носимыми.“ Суворовъ говорилъ:

---

(1) Русскій Архивъ, 1864, 785.
(2) Лебедевъ, 233—234.

„русскіе всегда били прусскихъ: такъ чего-жъ тутъ перенимать?“ Вступивъ на престолъ, Павелъ распространилъ гатчинскіе порядки на всю русскую армію. По восшествіи новаго государя на престолъ, гатчинцы вступили въ Петербургъ и были раскасированы по гвардейскимъ полкамъ. Новые гвардейцы, еще недавно мишень для насмѣшекъ своихъ теперешнихъ товарищей, должны были служить примѣромъ послѣднимъ при изученіи новыхъ порядковъ службы. Переименованные въ гвардейцы, гатчинцы получили сверхъ того другія награды. Каждому гатчинскому офицеру было дано по 100 душъ крестьянъ. Зная значеніе гвардіи и ея роль въ прежнихъ событіяхъ, Павелъ не только приставилъ своихъ гатчинскихъ дядекъ къ екатерининскимъ гвардейцамъ, но и назначилъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей командирами Семеновскаго и Измайловскаго полковъ, — командирами въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. При Павлѣ армейскіе полки называются по именамъ своихъ командировъ, но права полковаго командира надъ его подчиненными значительно ограничены. Введена была въ арміи прусская форма: букли, коса, трехугольная шляпа и т. д. Мундиры Павловскаго времени были широки и свободны; узкими и обтянутыми они смѣнились въ царствованіе Александра. За то букли и коса давали себя знать солдатамъ. Къ параду иногда еще съ вечера начиналось причесываніе головъ; волоса вымазывались саломъ и посыпались вмѣсто пудры ржаною мукою. Причесанному къ параду солдату заснуть ночью было опасно: во первыхъ, можно было измять букли, а во вторыхъ, до сала и ржаной муки охотницы крысы. Много бывало случаевъ, что крысы отъѣдали косы у спавшихъ солдатъ; притомъ въ иныхъ помѣщеніяхъ, гдѣ жили солдаты, какъ напр. въ Красныхъ казармахъ въ Москвѣ, крысъ была бездна. Было не безъ хлопотъ и съ трехугольными шляпами. Бывало по командѣ „бѣглымъ шагомъ“ шляпы такъ и летятъ съ головъ. Наряжались особыя команды для поднимания шляпъ (¹). Суворовъ, получивъ палочки для мѣры солдатскихъ косъ и буклей, сказалъ: „Пудра не порохъ, букли не пушки, коса не тесакъ, я не нѣмецъ, а природный ру-

(¹) Русскій Архивъ, 1869, 167.

сакъ“ (1). Эти слова, переданныя Павлу, повели къ разрыву между имъ и фельдмаршаломъ. Впослѣдствіи, во время альпійскаго похода Суворова, когда примиренный съ нимъ Павелъ, наградивъ его чѣмъ могъ, говорилъ, что ему обыкновенныхъ наградъ мало, что ему бы быть ангеломъ (2), походная практика доказала неудобство многихъ изъ нововведеній, на которыя возставалъ Суворовъ: солдаты напр. затруднялись переноскою по альпійскимъ крутизнамъ полковыхъ штандартовъ на длинныхъ древкахъ и рубили древки на дрова. Въ это время Павелъ допускалъ уже послабленіе въ началѣ установленныхъ правилъ.

Новые порядки были сдѣланы, однако, не исключительно по прусскому образцу; кое-что было заимствовано у французской арміи. Замѣчено было, что въ то время какъ у насъ въ арміи все передѣлывалось по прусскому и французскому образцу, во Франціи перенимали суворовскіе военные порядки. Смѣшеніе прусскаго и французскаго въ формѣ русскаго солдата можетъ быть было, отчасти, слѣдствіемъ того, что Павелъ, какъ онъ говорилъ, хотѣлъ быть по утрамъ Фридрихомъ II и по вечерамъ Лудовикомъ XIV. Въ этомъ случаѣ Павелъ остался не совсѣмъ вѣренъ воспоминаніямъ своего дѣтства, когда онъ Лудовика XIV по портретамъ сравнивалъ съ своею собакою Филидоромъ! За то дѣтская привязанность къ мальтійскому ордену не исчезла съ лѣтами. Ребенкомъ Павелъ послалъ значительную сумму денегъ ордену; императоромъ онъ принялъ орденъ подъ свое покровительство и сдѣлался его гросмейстеромъ. Какъ знать, быть можетъ причиною разрыва съ Англіею за захватъ Мальты, имѣвшаго такое важное историческое значеніе, было то, что ребенку-Павлу попалась въ руки „исторія мальтійскаго ордена.“

Павелъ предпринялъ полную реформу военнаго быта въ томъ видѣ, какъ онъ сложился при Екатеринѣ II. Прежде всего онъ потребовалъ, чтобы числившіеся на службѣ дѣйствительно служили.

(1) Бантышъ-Каменскій. Словарь, III, 337—338.
(2) Милютинъ. Война 1799, IV, 167.

Въ концѣ царствованія Екатерины много было дворянъ, приписанныхъ къ гвардейскимъ полкамъ, вовсе не служившихъ. При одномъ Преображенскомъ полку числилось до 2000 такихъ лицъ; во всей гвардіи до 20,000. Вошло въ обыкновеніе записывать въ службу дѣтей съ ранняго дѣтства и пока мальчикъ рѣзвился и учился, ему производили чины. Бывало и такъ, что получали полковыя свидѣтельства на дѣтей, еще имѣющихъ родиться съ тѣмъ, чтобы послѣ внести имя въ оставленный пробѣлъ.

Такіе военные люди долѣе служили, чѣмъ жили, и въ дѣтствѣ достигали до порядочныхъ чиновъ. Это объясняетъ напр. какимъ образомъ Горяйновъ, о которомъ упоминаетъ Жихаревъ, могъ, еще будучи въ пансіонѣ имѣть чинъ надворнаго совѣтника. Приписанные къ полкамъ дворяне обыкновенно жили дома и дождавшись сержантскаго или офицерскаго чина выходили въ армію; это было выгодно: въ армію переводили нѣсколькими чинами выше. Въ екатерининское время каждый солдатъ гвардіи ровнялъ себя съ армейскимъ прапорщикомъ и гвардейскій прапорщикъ съ армейскимъ капитаномъ. Только при Павлѣ стали выпускать въ армію однимъ чиномъ выше.

Павелъ до вступленія на престолъ былъ нерасположенъ къ гвардіи. Все въ екатерининской гвардіи шло въ разрѣзъ съ тѣми понятіями, которыя составилъ себѣ Павелъ о военномъ бытѣ. Гвардейскіе солдаты жили домами и семьями; за такой образъ жизни, напоминавшій старинныхъ стрѣльцовъ, еще Петръ III называлъ ихъ янычарами. Но въ особенности возставалъ Павелъ противъ изнѣженности и роскоши, господствовавшихъ между офицерами гвардіи. Офицеры носили шубы и муфты. Модѣ на муфты въ мужскомъ обществѣ содѣйствовала Екатерина. Отправляясь напр. въ крымское путешествіе, она подарила по муфтѣ сопровождавшимъ ее иностраннымъ посланникамъ. Генералы и офицеры нерѣдко носили штатское платье и, въ тоже время, бѣднѣйшій изъ офицеровъ считалъ долгомъ шить нѣсколько мундировъ въ годъ, а гвардейскій офицерскій мундиръ при Екатеринѣ обходился рублей въ 120, что по тому времени была порядочная сумма. Небогатому дворянину нечего было думать о службѣ въ гвардіи; онъ могъ промотаться и разориться очень скоро. Потемкинъ, съ его кирасирскимъ полкомъ,

въ пурпурныхъ вышитыхъ серебряными орлами епанчахъ, накинутыхъ на кирасы (этотъ полкъ называли лейбъ-гвардіею Потемкина), былъ главнымъ распространителемъ этой роскоши между военными. Служба при Екатеринѣ была очень неотяготительна. Офицеры, стоявшіе на караулѣ, иногда запросто въ халатахъ отправлялись собирать грибы ([1]), а случалось и такъ, что ежели жена была бойче мужа, то надѣвала его мундиръ и несла за него службу. Такъ въ шведскую войну полковница Меллинъ, надѣвъ мундиръ своего мужа, замѣнила его и стала передъ войсками ([2]). Въ то время когда Екатерина II часто дѣлала смотры въ мундирѣ верхомъ на конѣ и кн. Дашкова, сопровождавшая ее въ Петергофъ въ іюнѣ 1762 г. въ мундирѣ гвардейскаго офицера считала возможнымъ просить о назначеніи ея въ полковые командиры, — поступокъ полковницы Меллинъ не могъ показаться особенно страннымъ.

Павелъ, будучи наслѣдникомъ, рѣшительно не одобрялъ этихъ порядковъ. „Пожалуйста, не спѣши отправлять его на службу, если не хочешь, чтобы онъ развратился“ — сказалъ Павелъ (въ 1781 г.) Энгельгардту, сынъ котораго былъ записанъ въ Преображенскомъ полку ([3]). Вступивъ на престолъ, Павелъ прямо началъ съ введенія въ гвардіи строгой дисциплины. Изданы были новые уставы службы, приготовленные Павломъ, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ. Измайловскій полкъ, которымъ командовалъ великій князь Константинъ Павловичъ, въ одну ночь изучилъ новые пріемы фронтовой службы, чѣмъ, по словамъ Болотова, доставилъ такое удовольствіе Павлу, что тотъ заплакалъ. Всѣмъ, приписаннымъ къ полкамъ, было велѣно немедленно явиться на службу. Кто не явился, того исключали. Шубы и муфты были строго изгнаны изъ гвардіи. Мундиръ, стоившій недавно 120 р., при Павлѣ обходился въ 22. Носилась молва, что разъ встрѣтивъ офицера, за которымъ ординарецъ несъ шпагу, Павелъ замѣтилъ, что если шпага не по силамъ офицеру, то онъ не долженъ и носить ее. Солдатъ, несшій

---

(1) Русскій Архивъ, 1869, 165.
(2) Masson, II, III.
(3) Энгельгардтъ, 22.

шпагу, получилъ ее отъ государя и сдѣлался офицеромъ, и офицеръ былъ разжалованъ въ солдаты. Въ другой разъ Павелъ подарилъ шубу встрѣтившагося ему военнаго будочнику, сказавъ, что тому должно быть холоднѣе стоять на часахъ въ легкомъ платьѣ. Князю Голицыну Павелъ замѣтилъ, что военному не нужно зонтика противъ дождя. Молва о подобныхъ происшествіяхъ—были ли они справедливы или нѣтъ—заставляла военныхъ бояться малѣйшаго уклоненія отъ дисциплины. Кутавшіеся прежде въ теплое платье должны были теперь, не смотря на морозъ, являться на смотры и ученья въ однихъ мундирахъ. Замѣтивъ, что многіе съ трудомъ выносятъ холодъ, Павелъ сказалъ, что они могутъ надѣвать фуфайки, и что никто не мѣшаетъ имъ изъ-подъ мундира подбивать мѣхомъ и т. д. Офицеръ Левашевъ простеръ свое усердіе до того, что въ стужу, которую, по выраженію московскаго главнокомандующаго князя Долгорукаго, могли въ однихъ мундирахъ выносить кадеты да черти,—явился не только въ одномъ мундирѣ, но и безъ перчатокъ. Это уже и Павлу показалось слишкомъ, но онъ остался доволенъ усердіемъ Левашева. На замѣчаніе его о перчаткахъ, Левашевъ отвѣчалъ: „мы все, государь, въ угодность твою сдѣлаемъ; не торопи только ты насъ.“ Павелъ засмѣялся.

Вообще онъ былъ очень доволенъ, когда приказанія его исполнялись съ точностью и скоро, и еще болѣе когда вмѣсто приказанія довольно было намека. „Какое прекрасное суконце! небось оно не дешево заплочено,“ замѣтилъ Павелъ, разсматривая мундиръ сержанта Чулкова. Оказалось, что у шившаго по два мундира въ годъ изъ сукна по 6 р. аршинъ, Чулкова, было всего 40 душъ крестьянъ. „Сорокъ только!—замѣтилъ Павелъ—ну жалокъ же ты мнѣ! какъ ты бѣдненькій и пробавляешься еще?“ На другой день Чулковъ стоитъ въ строю въ мундирѣ изъ толстаго солдатскаго сукна; онъ понялъ намекъ и въ одни сутки спроворилъ себѣ новый мундиръ. Павелъ опять на разводѣ. Перемѣна въ наружности Чулкова не могла отъ него укрыться. Довольный Чулковымъ, Павелъ произвелъ его въ офицеры.

Войскамъ производились ежедневно разводы самимъ Павломъ и полкамъ всегда слѣдовало быть на готовѣ собираться по тревогѣ.

Такъ разъ въ Петербургѣ пробитъ былъ ночью генералъ-маршъ и войска собрались.

Принимая мѣры противъ роскоши въ военномъ быту, Павелъ хотѣлъ пресѣчь ее и въ обществѣ. Въ это время асигнаціи значительно упали въ цѣнѣ сравнительно съ серебромъ. Павелъ приказалъ, чтобъ не смѣли брать лажа на серебро. Чтобы достичь этого, надобно было уменьшить передѣлку серебра въ вещи: въ половинѣ прошлаго столѣтія, по словамъ Вигеля, во всей Пензѣ было столовое серебро только у помѣщика 1000 душъ, Мартынова; въ концѣ царствованія Екатерины, всѣ захотѣли ѣсть съ серебра и его пошло на сервизы, и т. п. очень много. Возвышеніе цѣны на серебро приписывали этому обстоятельству. Мотовство и пышность временъ Екатерины пріучили торгующій классъ брать большіе барыши. Павелъ обратилъ вниманіе на цѣны товаровъ и лично уговаривалъ купцовъ быть посовѣстливѣе. Противодѣйствуя роскоши въ обществѣ, Павелъ не желалъ допускать ее и во дворцѣ. Придворные были избалованы въ царствованіе Екатерины; при покойной императрицѣ развозилось дворцовое добро по частнымъ домамъ возами. Екатерина смотрѣла на это сквозь пальцы. Встрѣчаясь съ лицами, несшими что либо изъ дворца, она старалась показать видъ, что не замѣчаетъ въ чемъ дѣло. „Смотрите, чтобы не увидалъ гофмаршалъ,“ сказала она разъ, когда ни ей некуда было увернуться, ни тащившему ея добро. Павелъ рѣшился прекратить эту систему хищенія.

Онъ велѣлъ отказать всѣмъ дворцовымъ подрядчикамъ и покупать для дворца припасы на рынкѣ, по рыночнымъ цѣнамъ. Расходы двора тотчасъ же значительно сократились. Павелъ говорилъ, что если каждый частный человѣкъ не лишенъ удовольствія обѣдать въ своей семьѣ, то зачѣмъ лишаться его государю. По этому онъ положилъ, чтобы члены его семейства обѣдали всегда съ нимъ вмѣстѣ и особые столы во дворцѣ были уничтожены. Впрочемъ, впослѣдствіи дворцы, строенные Павломъ, отдѣлывались съ неменьшимъ великолѣпіемъ чѣмъ прежде. Павелъ очень любилъ строить дворцы, но говорилъ, что дѣлаетъ это, чтобы дать занятіе рабочему люду.

При Павлѣ подушная подать была удвоена. До 1762 года

крестьянинъ платилъ меньше рубля подушной подати. При Екатеринѣ II подушный окладъ былъ постепенно значительно увеличенъ; при Павлѣ его увеличили еще вдвое. Вся тяжесть этого налога падала на крестьянъ; въ теченіе 30 съ чѣмъ нибудь лѣтъ крестьянинъ сталъ платить въ нѣсколько разъ болѣе. Въ началѣ царствованія Павла, между крестьянами было волненіе, прекращенное военною силою. Одинъ офицеръ, ѣхавшій изъ Петербурга въ Оренбургъ, разсказалъ по дорогѣ крестьянамъ Новгородской и Тверской губерній, что государь хочетъ дать крѣпостному крестьянину такія же права, какъ казеннымъ. Радость между крестьянами при этомъ была всеобщая и началась попойка. Благодаря ей, крестьяне на другой день не могли выйдти на работу. Одинъ изъ помѣщиковъ донесъ о томъ властямъ, тѣ выслали войско для усмиренія, и принятое за бунтъ движеніе, вызванное ложнымъ извѣстіемъ, было скоро прекращено. Движеніе между крестьянами было во многихъ другихъ мѣстностяхъ. Павелъ обыкновенно говорилъ, что у него столько же полиціймейстеровъ, сколько помѣщиковъ. Это выраженіе было кажется впрочемъ заимствовано отъ Державина, судя по „Запискамъ“ послѣдняго, а тѣмъ вѣроятно отъ историка Миллера. При Павлѣ была ограничена возможность перехода изъ прочихъ сословій въ дворянское. Съ желаніемъ возвысить значеніе дворянства совпадало предпринятое при Павлѣ составленіе дворянскаго гербовника. Тѣмъ не менѣе въ царствованіе Павла нѣкоторыя статьи дворянской граматы были отмѣнены и возстановлены только въ началѣ царствованія Александра I.

Павелъ былъ религіознаго направленія. Въ его царствованіе изданъ былъ указъ о неработаніи въ воскресенье и вообще о соблюденіи этого дня. Онъ не ѣлъ скоромнаго по средамъ и пятницамъ въ то время, когда посты въ обществѣ вообще соблюдались слабо. Разъ будучи доволенъ войсками на смотру, онъ наградилъ ихъ деньгами и сверхъ того велѣлъ раздать имъ рыбы. Такъ какъ это было въ Рождественскій постъ, то многіе увидѣли въ этой раздачѣ рыбы намекъ на соблюденіе поста. Разъ пріѣхавъ въ синодъ, въ началѣ своего царствованія, Павелъ просилъ у присутствовавшихъ объясненія по нѣкоторымъ вопросамъ. Синодскіе члены думали, что онъ удовлетворится общими мѣстами, но Павелъ углубился въ сущ-

ность дѣла, приводилъ тексты на тексты членовъ и вообще доказалъ, что знакомъ съ положеніемъ духовенства и отношеній его къ мірянамъ въ государствѣ. Другой разъ Павелъ инкогнито входитъ, будучи въ Москвѣ, въ церковь Іоанна Воина. Проповѣдь произноситъ мѣстный священникъ о. Матвѣй. Проповѣдь очень полюбилась Павлу. Онъ велѣлъ переписать ее для себя и съ тѣхъ поръ проповѣдь о. Матвѣя всегда клали вмѣстѣ съ молитвенникомъ предъ постелью Павла.

Императоромъ Павелъ обнаруживалъ то же отвращеніе къ передѣлыванію Россіи на иностранный ладъ, какое было внушено ему въ дѣтствѣ. Казалось это отвращеніе не простиралось только на армію; она не только была преобразована по иностранному образцу, но Павелъ еще наслѣдникомъ престола высказывалъ желаніе имѣть корпусъ войскъ изъ иностранцевъ, а императоромъ и имѣлъ его, изъ французскихъ эмигрантовъ. Существуетъ необнародованный именной указъ Павла о недопущеніи ни одного иностранца въ Россію безъ высочайшаго разрѣшенія. Запрещенъ былъ также допускъ иностранныхъ книгъ въ Россію и даже музыкальныхъ нотъ. Исключеніе было только для книгъ на тунгузскомъ языкѣ, нужныхъ при священно-служеніи сибирскихъ инородцевъ. Запрещеніемъ къ допуску иностранныхъ книгъ не былъ впрочемъ значительно уменьшенъ ввозъ иностранныхъ товаровъ въ Россію. Въ 1797 г. ввезено было въ Петербургъ иностранныхъ товаровъ на 19,367,954 р. Изъ этого пива и портера было привезено на 327,350 р. и вина на миліонъ рублей слишкомъ, книгъ же только на 95,696 р. Замѣчательно, что въ первый годъ царствованія Павла книгъ изъ за границы было привезено въ Петербургъ на вдвое большую сумму, чѣмъ въ послѣдній годъ царствованія Екатерины (¹), въ 1796 г., когда винъ было привезено изъ за границы на сумму слишкомъ въ 30 разъ большую, чѣмъ книгъ. Это одно обстоятельство доказываетъ, что преслѣдованіе иностраннаго въ Россіи—до круглыхъ англійскихъ шляпъ на улицахъ и французскихъ модныхъ магазиновъ — въ царствованіе имп. Павла было въ значительной степени слѣд-

(1) Took, III, 490, 505.

ствіемъ опасеній, которыя вызывало тогда революціонное движеніе, охватившее Францію и часть Европы.

Павелъ вставалъ постоянно въ 5 часовъ утра, вытиралъ лице льдомъ, и одѣвался возможно скорѣе. Въ 6 часовъ онъ уже принималъ государственныхъ лицъ съ докладами. Никто не долженъ былъ опаздывать на эти утреннія собранія. Разъ генералъ-прокуроръ Самойловъ опоздалъ на полчаса. При Екатеринѣ служащее барство нѣжилось очень долго въ постелѣ по утрамъ и потому Самойлову съ непривычки не грѣхъ было опоздать и явиться съ докладомъ въ половинѣ седьмаго. Но новый государь строго требовалъ исполненія разъ приказаннаго. Онъ велѣлъ донести ему, какъ скоро Самойловъ подъѣдетъ къ дворцу. Донесли о появленіи Самойлова, когда тотъ еще приближался къ дворцу, и Павелъ успѣлъ выйдти почти до самаго крыльца встрѣтить генералъ-прокурора. Послѣдній былъ сконфуженъ, особенно когда услыхалъ, что государь ждалъ его съ докладомъ въ 6 часовъ и теперь болѣе не имѣетъ въ немъ нужды. Вскорѣ послѣ того Самойловъ подалъ въ отставку. Въ 8 часовъ утра кончалась аудіенція государственнымъ людямъ. Обѣдалъ Павелъ постоянно въ 12 часовъ въ своемъ семействѣ. До обѣда онъ нѣкоторое время катался по городу, посѣщалъ государственныя учрежденія и присутствовалъ при разводахъ войскъ. Посѣтивъ разъ военную коллегію, Павелъ не засталъ въ ней президента ея, гр. Н. И. Салтыкова: по раннему времени Салтыковъ еще не пріѣзжалъ. Павелъ ждетъ его терпѣливо часъ, другой; наконецъ, Салтыковъ является. Павелъ говоритъ ему, что если должность президента военной коллегіи ему затруднительна, то онъ можетъ отказаться отъ нея. Салтыковъ просилъ извиненія и гнѣвъ Павла смягчился: Салтыковъ остался при своей должности. Пріѣхавъ разъ неожиданно точно также рано въ Сунодъ, Павелъ былъ доволенъ, заставъ членовъ его на лице. Въ его царствованіе чиновники стали собираться въ присутствіе не въ полдень, какъ было прежде, а гораздо ранѣе. Разъ будучи на разводѣ Павелъ, замѣтилъ чиновника, остановившагося поглазѣть на войско и, подойдя къ нему, спросилъ гдѣ онъ служитъ. Тотъ сказалъ гдѣ. Императоръ вынулъ часы и, показавъ ему, замѣтилъ: „вотъ видите, одинадца-

тый часъ уже въ половинѣ. Прощайте! мнѣ не досужно, пора къ своему дѣлу.“ Все это было сказано ласковымъ тономъ, но намекъ былъ ясенъ. Нечего прибавлять, что чиновникъ бросился со всѣхъ ногъ въ должность. Запущенія дѣлъ въ Сенатѣ и др. мѣстахъ императоръ не терпѣлъ. Онъ хотѣлъ, чтобы и въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ имперіи, его повелѣнія и указы исполнялись возможно скорѣе. Курьеры, число которыхъ доведено было до 120 человѣкъ, летали по всѣмъ направленіямъ, ѣздя изъ Петербурга въ Москву иногда менѣе чѣмъ въ двое сутокъ и всюду въ другихъ случаяхъ съ такою же поспѣшностью.

Послѣ утренняго развода, во дворцѣ собиралось военное общество; въ это время офицеры самыхъ небольшихъ чиновъ допускались въ комнаты государя. Тутъ ставилась закуска и водка, но самъ Павелъ никогда ничего не пилъ и не терпѣлъ спиртнаго запаха отъ окружавшихъ.

Послѣ обѣда Павелъ нѣкоторое время отдыхалъ и затѣмъ опять ѣздилъ на прогулку по городу. Этикетъ, установленный Павломъ, требовалъ, чтобы при встрѣчѣ съ государемъ мужчины выходили изъ своихъ экипажей и отдавали честь, а дамы выходили на подножку своего экипажа. Если принять въ расчетъ, что въ то время еще были во всеобщемъ употребленіи у мужчинъ чулки и башмаки, то этикетъ этотъ былъ, конечно, сопряженъ съ неудобствами для свѣтскаго общества. Павелъ былъ гонитель роскоши; онъ говоритъ, что самъ будетъ ѣсть на оловѣ, чтобы показать примѣръ другимъ. Въ этомъ можетъ быть кроется ключъ къ объясненію такого поражающаго своею своеобразностью этикета. Одинъ сынъ императора Павла, Александръ Павловичъ впослѣдствіи старается ходить незамѣченнымъ, какъ частный человѣкъ, между своими подданными. Другой сынъ Павла, императоръ Николай, заказываетъ своимъ лакеямъ синюю ливрею, оставляя красную придворному вѣдомству, чтобы царскій экипажъ неслишкомъ бросался въ глаза. Этикетъ, установленный Павломъ, можетъ быть отчасти объясняется преслѣдованіемъ башмаковъ и шелковыхъ чулокъ; каждая пара шелковыхъ чулокъ, привозившаяся изъ за границы, обходилась Рос-

сіи въ нѣсколько кулей муки [1]. Ботфорты и однобортный камзолъ со шпагою назади была самая удобная одежда въ глазахъ Павла, для частныхъ, не служащихъ лицъ.

Впрочемъ надо и то замѣтить, что полицейское рвеніе часто совершенно искажало смыслъ царскихъ повелѣній. Если впослѣдствіи Архаровъ при кроткомъ и обходительномъ Александрѣ приказывалъ купцамъ, приходившимъ въ Лѣтній садъ, снимать съ себя кушаки, такъ что разсердилъ Александра, то можно себѣ представить каково было его рвеніе при добромъ сердце, но вспыльчивомъ и грозномъ порою Павлѣ. Разъ Павелъ видитъ изъ окошка экипажъ съ лошадьми и спрашиваетъ Архарова: чьи они? Тотъ отвѣчаетъ, что графа Румянцева. Павелъ замѣчаетъ, что лучше было бы, если бы упряжь лошадей была нѣмецкая. Надобно замѣтить, что покойный графъ Задунайскій былъ большой поклонникъ всего нѣмецкаго, окружалъ себя нѣмцами, не любилъ Москвы и даже говорилъ по-русски съ нѣмецкимъ акцентомъ. Очень можетъ быть, что Павелъ, въ разговорѣ котораго нерѣдко проглядывалъ юморъ, при имени Румянцева въ шутку замѣтилъ о нѣмецкой упряжи, но Архаровъ слова Павла истолковалъ совершенно въ другомъ смыслѣ. Онъ вообразилъ, что государю вообще было бы пріятнѣе, если бы нѣмецкая упряжь замѣнила обыкновенную, русскую. Архаровъ палегъ на петербургскихъ извощиковъ. Тѣ взмолились: къ чему имъ нѣмецкая упряжь и привязанные фальшивые хвосты къ лошадямъ? Жалобы ихъ дошли до государя и Павелъ далъ замѣтить Архарову, что тотъ зашелъ слишкомъ далеко.

Верхомъ или въ экипажѣ императоръ непремѣнно совершалъ свою ежедневную прогулку. Въ дурную погоду на грязныхъ петербургскихъ и московскихъ улицахъ выходы свѣтскихъ кавалеровъ изъ экипажа на мостовую вели нерѣдко къ сценамъ большею частью забавнымъ, но иногда и трагическимъ. Преданіе гласитъ

---

(1) Пара чулокъ стоила до $4^1/_2$ рублей, куль муки въ 9 пудовъ ржаной въ то время (въ 1762) въ Петербургѣ стоилъ 1 р. $56^1/_4$ к. Полн. Соб. Зак., II, 622, II, 630.

объ одномъ случаѣ, въ послѣднемъ родѣ, въ Москвѣ. Учитель музыки Далоко, довольно извѣстный въ свое время, разъ долженъ, былъ выйдти изъ экипажа у Красныхъ воротъ среди непроходимой грязи. Жалѣя своихъ новенькихъ шелковыхъ чулокъ, онъ становится на подножку, какъ дама. Это замѣчено. Можетъ быть предположили, что онъ, какъ иностранецъ, дѣлалъ это не безъ умысла, и въ наказаніе его велѣли обвести три раза вокругъ Красныхъ воротъ. Бѣдняга, возвратясь домой – съ испуга ли, или отъ простуды, заболѣлъ горячкою и умеръ (¹).

Послѣ вечерней прогулки императора, во дворцѣ было опять собраніе, но уже болѣе частное, домашнее, гдѣ императрица Марія Өедоровна, какъ хозяйка дома, разливала гостямъ чай.

Государь ложился спать въ 8 часовъ вечера и вслѣдъ затѣмъ погасали всюду огни въ городѣ. Петербургъ, привыкшій при Екатеринѣ превращать ночь въ день, теперь рано ложился спать и рано вставалъ, а если кто не хотѣлъ ложиться такъ рано, тотъ принималъ всѣ предосторожности, чтобы съ улицы не было видно огня.

Павелъ скончался вечеромъ 11 марта 1801 года.

(¹) Русскій Архивъ, 1869, 167, 168.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

XIX ВѢКЪ.

I.

Императоръ Александръ I.

Рожденіе старшаго внука было торжествомъ для Екатерины II. Придворные авгуры предсказывали новорожденному блестящую будущность. Его представляли на рисункахъ разсѣкающимъ Гордіевъ узелъ (¹), и самое имя его, Александръ, было уже, въ такомъ случаѣ, многозначительнымъ предвѣщаніемъ.

Екатерина сама взялась за воспитаніе внука. Она была поклонница Локка и Руссо. Къ послѣднему чувствовалъ симпатію и внукъ, когда выросъ. Но съ принципами автора „Эмиля" можно было еще повременить; прежде всего физическое воспитаніе стояло на очереди. Локку отдала предпочтеніе Екатерина, можетъ быть, болѣе и потому, что она была свидѣтельницею, какъ нянюшки, старушки и приживалки, подъ руководствомъ имп. Елизаветы Петровны, кутали маленькаго великаго князя Павла Петровича въ жарко натопленной комнатѣ, подъ мѣхами и теплыми одѣялами, и имѣла возможность убѣдиться, какъ такой тепличный уходъ губителенъ для здоровья.

„Эмиля" Руссо Екатерина оцѣнила еще когда только вышла эта книга, въ 1780 г. Въ этой книгѣ она нашла, какъ говорила, свои мысли (²), правила, которымъ сама намѣревалась слѣдовать при воспитаніи внуковъ. Только два года спустя послѣ этой оцѣнки книга Руссо была увѣнчана французскою академіею.

Маленькаго Александра окружили всѣмъ англійскимъ, чтобы

(¹) Masson II, 164.
(²) Grimm, I, 33.

совѣты Локка тѣмъ вѣрнѣе могли быть проведены на практикѣ воспитанія. Это подало поводъ сказать впослѣдствіи одному иностранному автору, что Александра съ дѣтства располагали ко всему англійскому. Что касается до внѣшности—порядка, опрятности, простоты, качествъ столь дорогихъ англичанамъ и которыми такъ дорожилъ всегда въ жизни Александръ—это можетъ быть и такъ. Не могъ не повліять англійскій образъ мыслей и на складъ убѣжденій въ Александрѣ, чему тоже доказательства видимъ впослѣдствіи. Но Екатерина далека была отъ желанія расположить его въ пользу *всего англійскаго*. Онъ даже не научился основательно по-англійски, хотя по-французски говорилъ и писалъ правильно и изящно. И зная Екатерину, ея образованіе и образъ мыслей, ея взглядъ на вещи, мы не видимъ ни малѣйшаго основанія предположить, чтобы она могла явиться такою англоманкою при воспитаніи внука. Правда, она выбираетъ ему послѣ въ законоучители того же протоіерея Самборскаго, который вмѣстѣ преподавалъ Александру и англійскій языкъ. Но отецъ Самборскій, долго жившій въ Англіи и свыкшійся съ нею, могъ быть учителемъ англійскаго языка и вмѣстѣ, по своимъ богословскимъ знаніямъ, явиться именно такимъ законоучителемъ, какого Екатерина желала найти для внука. Опредѣляя впослѣдствіи Лагарпа воспитателемъ къ внуку, Екатерина предварительно посовѣтовалась съ англійскимъ посланникомъ Фицъ-Гербертомъ, но, безъ сомнѣнія, не потому, что это былъ англичанинъ, а скорѣе вслѣдствіе того, что Фицъ-Гербертъ былъ очень образованный и дѣльный человѣкъ, совѣтъ котораго могъ быть полезенъ.

Екатерина сама озаботилась выборомъ главной воспитательницы внучатъ, дѣтей великаго князя Павла Петровича. Ей указали на супругу генералъ-маіора Ливенъ. У самой Ливенъ было большое семейство, о воспитаніи котораго она заботилась. Екатерина пожелала видѣть ее, и ее вызвали изъ Остзейскаго края въ Петербургъ. Позванная во дворецъ, Ливенъ, въ ожиданіи аудіенціи, горько жаловалась одному изъ придворныхъ на то, что должна была отлучиться отъ своихъ дѣтей. Слова ея дышали материнскою любовью. Долгъ матери она не могла промѣнять на мѣсто при дворѣ. Екатерина все это слышала, стоя за занавѣсью.

— Вотъ такую-то воспитательницу мнѣ именно и нужно для моихъ внучатъ! сказала императрица, выходя изъ своего убѣжища ([1]). Ливенъ растерялась. Но души любящей бабки и доброй матери откликнулись одна другой. Екатерина и Ливенъ сошлись. Ливенъ осталась во дворцѣ и впослѣдствіи, — уже княгиня Ливенъ,—видѣла выросшими дѣтей своихъ воспитанниковъ и воспитанницъ.

Екатерина сама наблюдала за всѣмъ въ воспитаніи старшихъ внучатъ. Сверстникомъ Александра былъ его младшій братъ Константинъ. Имя Константина было тоже символическое. При рожденіи его представляли несущимъ крестъ Константина Великаго; маленькаго Константина окружили греками: у него няня была гречанка и дядька (впослѣдствіи гр. Курута) грекъ. Константинъ началъ говорить по-гречески прежде, чѣмъ по-русски, хотя впослѣдствіи, впрочемъ, совершенно забылъ греческій языкъ.

Когда внуки подросли, Екатерина сама написала для нихъ „Бабушкину азбуку.“ Писала она для нихъ и сказки, напр., „Царевича Хлора,“ подавшую Державину поводъ написать „Фелицу,“ „Царевича Фадея,“ потому вѣроятно, что нѣкоторыя даже изъ самыхъ извѣстныхъ и распространенныхъ русскихъ сказокъ не удовлетворяли требованіямъ ея. Такъ Храповицкій, получивъ отъ нея обратно взятую на прочтеніе сказку „О Бовѣ Королевичѣ,“ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: „возвращенъ за нелѣпость.“ Написано было Екатериною и подробное наставленіе о воспитаніи ея внучатъ. Екатерина, повидимому, гордилась этимъ „Наставленіемъ,“—экземпляръ его хранился у нея постоянно въ ея кабинетѣ и былъ показываемъ тѣмъ, кто интересовался воспитательными вопросами. Нѣкоторые изъ приближенныхъ Екатерины приняли себѣ это „Наставленіе“ за руководство при воспитаніи дѣтей, напр., гр. Браницкая ([2]).

Екатерина требовала возможной простоты въ содержаніи внучатъ. Они должны были спать подъ ситцевыми одѣялами. Строго

---

(1) Русс. Арх. 1864, стр. 952.
(2) Русс. Арх. 1864, стр. 954.

должно было смотрѣть, чтобы они не мучили птицъ, бабочекъ и мухъ. Заставлять играть въ игрушки было однимъ изъ наказаній для воспитанниковъ. Если они нашалили, у нихъ отбирали книги и заставляли ихъ играть, пока игрушки опротивятъ. Изъ учебныхъ занятій дѣлали награду. Учить музыкѣ и стихосложенію — „виршамъ,“ какъ выражалась Екатерина—что въ то время входило также въ курсъ образованія дѣтей, Екатерина не дозволяла внуковъ—она считала это потерею времени (1). Лично Екатерина не въ состояніи была увлекаться музыкою. У нея не только не было музыкальнаго уха, но даже органъ ея положительно отказывался понимать законы мелодіи. Нерѣдко въ концертахъ она просила кого нибудь изъ приближенныхъ давать ей знать, когда нужно было аплодировать. Любя писать, не понимая даже, какъ можно жить и не писать, Екатерина писала постоянно одною прозою, и, не смотря на всѣ усилія Сегюра, ему не удалось научить ее писать стихи. Эти личныя особенности Екатерины повліяли на всю будущность ея старшаго внука. Онъ не оказывалъ впослѣдствіи особеннаго расположенія къ музыкѣ, а о театрѣ отзывался, что „по немъ его хотя бы совершенно не было“ (2). Стихи онъ не ставилъ ни во что, хотя высоко цѣнилъ поэтовъ (3): Державинъ и Дмитріевъ были министрами его.

Когда наступило для Александра время начинать учиться, т. е. когда ему пошелъ седьмой годъ, Екатерина занялась подысканіемъ ему воспитателя. Ей указали на Лагарпа. Лагарпъ представилъ програму, которой онъ предполагалъ слѣдовать, если бы былъ избранъ воспитателемъ. Эту програму—носившую названіе „Наставленія“—Екатерина одобрила; одобрилъ ее и Фицъ-Гербертъ, которому ее показали (4). Лагарпъ былъ призванъ въ наставники-руководители Александра.

Лагарпъ былъ при Александрѣ въ теченіе десяти слишкомъ лѣтъ. Начавъ заниматься съ нимъ, съ ребенкомъ, онъ оставилъ его лишь

---

(1) Энциклопедическій Лексиконъ. Александръ I.
(2) Мих.—Дан. 361.
(3) Вигель, VII, 82.
(4) Русс. Арх. 1864, стр. 958.

годъ спустя послѣ его свадьбы; онъ продолжалъ давать ему уроки и послѣ свадьбы и давалъ уроки его новобрачной. Лагарпъ имѣлъ громадное вліяніе на складывавшійся характеръ Александра. Впослѣдствіи Александръ говорилъ, что онъ всѣмъ обязанъ Лагарпу, что безъ Лагарпа не было бы Александра ([1]). Александръ очень любилъ своего воспитателя. Разъ, обнявъ его, онъ замарался пудрою съ его парика. Лагарпъ сталъ отряхать пудру. „Ничего! замѣтилъ Александръ, никто не осудитъ меня за то, чѣмъ я позаимствуюсь отъ васъ.“ Въ другой разъ онъ, уже 17-лѣтній юноша, отправился къ своему воспитателю на квартиру. Швейцаръ Лагарпа не узналъ великаго князя и сказалъ ему, что г-нъ Лагарпъ занятъ. Александръ ждетъ. Проходитъ полчаса. Наконецъ, дверь отворяется и Александра просятъ войти. Лагарпъ, узнавъ сколько онъ ждалъ, выговариваетъ ему за то, что онъ не велѣлъ доложить о себѣ немедленно. „Я не хотѣлъ васъ отвлекать отъ занятій,“ отвѣчалъ Александръ,—„часъ вашихъ занятій дороже моего дня.“

Екатерина не перечила Лагарпу въ его преподаваніи и воспитательныхъ принципахъ, даже если ей случалось по внутреннему убѣжденію расходиться съ ними. Разъ она стоитъ за дверью учебной комнаты и слушаетъ, какъ Лагарпъ доказываетъ своему ученику, что истинной дружбы нѣтъ на свѣтѣ, что не надобно никому довѣряться, не нужно быть слишкомъ сообщительнымъ. Екатерина входитъ.

— Вы доказываете, г. Лагарпъ, что на свѣтѣ нѣтъ истинной дружбы, что мы должны беречься своихъ друзей?

— Да! отвѣчалъ правдивый швейцарецъ, у котораго не было двухъ рѣчей и лицъ, предъ императрицею и предъ ученикомъ.

Екатерина поспорила, но предоставила Лагарпу наставлять его ученика какъ онъ найдетъ сообразнымъ со своимъ долгомъ ([2]).

Когда во Франціи открылась революція, положеніе при дворѣ Лагарпа, съ его правилами и убѣжденіями, сдѣлалось щекотливымъ. Многіе изъ придворныхъ на него косились. Только вліяніе Ека-

---

([1]) Мих. Дан., 346—347.
([2]) Мих. Дан., 347.

терины поддерживало его; благодаря ей, онъ оставался въ прежнемъ званіи при своемъ питомцѣ, Екатерина вѣрила въ его честность и была убѣждена, что каковы бы ни были его личныя убѣжденія, онъ преподастъ своему ученику лишь то, что совмѣстно съ довѣріемъ, которое она ему оказала.

Замѣтимъ, что и ученикъ вовсе не былъ такой воскъ, изъ котораго воспитатель могъ сдѣлать все, что хотѣлъ. Если онъ изъ него многое сдѣлалъ, что желалъ, то потому лишь, что внутренній голосъ ученика одобрялъ наставленія наставника. Этотъ внутренній голосъ подсказалъ, напротивъ, маленькому Александру, что онъ расходится со своимъ наставникомъ на одномъ важномъ пунктѣ. „Мы на всемъ сходились съ Лагарпомъ, говорилъ послѣ Александръ,— кромѣ религіи" ([1]). На этомъ пунктѣ всю жизнь религіозный Александръ не сходился со своимъ учителемъ, но каковы бы ни были убѣжденія его наставника, впрочемъ, Александръ могъ скорѣе угадывать ихъ, чѣмъ знать, такъ какъ едва ли Лагарпъ, умѣвшій цѣнить внутренній голосъ въ ученикѣ, и потому именно, можетъ быть, и дѣйствовавшій на него такъ сильно, Лагарпъ, съ его правиломъ цѣнить свободу убѣжденій въ другихъ и съ его тактомъ— могъ пускаться въ религіозныя пренія съ малолѣтнимъ ученикомъ.

Лагарпъ имѣлъ такое вліяніе на образованіе характера Александра, что нельзя не кинуть хотя бѣглаго взгляда на его прежнюю и послѣдующую жизнь.

Лагарпъ родился въ Швейцаріи, въ Леманскомъ кантонѣ, въ городкѣ Роллѣ. 21 года онъ былъ уже докторомъ правъ Тюбингенскаго университета. 29 лѣтъ онъ поступилъ воспитателемъ къ Александру. Императоръ Павелъ, не благоволившій къ Лагарпу все время и вообще не одобрявшій образа воспитанія своихъ старшихъ дѣтей, находившихся подъ исключительнымъ вѣденіемъ Екатерины при жизни ея, прекратилъ уплату Лагарпу его скромной пенсіи ([2]), послѣ того, какъ онъ уже оставилъ Россію. Но Александръ сохранилъ къ нему преданность и впослѣдствіи. Политическіе переворо-

---

([1]) Мих. Дан., 347.

([2]) Русск. Арх., 1866, стр. 75—94.

ты того времени, возвышавшіе и низвергавшіе людей быстро, одно время возвели Лагарпа на первое мѣсто въ управленіи родной его республики, получившей, среди общей перемѣны именъ, названіе Гельветической. Но скоро онъ опять возвратился въ званіе частнаго человѣка. Александръ, вошедшій побѣдителемъ въ Парижъ, счелъ долгомъ посѣтить жену Лагарпа. Лагарпъ многими годами пережилъ своего воспитанника; онъ умеръ въ Лозаннѣ въ 1838 году.

Хотя душою воспитанія Александра былъ Лагарпъ, но офиціально главнымъ воспитателемъ великихъ князей Александра и Константина считался гр. Н. И. Салтыковъ.

Графъ Николай Ивановичъ былъ важный человѣкъ при дворѣ. Одно время, когда онъ, живя во дворцѣ, получалъ съ П. А. Зубовымъ и гр. Браницкою содержаніе изъ дворцовой конторы, на нихъ, на троихъ, расходовалось по 400 рублей ежедневно на одинъ столъ, да на напитки—вина, чай, кофе и проч., около половины этой суммы (¹), такъ что одно содержаніе графа, на его часть, стоило болѣе 70,000 рублей въ годъ. Графъ былъ богачъ и кавалеръ всѣхъ россійскихъ орденовъ. Его покровительствомъ Зубовъ выдвинулся изъ массы, и это объясняетъ, почему графъ игралъ такую роль. Самъ по себѣ онъ былъ личность болѣе, чѣмъ невидная — физически и нравственно. Очень маленькій ростомъ, очень худенькій, съ неглупыми карими гразами, но съ вѣчно осклабленнымъ, какъ выражается Грибовскій, лицемъ; вѣчно въ зеленомъ военномъ мундирѣ, въ штиблетахъ по нездоровью ногъ и съ костылемъ; руководимый въ дѣлахъ письмоводителемъ и въ хозяйствѣ графиней, набожный и очень скупой, Салтыковъ представлялъ смѣшеніе качествъ, въ которомъ нельзя сказать, чтобы преобладали хорошія. Какъ главный воспитатель великихъ князей, онъ уклонялся отъ инструкцій Екатерины тѣмъ, что требовалъ отъ питомцевъ отчета въ ихъ мысляхъ, что Екатерина запрещала (²). Помощниками Салтыкова, въ дѣлѣ надзора за великими

(¹) Грибовскій, Записки, стр. 5.

(²) Богдановичъ, Дѣтство и юность Александра I (въ Русск. Вѣстникѣ 1866 г.).

князьями, были Протасовъ и Сакенъ. Знаменитый академикъ Палласъ былъ учителемъ естественныхъ наукъ у великихъ князей. Когда разъ учитель объяснялъ изъ ботаники объ органахъ растеній, молодые слушатели стали задавать кой-какіе вопросы, и положено было пріостановить курсъ естествовѣдѣнія (1), который проходить какъ слѣдуетъ, очевидно, было еще рано. Крафтъ читалъ великимъ князьямъ физику. Александръ, вообще развивавшійся быстро, разъ задалъ преподавателю вопросъ, показывавшій въ двѣнадцатилѣтнемъ слушателѣ большую долю практическаго смысла. Крафтъ приводилъ, что, по теоріи Ньютона, свѣтъ есть вещество, непосредственно исходящее отъ солнца. „Не вѣрю, возразилъ Александръ,—„если бы это было такъ, то солнце должно было бы каждый день становиться меньше." Учителемъ русской словесности у Александра былъ извѣстный писатель Муравьевъ.

Александръ былъ слабаго сложенія ребенокъ. Екатерина была увѣрена, что у него слаба грудь (2). Оспа у него была одна изъ трудныхъ (3). Тѣмъ больше попеченій прилагала о немъ любившая его до безумія бабка. Отправясь въ крымское путешествіе, она переписывалась съ внуками и давала издалека наставленія о ихъ содержаніи. Разъ Екатерина сидѣла въ совѣтѣ государственныхъ чиновъ и что-то видимо тревожило ее. Наконецъ, она не вытерпѣла, встала. „Господа, сказала она къ присутствовавшимъ, — уходя, я заперла за шалости Александра одного въ комнатѣ, и у меня теперь душа не на мѣстѣ, пока не пойду и не выпущу его (4)."

Маленькій Александръ, впрочемъ, не былъ шалуномъ. L'enfant terrible царской семьи былъ братъ его Константинъ. Тотъ своими выходками забавлялъ бабку, боролся съ придворными. Массонъ безъ сомнѣнія говоритъ о немъ, приводя, какъ одинъ изъ великихъ князей, подойдя къ кому нибудь изъ придворныхъ, вдругъ вынималъ изъ кармана французскую революціонную кокарду и по-

(1) Masson, II. 160, 161.

(2) Русск. Арх. 1864 г., стр. 960.

(3) Тамъ же.

(4) Русск. Арх. 1864 г., стр. 923.

казывалъ ее отскакивавшему съ испугомъ назадъ придворному. Маленькій Константинъ отличался юморомъ, и юморъ его иногда былъ золъ. Разъ гувернеръ его Сакенъ доказывалъ, что ему нужно, по крайней мѣрѣ, выучиться читать. „Не буду читать, отвѣчалъ Константинъ, потому что вижу, что вы умѣете читать, а дѣлаетесь со дня на день глупѣе (1).“

Александръ былъ совсѣмъ другаго характера, чѣмъ младшій его братъ. Онъ былъ болѣе застѣнчивъ, чѣмъ развязенъ; болѣе сдержанъ, чѣмъ игривъ. Голосъ его былъ нѣженъ. Онъ былъ очень красивый ребенокъ, и впослѣдствіи, юношею, слылъ при дворѣ подъ названіемъ „купидона.“ Но красота его имѣла оттѣнокъ какой-то женственности (2), что и впослѣдствіи придавало моложавость его наружности, такъ что даже на закатѣ дней его, въ 1822 г., послѣ всего, что испыталъ и пережилъ онъ съ 1812 г., графиня Шуазель-Гуфье, вмѣсто 45 лѣтъ, не давала ему на лицѣ болѣе 30. Александръ былъ блондинъ съ голубыми глазами и вьющимися свѣтлыми кудрями. Онъ особенно развился физически на 12-мъ году возраста: въ этотъ годъ, какъ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ гувернеръ его Протасовъ,—въ 1789 году Александръ выросъ на $2^3/_4$ вершка (3), между тѣмъ какъ прежде росъ по вершку въ годъ. Изъ измѣреній роста учениковъ въ петербургскихъ гимназіяхъ было найдено, что возрастъ наибольшаго физическаго развитія мальчиковъ въ петербургскомъ климатѣ—14 лѣтъ (4). Слѣдовательно, Александръ развился очень рано.

Протасовъ говоритъ, что въ 14-лѣтнемъ Александрѣ развилось замѣчательное самолюбіе; онъ былъ убѣжденъ, что всякаго увѣритъ и переувѣритъ; онъ сдѣлался празденъ, медленъ, лѣнивъ (5). Только предъ тѣмъ, какъ исполнилось ему 15 лѣтъ, получилъ онъ право носить обыкновенный галстухъ, а между тѣмъ онъ уже и предъ

---

(1) Belani, III, стр. 222.

(2) Вигель, Воспоминанія (въ Русс. Вѣстн.), VI, 553.

(3) Русск. Арх. 1866 г., стр, 94, 95.

(4) Архивъ судебной медицины и гигіены, 1867 г. Наблюденія д-ра Вилламовскаго.

(5) Русск. Арх. 1866 г., стр. 99, 105.

тѣмъ влюблялся. Болѣе, чѣмъ другими, пораженъ онъ былъ молодой красавицей, княгиней Четвертинской. Екатерина замѣтила перемѣну во внукѣ и не упустила случая допытаться, кто похитилъ спокойствіе ея любимца. Александръ любилъ бабушку, все пересказалъ ей и, какъ настоящій 15-лѣтній влюбленный, просилъ ее женить его на дорогой ему красавицѣ. И это говорилъ онъ, божество Екатерины, ея надежда; онъ, котораго она въ глубинѣ души, по словамъ современниковъ, готовила въ преемники себѣ даже помимо его отца, въ чемъ намѣреніямъ ея содѣйствовалъ, пока былъ живъ, и свѣтлѣйшій князь Потемкинъ, любившій Александра и называвшій его „le prince de mon coeur“ (¹). Нѣтъ, очевидно, увлеченіе Александра была одна шалость. Надобно было, чтобы онъ и не думалъ о свиданіяхъ со своей возлюбленной. Надобно было ее удалить. Ее удалили изъ Петербурга и послѣ выдали замужъ за Д. Л. Нарышкина. Уже много лѣтъ спустя Александръ вновь сошелся на пути жизни съ тою, которая такъ обворожила его юношеское сердце. Онъ уже не былъ краснѣвшимъ юношею, она не была возбуждавшею платоническіе восторги дѣвою. M-me Нарышкина, тѣмъ не менѣе, до конца жизни осталась увлекательною и увлекающеюся. До 60-ти лѣтъ она была хороша собою, не знала косметическихъ средствъ, кромѣ l'eau de fraises, окружала себя дурнящками, чтобы казаться еще лучше, и, оттолкнувъ глубокую привязанность, на что никогда не рѣшились бы многія изъ ея властолюбивыхъ завистницъ, жила послѣ въ Парижѣ, на пансіонъ въ 200,000 франковъ, выдававшійся ей и ея дочери Софьѣ (²).

Но мы обогнали время. Вернемся къ 15-ти лѣтнему Александру. Екатерину упрекали въ томъ, что она женила внука въ слишкомъ молодыхъ лѣтахъ. Есть иностранные писатели, утверждающіе, что ранній бракъ притупилъ энергію Александра. Въ русской исторической литературѣ также не разъ слышались мнѣнія, что ранній бракъ отозвался на Александрѣ физическимъ разстройствомъ. Если, однако, примемъ во вниманіе раннее физическое развитіе Алексан-

(¹) Бантышъ-Каменск., Біографіи, II, стр. 86, 87.

(²) Choiseul-Gouffier, 203.

дра— онъ обогналъ сверстниковъ на два года—и впечатлительную натуру его, едва не поссорившую его съ бабкою, то упрекъ съ памяти Екатерины отчасти снимется. Если она и поторопилась, то не надобно забывать, что шестнадцатилѣтній Александръ былъ въ ея глазахъ осьмнадцатилѣтнимъ, и она могла думать, что для молодаго человѣка пришла пора любить и ранній бракъ могъ только остепенить его во время, оградивъ молодыя страсти извѣстнымъ предѣломъ, вмѣсто того, чтобы дать имъ разливаться на стороны. Надобно замѣтить также, что къ Александру могла привиться привычка гибельная для здоровья, еслибы во время не замѣтили и не устранили отъ него дурное сообщество.

Въ одинъ ненастный, осенній вечеръ 1792 года къ таврическому дворцу подкатила тяжелая дорожная карета. Изъ нея вышли тайный совѣтникъ Стрѣкаловъ, графиня Шувалова (вдова извѣстнаго автора êpitre à Ninon) и двѣ молодыя принцессы Баденскія, еще дѣвочки, старшей изъ которыхъ было только четырнадцать лѣтъ. Пріѣзжіе входятъ во дворецъ. Принцессы Баденскія были не чужія въ Петербургѣ. Родная тетка ихъ, Наталья Алексѣевна, была первая супруга великаго князя Павла Петровича. Но онѣ здѣсь чувствовали себя почти вчужѣ. Онѣ были здѣсь почти сироты. Мать не поѣхала съ ними. Она была уже разъ въ Петербургѣ въ эпоху сватовства ея сестры за вел. князя Павла Петровича, и, можетъ быть, воспоминаніе о прошедшемъ, воспоминаніе о рано умершей сестрѣ не позволило ей принять приглашенія Екатерины сопровождать дочерей въ Петербургъ. Робко и въ смущеніи вошли принцессы въ палаты покойнаго князя Таврическаго. Ихъ встрѣчаетъ сановитая, стройная дама. Эта выправка, эта поступь—все въ ней было такъ величественно. Принцессы знали Екатерину только по портретамъ. Онѣ не сомнѣваются, что передъ ними русская императрица, а теперь и благодѣтельница ихъ семейства, потому что земли ихъ заняты французскими войсками и самое приглашеніе прибыть въ Петербургъ было сдѣлано, чтобы дать имъ почетный пріютъ и образованіе. Разумѣется, онѣ ѣхали вполнѣ на счетъ Екатерины. Какъ встрѣтить имъ свою покровительницу? Броситься на шею — но незнакомая дама такъ важна и величественна! Смущенныя дѣвушки падаютъ предъ нею на колѣни.

Но онѣ ошиблись. Предъ ними была только гр. Браницкая (1). Величественная красавица, племянница свѣтлѣйшаго князя Потемкина, имѣла слабость во всемъ копировать Екатерину, въ образѣ жизни, въ одеждѣ, даже въ прическѣ и манерѣ, и какъ копія всегда утрируетъ оригиналъ, то и гр. Браницкая, дозволявшая въ Кіевѣ дамамъ цѣловать ей руки, теперь приняла германскихъ принцессъ съ величественностью, которой никакъ не допустила бы въ подобномъ случаѣ Екатерина, знавшая гдѣ нужно быть величественною. Екатерина доказала это на другой день. Она пришла къ принцессамъ. Она была вся ласка, вся любезность. Она такъ умѣла быть ласковою и любезною когда хотѣла. Она знала, что должны чувствовать двѣ дѣвочки, заброшенныя куда-то на сѣверъ, далеко отъ матери и родныхъ. Она знала, что ихъ надобно прежде всего приголубить, приласкать. Она принесла имъ всего, что могло занять и позабавить ихъ: матерій и лентъ для нарядовъ, по Екатерининской лентѣ (2). „Милыя мои—сказала она, раздавая имъ подарки—я не была такъ богата, какъ вы, пріѣхавъ въ Россію. Но мы, кажется, поквитались съ нею." Екатерина любила говорить, что, получивъ все, что имѣетъ въ Россіи, она поквиталась съ нею, давъ ей въ обмѣнъ Тавриду и польскія провинціи (3).

Екатерина вызвала принцессъ въ Петербургъ, чтобы на одной изъ нихъ женить старшаго внука. Она уставила свой кабинетъ портретами всѣхъ принцессъ-невѣстъ Европы, которыя могли быть подъ пару молодому великому князю; долго смотрѣла, выбирала и наконецъ выбрала. Теперь принцесса Луиза-Марія-Августа баденская и младшая сестра ея были въ Петербургѣ. Екатерина вглядѣлась въ Луизу и нашла въ ней сходство съ собою, когда она, Екатерина, 16-ти лѣтнею дѣвушкою въѣзжала въ Россію. Она сравнила свой портретъ того времени съ лицемъ Луизы и не сомнѣвалась въ сходствѣ. Она полюбила Луизу. Это была теперь въ мысляхъ ея—нарѣченная ея любимаго внука.

Настало свиданіе Луизы съ Александромъ. Александръ былъ

(1) Masson, I, 36.
(2) Masson, I, 37.
(3) Masson, I, 50.

молчаливъ, грустенъ и холоденъ. Еще недавно сердцу его былъ нанесенъ жестокій ударъ. Бабушка могла скрывать, но сердце молодаго человѣка угадывало, что его знакомятъ съ его невѣстою, что этой блондинкѣ съ задумчивымъ, мечтательнымъ взоромъ, которой едва пошелъ 15-й годъ, рѣшено быть его суженой. Александръ молчалъ и былъ задумчивъ. Свиданіе прошло сухо и принужденно. Но замѣтили, что Луизѣ понравился ея суженый. А она ему?

Казалось, надобно было бы дать отрицательный отвѣтъ. Такъ и понялъ великій князь Константинъ Павловичъ. Свидѣтель свиданія, онъ, выйдя съ братомъ въ другую комнату, шепнулъ ему, что „обѣ плохи,“ и, какъ всегдашній юмористъ, прибавилъ:—отчего бы не посватать этихъ принцессъ за герцоговъ курляндскихъ? Но если онъ ожидалъ, что Александръ будетъ съ нимъ одного мнѣнія, то ошибся. Какъ разгадать тайны сердца! Александръ почти не смотрѣлъ на свою невѣсту—и, однако, очень хорошо вглядѣлся въ нее; казался холоднымъ и равнодушнымъ—и, однако, послѣ сознался, что она ему понравилась (¹).

Развитая не по лѣтамъ Луиза-Марія-Августа—по св. муропомазаніи Елисавета Алексѣевна—была очень недурна собою. Прекрасные голубые глаза ея выражали много чувства и нерѣдко были какъ бы покрыты пеленою тихой задумчивости. Графиня Радзивилъ впослѣдствіи называла ее „тихою“ (calme) и такъ обращалась къ ней въ письмахъ (²). Прозрачной бѣлизны лице, превосходно очерченныя плечи, роскошные волосы—придавали много наружности Елисаветы. Много лѣтъ спустя, въ 1815 г., гр. Делагардъ назвалъ фигуру Елисаветы прелестною, а глаза ея—отражающими чистоту души (³). Голосъ ея графъ Каменскій назвалъ небеснымъ въ 1806 году, когда онъ, стоя на колѣняхъ у кровати родильницы-императрицы, принималъ отъ нея благословленіе на походъ противъ французовъ. Даже въ 1822 г., когда кра-

(¹) Masson, I, 37.
(²) Choiseul-Gouffier, 327.
(³) Schnitzler, 97.

сота Елисаветы уже стала увядать, когда непремѣнный спутникъ тогдашнихъ нарядовъ — корсетъ, заставляя приливать кровь къ головѣ, придалъ красноватый оттѣнокъ прежде безупречному носу на блѣдномъ лицѣ ея; когда, словомъ, уже не было прежней Елисаветы во всемъ блескѣ молодости и свѣжести— и тогда графиня Шуазель-Гуффье, видясь съ нею въ первый разъ, назвала ея голосъ неземнымъ. Что же былъ этотъ голосъ, когда Елисаветѣ было лишь 15—16 лѣтъ и когда все ей должно было улыбаться?

И Елисавета дѣйствительно не скучала въ Петербургѣ, хотя натура ея, быть можетъ, и не была способна къ быстрымъ увлеченіямъ, къ воздушнымъ замкамъ. По крайней мѣрѣ, когда ея младшая сестра заливалась слезами—плакала со скуки по роднымъ, такъ что ее наконецъ должны были отвезти обратно, въ Германію—она, старшая, была спокойна, даже весела. Разъ, незадолго передъ бракомъ, Елисавета, идя къ трону, запуталась въ платьѣ и упала. Надобно замѣтить, что походка ея была какъ-то особенно легка и своеобразна, такъ что по походкѣ ее узнавали на придворныхъ маскерадахъ какъ бы (1) она ни одѣлась. Но молодая принцесса еще такъ недавно надѣла длинное платье, что ей не грѣхъ было запутаться въ немъ. Однако, міръ придворныхъ кумушекъ рѣшилъ, что это паденіе въ тронной залѣ не къ добру, что Елисаветѣ не быть счастливой (2).

Выбралъ ли бы Александръ самъ себѣ Елисавету въ подруги жизни, если бы онъ случайно встрѣтился съ нею, если бы ему не нашли ее въ супруги? Трудно дать отвѣтъ на это. Практика жизни учитъ, что чаще крайности сходятся, а Александръ и Елисавета, если сравнивать ихъ, были скорѣе братъ съ сестрою и по наружности, и по характеру. Оба нѣсколько болѣе развитые физически, чѣмъ большинство молодыхъ людей ихъ лѣтъ, но все еще оченьочень юные; оба блондины съ голубыми глазами и свѣтлыми волосами; оба ровнаго, сдержаннаго характера—Александръ и Елисавета были похожи другъ на друга даже во второстепенныхъ осо-

---

(1) Belani, III, 141.
(2) Masson, I, 38—39.

бенностяхъ. Для обоихъ корона не имѣла особеннаго блеска; онъ и она одинаково не любили шума свѣта, его толковъ, его этикета. Когда Александръ передавалъ молодой супругѣ своей какъ бы онъ желалъ отказаться отъ престола и частнымъ человѣкомъ поселиться гдѣ нибудь на Рейнѣ, вдали отъ заботъ и треволненій шумнаго свѣта, Елисавета была совершенно его мнѣнія и мечтала о томъ же (1). Она никогда не была хозяйкою во дворцѣ, и если бы не было императрицы Маріи Ѳедоровны, всѣмъ завѣдывавшей, всѣмъ управлявшей въ царской семьѣ во все царствованіе Александра, то она предоставила бы хозяйство, заботы и хлопоты кому нибудь другому. Привязанность любимаго человѣка, тихая, уединенная жизнь, книга и мечта, дѣла благотворенія—вотъ былъ міръ Елисаветы.

Александръ и Елисавета, становясь подъ вѣнецъ, походили на брата и сестру. И брачной жизни ихъ дѣйствительно какъ-то выпало на долю походить на жизнь брата съ сестрою. Оба послѣ брака сидѣли еще въ училищной комнатѣ и слушали уроки Лагарпа. Даже постороннимъ какъ-то невольно приходилось глядѣть на нихъ болѣе какъ на родныхъ, чѣмъ на новобрачныхъ. Довольно припомнить одинъ случай: Генералъ Кутлубицкій, ѣздившій съ однимъ важнымъ порученіемъ отъ императора Павла, только что вернулся въ Петербургъ. Ему передали, что наслѣдникъ, Александръ Павловичъ, желаетъ его видѣть немедленно по пріѣздѣ, но такъ, чтобы это осталось неизвѣстнымъ государю, его родителю. Кутлубицкій является къ Александру. Въ комнатахъ темно, лишь вдали, за анфиладою комнатъ, брезжетъ огонекъ. Кутлубицкій идетъ на свѣтъ, опрашиваетъ и получаетъ дозволеніе войти въ спальню наслѣдника. Александръ и Елисавета были уже въ постели. Поздоровавшись съ Александромъ, Кутлубицкій обѣгаетъ постель, беретъ протянутую ему изъ подъ одѣяла руку Елисаветы, цѣлуетъ ее и затѣмъ начинаетъ свой разсказъ. И все это кажется всѣмъ такъ естественно, такъ обыкновенно. Точно какъ будто это не былъ будуаръ молодыхъ, а гостинная, гдѣ братъ и сестра принимали гостя.

---

(1) Ковалевскій, 64.

Характеръ Александра еще только складывался. Вотъ какъ отзывается Массонъ,—замѣтки котораго выдаютъ въ немъ вѣрнаго и въ большинствѣ случаевъ, безпристрастнаго наблюдателя,—объ Александрѣ въ концѣ жизни Екатерины.

„Онъ наслѣдовалъ отъ Екатерины возвышенность чувствъ, неизмѣнную ровность характера, умъ здравый и проницательный, рѣдкое умѣнье владѣть собою, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ замѣтна сдержанность, осторожность, мало гармонирующая съ его лѣтами, которую можно было бы принять за оттѣнокъ лицемѣрія въ характерѣ, если бы источникомъ ея не было его затруднительное положеніе между отношеніями къ бабкѣ и къ отцу....

„Онъ обладаетъ счастливымъ, но не сильнымъ характеромъ, у него нѣтъ на столько смѣлости и увѣренности въ себѣ, чтобы отыскивать достойныхъ людей, обыкновенно умѣренныхъ и сдержанныхъ. Можно опасаться, что имъ успѣетъ завладѣть какая нибудь изъ назойливыхъ и наглыхъ (éffronté) личностей, которыя обыкновенно бываютъ вмѣстѣ самыми невѣжественными и злыми... Онъ, кажется, потерялъ охоту къ ученію, потерявъ своихъ наставниковъ, въ особенности полковника Лагарпа...“

Замѣтимъ, что все это было напечатано еще въ 1800 г. Очевидно, то мѣсто, гдѣ говоритъ Массонъ объ окружающихъ, которые могли скорѣе всего завладѣть довѣріемъ Александра, казалось сбывшимся прорицаніемъ впослѣдствіи для современниковъ, потому что Лезюръ, писавшій въ Парижѣ исторію Россіи, въ 1812 г., приводитъ подробно, въ текстѣ, замѣчанія Массона и дѣлаетъ ихъ главнымъ матеріаломъ для оцѣнки характера Александра. А между тѣмъ именно въ этотъ промежутокъ времени, съ 1800 до 1812 г., характеръ Александра существенно измѣнился, по словамъ достовѣрнаго современника. Энгельгардтъ говоритъ, что аустерлицкую битву можно назвать эпохою въ правленіи Александра; она отозвалась рѣзкою перемѣною въ характерѣ его. „До того, говоритъ Энгельгардтъ (¹), онъ былъ кротокъ, довѣрчивъ, ласковъ, а потомъ сдѣлался подозрителенъ, строгъ до безмѣрности, неприступенъ и не

(¹) Записки 221.

терпѣлъ уже, чтобы кто нибудь говорилъ правду; къ одному графу Аракчееву имѣлъ онъ полную довѣренность...“ и т. д.

Такой взглядъ могъ быть—личнымъ мнѣніемъ Энгельгардта, и онъ безпристрастно записалъ его. Но хотя съ аустерлицкой битвы могла произойдти перемѣна въ характерѣ Александра (внѣшнія событія на него вліяли), тѣмъ не менѣе, эта перемѣна не была такъ рѣзка. До нѣкоторой степени подозрительный съ дѣтства, уже благодаря наставленіямъ Лагарпа, учившаго не вѣрить въ друзей и увѣренія, Александръ былъ мнителенъ по природѣ. „Строгъ же до безмѣрности“ Александръ не былъ до конца своей жизни, и самъ Энгельгардтъ вѣрно не принималъ этихъ записанныхъ имъ словъ въ буквальномъ смыслѣ. Нельзя также сказать, что Александръ не терпѣлъ, чтобы ему говорили правду. Вспомнимъ только записку Карамзина „О старой и новой Россіи“, поданную въ 1811 г. и рѣзко отрицавшую многое, что одобрялъ и приводилъ въ дѣйствіе Александръ; развѣ это помѣшало Александру оказывать послѣ расположеніе Карамзину? Самая замѣтка Энгельгардта объ Аракчеевѣ показываетъ, что у него вкрался анахронизмъ и что Аустерлицу приписано многое, что было слѣдствіемъ московскаго пожара. Аракчеевъ до 1812 г. не пользовался полнымъ довѣріемъ Александра, какъ увидимъ далѣе. Но, дѣйствительно, нельзя не согласиться, что чѣмъ больше втягивался Александръ въ правленіе, съ годами, тѣмъ онъ становился сдержаннѣе и тверже въ обращеніи съ окружающими, и эта твердость, сопоставленная съ прежнею ласковостью, могла показаться иногда суровостью. Но и самыя жесткія замѣчанія его отзывались болѣе ироніею, которой гуманность характера не допускала обратиться въ рѣзкость. Вспомнимъ нѣкоторыя изъ его выраженій. „Михаилъ Иларіоновичъ, что же вы нейдете впередъ,—сказалъ онъ Кутузову при Аустерлицѣ,—“вѣдь мы здѣсь не на парадѣ, на Царицыномъ лугу, гдѣ не начинаютъ, пока не подойдутъ всѣ войска“ ([1]). Кочубей, разсерженный тѣмъ, что саратовскаго губернатора Бѣлякова отставили отъ службы безъ вѣдома его, министра внутреннихъ дѣлъ, подаетъ

([1]) Энцикл. лексиконъ. Александръ I.

въ отставку. „Можете, никто васъ не удерживаетъ“, отвѣчаетъ Александръ (1). Державинъ не пріѣзжаетъ изъ своего помѣстья Званки. „Можетъ и совсѣмъ не пріѣзжать“, замѣчаетъ Александръ о своемъ министрѣ юстиціи (2). Вообще мы не видимъ уже тутъ того нерѣшительнаго, колеблющагося въ отношеніяхъ къ окружающимъ Александра, который говорилъ въ началѣ своего царствованія графу Комаровскому, что онъ охотно поставилъ бы свѣчу Казанской Божіей Матери, если бы фельдмаршалъ Каменскій, тогдашній петербургскій первый генералъ-губернаторъ, подалъ въ отставку (3), а между тѣмъ самъ смѣнить его съ этой должности не рѣшался.

Но если окружающіе замѣтили перемѣну въ характерѣ Александра съ теченіемъ лѣтъ, то эта перемѣна не касалась народа. Замѣчали, что у Александра для народа всегда была улыбка на лицѣ. Попрежнему свѣтскимъ и любезнымъ кавалеромъ Александръ былъ до конца своей жизни и среди дамъ. Въ дамской средѣ замѣтили, что Александръ обыкновенно меньше говорилъ съ тѣми, кто ему болѣе нравился (4). Быть можетъ, это былъ остатокъ застѣнчивости юношескаго возраста. Въ мужскомъ обществѣ этого не замѣчали. Извѣстенъ анекдотъ о придворномъ, памятномъ своими шутками, который на вопросъ Александра—чѣмъ онъ можетъ быть ему полезенъ? отвѣчалъ: „Ваше величество, каждый разъ на придворныхъ балахъ подходите ко мнѣ и шепчите мнѣ на ухо: „ты оселъ“ (5)! Острякъ разсчитывалъ остаться въ барышахъ, потому что придворные зорко слѣдили съ кѣмъ говорилъ государь, съ кѣмъ нѣтъ, и тѣмъ измѣряли степень довѣрія у него лицъ, очевидно, вовсе не придерживаясь теоріи, составленной въ дамскомъ кружкѣ.

Верхъ обходительности въ женскомъ кругу, Александръ, конечно,

---

(1) Вигель, VI, 561.

(2) Державинъ записки, въ «Русской Бесѣдѣ» 1859 г.

(3) Русскій Архивъ, 1867, стр. 575.

(4) Choiseul-Gouffier, 31.

(5) Maxwell, the Czar, his court and people 5 edition. New York, 1856, p. 148.

имѣлъ массу поклонницъ. „Какъ жаль,—сказала графиня Буажоленъ въ Парижѣ въ 1814 г., послѣ того, какъ Александръ ей, незнакомой ему дамѣ, посѣтившей изъ любопытства православную церковь, поднесъ просвиру—какъ жаль, что такой любезный и обходительный монархъ, какъ Александръ, долженъ царствовать надъ казаками, татарами, киргизами и другими дикими народами, а не у насъ“ (1)!

Не любя театра, Александръ посѣщалъ балы. Онъ учился танцовать въ дѣтствѣ подобно другимъ—на это не распространялось запрещеніе Екатерины, какъ на музыку и стихосложеніе. За даму на урокахъ танцовалъ съ нимъ гр. Толстой (2), послѣ приближенный къ нему человѣкъ. Александръ принималъ, вмѣстѣ съ братомъ Константиномъ, участіе въ балетѣ во время извѣстнаго праздника, даннаго Потемкинымъ въ Таврическомъ дворцѣ. Но на балахъ Александръ бывалъ для общества, не для свѣта. Свѣтскости и свѣтскихъ кавалеровъ онъ не любилъ. Придворныхъ, изъ свѣтскости сдѣлавшихъ науку жизни, онъ называлъ полотерами (3). Любя общество немногихъ и возможное отсутствіе парада въ жизни, онъ говорилъ о придворныхъ: „какая нужда мнѣ въ услугахъ этихъ господъ? Развѣ мои лакеи не прислужатъ мнѣ лучше ихъ (4)?

Любя разъѣзды—разсчитываютъ, что онъ изъѣздилъ въ жизни до 200,000 верстъ (5) — онъ спалъ въ дорогѣ на сафьянныхъ, набитыхъ сѣномъ тюфякѣ и подушкѣ, и вставалъ рано непремѣнно въ заранѣе опредѣленный часъ (6). Онъ былъ такъ акуратенъ въ этомъ отношеніи, что удалилъ отъ себя слугу, не разбудившаго его разъ въ назначенное время. Въ разъѣздахъ онъ возилъ съ собою собственный чай—въ 100 р. фунтъ—и пилъ его обыкновенно одинъ, такъ какъ вставалъ прежде, чѣмъ хозяева домовъ, гдѣ онъ останавливался, просыпались. Къ раннему вставанію—въ 4—5

---

(1) Русс. Бесѣда, 1860, I, смѣсь, стр. III.
(2) Choiseul-Gouffier, 14.
(3) Вигель, VII, 67.
(4) Choiseul-Gouffier, 167.
(5) Энц. Лек. Александръ I.
(6) Choiseul-Gouffier, 24.

часовъ — могъ онъ пріучиться и въ царствованіе имп. Павла, когда въ 10 часовъ вечера въ Петербургѣ тушили огни, если и не ложились спать, когда самъ Павелъ вставалъ рано и требовалъ, чтобы другіе дѣлали тоже, а Александръ, какъ наслѣдникъ престола, и тогда по должности петербургскій военный генералъ-губернаторъ, въ глазахъ Павла долженъ былъ являться примѣромъ другимъ и первымъ исполнителемъ его воли.

Впослѣдствіи, въ Парижѣ, въ 1815 г., Александръ вставалъ позже, въ 8 часовъ. Затѣмъ онъ гулялъ, потомъ садился часовъ на 5 за бумаги, въ 2 часа обѣдалъ, въ 6 ѣздилъ верхомъ, во фракѣ, въ сопровожденіи жокея ([1]).

Александръ былъ очень аккуратенъ и до послѣдней степени приверженецъ чистоты и опрятности. Пыль и соръ были непримиримые враги его въ домашней жизни. Онъ не допускалъ, чтобы на его книгахъ и бумагахъ была пылинка. На его бюро непремѣнно лежалъ чистый батистовый платокъ и 10 только что очиненныхъ перьевъ. Если нужно было только подписать имя, бралось новое перо. Придворный, на должности котораго лежало доставленіе перьевъ, получалъ на одинъ этотъ предметъ 3000 рублей въ годъ ([2]). Это, впрочемъ, не вполнѣ была синекюра, потому что Александръ любилъ писать. По-русски онъ писалъ сильно и своеобразно, по-французски правильно и изящно. Онъ обыкновенно дѣлалъ поправки на бумагахъ, исходившихъ отъ его имени. Особенно многимъ исправленіямъ подвергались бумаги, составленныя его государственнымъ секретаремъ (съ 1811 г.) Шишковымъ ([3]). Не избѣгали исправленій и краснорѣчивые манифесты Сперанскаго. Ковалевскій замѣчаетъ, что Александръ, если и дѣлалъ ошибки въ правописаніи, то, однако, менѣе, чѣмъ, напр., Сперанскій, а Сперанскій былъ дока, какихъ на Руси и въ правительственныхъ сферахъ было немного. Говоря, впрочемъ, объ ошибкахъ въ правописаніи, никогда нельзя упускать изъ вида своеобразности, составляющей именно удѣлъ, по большей части, людей болѣе даровитыхъ, а также надобно обращать вниманіе на

([1]) Мих. Дан., 424—425.
([2]) Belani, III, 134—135.
([3]) Ковалевскій, 62.

условія времени, такъ какъ одному поколѣнію легко видѣть ошибки въ томъ, въ чемъ ихъ не было для другаго. Поправки, которыя дѣлалъ Александръ на бумагахъ, были, однако, нерѣдко плодомъ его правила „десять разъ примѣрь и одинъ разъ отрѣжь" (¹),—правила, котораго онъ держался постоянно, а также его мнительности. Онъ иногда давалъ четыремъ секретарямъ писать на одну и ту же тему, чтобы послѣ выбрать изъ ихъ опытовъ наиболѣе подходящіе. Приводятъ, что при назначеніи Сперанскаго, бывшаго до тѣхъ поръ опальнымъ, въ пензенскіе губернаторы, четыре раза переписывался рескриптъ объ этомъ, потому что каждый разъ имъ оставались недовольны и каждый разъ нужна была новая редакція.

Мы сказали выше, что Александръ предпочиталъ общество немногихъ довѣренныхъ лицъ шуму свѣта. Особенно любилъ онъ въ первое время своего царствованія запросто посѣщать небогатыя нѣмецкія семейства, поговорить тамъ вдали отъ обычной сферы своей дѣятельности, отдохнуть отъ власти. Онъ перестаь посѣщать ихъ, когда замѣтилъ, что и сюда втираются льстецы и сюда проникаютъ интриги честолюбія и разсчетъ (²). Но и послѣ онъ любилъ бывать запросто съ тѣми, кто былъ по душѣ ему и не видѣлъ въ немъ одинъ рогъ изобилія, подъ который можно было стать, чтобы чѣмъ нибудь поживиться. Дерптскій проф. Парротъ былъ другомъ Александра; другомъ, который отшатнулся бы отъ всякой награды отъ того, въ комъ онъ любилъ человѣка, а не государя. Да, Александръ и по воспитанію, и по природѣ не могъ и понять, какъ какими нибудь внѣшними знаками отличія можно отдарить не только за личную привязанность, но за и государственныя услуги. „Любезный Волконскій, сказалъ онъ разъ безсмѣнному одно время начальнику своей канцеляріи, князю Петру Михайловичу, —неужели тебя такъ тѣшитъ какой нибудь кусочекъ ленты?" (Волконскій получилъ предъ тѣмъ Андрея Первозваннаго). Конечно, князь сталъ объяснять, что не лента, а расположеніе его величества и т. д. (³). Въ другой разъ студентъ дерптскаго университета Виль-

---

(¹) Корфъ (б) 33.
(²) Belani, III 131.
(³) Choiseul-Gouffier. 167.

ямъ Гармсенъ просилъ разрѣшенія дозволить ему принять отъ французскаго правительства и носить орденъ Лиліи. Въ этомъ ему было отказано. Въ бумагѣ, заключающей этотъ отказъ, прибавлено, что государь видѣлъ въ Парижѣ „кучеровъ съ этимъ орденомъ" (1). Корнетъ Лазаревъ просилъ о разрѣшеніи принять орденъ Іоанна Іерусалимскаго. Его спросили: за какую заслугу получилъ онъ орденъ? Лазаревъ не могъ привести никакой болѣе существенной причины пожалованія его орденомъ, какъ той, что онъ русскій дворянинъ.—Ему отказали (2). Случилось, однако, Александру пожаловать орденъ съ самого себя и притомъ самый высшій въ государствѣ орденъ—Андрея Первозваннаго съ бриллiантами—совсѣмъ безъ видной заслуги, если не наоборотъ, за нѣчто противоположное. Разъ одно придворное лице является въ орденѣ, который кажется Александру нѣсколько знакомымъ ему. Наконецъ, по бриллiантовымъ украшеніямъ и проч. государь несомнѣнно узнаетъ, что орденъ—его. Какъ попалъ онъ на грудь придворнаго? Наведены справки. Оказалось, что у придворнаго своя звѣзда въ закладѣ и онъ воспользовался знакомствомъ своимъ съ царскимъ камердинеромъ, чтобы на время надѣть звѣзду, бывшую собственностью Александра. Александръ не хотѣлъ надѣвать больше на себя звѣзду съ груди этого придворнаго и звѣзда была пожалована ему (3).

Но личное мнѣніе Александра не нарушало въ его имперіи обычнаго хода вещей. Кресты и прочіе знаки отличія давались попрежнему тѣмъ, кто стремился къ полученію ихъ. Случалось и то, что не разъ бывало при Екатеринѣ; давали по два креста одного названія и одной степени одному и тому же лицу. При Екатеринѣ, какъ сохранилось преданіе, одинъ такой двойной кавалеръ, не получивъ обмѣна знака отличія, не смотря на свое представленіе, такъ и носилъ оба креста (4). При Александрѣ объявлено было получавшимъ вторые кресты вмѣсто нихъ монаршее благоволеніе (5).

---

(1) П. С. З. XXXIII, стр. 443.
(2) П. С. З. XXXIV, стр. 29.
(3) Lloyd, стр. XXXIII-XXXV.
(4) Masson, I, 52.
(5) П. С. З., XXXIII, стр. 441.

Во многомъ міръ, окружавшій Александра, былъ отличенъ отъ него, а Александръ не былъ сильный характеръ, который могъ бы повліять на окружающее. Напротивъ, мы видимъ какъ самъ онъ постепенно втягивается въ этотъ міръ, асимилируется имъ, хотя природа и наклонности до конца не уступаютъ многаго внѣшнему вліянію. Въ этой борьбѣ внутреннихъ убѣжденій съ внѣшнимъ контрастомъ, въ борьбѣ, въ которой человѣкъ мало по малу, шагъ за шагомъ, но постоянно уступалъ вліянію окружающей его массы, состоитъ сущность и характеристическая черта 25-ти лѣтняго царствованія Александра I.

II.

Священный союзъ.

Рядъ событій міровой важности и поразительныхъ по неожиданности пронесся надъ поколѣніемъ, видѣвшимъ возвышеніе и паденіе Наполеона. На императора Александра 1812 годъ положилъ неизгладимый отпечатокъ. Онъ какъ-то разомъ нѣсколько постарѣлъ по наружности. Лице его чаще, чѣмъ прежде, стало оттѣняться меланхолическою задумчивостью. Не на немъ, впрочемъ, одномъ положилъ печать свою этотъ годъ. Кто принималъ участіе въ событіяхъ его, тотъ вынесъ слѣдъ ихъ на себѣ. Въ лицѣ С. Глинки, ревностно боровшагося съ французами перомъ задолго до вторженія Наполеона въ Россію, также находили послѣ 1812 года перемѣну, оставленную пережитою тяжелою годиною. Безъ сомнѣнія тоже можно было сказать о многихъ его современникахъ. Но конечно, на томъ, кто стоялъ въ ходѣ этихъ событій на первомъ планѣ, кто былъ въ нихъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ, слѣдъ ихъ не могъ не отпечатлѣться рѣзче.

И точно, если бы даже душа Александра не была такъ впечатлительна, поразительная быстрота событій и неожиданность ихъ были таковы, что могли произвести потрясающее дѣйствіе на душу человѣка, сосредоточивавшаго на себѣ общее вниманіе. Въ началѣ борьбы торжествующій Наполеонъ, ведя за собою представи-

телей 20 европейскихъ племенъ, идетъ на вѣрное покореніе Россіи. Предложеніе Александра о мирѣ не принято. Наполеонъ подвигается къ сердцу Россіи. Незадолго предъ тѣмъ первый довѣренный человѣкъ Александра, его правая рука, главный дѣлецъ и, въ сущности, первый министръ, въ другой комнатѣ отъ Александра, въ слухъ, такъ что Александръ могъ слышать, предсказывалъ паденіе имперіи (1). И точно, все кажется гибнетъ. Наполеонъ уже у Москвы. Растопчинъ оставляетъ полицейскихъ жечь Москву и самъ послѣ званнаго обѣда, со своими гостями, подноситъ зажженные факелы къ своему дому въ подмосковномъ селѣ Вороновѣ (2). Зажженная безъ вѣдома Александра, его подданнымъ, первопрестольная столица Россіи, о сохраненіи древностей которой Александръ лично такъ заботился (3), горитъ. Отчаяніе охватываетъ всѣ сословія русскаго общества, хотя Александръ и готовъ прежде отрастить бороду по поясъ и удалиться въ дебри сибирскія, чѣмъ уступить врагу...

Но вотъ картина перемѣняется. Ta routine a deronté Napoléon, говорили современные каламбуристы Кутузову. Но *рутина* русскаго Фабія кунктатора и *Тарутино* играли лишь второстепенную роль въ разыгравшейся драмѣ. Голодъ и холодъ губили французовъ. Русскимъ солдатамъ и ополченцамъ оставалось только гнать ихъ. Страшныя сцены представляло это бѣгство. Тутъ зарывали плѣнниковъ живыхъ въ землю, тамъ обезображенный голодомъ французъ ѣлъ человѣческое мясо, говоря, что это ужасно, но все же лучше, чѣмъ мясо кониковъ (какъ прозвали французы малорослыхъ крестьянскихъ лошадей) (4). Тутъ падавшія въ ямы груды замерзшихъ тѣлъ издавали звуки, подобные металлу. Тамъ изъ нихъ сложили цѣлыя стѣны, а на иныхъ замерзшихъ трупахъ выздоравливавшіе товарищи играли въ карты... (5). Двѣсти шестьде-

---

(1) И. И. Дмитріева записки, стр. 196.
(2) Русс. Арх. 1868, стр. 1878.
(3) П. С., XXVIII 1868 стр. 1874.
(4) Русс. Арх., 1868, стр. 1986.
(5) Русс. Арх., 1868, стр. 1988.

сятъ шесть тысячъ труповъ было сожженно только въ четырехъ губерніяхъ—московской, смоленской, минской и виленской. (1)

Въ Вильнѣ императоръ Александръ вступаетъ въ залъ во время бала, даннаго Кутузовымъ, по ковру изъ отбитыхъ французскихъ знаменъ (2), изъ которыхъ одно самъ фельдмаршалъ преклоняетъ предъ нимъ (3). За границею его встрѣчаютъ тріумфальныя ворота и вѣнки изъ цвѣтовъ, надѣваемые молодыми горожанками на будущаго освободителя ихъ отечества отъ ига Наполеона. Между тѣмъ Наполеона тѣснятъ все дальше къ границамъ Франціи. Ходятъ толки, что голова его оцѣнена въ 500,000 рублей наслѣднымъ принцемъ прусскимъ, и что казаки стараются захватить его въ плѣнъ (4). Союзники вступаютъ въ Парижъ. Александръ въ своемъ темнозеленомъ, кирасирскомъ мундирѣ, съ орденомъ георгіевскимъ, Маріи Терезіи и Краснаго орла, *меньшихъ степеней* (5), на груди, на своемъ мекленбургскомъ бѣломъ конѣ безъ порока—Марсѣ — обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ. Онъ главный вождь союзниковъ, герой событія. За взрывъ Кремля онъ отплачиваетъ тѣмъ, что проситъ оставить въ покоѣ на вандомской колоннѣ статую Наполеона, на которую уже накинули канатъ недавніе подданные падшаго императора, чтобы стащить ее съ колонны. Но и просьба Александра не помѣшала имъ надѣть на статую бѣлый саванъ. Въ театрѣ готовы встрѣтить Александра торжественно. Въ честь его сложили пѣсню по образцу пѣсни Генриха IV, начинающуюся словами:

Vive Alexandre
Ce modèle des Rois!
Sans rien prétendre,
Sans nous dicter les lois...

(Да здраствуетъ Александръ, этотъ царь царей! Не выказывая никакихъ притязаній, не диктуя намъ законовъ...)

---

(1) Русс. Арх., 1868, стр. 1994.
(2) Шишковъ, 74.
(3) Лажечниковъ (въ Вѣстникѣ Европы, ч. 94, стр. 75).
(4) Golovine, 147.
(5) Москвитянинъ, 1843, III, стр. 495.

Александръ и тутъ принужденъ отказываться отъ почестей. Вмѣсто „Тріумфа Траяна“, по его желанію на сценѣ даютъ „Весталку“.

Недавно рядъ вынесенныхъ душевныхъ страданій, теперь гнетъ славы; подавленное въ себѣ, уязвленное самолюбіе два года назадъ, теперь—верхъ почестей и восхваленій—все это рядомъ крайнихъ контрастовъ дѣйствовало на Александра, и среди хода событій въ немъ слагался новый человѣкъ.

Мы видѣли, что и прежде Александръ, по природѣ, былъ религіозенъ; съ этою религіозностью въ немъ соединялась крайняя вѣротерпимость. Припомнимъ случай, разсказываемый Шишковымъ въ его запискахъ. Шишковъ написалъ всѣ манифесты Александра во время рѣшительной борьбы съ Наполеономъ, кромѣ манифеста, изданнаго при вступленіи въ Парижъ: тутъ, при концѣ борьбы, когда страстямъ надобно было дать улечься, потребовалось болѣе тонкое и изворотливое перо генерала Ермолова. Императоръ Александръ давалъ просторъ Шишкову, при составленіи манифестовъ. Шишковъ дѣлалъ иногда даже поправки въ Высочайшихъ указахъ и его замѣчанія были принимаемы. Такъ, по вторженіи Наполеона въ Россію въ 1812 г., Александръ хотѣлъ сказать въ одномъ приказѣ по войскамъ: „я буду все время при васъ и отъ васъ не отлучусь“; Шишковъ представилъ, что за будущее нельзя ручаться. Приведенныя слова были вычеркнуты изъ приказа (1) и дѣйствительно, обстоятельства заставили почти вслѣдъ затѣмъ императора Александра ѣхать въ Москву, готовить народъ къ борьбѣ съ непріятелемъ. Но въ какой степени Александръ ни готовъ былъ давать просторъ дѣятельности своего государственнаго министра если убѣжденія ихъ существенно не расходились, онъ зналъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ партіи и потому не во всемъ довѣрялся ему. Въ одномъ изъ манифестовъ, Шишковъ написалъ: „навсегда неизгладимая въ душахъ нашихъ православная вѣра“. Какъ видно и самая тѣнь невѣротерпимости смутила Александра: онъ зачеркнулъ слова „навсегда неизгладимая“ и написалъ вмѣстѣ того

---

(1) Шишковъ, 15.

карандашемъ: „горящая, или пылающая, или чтимая". Шишковъ возразилъ, что „горящая" или „пылающая" будетъ не совсѣмъ удобно сказать со стороны языка, а „чтимая" — очень мало, и было рѣшено написать «свято-чтимая". ([1])

Будучи религіозенъ, самъ Александръ уважалъ религіозность въ каждомъ, къ какому ученію и къ какому толку онъ ни принадлежалъ бы. Еще въ 1810 году онъ знакомится съ масонскими таинствами. По крайней мѣрѣ, на мысль объ этомъ наводятъ, по замѣчанію бар. Корфа, слова Сперанскаго въ отвѣтъ на обвиненіе его въ иллюминатствѣ. Сперанскій говоритъ, что онъ дѣйствительно вступилъ временно въ 1810 году въ масонскую ложу, но это было сдѣлано съ вѣдома правительства. При отношеніяхъ Сперанскаго къ имп. Александру въ то время, эти слова значатъ, что государь былъ участникомъ въ ознакомленіи его главнаго совѣтника съ масонскими обрядами.

Во время сомнительнаго хода дѣлъ въ борьбѣ съ Наполеономъ, въ 1813 г., когда императоръ французовъ временно готовъ былъ вновь явиться счастливымъ соперникомъ, имп. Александръ находитъ время свернуть съ дороги въ Гернгутъ, чтобы ознакомиться съ бытомъ гернгутеровъ въ самомъ центрѣ ихъ поселеній. Александръ говорилъ впослѣдствіи Юнгу Штиллингу, что будучи въ Англіи (послѣ занятія Парижа), онъ посѣтилъ всѣ религіозныя общества въ ней, какія могъ: библейскія, мисіонерскія, общества, печатающія брошюры религіознаго содержанія для безденежной раздачи (tracts), квакерское. Съ квакеромъ Гриллье Александръ молился съ колѣнопреклоненіемъ впослѣдствіи, когда Гриллье пріѣзжалъ въ Петербургъ ([2]). Говорилъ ли гр. Кочубей отъ себя одного, когда онъ представлялъ въ совѣтѣ министровъ, что нужно предоставить іезуитамъ обращать инородцевъ по окраинамъ Россіи въ христіанскую вѣру, такъ какъ одному православному духовенству это не по силамъ ([3])? При всей близости отношеній, въ которыхъ

([1]) Шишковъ, 213.
([2]) Чтенія, 1867, I, Смѣсь, 150.
([3]) Державинъ, 459.

Кочубей стоялъ къ имп. Александру въ это время, можно ли предполагать, что это мнѣніе, отвергнутое благодаря опозиціи Румянцева (Н. П.) и Державина, было раздѣляемо Александромъ? Хотя послѣдующее обращеніе бурятъ въ христіанство при помощи английскихъ миссіонеровъ и могло бы заставить предположить что либо подобное, но, съ другой стороны, несомнѣнно, что Александръ свою вѣротерпимость не ограничивалъ однѣми христіанскими религіями. Онъ цѣлуетъ руку у слѣпаго старца Вассіана въ кіевопечерской лаврѣ ([1]); десять часовъ сряду стоитъ въ церкви Валаамскаго монастыря ([2]), читаетъ молитвенникъ въ церкви доминиканцевъ, замѣнившихъ іезуитовъ въ Петербургѣ (этотъ молитвенникъ съ подчеркнутыми въ немъ Александромъ болѣе грустными молитвами хранится доминиканцами до настоящаго времени) ([3]); но вмѣстѣ онъ исполненъ уваженія ко всякому вѣрованію, хотя бы это были вѣрованія не христіанскія. Евреи при Александрѣ, послѣ вѣковаго преслѣдованія, вздохнули свободнѣе. Въ 1825 году, во время путешествія по Крыму, Александръ подходилъ подъ благословеніе къ магометанскимъ духовнымъ, и изумленные магометане, подданные русскаго царя, готовы были видѣть въ немъ правовѣрнаго ([4]).

Религіозность Александра усиливается съ 1812 г. Съ этого времени онъ постоянно начинаетъ читать библію, и послѣ читаетъ по три главы ея въ день: по одной — изъ пророковъ, изъ евангелій и изъ посланій. Впослѣдствіи онъ постоянно возилъ съ собою библію. Знакомство съ m-me Криднеръ еще болѣе усиливаетъ это религіозное настроеніе.

Знакомство Александра съ m-me Криднеръ приготовляется въ Баденѣ, въ 1814 г., и безъ его вѣдома.

Мы видѣли имп. Елисавету Алексѣевну въ ея первой молодости. Имп. Павелъ былъ въ холодныхъ отношеніяхъ къ ея семей-

---

([1]) Русс. Арх. 1867. 189.
([2]) Беккеръ. Путешествіе казака Назимова, 90—91.
([3]) Choiseul-Gouffier, 366.
([4]) Москвитянинъ, 1844, IV, стр. 48.

ству. Онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что король шведскій, такъ неловко отказавшійся въ Петербургѣ отъ руки вел. княжны Александры Павловны, впослѣдствіи предложилъ руку принцессѣ баденской, младшей сестрѣ Елисаветы Алексѣевны, и получилъ ея согласіе. Недоволенъ былъ императоръ еще и прежде, что въ письмѣ къ нему, во время сватовства своего за Александру Павловну, король неточно привелъ титулъ русскихъ государей. Павелъ замѣтилъ, что королю надобно прежде выучиться писать ([1]). Впослѣдствіи должна была прекратиться самая переписка супруги наслѣдника престола съ ея семействомъ.

Родственный споръ со шведскимъ королевскимъ домомъ еще разъ впослѣдствіи, когда Елисавета Алексѣевна была уже императрицею, отозвался для нея грустными чувствами. Русскія войска вступили въ Финляндію и начали войну, приведшую къ низложенію шведскаго короля съ престола. Когда по случаю покоренія Финляндіи въ Петербургѣ пѣли побѣдное „Тебѣ Бога хвалимъ“, имп. Елисавету видѣли блѣдную и съ заплаканными глазами, стоящую у памятника Петра I ([2]). Она присутствовала при торжествѣ, купленномъ цѣною счастія и спокойствія ея сестры, и мысль о родныхъ вызывала слезы на глаза русской императрицы.

Въ семейномъ быту, обстоятельства, отвлекавшія императора Александра отъ домашняго круга, ложилось тяжелою грустью на сердце императрицы. Бесѣда небольшаго кружка избранныхъ придворныхъ и болѣе чѣмъ платоническое вниманіе князя Адама Чарторыйжскаго не могли замѣнить ей Александра. Она горячо любила его. Она скрывала, старалась скрыть грусть въ себѣ, но меланхолія, все чаще и чаще набѣгавшая на лице, выдавала ее. Она была изъ тѣхъ натуръ, которыя не жалуются, не грустятъ въ слухъ, но тѣмъ живѣе чувствуютъ грусть, тѣмъ скорѣе истачиваются ею. Это была одна изъ натуръ, которыя въ состояніи избѣгать встрѣчъ съ тѣми, кто показываетъ видъ холодности имъ, но которымъ не дешево проходитъ эта жертва.

([1]) Belani, II, 206.
([2]) Русс. Бесѣда, 1851, I, стр. 45.

Елисавета любила Александра. Видѣли какъ въ отсутствіе его она, встрѣчая во дворцовомъ саду маленькую Соню Нарышкину, въ лицѣ которой видѣли сходство съ чертами лица Александра, бросалась горячо цѣловать ее. Случалось заставали ее плачущею надъ портретомъ Александра.

Когда императоръ Александръ, во главѣ союзныхъ армій, шелъ на Парижъ, Елисавета Алексѣевна поѣхала въ Баденъ навѣстить свою мать, маркграфиню баденскую, и родныхъ. Изъ записокъ Шишкова, гостившаго также въ то время въ Баденѣ, мы видимъ, что Елисавета и за границей оставалась тѣмъ же, чѣмъ привыкли видѣть ее въ Россіи—олицетвореніемъ доброты. Она ласкаетъ и цѣлуетъ грязныхъ малютокъ въ нѣмецкихъ деревенькахъ, одаряетъ, и выпускаетъ на волю принесенную рыбаками рыбу... Но ей не живется за-границей. Привезенная намѣренно матерью на то мѣсто, въ ту рощу, гдѣ впервые ей было объявлено приглашеніе ѣхать въ Россію, она остается равнодушна. Равнодушна она и къ востряженнымъ крикамъ: „да здравствуетъ Алексѣевна!“ которыми добрые нѣмцы встрѣчали супругу побѣдителя Наполеона, вовсе не думая о томъ, по замѣчанію А. С. Шишкова, что въ это восклицаніе нужно было вставить собственное имя „Елисавета“, и полагая, что такъ будетъ лучше, болѣе по-русски. Императрицѣ хотѣлось скорѣе ѣхать обратно въ Россію. Она сказала возвращавшемуся въ Россію Шишкову, что завидуетъ ему и охотно послѣдовала бы его примѣру, если бы воля государя не была, чтобы она осталась. На глазахъ ея примѣтны были слезы.

Тутъ-то мы видимъ вмѣстѣ маркграфиню баденскую, императрицу Елисавету Алексѣевну, князя Голицына (А. Н.), фрейлину императрицы Стурдзу, m-me Криднеръ и Юнга Штилинга.

Что было общаго между этими лицами? По словамъ Гримма вліянію князя Голицына многіе приписывали то восторженно-религіозное настроеніе, которое замѣчается впослѣдствіи въ императорѣ Александрѣ [1]. Князь Александръ Николаевичъ, сверстникъ великаго князя Александра Павловича въ дѣтскихъ играхъ—лич-

---

(1) Grimm, 97.

ность необыкновенно живаго и подвижнаго характера, „любвеобильный князь Голицынъ“, какъ его называли иные изъ современниковъ, еще ждетъ своего біографа и, безъ сомнѣнія, найдетъ его, если принять во вниманіе то значеніе, которое онъ успѣваетъ мало по малу пріобрѣсть себѣ въ царствованіе Александра I. Самыя средства, которыми онъ достигаетъ этого, такъ своеобразны, что представляютъ замѣчательную характеристчесикую черту времени. Въ молодости князь Голицынъ назначенъ былъ императоромъ Александромъ въ Сѵнодъ, чтобы направлять его дѣйствія. Иные готовы видѣть въ немъ человѣка, который въ глубинѣ души былъ чуждъ всякой религіи; но проникать въ тайны помысловъ—шаткій путь для оцѣнки человѣка. По внѣшности, князь былъ, напротивъ, горячій приверженецъ всѣхъ религій, истинный космополитъ въ этомъ отношеніи. Какъ бы то ни было, но въ немъ нельзя не видѣть источника того ханжества, которое охватило офиціальныя и неофиціальныя сферы въ концѣ царствованія Александра I и такъ презиралось какъ людми безъ религіи, такъ и истинно религіозными.

Если раздѣлимъ взглядъ на князя Голицына тѣхъ „многихъ“, о которыхъ говоритъ Гриммъ, если припишемъ въ значительной степени его вліянію восторженно-религіозное настроеніе императора Александра, то m-me Криднеръ и Юнгъ Штиллингъ являются не болѣе, какъ его орудіями. Какъ скоро взглянемъ на дѣло съ этой точки зрѣнія, становятся понятными тѣ денежныя отношенія, которыя существовали между князямъ Голицынымъ, съ одной стороны, и m-me Криднеръ и Юнгомъ Штиллингомъ, съ другой.

Постепенно угольщикъ, плавильщикъ, операторъ, професоръ и въ заключеніе мистикъ-піетистъ,—Юнгъ-Штиллингъ представлялъ личность постоянно нуждавшуюся въ деньгахъ. Вліяніе на души ближнихъ онъ нашелъ выгоднымъ для себя. Впослѣдствіи отъ императрицы Елисаветы Алексѣевны, выплачивавшей многимъ пансіоны, объ иныхъ изъ которыхъ узнали только послѣ ея смерти.—Юнгъ-Штиллингъ получалъ пансіонъ въ 300 флориновъ (1). Фрейлина Стурдза дала нуждавшемуся професору 200 гульденовъ на поѣздку на воды,

(1) Belani, III, 34.

и благодарный Штиллингъ при свиданіи съ императоромъ Александромъ не забылъ упомянуть между вѣрующими, въ числѣ лицъ окружавшихъ императора, фрейлину Стурдзу (¹). Но истиннымъ благодѣтелемъ Штиллинга былъ князь Голицынъ. Такъ князь Голицынъ далъ ему, не знавшему чѣмъ покрыть долги, 2000 флориновъ. Эти деньги, прибавляетъ Белани, у котораго мы заимствуемъ извѣстіе объ этомъ, были не отъ императора" (²). Въ другое время m-me Криднеръ передала ему еще 3900 талеровъ отъ князя Голицына. Это былъ даръ отъ императора Александра, полученный, впрочемъ вѣроятно, по представленію того же князя Голицына.

Императоръ Александръ увидался съ Штиллингомъ по совѣту маркграфини Баденской, представившей его за умнаго и весьма религіознаго человѣка. Острая, плутовская физіономія стараго мистика, впрочемъ, какъ видно, не понравилась Александру. Онъ бесѣдовалъ съ нимъ довольно долго. Александръ былъ нѣсколько тугъ на ухо и просилъ собесѣдника говорить погромче, но и болѣе громкая рѣчь не оживила его, не вызвала одушевленія въ немъ. Можетъ быть Штиллингъ и старательно игралъ свою роль, но нуженъ былъ громадный талантъ, чтобы въ глазахъ такого проницательнаго собесѣдника, какъ Александръ, выдать маску за природу и, поддѣлываясь подъ искренность, избѣжать натянутости. Александръ остался недоволенъ бесѣдою и послѣ не говорилъ болѣе съ Штиллингомъ. Не понравился Штиллингъ и Шишкову, видѣвшему его въ Баденѣ. Между прямодушнымъ и истинно-религіознымъ старымъ адмираломъ и такимъ религіознымъ мистикомъ, каковъ былъ Штиллингъ, было очень мало общаго. Поинтересовался адмиралъ Александръ Семеновичъ узнать также что такое другой корифей тогдашняго религіознаго прозелитизма, m-me Криднеръ. Онъ говоритъ, что при первомъ свиданіи она прежде всего показалась ему женщиною остроумною, но затѣмъ онъ замѣтилъ съ ея стороны желаніе казаться вдохновенною и это охладило его. Онъ пожелалъ однако ближе ознакомиться съ ролью, которую

(¹) Belani, Ш, 33.
(²) Belani; Ш, 35.

играла она. Разъ онъ сидитъ у нея въ гостиной. Входитъ дочь m-me Криднеръ и говоритъ что-то на ухо матери. M-me Криднеръ очевидно нужно идти; адмиралъ ее задерживаетъ. Гость видитъ это очень ясно, но ему хочется проникнуть въ тайну религіозной обрядности m-me Криднеръ. Адмиралъ спрашиваетъ: не нужно ли ей идти?—Да, ее ждутъ на молитву. Но въ такомъ случаѣ, замѣчаетъ онъ, отчего и ему не послѣдовать за нею. Я также христіанинъ, говоритъ старый адмиралъ.

Отказать послѣ этого нельзя. Ему указываютъ дорогу внизъ, въ большую комнату, которая уже полна гостей. Чинно и тихо сидятъ гости вдоль стѣнъ комнаты, какъ бы въ ожиданіи чего-то. Вдали, въ концѣ комнаты, видѣнъ столикъ. На немъ бумаги, за которыми сидитъ молодой человѣкъ. Молодой человѣкъ всталъ и произнесъ проповѣдь, которой всѣ внимали въ тишинѣ. Затѣмъ тотъ же молодой человѣкъ сказалъ слова гимна и присутствующіе пропѣли тѣ же слова. Этимъ и кончилось.

Императора Александра съ m-me Криднеръ познакомила фрейлина Стурдза. Болѣе близкое знакомство произошло въ 1815 г., годъ спустя послѣ того, какъ мы видѣли князя Голицына, фрейлину Стурдзу, Юнга-Штиллинга и m-me Криднеръ въ Баденѣ. Допустимъ, что князь Голицынъ искалъ въ Штиллингѣ и Криднеръ орудій для достиженія честолюбивыхъ видовъ. Но почему же мы встрѣчаемъ этихъ дѣйствующихъ лицъ въ Баденѣ, во дворцѣ маркграфини? Хотѣла ли маркграфиня избрать путь религіознаго настроенія для возстановленія семейнаго счастья дочери въ ту пору, когда ходъ политическихъ событій возвращалъ императора Александра Петербургу и царской семьѣ?

M-me Криднеръ — личность до такой степени замѣчательная и вліяніе ея на императора Александра одно время было такъ сильно, что на характеристикѣ ея нельзя не остановиться подробнѣе.

Юлія, или Юліана Криднеръ, дочь одного изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ прибалтійскаго края, барона Фитингофа, и внучка знаменитаго фельдмаршала Миниха, родилась въ Ригѣ, по однимъ свидѣтельствамъ—въ 1764 г., по другимъ—въ 1766. Девяти лѣтъ отъ роду она съ родителями была въ Парижѣ. На 14-омъ году

ее выдали замужъ за 36 лѣтняго барона Криднера, не спросивъ о ея согласіи. Съ мужемъ она жила въ Венеціи, гдѣ Криднеръ былъ русскимъ посланникомъ. Сынъ баронессы отъ этого брака былъ впослѣдствіи русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Швейцаріи. Несчастливое супружество кончилось разводомъ. Въ 1791 г., мы видимъ m-me Криднеръ снова въ Ригѣ, въ 1794—въ Парижѣ, потомъ въ Лейпцигѣ. Въ Лейпцигѣ ее посѣтило религіозное вдохновеніе. Около нея собирается кружокъ вѣрующихъ. Руководство имъ принимаетъ на себя сопровождавшій баронессу молодой абатъ Ампейта (Empeytas). Затѣмъ мы опять видимъ m-me Криднеръ въ свѣтскомъ обществѣ, въ Россіи и въ Парижѣ. Она выступаетъ на литературное поприще и сочиняетъ романъ „Valérie".

Въ 1807 г., по занятіи Пруссіи Наполеономъ, Криднеръ является къ королевѣ Луизѣ Прусской. Въ это время она уже считаетъ себя вдохновенною и пользуется репутаціею такой у довѣрчивыхъ. Лѣтомъ 1815 г. m-me Криднеръ три мѣсяца жила въ Гейльброннѣ (¹). Знала ли она, что въ Гейльброннѣ долженъ остановиться императоръ Александръ? По крайней мѣрѣ, по связямъ своимъ съ окружавшими его, она могла это узнать. Связи князя Голицына съ Фитингофами начинаются за долго предъ этимъ. Братъ баронессы Криднеръ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей библейскаго общества съ его основанія, а библейское общество было любимымъ созданіемъ князя Голицына.

4 іюня 1815 г., императоръ Александръ, остановясь проѣздомъ въ Гейльброннѣ, погрузился въ размышленіе. Криднеръ была ему еще прежде представлена, но онъ не могъ познакомиться съ ней хорошо. Ея слава вдохновенной и религіозной проповѣдницы слова Божія дошла однако до него. Теперь почему-то ему пришла мысль о ней. Въ это время входитъ князь Волконскій. Какая-то дама, г-жа Криднеръ, желаетъ видѣть Его Величество. „Криднеръ!" какое столкновеніе обстоятельствъ. Александръ изумленъ. Онъ только думалъ о ней и она тутъ! Тутъ виденъ перстъ Промысла. Проситъ посѣтительницу войти.

(¹) Beľani, III, 43—44.

Криднеръ вошла. Она исполнила свою роль несравненно лучше Штиллинга. Не смотря на свои 50 лѣтъ, она была вся—увлеченіе, вся — огонь, когда говорила о путяхъ Провидѣнія, о жизни по слову спасенія. Александръ былъ растроганъ. Если Криднеръ дѣйствовала по наущенію, то ея личина была сама природа. Строго и съ авторитетомъ говорила она о грѣхахъ, о покаяніи—и странно! если бы она долго изучала характеръ Александра, то не могла бы лучше приспособить тонъ своей рѣчи, чтобы подѣйствовать на него. Въ строгихъ и суровыхъ словахъ проповѣдницы слышалось что-то напоминавшее аракчеевское „преданъ безъ лести", умѣніе подъ завѣсою откровенности и внѣшней рѣзкости скрывать вкрадчивость ловкаго царедворца.

Впечатлѣніе, произведенное ею на Александра было сильно. Онъ стыдился впослѣдствіи, когда имѣлъ возможность ближе ознакомиться съ пружинами, приводившими въ дѣйствіе этотъ религіозный паѳосъ,—вліянія на него Криднеръ, но тутъ онъ подчинился ему. Онъ думалъ, что нашелъ въ ней отголосокъ тѣхъ чистыхъ религіозныхъ стремленій, которыхъ искалъ онъ. Онъ поддался впечатлѣнію.

Въ Парижѣ, гдѣ поселилась затѣмъ на время m-me Криднеръ, императоръ Александръ посѣщалъ ее часто. Совершивъ свою обычную послѣобѣденную прогулку верхомъ, онъ отправлялся вечеромъ къ ней. У нея и тутъ собирались вѣрующіе на молитву. Въ небогатой квартирѣ ея, освѣщенной очень не блистательно, сходилось не мало представителей знати, движимой ли истинною, или напускною религіозностью—вопросъ, смотря по личностямъ, допускающій не одно рѣшеніе. Посѣтители могли видѣть m-me Криднеръ въ бѣломъ облаченіи, простершуюся въ молитвѣ. Степень вліянія m-me Криднеръ на императора Александра въ эту пору можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Императоръ замѣтилъ разъ слугѣ князя Волконскаго, „чтобы приказанное, впредь, акуратно исполнялось". Эти слова, сказанныя въ передней, долетѣли до слуха m-me Криднеръ. Та приняла тонъ проповѣдницы, сказала о смиреніи, которое должно отличать христіанина, и замѣтила Александру, что слова его были рѣзки. И что же? Императоръ идетъ обратно къ

Осипу въ переднюю, беретъ у него руку и проситъ прощенія за вырвавшуюся у него фразу (1).

Послѣ Александръ вышелъ изъ подъ обаянія m-me Криднеръ. Онъ помогалъ ей по прежнему деньгами, но не хотѣлъ ее видѣть. Она хотѣла ѣхать въ Петербургъ, — на русской границѣ ей замѣтили, что это не угодно будетъ государю (2).

Вліяніе, пріобрѣтенное ею временно надъ императоромъ Александромъ, придало ей еще болѣе смѣлости въ ея проповѣднической роли, и съ этого времени начинается ея антагонизмъ съ швейцарскою и германскою полиціею. Изъ Базеля она была изгнана за то, что произвела несогласія въ семействахъ, приглашая къ путешествованіямъ съ благочестивыми цѣлями. Въ Леррахѣ и Аарау ее постигло тоже. Но число ея послѣдователей, и въ особенности послѣдовательницъ, увеличивалось все болѣе. Она издалека получала письма и деньги. Около нея собралось наконецъ до 3000 народа. Жандармы и полицейскіе считали долгомъ окружать и провожать эту толпу вѣрующихъ. Полиція слѣдила за Криднеръ и въ Лейпцигѣ, куда она отправилась потомъ. Оттуда полиція сопровождала ее въ Кенигсбергъ (въ 1818 г.). Баронесса писала письмо къ императору Александру, но отвѣта не получила.

M-me Криднеръ умерла въ Крыму, въ 1824 г. До конца жизни она умѣла находить себѣ горячихъ поклонниковъ. Бенкендорфъ обратился для нея въ католичество, жертвовалъ ей всѣмъ: покоемъ, временемъ, деньгами (3). Она могла отплатить ему едва ли не тѣмъ только, что называла его лучшею душею въ мірѣ Князь Голицынъ не забылъ ея; нѣкоторые изъ ея родныхъ пристроены были имъ къ министерству просвѣщенія, которымъ онъ завѣдывалъ въ періодъ своего наибольшаго вліянія на дѣла.

Судьба хотѣла, чтобы m-me Криднеръ умерла въ тотъ самый годъ, когда потрясенъ былъ авторитетъ князя Голицына враждебною ему „православною" партіею, и князь долженъ былъ сложить

---

(1) Belani, III, 59.

(2) Belani, III, 77.

(3) Golovin, Russland unter Kaiser Nikolaus dem Ersten. Grimm, 1846. 158.

съ себя званіе президента библейскаго общества. Русское библейское общество было однимъ изъ средствъ къ усиленію значенія князя Голицына. Основанное въ 1812 г., оно было поставлено княземъ—президентомъ его—подъ особенное покровительство императора Александра. Александръ сочувствовалъ цѣли общества. Узнавъ, что въ Або устраивается библейское общество—еще до основанія русскаго библейскаго общества въ Петербургѣ—Александръ пожертвовалъ ему отъ себя 5000 рублей и 1000 бочекъ хлѣба (¹). Онъ богато одарилъ русское библейское общество и такимъ образомъ далъ ему жизнь въ то время, когда, не смотря на финансовую помощь изъ Англіи и на сборъ въ Россіи, средства общества были еще малы. Впослѣдствіи общество получаетъ отъ щедротъ Александра домъ; изданія его распространяются въ громадномъ числѣ экземпляровъ въ арміи и во всей Россіи. Иниціатива перевода библіи на русскій языкъ принадлежала Александру. Онъ, по выраженію князя Голицына, снялъ „печать невразумительнаго нарѣчія" съ библіи (²). Къ этой мѣрѣ считали нужнымъ приготовить общественное мнѣніе, и не напрасно, потому что даже такіе передовые люди въ другихъ сферахъ дѣйствія, какъ Сперанскій, не одобряли этого нововведенія (³).

Благодаря поддержкѣ государя, библейское общество пріобрѣло въ Россіи большое значеніе. Оно считало свои отдѣленія и товарищества сотнями, и они были разсѣяны по всему пространству Россіи. Высшіе духовные чины вступили въ общество. Общество издало и распространило книгъ духовнаго содержанія на миліоны рублей.

Едва ли нужно говорить, что прежняя терпимость императора Александра въ дѣлахъ религіи и его религіозное настроеніе эксплоатировались тѣми, кто умѣлъ искуснѣе прикрыть свои личныя цѣли. Религіозныя собранія и общества, отъ братства г-жи Татариновой, собиравшагося въ Инженерномъ замкѣ, гдѣ жила, основа-

(¹) П. С. З., XXXII, стр. 471—472.
(²) Вѣстн. Европы, 1868 г., № 8, стр. 671.
(³) Русс. Арх., 1868, стр. 1701.

тельница, и до скопческихъ сборищъ находили себѣ новыхъ поклонниковъ. Благодаря религіозному космополитизму князя Голицына, одни общества были только терпимы, другіе покровительствуемы, но всѣ наслаждались полною свободою дѣйствій.

Видѣлъ ли Александръ, что это поголовное увлеченіе вдругъ дѣломъ религіи было со стороны многихъ изъ окружавшихъ его не болѣе какъ средствомъ къ достиженію свѣтскихъ, мірскихъ цѣлей? Зналъ ли онъ, что эти сотни тысячъ книгъ духовнаго содержанія расходятся благодаря людямъ и между людьми, которые въ религіозномъ прозелитизмѣ видѣли лишь способъ быть замѣченными и дорогу къ отличіямъ?

Есть много основаній полагать, что онъ это зналъ. По крайней мѣрѣ не было недостатка въ разъясняющихъ обстоятельствахъ. Разъ Александръ ѣдетъ по екатеринославской губерніи. На станціи онъ видитъ развернутую библію. Читаетъ ли онъ ее?—спрашиваетъ императоръ у станціоннаго смотрителя. Какъ же, станціонный смотритель читаетъ ежедневно! Что же именно? Теперь станціонный смотритель остановился на евангеліи отъ Матѳея. Императоръ высылаетъ зачѣмъ-то смотрителя, а между тѣмъ самъ быстро вынимаетъ изъ бумажника пять сотенныхъ асигнацій и кладетъ ихъ между страницами евангелія отъ Матѳея. Книга положена на прежнее мѣсто прежде, чѣмъ вошелъ опять смотритель. Государь собрался и уѣхалъ. На возвратномъ пути онъ опять посѣщаетъ эту станцію; опять видитъ библію. На чемъ теперь остановился смотритель въ своихъ ежедневныхъ чтеніяхъ изъ библіи? На евангелистѣ Лукѣ. Александръ беретъ книгу. Асигнаціи на прежнемъ мѣстѣ. Видно, что никто и не заглядывалъ въ эту книгу съ его отъѣзда, иначе ихъ нельзя было не замѣтить. Улика на лицо. Ищите царствія Божія— сказалъ Александръ растерявшемуся смотрителю—и все остальное приложится вамъ“; взялъ изъ книги деньги, роздалъ ихъ бѣднымъ около станціи и въ дурномъ расположеніи духа уѣхалъ ([1]).

Можетъ быть тѣ, кто былъ выше станціоннаго смотрителя по

([1]) Москвитянинъ, 1844, V, стр. 391.

общественному положенію, поступали тоньше его, но эксплоатація была таже. Большинство вдругъ расплодившихся святошь и ханжей искало не царствія божія, а именно того что „приложится“.

Въ религіозномъ настроеніи, въ которомъ застаетъ его исходъ борьбы съ Наполеономъ, императоръ Александръ мечталъ о всемірномъ братствѣ народовъ, объ управленіи ими по слову св. писанія и о союзѣ для этой цѣли государей. Еще во время перехода по Германіи за Наполеономъ, родилась въ немъ мысль объ этомъ. Въ Парижѣ, у Криднеръ, онъ набросалъ карандашемъ мысли, занимавшія его, и Криднеръ написала на его рукописи: „Sainte Alliance“ (¹). „Священный союзъ“, по мысли Александра, былъ выполненіемъ на землѣ завѣтовъ слова Божія, политическое устройство и общеніе народовъ согласно ученію св. писанія. Зная личность Александра, никто не усомнится что онъ подразумѣвалъ подъ этимъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ союзъ былъ въ головѣ Александра, онъ не могъ имѣть цѣлью ни подавленія мысли, ни обскурантизма, ни гоненія разума, ни вообще какого либо стѣсненія народовъ, подвластныхъ государямъ — членамъ Священнаго союза. Но въ мірѣ политики были святоши и ханжи еще болѣе тонкіе и искусные, чѣмъ въ другихъ сферахъ. Меттернихъ и личности этого разряда успѣли изъ лучшихъ побужденій государя, доставившаго Россіи преобладающее мѣсто въ Европѣ, сдѣлать орудіе для достиженія своихъ цѣлей, и Священный союзъ—это, въ теоріи, воплощеніе святой патріархальности на землѣ—сдѣлался пугаломъ просвѣщенной свободы и источникомъ революцій, броженія умовъ и тайныхъ обществъ.

VII.

Вопросъ о престолонаслѣдіи.

Придворное преданіе говоритъ, что въ 1806 г., когда насту-

(¹) Энц.-Лексиконъ. Елисавета Алексѣевна.

пили вторые роды императрицы Елизаветы Алексѣевны, императоръ Александръ въ сильномъ душевномъ волненіи ходилъ по комнатѣ, смѣжной со спальнею родильницы. Борьба ощущеній замѣтна была по вырывавшимся у него неяснымъ словамъ. Сыну, или дочери, должна была дать жизнь супруга, отъ которой его такъ долго отвлекали обстоятельства? Если сыну — это долженъ быть его наслѣдникъ престола. Родилась дочь, муки родильницы кончились. Лице Александра прояснилось.

Александру не суждено было передать престолъ сыну. По установленію императора Павла о царской фамиліи, престолъ затѣмъ переходилъ къ великому князю Константину Павловичу.

Мы видѣли великаго князя Константина въ дѣтскомъ возрастѣ. Когда онъ выросъ, многіе находили въ немъ сходство съ отцомъ, не только по наружности, но и по привычкамъ, обращенію и т. д. Великій князь отправился съ Суворовымъ въ итальянскій походъ. Молодость и пылкость увлекали его иногда далѣе, чѣмъ хотѣлъ бы того фельдмаршалъ, въ особенности въ первую неудачную для русской арміи стычку съ французами, за которою послѣдовалъ рядъ блистательныхъ побѣдъ. Но Суворовъ умѣлъ ладить съ увлекавшимся и дѣйствовавшимъ по первому побужденію, но открытымъ и простодушнымъ по характеру великимъ княземъ. Въ награду за итальянскую кампанію, императоръ Павелъ далъ Константину Павловичу титулъ „Цесаревича“.

Константинъ любилъ военныя упражненія, службу, но не любилъ войны, хотя личную храбрость его засвидѣтельствовалъ Суворовъ въ итальянскую войну. Онъ говорилъ, что война портитъ солдата, грязнитъ его нравы, уничтожаетъ дисциплину (¹). Такимъ образомъ онъ самъ какъ бы сознавалъ, что ученія и парады въ его время вовсе не готовили солдата къ тому, что должно было имѣться въ виду, какъ главная цѣль, т. е. къ войнѣ. Но онъ шелъ за своимъ вѣкомъ.

Константинъ былъ строгій командиръ. Великій князь Александръ Павловичъ, командовавшій Семеновскимъ полкомъ, не разъ говорилъ

(¹) Schnitzler, I, 151.

неисправнымъ подчиненнымъ: „право, если вы не хотите слушаться, я отошлю васъ къ брату Константину; у него вы скорѣе научитесь“ (¹). Константинъ командовалъ Измайловскимъ полкомъ, и этихъ словъ Александра, добраго и снисходительнаго начальника, было достаточно, чтобы подѣйствовать на нерадивыхъ.

Константинъ Павловичъ принималъ участіе во всѣхъ большихъ войнахъ царствованія Александра I. Недоразумѣнія и противоположность въ складѣ характера были причиною того, что великій князь не ладилъ въ 1807 г. съ Бенигсеномъ и въ 1812 съ Барклаемъ, какъ это мы видимъ изъ записокъ Ермолова. Но нельзя сказать, чтобы вспыльчивый и подвижный по характеру великій князь не сознавался самъ впослѣдствіи въ ошибкахъ, въ какія ему случалось впадать. Приведемъ одинъ примѣръ: Разъ Константинъ Павловичъ, подъѣхавъ къ полку на походѣ, замѣтилъ, что полковникъ ѣдетъ въ шапкѣ. Онъ сорвалъ шапку съ полковника, бросилъ ее на землю, наговорилъ разныхъ разностей и ускакалъ. Полковникъ, который былъ одѣтъ не по формѣ по нездоровью, обидѣлся и объявилъ своимъ офицерамъ, что подастъ въ отставку. Офицеры полка признали поступокъ великаго князя оскорбительнымъ для нихъ всѣхъ и подали генералу Депрерадовичу общую просьбу объ отставкѣ. Когда донесено было о ней Константину Павловичу, онъ на смотру откровенно призналъ себя виноватымъ и просилъ извиненія у полковника и офицеровъ.

Въ обхожденіи съ императоромъ Александромъ, Константинъ Павловичъ былъ всегда глубоко почтителенъ. Къ нему, какъ къ генералу и начальнику войскъ, императоръ былъ въ равной мѣрѣ взыскателенъ, какъ и къ прочимъ генераламъ. Такъ, онъ строго отзывался о великомъ князѣ, въ разговорѣ съ княземъ Куракинымъ, за самовольный отпускъ Константиномъ адъютанта Озерова (²). Но какъ брата Александръ любилъ Константина и сообщалъ ему о всѣхъ своихъ проектахъ (³). Когда Царство Польское было при-

(¹) Рус. Арх., 1864, 772.
(²) Русск. Арх. 1868, стр. 180.
(³) Военный Сборникъ, 1867, № 11, ст. 115.

соединено къ Россіи, надобно было назначить туда намѣстника. На комъ остановить выборъ? Императоръ Александръ предлагалъ сначала это званіе Костюшкѣ. Александръ былъ расположенъ къ польскому ветерану-генералу. Будучи въ Парижѣ, императоръ далъ ему аудіенцію и приказалъ дворцовому караулу отдать ему фельдмаршальскія почести. Князь Волконскій довольно лаконически объявилъ караулу волю государя, и офицерамъ караула предоставлено было самимъ узнать личность Костюшки, когда тотъ пріѣдетъ, чтобы не смѣшать его съ другими посѣтителями. Костюшка жилъ тогда въ маленькомъ домикѣ въ одномъ изъ предмѣстій Парижа. На дворъ дворца Elysée Bourbon, гдѣ была квартира императора Александра, въѣзжали экипажи только принцевъ крови; всѣ прочіе посѣтители, которымъ старинный этикетъ бурбонскаго дворца не позволялъ въѣзжать на дворъ, выходили изъ экипажей у воротъ и шли по двору съ открытою головою, въ томъ числѣ нѣкоторые маршалы Франціи съ громкими именами. Для всѣхъ ихъ въ дворцовой караульнѣ царствовало молчаніе. Но вотъ у воротъ остановился желтый наемный фіакръ, запряженный двумя клячами и на которомъ стояла цифра „29.“ Изъ фіакра вышелъ худенькій, сѣдой генералъ. Что-то подсказало караулу, что это—Костюшко. Барабаны затрещали и генералъ, кланяясь съ улыбкою войскамъ, прошелъ во дворецъ (¹).

Намѣстничества въ Царствѣ Польскомъ Костюшко однако не принялъ, какъ скоро на вопросъ: будетъ ли возстановлена Польша въ прежнемъ видѣ?—онъ получилъ категорическій отрицательный отвѣтъ (²).

Въ присоединенное Царство Польское Александръ назначилъ намѣстникомъ Константина Павловича. Великій князь былъ женатъ на принцессѣ Саксенъ-Готской, по святомъ мνропомазаніи, великой княгинѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ. Онъ вступилъ въ бракъ также въ очень молодыхъ лѣтахъ, какъ и старшій братъ его. Въ Петербургъ пріѣхали, по желанію Екатерины II, три принцессы Саксенъ-

---

(¹) Русс. Бесѣда, 1860, I, смѣсь, 107.
(²) Choiseul-Gouffier, 188.

Готскія съ матерью. Тѣ изъ придворныхъ, отъ которыхъ не ускользаютъ мелочи, замѣтили, что вся внѣшняя обстановка принцессъ отзывалась готическою стародавностью модъ ([1]). Но Константинъ Павловичъ, тѣмъ не менѣе, выбралъ себѣ въ невѣсты одну изъ принцессъ. Черненькая, миньятюрная смуглянка, будущая великая княгиня Анна Ѳедоровна была также весьма молода, вступая въ бракъ. Этотъ бракъ былъ несчастливъ. Супруги впослѣдствіи разстались.

Будучи въ Царствѣ Польскомъ, Константинъ Павловичъ узналъ Жаннету Грудзинскую, дѣвицу не изъ очень знатной фамиліи. Онъ къ ней скоро душевно привязался. Жаннета Грудзинская была небольшаго роста, полная, блѣдная блондинка. Превсходная танцорка, она въ красотѣ уступала своимъ сестрамъ, и была лимфатическаго темперамента, какъ бы говорившаго о постоянномъ утомленіи— lenguissant, какъ выражается, хорошо знавшая ее, Шуазель-Гуффье, урожденная баронесса Тизенгаузенъ ([2]). Жаннета была задумчива и меланхолична. Всю жизнь она вздыхала, скучала и плакала. Дѣвушка строгихъ правилъ, она была въ состояніи каждому, перешагнувшему чрезъ порогъ ея спальни, кто бы онъ ни былъ и какъ бы она къ нему ни была привязана, сказать: „вы не ступите шагу далѣе, пока я не буду вашею женою“. Императоръ Александръ зналъ ее и питалъ къ ней чувство пріязни ([3]). Впослѣдствіи онъ ей подарилъ княжество Ловичъ, приносившее 400,000 рублей въ годъ. Личная оцѣнка характера была, безъ сомнѣнія, главною причиною, почему императоръ далъ согласіе на бракъ брата съ нею.

Бракъ во многомъ измѣнилъ Константина. Онъ сталъ сдержаннѣе. Онъ былъ постоянно подъ вліяніемъ своей супруги, и придворные должны были только удивляться, какой переворотъ произвела въ этой пылкой, порывистой душѣ задумчивая и меланхолическая полька. Къ чести княгини Ловичъ должно сказать, что даже по признанію ея одноплеменниковъ она, супруга намѣстинка Царства Польскаго и

([1]) Masson, I, 41.
([2]) Choiseul-Gouffier, 262—266, 369—370.
([3]) Корфъ (б), 32—33.

брата императора, ничего не сдѣлала для польской политики въ теченіе своей жизни (1). Почему она не сдѣлала привязанности къ себѣ глубоко любившаго ея человѣка средствомъ для достиженія политическихъ цѣлей—разгадка не трудна. Тѣ, кто могъ знать отношенія супруговъ, говорили, что она любила Константина, а любовь и интрига несовмѣстны.

Но изъ-за нея Константинъ полюбилъ и Польшу. Позже, когда смуты въ Варшавѣ въ четыре мѣсяца состарили Константина десятью годами, онъ, не смотря на все перенесенное имъ, признавался брату, великому князю Михаилу Павловичу, что „не смотря ни на что, онъ любитъ Польшу“ (2). Здоровье супруги его было слабо, и онъ послѣ возилъ ее каждый годъ за-границу на воды. Бракъ великаго князя съ Жаннетою Грудзинскою былъ, безъ сомнѣнія, главною причиною того, что Константинъ Павловичъ пожелалъ отказаться отъ права на русскій престолъ. Онъ полюбилъ Польшу и какъ честный человѣкъ не могъ служить двумъ богамъ. Сдѣлавшись русскимъ императоромъ, онъ долженъ былъ стать въ разрѣзъ многому, что сложилось вѣками, или измѣнить личнымъ убѣжденіямъ. Было высказываемо мнѣніе, что императоръ Александръ согласился на бракъ великаго князя съ Жаннетою Грудзинскою лишь подъ условіемъ, чтобы потомство его отъ нея не имѣло права на русскій престолъ. Какъ бы то ни было, но въ 1820 г. обнародованъ былъ законъ, по которому потомство лицъ царской фамиліи, отъ супружества съ особами не изъ владѣтельныхъ домовъ, устранялось отъ наслѣдованія русскаго престола. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что этотъ законъ былъ изданъ по соглашенію императора Александра съ Константиномъ Павловичемъ. Законъ относился прямо къ послѣднему, но великій князь не „подпадалъ“ подъ него, а самъ законъ былъ слѣдствіемъ принятаго имъ рѣшенія отказаться отъ права на престолъ.

Какъ скоро устранялся отъ престола Константинъ, очередь переходила къ слѣдующему брату, великому князю Николаю Павловичу.

---

(1) Choiseul-Gouffier, 369.

(2) Военный Сборникъ, 1868, III, 89.

Николай Павловичъ былъ гораздо моложе обоихъ старшихъ братьевъ. Онъ родился тогда, когда оба они были уже женаты. Отношенія его къ императору Александру были скорѣе какъ сына къ отцу, чѣмъ брата къ брату. Императрица Марія Өедоровна въ письменномъ наставленіи великимъ князьямъ Николаю и Михаилу, отправлявшимся въ Парижъ, занятый въ то время русскими войсками, также говоритъ, что имп. Александръ приметъ ихъ, какъ нѣжнѣйшій изъ отцевъ.

Гриммъ расказываетъ (1), что разъ маленькій великій князь Николай спросилъ у императора Павла: „почему онъ называется Павелъ *первый*?“ На отвѣтъ, что до того времени никого не было на царскомъ престолѣ, кто бы назывался Павломъ, маленькій великій князь отвѣчалъ: „значитъ, я также буду Николай I!“ Тотъ же Гриммъ, передавая о послѣднемъ поцѣлуѣ императора Павла маленькому Николаю, даетъ понять, что въ этомъ поцѣлуѣ и въ выраженіи лица родителя было что-то, говорившее о предчувствіи близкой смерти.

За воспитаніемъ великихъ князей Николая и Михаила наблюдала императрица Марія Өедоровна. Императрица впослѣдствіи признавалась, что въ то время, когда ничто не привязывало ее къ жизни, она жила только для своихъ маленькихъ Николая и Михаила, только заботами о нихъ (2). Императрица Марія Өедоровна была любящая мать. Вспомнимъ ея поѣздки 3—4 раза въ недѣлю изъ Петербурга въ Гатчину и обратно, по дряннѣйшимъ дорогамъ, во время сватовства великой кн. Александры Павловны за шведскаго короля. Марія Өедоровна въ шутку говорила, что если ей еще придется выдавать дочь съ такими хлопотами, то однѣ дороги убьютъ ее (3). Императрица требовала, чтобы лица, бывшія при великихъ князьяхъ, сообщали ей всѣ подробности о нихъ. Главнымъ воспитателемъ при нихъ былъ графъ Ламсдорфъ. У великаго князя Николая было 8 гувернеровъ, смѣнявшихся еже-

---

(1) Grimm, I, 35.
(2) Русск. Арх., 1868, стр. 348.
(3) Masson, I, 29—30.

дневно ([1]). Въ отношеніяхъ съ дѣтьми, императрица Марія Өеодоровна требовала полной откровенности, даже и послѣ, когда они уже молодые люди, путешествовали по Европѣ—за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, какъ прибавляла императрица, когда по службѣ довѣрялось имъ государемъ то, чего и она сама знать была не должна.

Учителями великаго князя Николая, между прочимъ, были Шторхъ и Аделунгъ. Французскій языкъ преподавалъ ему Дюпиже. Въ новѣйшихъ языкахъ великій князь сдѣлалъ значительные успѣхи. Кристмасъ, говоря о послѣдующемъ времени, замѣчаетъ, что Николай по-французски говорилъ не такъ свободно, какъ по-нѣмецки и англійски. Особенные успѣхи оказывалъ онъ также въ музыкѣ, и потомъ самъ могъ сочинять марши. По цѣлымъ часамъ, живя въ Гатчинѣ, заслушивался онъ иногда въ буковыхъ лѣсахъ пѣнія соловья ([2]). Любовь къ музыкѣ шла у него объ руку съ любовью къ театру. Театръ былъ любимымъ его развлеченіемъ и впослѣдствіи.

Въ Гатчинѣ, гдѣ учились великіе князья, они какъ-то свыклись, сжились съ уединеніемъ, съ отсутствіемъ общества. Гатчинская жизнь положила на время отпечатокъ на Николаѣ Павловичѣ. Онъ сталъ „серьезенъ, сосредоточенъ въ себѣ"—ernst, verschlossen, какъ говоритъ Гриммъ ([3]). Младшій братъ его, Михаилъ Павловичъ, могъ меньше подвергнуться вліянію гатчинскаго уединенія. Весьма во многомъ сходный съ своимъ родителемъ, онъ по живости и веселости нрава даже превосходилъ его.

Полагаютъ, что была мысль докончить образованіе великихъ князей, Николая и Михаила, въ царскосельскомъ лицеѣ, и даже, что самый лицей былъ устроенъ съ цѣлью дать имъ образованіе въ немъ ([4]). Эта мысль, если послѣ она и не была приведена въ исполненіе, можетъ до извѣстной степени объяснить, почему лицей былъ помѣщенъ въ бывшемъ дворцѣ великихъ княженъ, такъ что послѣ лицеисты могли сбивать наливные яблоки въ царскомъ саду и бить сторожей царскаго садовника Лямина, какъ на это жа-

---

([1]) Harrison, Notes of a nine years residence... p. 248.
([2]) Grimm, I, 39.
([3]) Grimm, I, 38.
([4]) Grimm, I, 36.

ловался хозяинъ сада, императоръ Александръ, директору лицея, Энгельгардту (1).

Оба молодые великіе князя, внѣшнее образованіе которыхъ было докончено въ Гатчинѣ, были страстно преданы военнымъ упражненіямъ. Разъ императрица Марія Ѳеодоровна пріѣзжаетъ въ Гатчину ночью и идетъ въ спальню къ дѣтямъ. Ихъ нѣтъ въ спальнѣ. Гдѣ они? Придворные не знаютъ. Стали отыскивать и, наконецъ, нашли ихъ въ саду, заснувшими на часахъ, въ мундирахъ и съ ружьями у караульни (2).

Отправляя ихъ за-границу къ императору Александру, и въ другихъ случаяхъ около этого времени (1814—16 г.г), императрица Марія Ѳеодоровна давала имъ письменныя наставленія (3), какъ держать и вести себя при этихъ первыхъ шагахъ ихъ въ свѣтѣ и внѣ материнскаго надзора. На этихъ наставленіяхъ нельзя не остановиться. Они доказываютъ, что императрица была не только любящая, но и истинно любящая мать, т. е. не смотрѣвшая на дѣтей сквозь призму пристрастія. Императрица совѣтуетъ дѣтямъ не обращаться съ окружающими легкомысленно, непочтительно и самодовольно, и вмѣстѣ не бросаться на шею человѣку, котораго не знаешь. Она напоминаетъ, что дѣти обѣщали ей строго наблюдать другъ за другомъ и никогда не оскорблять никого невѣжливымъ обращеніемъ. Она даетъ совѣтъ не подмѣчать смѣшныхъ сторонъ и маленькихъ недостатковъ людей; говоритъ, чтобы обращеніе великихъ князей было благородно безъ гордости и учтиво безъ фамильярности. Предостерегаетъ противъ охоты къ мелочамъ въ военномъ искуствѣ и совѣтуетъ быть осторожными въ разговорахъ. Чтеніе должно быть однимъ изъ постоянныхъ занятій ихъ; "Вы теряете знанія, прибавляетъ императрица-мать, какъ скоро перестаете умножать ихъ". Особенно Михаила проситъ она полюбить серьезное чтеніе. „Грубый, жестокій, повелительный тонъ—говоритъ она—въ лицахъ вашего происхожденія былъ бы вовсе невы-

(1) Пущинъ (въ Атенеѣ. 1859, II, 520—522).
(2) Grimm, I, 37.
(3) Русск. Арх. 1868, 349—373.

носимымъ.“ Она совѣтуетъ дѣтямъ закрыть слухъ для всякой лести и поклоненія. Въ отношеніи къ государю, брату, императрица совѣтуетъ великимъ князьямъ наблюдать въ поведеніи всѣ оттѣнки деликатности и заслужить его одобреніе. Великому князю Николаю императрица-мать даетъ совѣтъ не возвышать голоса въ разговорѣ; „Жесткость словъ, говоритъ она, можетъ показаться грубостью.“

Гриммъ, однако, по видимому правъ, замѣчая, что внѣшній характеръ великихъ князей въ первые годы молодости носилъ на себѣ, въ иныхъ случаяхъ, болѣе отпечатокъ уединеннаго воспитанія въ Гатчинѣ, чѣмъ былъ результатомъ врожденныхъ наклонностей. Заграничная жизнь и партикулярное платье, говоритъ онъ, какъ бы вдругъ дали въ великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ просторъ всему общечеловѣческому. Понятнымъ дѣлается, такимъ образомъ, почему въ то время, какъ дома, въ Россіи, находили великаго князя гордымъ въ обращеніи, иностранцы видѣли въ глазахъ Николая, бывшаго въ Потсдамѣ на 21 году его жизни, доброе (milde) и дружеское выраженіе (1). Первое знакомство съ Европой было сдѣлано великимъ княземъ Николаемъ въ 1814 г. Франція ему не понравилась (2), но онъ былъ на столько дипломатъ, чтобы скрыть это отъ французовъ. „Какъ нравится вамъ Парижъ?“ спросилъ его Талейранъ. — Ничего! былъ отвѣтъ — только бы хотѣлось скорѣе въ Петербургъ. „Что такъ“? — Къ матушкѣ, къ роднымъ, отвѣчалъ великій князь (3). На смотру при Вертю, съ Николаемъ Павловичемъ случилось несчастіе; онъ упалъ съ лошади, подаренной ему герцогомъ Веллингтономъ (4), но ушибся не опасно. Изъ Франціи онъ проѣхалъ въ Англію, гдѣ поднесли ему дипломъ на званіе доктора правъ оксфордскаго университета, по обычаю, сохраняемому въ англійскихъ университетахъ, въ отношеніи почетныхъ гостей.

Въ 1816 г. великій князь путешествовалъ по Россіи, для озна-

(1) Bade, 2.

(2) Grimm, I, 39.

(3) Rolland, Histoire politique et anecdotique du czar Nicolas I pp. 12—13.

(4) Ibid.

комленія съ нею. Не входила ли эта поѣздка въ программу образованія будущаго императора? Не видѣлъ ли уже теперь императоръ Александръ въ немъ преемника себѣ? Есть положительное свидѣтельство, что въ это время вопросъ о престолонаслѣдіи былъ рѣшенъ въ умѣ Александра, какъ увидимъ далѣе.

Въ числѣ прислуги, сопровождавшей великаго князя въ это путешествіе, находимъ блинника — обстоятельство показывающее, что и въ это время Николай Павловичъ былъ любителемъ русскихъ блюдъ, какимъ видимъ его впослѣдствіи. Говорятъ, что въ это путешествіе великій князь велъ дневникъ, и что этотъ дневникъ сохранился (1).

По нѣкоторымъ извѣстіямъ, великая княгиня Екатерина Павловна хотѣла посватать Николая Павловича на англійской принцессѣ Шарлотѣ (2), но судьба хотѣла, чтобы выборъ его остановился на другой Шарлотѣ, дочери короля прусскаго. Королевская прусская фамилія была въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ императору Александру и всему русскому царскому дому. Въ годину несчастія для Пруссіи, королева Луиза показала примѣръ твердости въ несчастіяхъ и стойкости духа. Мы видѣли ее на полѣ сраженія при Іенѣ. Въ своемъ небогатомъ помѣщеніи въ Мемелѣ, гдѣ жила прусская королевская фамилія, лишенная если не престола, то большей части своихъ владѣній, мы видимъ ее заботливою хозяйкою и матерью, занимающеюся образованіемъ своихъ дѣтей. Женщина развитая и образованная, королева Луиза бесѣдовала съ Гуфеландомъ; въ дѣлѣ образованія отдавала предпочтеніе методѣ Песталоцци. Въ домашнихъ заботахъ и въ бесѣдахъ порою о чемъ нибудь болѣе серьезномъ, текла тихая жизнь въ Мемелѣ. Обстоятельства королевской фамиліи были очень стѣснены, когда Наполеонъ распоряжался въ Берлинѣ. Было время, когда король, желая подарить дочери Шарлотѣ на платье, не могъ дать ей болѣе 5 талеровъ (3). При принцессѣ Шарлотѣ съ 1805 г.

---

(1) Русск. Арх., 1868, стр. 360.
(2) Вигель, XI, 148.
(3) Grimm, I, 44.

была гувернантка Вильдерметъ, но учителемъ всѣхъ дѣтей короля въ Мемелѣ былъ одинъ французъ Шамбо (¹). Принцесса Шарлота, еще ребенокъ въ это время, помогала матери въ хозяйствѣ, и какъ ни бѣдна была обстановка ихъ домашней жизни здѣсь, въ сравненіи съ тѣмъ, что ожидало принцессу послѣ, Шарлота всегда вспоминила о жизни въ Мемелѣ, какъ о счастливѣйшихъ дняхъ своего дѣтства.

Мемельская жизнь прусскаго двора кончилась. Наполеонъ, ради императора Александра, возвратилъ прусскому королю Берлинъ. „Красавица королева, говоритъ Ермоловъ, съ глазами полными слезъ, которыя она напрасно старалась скрыть, должна была выслушивать привѣтствія отъ Наполеона.

Послѣ 1812 г. король прусскій первый сталъ подъ одно знамя съ императоромъ Александромъ для низверженія Наполеона. Съ этихъ поръ, въ теченіе походовъ 1813 — 1814 гг., король и Александръ были часто неразлучны. Нерѣдко можно было видѣть короля въ его синемъ сюртукѣ, съ шалью вокругъ шеи и съ сверткомъ военныхъ картъ, засунутымъ на груди, скачущимъ за императоромъ Александромъ (²). Эти походы еще болѣе сблизили двухъ государей, и результатомъ было соглашеніе, что принцесса Шарлота выйдетъ замужъ за великаго князя Николая.

Есть положительное свидѣтельство, что уже тутъ, при переговорахъ о бракѣ, было условлено, что великій князь Николай со временемъ получитъ престолъ, и что даже на этомъ условіи дано было согласіе на бракъ прусскою королевскою четою (³). Принцесса Шарлота была отъ природы сдержана, заключена въ себѣ и даже, по видимому, холодна съ окружающими. Можетъ быть эта черта въ ея характерѣ заставила впослѣдствіи князя Козловскаго сказать, что въ ней видна болѣе принцесса, чѣмъ свѣтская женщина (⁴). Но королева, мать ея, справедливо говорила, что подъ внѣшнею холодностью у нея скрывается доброе сердце.

(¹) Grimm, I, 43.
(²) Русск. Бесѣда, 1860, I, смѣты стр. 84.
(³) Rolland, pp. 14—15.
(⁴) Histoire de l'empereur Nicolas, p. 21.

Принцесса Шарлота, уже нарѣченная невѣста великаго князя Николая Павловича, отправилась въ Россію. На дорогѣ она думала о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ она на императрицу Марію Ѳедоровну. Императрица, какъ мы видѣли, была хозяйкою въ царской семьѣ. Она поддерживала при дворѣ строгій этикетъ. Въ это время дамы уже переставали пудриться, хотя все еще ходили въ короткихъ и въ обтяжку платьяхъ съ высокою таліею, но придворные кавалеры, являвшіеся въ торжественныхъ случаяхъ при дворѣ въ праздничныхъ кафтанахъ, должны были еще пудриться до-бѣла. „Пріѣхали вы сюда можетъ быть и не для меня — сказала разъ императрица Марія Ѳедоровна И. А. Крылову предъ обѣдомъ во дворцѣ — но это — императрица указала на напудренную голову знаменитаго баснописца — я принимаю прямо на мой счетъ“ (¹). Оказывая пристрастіе къ этикету, императрица желала, чтобы дочь ея, Марія Павловна, герцогиня Саксенъ-Веймарская, ходила при своемъ дворѣ въ тѣже дни въ такихъ же платьяхъ, какъ и она. Въ это время, въ 1814—15 гг., императрица была еще здоровая, свѣжая, румяная женщина, какою она показалась современнику Вигелю — хотя ей уже было подъ 50 лѣтъ. Отъ прилива крови, благодаря предписанному модою корсету (²), лице ея было нѣсколько красно. Говоря при дворѣ часто на другихъ языкахъ, кромѣ русскаго, Марія Ѳедоровна еще не усвоила себѣ чистой русской рѣчи. Она говорила по-русски очень скоро и невнятно. Такою представляетъ ея рѣчь Вигель въ 1815 г., такою же нашелъ ее Жуковскій нѣсколько позже, когда онъ представленъ былъ ей Уваровымъ, какъ будущій преподаватель русскаго языка молодой супругѣ великаго князя Николая Павловича.

И такъ, принцессу Шарлоту занимала на пути въ Петербургъ мысль о томъ, какъ она увидится съ вдовствующею императрицею, какое впечатлѣніе она на нее произведетъ. Наконецъ принцесса Шарлота во дворцѣ. Она робко подходитъ къ императрицѣ-мате-

(¹) Плетневъ, И. А. Крыловъ (Современникъ 1845 г.), стр. 61.
(²) Choiseul-Gouffier, 328.

сторону себя, а великую княгиню по другую, онъ, съ участiемъ и ясно, далъ понять какое наслѣдiе готовитъ онъ имъ. Молодые супруги были въ смущенiи. Неожиданное сообщенiе произвело на нихъ потрясающее дѣйствiе. Если могли быть прежде догадки на этотъ счетъ, то онѣ были такъ смутны, такъ неясны. Теперь императоръ выразился категорически, и тѣмъ менѣе могъ ожидать великiй князь Николай Павловичъ такого признанiя, что онъ прежде не видѣлъ особенно горячаго расположенiя къ себѣ императора-брата, отъ котораго его отдѣляла самая разность лѣтъ; императоръ Александръ даже не назначилъ его къ себѣ генералъ-адъютантомъ, и великiй князь продолжалъ все время исправлять невидныя военныя должности.

Константинъ, давно отказавшiйся въ душѣ отъ права на престолъ, зналъ, что это право должно перейти къ великому князю Николаю и этимъ опредѣляются отношенiя между двумя братьями. Константинъ Павловичъ очень любилъ своего младшаго брата Михаила, ласкалъ его и тѣшился его веселостью, когда онъ былъ ребенкомъ. Откровенность и дружбу онъ сохранилъ къ нему и впослѣдствiи. Но въ отношенiи къ Николаю Павловичу, хотя и тотъ былъ гораздо моложе его и только двумя годами старше Михаила Павловича, Константинъ держалъ себя какъ-то почтительно-сдержанно. Онъ признавался Михаилу Павловичу, что при встрѣчахъ Николая Павловича ему всегда кажется, что онъ какъ будто принимаетъ самого государя (¹). Когда разъ это невольное чувство высказалось слишкомъ рельефно и вызвало замѣчанiе со стороны великаго князя Николая, Константинъ Павловичъ обратилъ дѣло въ шутку, сказавъ, что встрѣчаетъ его такъ потому, что онъ „царь мирликiйскiй“ (²) (намекъ на святаго, Николая Павловича, Николая мирликiйскаго чудотворца).

Очень вѣроятно, что зная раньше другихъ къ кому перейдетъ престолъ по смерти Александра, Константинъ Павловичъ иногда невольно проговаривался, хотя между нимъ и старшимъ братомъ дѣло хранилось въ тайнѣ.

(¹) Корфъ (б), 14—15.
(²) Тамъ же, 16.

Въ 1820 году былъ изданъ актъ, устранявшій отъ престола потомство Константина Павловича, если бы онъ вступилъ на престолъ. Этотъ актъ, въ сущности, еще ничего не говорилъ объ отреченіи самого Константина отъ престола, но заставлялъ догадываться, что это отреченіе послѣдовало. По крайней мѣрѣ, по обнародованіи этого акта для многихъ стало ясно, что отреченіе Константина отъ престола возможно. Объ этомъ ходили толки въ Россіи ([1]). Въ дипломатическихъ кружкахъ было распространено убѣжденіе, что истинный преемникъ Александра — Николай ([2]). Хотѣли официально хранить тайну. Документы объ отреченіи Константина и назначеніи Николая наслѣдникомъ престола хранились въ Петербургѣ и въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ, въ запечатанныхъ пакетахъ, которые открыть было дозволено только не прежде смерти императора Александра. Но тайна такой государственной важности не могла оставаться тайною, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ. Въ 1824 г., великій князь Николай разъ пріѣзжаетъ неожиданно къ князю Голицыну. У Голицына былъ князь Козловскій, который предъ тѣмъ повредилъ себѣ ногу. При входѣ великаго князя, Козловскій хотѣлъ встать, но Николай, замѣтивъ, что это стоитъ ему усилія, взялъ его за плечи и попросилъ не вставать.

— Какъ же мнѣ встать, ваше высочество — отвѣчалъ дипломатъ, когда у меня на плечахъ 60 милліоновъ народа! ([3])

Намекъ былъ слишкомъ ясенъ. Тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ быть понятенъ Николаю Павловичу, разговоръ съ которымъ императора Александра нѣсколько лѣтъ назадъ раскрылъ ему планы послѣдняго.

Въ 1825 г., въ сентябрѣ, въ альманахѣ, напечатанномъ съ разрѣшенія прусской цензуры во Франкфуртѣ-на-Одерѣ, великій князь Николай былъ уже прямо названъ наслѣдникомъ русскаго престола, но такъ какъ дѣло хранилось въ тайнѣ, то прусская

([1]) Аксаковъ (въ Русск. Бесѣдѣ 1858, I, 9).
([2]) Schnitzler, I, 158.
([3]) Histoire de l'empereur Nicolas, p. 45.

полиція поторопилась наложить запрещеніе на откровенный прежде времени альманахъ (¹).

Два года спустя послѣ свадьбы, великій князь Николай Павловичъ былъ съ супругою въ Берлинѣ. Онъ выѣхалъ позже ея двумя днями, инкогнито, не сказавъ ей, пріѣхалъ въ Берлинъ несколько раньше ея и неожиданно встрѣтилъ ее въ кругу родныхъ. Тутъ онъ отъ души смѣялся ея удивленію (²).

Въ 1821 г., молодые супруги были снова въ Потсдамѣ. Здѣсь на ученьяхъ отряда, составленнаго изъ однихъ офицеровъ, къ которому былъ прикомандированъ и Николай Павловичъ, послѣдній учился трубить въ рогъ, самъ раскладывалъ огонь на бивакахъ и варилъ рисъ съ мясомъ, угощая этимъ походнымъ кушаньемъ своего приготовленія и супругу (³).

Въ оба посѣщенія Пруссіи, молодой великій князь уже былъ счастливымъ отцомъ первенца, рожденіе котораго несомнѣнно было одною изъ главныхъ причинъ, окончательно рѣшившихъ императора Александра утвердить наслѣдство престола въ родѣ втораго брата. Императоръ Александръ очень любилъ племянника, въ которомъ заранѣе видѣлъ продолжателя своей династіи на престолѣ. Онъ устраивалъ для него, ребенка, въ Царскомъ Селѣ телеграфную башню, искусственныя руины, снаряды для гимнастическихъ упражненій (⁴). Ему суждено было однако прожить лишь столько, чтобы остаться въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ племянника. Но память дяди дорога была послѣднему. Когда впослѣдствіи онъ открылъ въ одномъ изъ потаенныхъ ящиковъ во дворцѣ крестъ Георгія 4-й степени, который носилъ обыкновенно Александръ I, Александръ II надѣлъ его себѣ въ петлицу (⁵) и не снималъ болѣе, на память о дядѣ и государѣ, который одинъ по своему положенію могъ предвидѣть въ немъ, новорожденномъ ребенкѣ, будущаго императора, хотя и не могъ предсказать, что ходъ историческихъ обстоятельствъ

(¹) Schnitzler, 158.
(²) Histoire... p. 31.
(³) Bade, 8.
(⁴) Harrison, Notes of a nine years residence in Russia, p. 280.
(⁵) Choiseul-Gouffier, 367.

позволить племяннику выполнить ту самую задачу, о рѣшеніи которой, для свободы десятковъ милліоновъ русскихъ людей и для лучшаго будущаго русской земли, дядя болѣе чѣмъ о чемъ нибудь думалъ при жизни, хотя рѣшить ему ее и было невозможно.

IV.

Послѣдніе годы царствованія Александра I.

Одинъ изъ французскихъ писателей, говоря объ Александрѣ I, замѣчаетъ, что въ первые годы своего правленія онъ стремился къ упроченію счастія и благосостоянія человѣчества, а во вторую половину его — приводилъ свои желанія въ исполненіе. Съ первою половиною этого вывода можно согласиться: Александръ дѣйствительно стремился въ первые годы своего царствованія къ примѣненію на дѣлѣ того, что по его мнѣнію могло упрочить благо его подданныхъ. Но со второю половиною заключенія иностранца-автора согласиться вовсе нельзя. Не только Александръ не приводитъ въ исполненіе плановъ, занимавшихъ его прежде, но онъ видитъ себя въ необходимости отказаться отъ преслѣдованія самыхъ завѣтныхъ своихъ цѣлей, какою, напр., было освобожденіе крестьянъ.

Царствованіе Александра I представляетъ двѣ совершенно различныя по характеру эпохи. Въ теченіе первой, молодой государь, полный силъ и надеждъ, чувствуетъ въ себѣ довольно энергіи, чтобы вступить въ борьбу съ существовавшимъ порядкомъ, на сколько онъ мѣшалъ его преобразовательнымъ планамъ. Онъ видитъ обвѣтшалыя части государственнаго зданія и не отступаетъ предъ задачею обновленія его. Это эпоха государственной дѣятельности его, иногда судорожной дѣятельности. Отъ его вниманія не ускользаютъ даже мелочи государственнаго управленія. Онъ знаетъ, что въ Петербургѣ, не смотря на постройку шести казармъ, съ жителей еще продолжаются сборы на постой войска, и что полицейскіе чиновники

берутъ тройныя и четверныя квартирныя деньги, или по нѣскольку квартиръ одновременно на одного чиновника, и говоритъ объ этомъ въ именномъ указѣ ([1]) тѣмъ, кто не привыкъ видѣть надъ собою всевидящаго ока съ такой высоты. Онъ совѣтуетъ князю Куракину, въ письмѣ, не назначать за саранчевыя яички въ Малороссіи плату выше того, что стоитъ такое же количество хлѣба. Окруженный образованными, молодыми совѣтниками, на добросовѣстность которыхъ онъ считалъ себя въ правѣ положиться, онъ старается войти во всѣ подробности государственнаго механизма. Онъ называетъ тріумвиратъ болѣе приближенныхъ къ нему совѣтниковъ — Новосильцева, Строгонова, Чарторыйжскаго — въ шутку, комитетомъ общественной безопасности — comité du salut publique — но въ сущности подъ шуткою кроется нѣчто болѣе серьезное. Онъ самъ и его совѣтники должны играть роль ценсоровъ, и ценсоровъ не надъ управляемыми, а надъ управляющими.

Прежде всего надобно было упрочить уваженіе къ закону. M-me Сталь сказала разъ Александру, что его подданные благоденствуютъ безъ конституціи. „Это только счастливая случайность", отвѣчалъ Александръ ([2]). Онъ былъ въ правѣ стремиться къ тому, чтобы благо его подданныхъ не было и впослѣдствіи случайностью.

Конституція, начертанная имъ, и найденная въ бумагахъ великаго князя Константина Павловича въ Варшавѣ, была въ сущности тотъ же законъ. Надобно было вообще установить уваженіе къ закону. Императоръ самъ себя подчиняетъ закону и хочетъ, чтобы всѣ подчинялись ему, чтобы произволъ и патріархальность отношеній въ дѣлѣ долга были изгнаны. Сильная законодательная работа кипитъ въ Россіи въ первую половину царствованія Александра. Но вотъ, задолго до окончанія ея, внѣшними событіями прерванъ ея ходъ. Сперанскій, правая рука Александра въ этой работѣ, въ изгнаніи. На высшихъ ступенахъ управленія стоятъ по большей части люди, которымъ были не по душѣ законодательныя нововведенія Сперанскаго. А тутъ внѣшняя война. Александръ от-

([1]) П. С. З., XXXVII, стр. 21.
([2]) Ковалевскій, 30.

влеченъ отъ управленія. Дѣлами правитъ въ отсутствіи государя комитетъ министровъ.

Начинается другая эпоха царствованія Александра. Тревожная государственная дѣятельность императора смѣняется чѣмъ-то похожимъ на равнодушіе, на апатію къ власти и ея атрибутамъ. Плодъ ли это только того, что привыкли называть религіознымъ настроеніемъ Александра? Не явилось ли это равнодушіе, эта апатія также и слѣдствіемъ неисполнившихся надеждъ, недовершенныхъ плановъ; слѣдствіемъ дѣятельности, уставшей въ борьбѣ съ апатіею окружавшей среды? Не было ли самое религіозное настроеніе Александра, въ зародышѣ, слѣдствіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ столько же, сколько и внутренняго разочарованія, внутренняго убѣжденія, что напрасны усилія, когда имъ не побороть преградъ?

Какъ бы то ни было, но другая эпоха началась. Государь возвратился изъ Парижа, но комитетъ министровъ продолжаетъ по прежнему править дѣлами (¹). Въ комитетѣ всѣмъ правитъ Аракчеевъ.

У императора Александра, въ теченіе его царствованія, были два главные совѣтника, которыхъ дѣятельность отмѣтила двѣ противоположныя эпохи его царствованія: Сперанскій и Аракчеевъ. Сперанскій — представитель эпохи преобразованій, энергической дѣятельности, усиленной законодательной работы. Аракчеевъ — представитель эпохи внѣшней тишины, усиленной дѣятельности князя Голицына и торжества обскурантскихъ идей Магницкаго.

По видимому, двѣ противоположныя эпохи и должны были имѣть представителями такихъ двухъ противоположныхъ другъ другу дѣятелей, каковы Сперанскій и Аракчеевъ. Дѣйствительно, трудно было, съ перваго взгляда, найти болѣе рѣзкій контрастъ, чѣмъ какой представляли эти двѣ личности. Одинъ — благородной, видной наружности, съ прекрасными голубыми глазами, которые даже когда въ нихъ исчезъ блескъ молодости, дамы называли „влюбленными“, съ матовою блѣдностью красиваго лица, всегда нѣсколько щеголь, не смотря на отсутствіе природной расчетливости въ характерѣ,

(¹) П. С. З., XXXII, стр. 841.

Другой — неуклюжій, непокорестливый, „Сила“ Андреевичъ — какъ его звали на сторонѣ, люди сходившіеся съ нимъ — олицетворенный въ „квартетѣ“ Крылова подъ именемъ „косолапаго Мишки“, личность крайне непривлекательной наружности, говорившая въ носъ; съ сѣрыми глазами, пронизывающими взоромъ, заставлявшими сжимать кружокъ людей, въ средѣ которыхъ являлся ихъ обладатель. Одинъ, хотя былъ забіяка семинаристомъ на школьной скамьѣ, впослѣдствіи являлся образцомъ утонченнаго джентльмена, вѣжливаго, ловкаго, обходительнаго, который въ крайнемъ случаѣ выражалъ неудовольствіе молчаливымъ презрѣніемъ. Другой былъ циникъ въ обращеніи съ окружавшими, дралъ кадетъ за волосы, будучи офицеромъ въ корпусѣ, жестоко наказывалъ солдатъ послѣ, не изыскивалъ словъ и былъ крутой господинъ своихъ крестьянъ. Одинъ создавалъ все проекты, планы, во всемъ духъ ставилъ надъ формою. Другой строго держался буквы, формы, не вдаваясь въ отвлеченности. Одинъ былъ ума обширнаго и всесторонняго образованія. Другой—способностей обыкновенныхъ и ума, бывшаго въ своей сферѣ только въ математическихъ выкладкахъ. Одинъ сентименталенъ по природѣ въ дѣлѣ чувствъ: онъ бѣжалъ какъ сумасшедшій изъ дома, гдѣ умерла любимая жена его, и спустя лишь много дней его нашли на одномъ изъ петербургскихъ острововъ почти одичавшимъ, чуждавшимся общества. Другой, если въ груди его и были сильныя чувства привязанности, умѣлъ казаться лишеннымъ ихъ и, приблизивъ къ себѣ жену матроса, поставилъ ее въ такія отношенія къ себѣ, что она въ письмахъ называла его отцомъ, себя его подданною, цѣловавшею у него ручки и ножки (1).

Таковы были Михаилъ Михайловичъ Сперанскій и Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ. Казалось, это были двѣ крайности, два типа, рѣзко противоположные во всемъ. И однако, всматриваясь ближе, нельзя было не замѣтить въ нихъ нѣкоторыхъ общихъ чертъ. Оба были тружениками, люди дѣла, кабинетной работы. Сперанскій работалъ иногда до 18 часовъ въ сутки, спалъ на диванѣ, вмѣсто постели, въ ра-

(1) Письмо Настасьи Ѳедоровны Минкиной, въ Рус. Арх. 1868 | № 10.

бочемъ кабинетѣ, поддерживая въ себѣ бодрствованіе чернымъ кофе. Аракчеевъ также прилежно трудился и былъ строгій исполнитель служебныхъ обязанностей. Сперанскій былъ чуждъ свѣта, его развлеченій, его пустой траты времени. Аракчеевъ также стоялъ внѣ свѣтской сферы; ему также некогда было тратить времени на исполненіе требованій свѣтскаго этикета и являться въ обществѣ, даже если бы его присутствіемъ тамъ и не тяготились. Сперанскій обладалъ обширнымъ самолюбіемъ и честолюбіемъ отъ природы. Аракчеевъ также. Сперанскій былъ крайне чистоплотенъ и строгій приверженецъ аккуратности и внѣшней чистоты; молочная бѣлизна лица его была, можетъ быть, слѣдствіемъ ежедневнаго умыванья водою, на половину съ французскою водкою. Таковъ былъ и Аракчеевъ, въ дѣлѣ внѣшней чистоты, опрятности, порядка и отчетности до мелочей слѣдовавшій примѣру матери своей, слывшей у сосѣдей подъ названіемъ „голландка"; въ Грузинскомъ домѣ висѣли инвентари всѣмъ вещамъ, находившимся въ каждой комнатѣ.

На эти общія черты между Сперанскимъ и Аракчеевымъ нельзя не обратить вниманіе. Этими общими чертами они приближались и къ императору Александру. Вспомнимъ, что и онъ былъ кабинетный труженикъ, которому ничего не стоило написать цѣлыя тетради собственноручно; что и онъ не любилъ свѣта, его развлеченій и его этикета; что и онъ былъ строгій приверженецъ чистоплотности, чистоты и порядка.

До 1812 г. Аракчеевъ не пользуется полною довѣренностью государя. Одинъ изъ важнѣйшихъ проектовъ государственнаго устройства, былъ показанъ ему Сперанскимъ только въ конспектѣ. Когда Сперанскій уѣхалъ отъ него, Аракчеевъ разразился желчными выраженіями и уѣхалъ въ Грузино. Какъ хорошій инспекторъ военной части и точный исполнитель закона, когда такихъ исполнителей было вообще мало, — человѣкъ полезный, Аракчеевъ былъ нуженъ государю. Къ нему отправили въ Грузино фельдъегеря. Началея между Грузинымъ и Петербургомъ обмѣнъ фельдъегерей и, въ заключеніе, Аракчеевъ возвратился. Его призвали къ слушанію проекта, государь прислалъ ему въ подарокъ собственныя сани и пару лошадей, и миръ окончательно былъ заключенъ.

Отсутствіе полнаго довѣрія Александра къ Аракчееву въ эту

эпоху видно и изъ того, что нѣкоторыя бумаги по отношеніямъ къ Австріи и Франціи въ 1809 г. проходили непосредственно между руками Государя и Сперанскаго и не были доводимы до свѣденія Аракчеева, хотя прямо подлежали вѣденію его, какъ военнаго министра.

Въ 1812 г. императоръ Александръ, будучи въ Москвѣ, обнялъ и поцѣловалъ Растопчина, какъ главнокомандующаго столицы, изъявившей готовность къ громаднымъ пожертвованіямъ на пользу государства въ трудную пору. Аракчеевъ, по выходѣ Растопчина отъ государя, поздравилъ его съ монаршимъ благоволеніемъ, прибавивъ, что его, Аракчеева, государь еще ни разу не поцѣловалъ (1)".

Аракчеевъ послѣ не могъ простить Растопчину этого случая. Девизъ Аракчеева былъ: „преданъ безъ лести". Аракчеевъ хотѣлъ казаться безгранично лично преданнымъ особѣ государя. Кто-то разъ заикнулся ему объ отечествѣ. „Что мнѣ до отечества, отвѣчалъ графъ, скажите, не въ опасности ли государь (2)"? Какъ „преданный безъ лести" онъ долженъ былъ говорить открыто, прямо, рубить правду, и однако тотъ, кто могъ проникнуть въ глубину души его, какъ Сперанскій, называлъ его ловкимъ царедворцемъ. Вкрадчивость уживалась тутъ съ внѣшнимъ цинизмомъ, и безграничная преданность была льстива даже въ „преданномъ безъ лести".

Но до 1812 г. этотъ „стражъ у сердца Александра", по счастливому выраженію бар. Корфа, еще не сторожитъ ревниво на своемъ посту. Еще сердце Александра можетъ слѣдовать своимъ внушеніямъ, и никто не стоитъ на дорогѣ ему. Аракчеевъ играетъ второстепенную роль. Онъ выступаетъ на первый планъ только съ наступленіемъ другой эпохи царствованія Александра.

Мы видѣли, что Александръ не былъ сторонникомъ власти для власти, что престолъ не имѣлъ для него особеннаго обаянія. Великимъ княземъ онъ мечталъ съ супругою объ отреченіи отъ престола и жизни частнымъ человѣкомъ на Рейнѣ. Въ письмѣ къ Кочубею онъ высказывалъ убѣжденіе, что сфера двора въ томъ

(1) Ковалевскій, 142.
(2) Русс. Арх., 1865, стр. 774.

видѣ, въ какомъ онъ находилъ ее, была не по немъ, что ему должно имѣть дѣло съ людьми, которыхъ онъ не пожелалъ бы имѣть лакеями, съ личностями, унижающимися предъ высшими, высокомѣрными предъ низшими (¹). Подчиненіе себя закону было естественно со стороны того, кто говорилъ, что „онъ не рожденъ быть деспотомъ (²)“. Ласъ-Казасъ разсказываетъ, что Наполеонъ, при одномъ изъ свиданій, цѣлый часъ доказывалъ императору Александру, что наслѣдственность власти—счастіе народовъ, и Александръ съ такою же настойчивостію опровергалъ его (³). Въ Вильнѣ, въ 1812 г., уже преслѣдуя бѣгущаго Наполеона, Александръ опять высказывалъ мысль, что онъ не рожденъ для трона и промѣнялъ бы свое положеніе, если бы можно было (⁴).

И такъ мы видимъ, что мысль, представлявшаяся ему, когда престолъ былъ только передъ нимъ, является въ умѣ его снова въ ту пору, когда торжество надъ Наполеономъ обезпечено; но въ душѣ Александра уже произошелъ переворотъ. Энергическая дѣятельность въ первую половину царствованія—порука за то, что мысль объ отреченіи отъ престола въ Александрѣ-государѣ уступила мѣсто другой: принести пользу человѣчеству, воспользоваться своимъ положеніемъ для того, чтобы сдѣлать что можно на благо ближнимъ. Почему же мысль объ отреченіи является опять теперь, въ эпоху торжества надъ внѣшнимъ врагомъ, послѣ 11 лѣтъ царствованія? Говорятъ о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ на душу Александра событіями, пожаромъ Москвы.... Такъ. Но не время ли теперь поднять завѣсу и съ другой причины; сказать прямо, что равнодушіе къ власти явилось естественно въ душѣ того, кто потерялъ надежду исполнить при помощи власти то, чего надѣялся отъ нея. 1812 годъ былъ годомъ жертвъ для Александра, жертвъ не одному властолюбію Наполеона, жертвъ дорого стоившихъ его самолюбію. Тутъ прекращаются его законодательныя

(¹) Корфъ (б), 4—5.
(²) Ковалевскій, 63.
(³) Bulani, III, 186.
(⁴) Choiseul-Gouffier, 166.

работы. Тутъ на первыхъ мѣстахъ въ государствѣ являются люди, которые или прямо не расположены въ пользу освобожденія крестьянъ—а это былъ пунктъ, около котораго вращались всѣ преобразованія Александра—или не расположенные содѣйствовать этой мѣрѣ и вообще дѣлу преобразованія.

Душа устала въ борьбѣ. Къ цѣли идутъ только пока видятъ возможность ея достиженія. Этотъ міръ съ его своекорыстіемъ, съ его апатіею къ благу ближняго, не оправдалъ ожиданій; душа обратилась къ другому міру....

Не въ этомъ ли кроется, по крайней мѣрѣ отчасти, разгадка самаго религіознаго настроенія Александра и всего послѣдующаго? Не служитъ ли это, до извѣстной степени, къ объясненію главенства Аракчеева въ совѣтѣ правленія до конца царствованія Александра и характера этой эпохи? Если такой правитель, какъ Александръ, не успѣлъ въ своихъ начинаніяхъ, то не пришло ли ему на мысль, что человѣкъ противоположныхъ свойствъ, съ другимъ характеромъ и направленіемъ поставленный у кормила правленія будетъ болѣе по окружавшей его средѣ?

Всѣ эти вопросы можетъ рѣшить лишь болѣе обстоятельное разслѣдованіе въ будущемъ. Они не должны избѣгнуть вниманія историка. Чѣмъ долѣе шли года, тѣмъ меланхолія все чаще оттѣняла лице Александра. Душевныя потрясенія сильно отзывались на впечатлительной душѣ его, а ихъ было не мало. Смерть С. Д. Нарышкиной, семеновская исторія, наводненіе 1824 года, а главное—тайныя общества, существованіе которыхъ въ государствѣ не было тайною для Александра— все это одно за другимъ наносило ему душевныя раны, которыя исцѣлить было трудно.

Молодая Софія Дмитріевна Нарышкина была его любимица, ребенокъ которымъ онъ дорожилъ, котораго лелеялъ. Ледники Швейцаріи, куда ее возили для укрѣпленія здоровья, лишь повредили ей, какъ говорятъ, еще болѣе. Развилась чахотка, которую не хотѣли, боялись замѣтить. Шестнадцатилѣтняя Софія была уже помолвлена за молодого графа Шувалова, но жизнь ея угасала. Она умерла на рукахъ своего жениха, тихо, какъ бы уснула. И окружавшіе дѣйствительно думали, въ первое время, что она спитъ. Но это былъ сонъ вѣчности. Посланный сообщилъ печальную вѣсть

Александру на смотру войскъ. Аександръ поблѣднѣлъ, въ глазахъ его явились слезы. Парадъ не могъ продолжаться. Привязаности Александра были сильны, а онъ такъ любилъ эту молодую дѣвушку. Вся петербургская знать слѣдовала за гробомъ покойной. Одной невознаградимой утратой на памяти Александра было больше....

Семеновская исторія, какъ привыкли называть случай, поведшій къ раскасировкѣ семеновскаго полка—любимаго полка императора Александра—можетъ быть разсказана въ короткихъ словахъ: Александръ, будучи наслѣдникомъ престола, командовалъ семеновскимъ полкомъ. Для возвышенія нравственнаго уровня военнаго люда, Александръ считалъ необходимымъ поднять уваженіе къ военному мундиру. Императоромъ онъ не забывалъ, что онъ гвардейскій сослуживецъ. Въ 1809 г. онъ, желая походить даже въ мелкихъ подробностяхъ на своихъ сослуживцевъ, перемѣнилъ напр. носки на онучки. Придворный, приларавливавшій онучки къ ногамъ его, никакъ не могъ успѣть въ своемъ дѣлѣ. Какъ не бился онъ, то та, то другая часть ноги выглядывала изъ подъ льнянныхъ тряпицъ. Послали за гвардейцемъ, и тотъ въ мигъ сдѣлалъ какъ носили у нихъ (¹). „Такіе чины не у мѣста между семеновскими сослуживцами“, сказалъ разъ Александръ своему бывшему министру Дмитріеву, чинившемуся представиться государю по пріѣздѣ (²). Вообще императоръ любилъ быть съ приближенными къ нему военными безъ чиновъ. Свитскій офицеръ Хомутовъ въ кампаніи 1813 г., во время стоянки въ Кроточинѣ, сталкивается во время прогулки, въ сумерки, съ какими-то двумя дамами и кавалеромъ. Всматриваясь, онъ узнаетъ въ дамахъ двухъ княженъ Волконскихъ, а въ кавалерѣ ихъ, императора Александра. Императоръ отвелъ шпагу почти набѣжавшаго на него Хомутова отъ себя въ сторону и продолжалъ путь не оглянувшись. Будучи императоромъ, Александръ продолжалъ помнить свой Семеновскій полкъ. Нравственный уровень стоялъ въ этомъ полку высоко. Офицеры,—никто изъ которыхъ не курилъ по примѣру Александра,—занимались много серьезнымъ

(¹) Москвитянинъ, 1843, III, стр. 542—443.
(²) И. И. Дмитріевъ, записки, стр. 246.

чтеніемъ, читали солдатамъ, завели ланкастерскія школы для обученія солдатъ, иные, говорятъ, обращались къ солдатамъ съ „вы“. И—какъ ни странно это было въ глазахъ людей старой школы—дисциплина оттого не пала. Солдаты выжили бы изъ этого полка своего брата, замѣченнаго пьянымъ на улицѣ ([1]). Это былъ полкъ джентельменовъ, пожалуй полкъ пуританъ, но уже никакъ не солдатъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово чаще принималось.

И вдругъ въ семеновскій полкъ назначаютъ командиромъ Шварца, армейскаго полковаго командира, могшаго давать на ученьи приказаніе однимъ солдатамъ, бить другихъ, до невѣроятности строгаго и взыскательнаго, сторонника тѣлесныхъ наказаній. Свои правила онъ началъ примѣнять въ гвардейскомъ полку, любимомъ государемъ, образцовомъ. Чѣмъ заслужили семеновцы эту невзгоду? Солдаты обратились съ просьбою о смѣнѣ Шварца. Нѣкоторые изъ нихъ ворвались въ домъ Шварца, успѣвшаго скрыться. Послѣднее обстоятельство было—серьезный проступокъ. Государю, бывшему въ Любляни (Лайбахѣ), на конгрессѣ, донесли о случившемся, и конечно это донесеніе было далеко не въ пользу семеновцевъ, хотя буйство немногихъ не могло падать на весь полкъ, смиренно пошедшій въ крѣпость по приказанію начальниковъ и послѣ раскасированный въ армейскіе полки. Государю писалъ донесеніе Аракчеевъ, гатчинскія преданія котораго были противъ солдатъ—джентльменовъ, и все за Шварца.

Семеновскую исторію иные представляли поводомъ къ перемѣнѣ въ Александрѣ, къ обращенію его къ реакціи. Это совершенно неосновательно. Самое назначеніе Шварца, невызванное никакою виною семеновцевъ, уже показываетъ, что реакція и аракчеевскіе принципы были въ полномъ ходу. Самъ Александръ, въ письмѣ къ Аракчееву, говоритъ, что не вѣритъ, чтобы это происшествіе могло быть дѣломъ самихъ солдатъ. Онъ видитъ тутъ постороннее военному элементу подстрекательство. Словомъ, онъ говоритъ о происках тѣхъ же тайныхъ обществъ, существованіе которыхъ въ это время уже было извѣстно.

([1]) Ковалевскій, 135.

Наводненіе 1824 г. произвело также сильное дѣйствіе на Александра, видѣвшаго всѣ ужасы этого несчастія, стоившаго многимъ жизни и болѣе 150 мил. рублей (1) Петербургу и Россіи и повредившаго большую часть русскаго балтійскаго флота (2). „Это наказаніе за мои грѣхи“, говорилъ онъ съ глазами, полными слезъ (3). Онъ самъ ѣздилъ на шлюпкѣ и спасалъ утопавшихъ. Но что всего болѣе потрясло нравственно Александра, что всего болѣе налагало на него печать внутренняго страданія, это — безспорно, тайныя общества, образовавшіяся въ то время въ Россіи. Въ этихъ обществахъ шла рѣчь о цареубійствѣ, о кровавыхъ мѣрахъ. Александръ зналъ объ этомъ, и мысль о черной неблагодарности тѣхъ, кому онъ не желалъ ничего кромѣ добра, подтачивала его нравственное существованіе. Такъ могъ думать Александръ. Иначе должна взглянуть на дѣло исторія. Источникъ тайныхъ обществъ и происхожденіе ихъ кроются не въ черной неблагодарности къ государю, въ которомъ лично видѣли только желаніе добра, а въ той системѣ управленія, которой слѣдовалъ Аракчеевъ. Не тайныя общества вызвали реакцію, а реакція вызвала тайныя общества. Верховная власть государя такъ глубоко коренится въ многочисленномъ русскомъ населеніи, что отдѣльныя единицы, еслибы даже они затѣвали ниспроверженіе ея, не въ состояніи найти себѣ въ немъ поддержки. Это — историческая истина; это плодъ особеннаго историческаго развитія русскаго народа. Единицы, умышлявшія противъ высшей власти, могли существовать только въ высшемъ сословіи. Императоръ Павелъ говорилъ, что у него столько полицеймейстеровъ, сколько помѣщиковъ. Очень вѣроятно, что это выраженіе было заимствовано имъ у его генералъ-прокурора Державина, который приводитъ это выраженіе какъ плодъ личнаго возрѣнія въ своихъ запискахъ (4). Если это были полицеймейстеры, охранявшіе крѣпостное право—

(1) Belani, III, 86—87.
(2) Военный Сборникъ, 1868, III, 92.
(3) Ковалевскій, 151.
(4) Державинъ, 487.

такъ! Но верховная власть государя никогда не нуждалась въ полицейской охранѣ въ средѣ русскаго народа. Этотъ народъ поднимается только, когда ему говорятъ, что государь въ опасности, что государь идетъ наказывать своихъ супротивниковъ. Таковы всѣ возмущенія русскаго народа отъ смутнаго времени до пугачевщины. У этой возставшей массы всегда долженъ быть царь, за котораго онъ идетъ умирать. „Полицеймейстеры" Державина могли лишь на столько быть увѣрены въ своей власти, на сколько они дѣйствовали въ связи съ верховною властью.

Сознаніе, что таково именно положеніе Россіи, должно было раздѣляться каждымъ, кто зналъ ее, каковы бы его личные взгляды и убѣжденія ни были. „Во Франціи нуженъ министръ полиціи— говорилъ Сперанскій (1), потому что тамъ $^2/_3$ населенія враждебны верховной власти. Въ Россіи нѣтъ политическихъ партій, враждебныхъ верховной власти,—ей не нуженъ и министръ полиціи." Совершенно вѣрно. Кто мѣрялъ Россію на мѣрку иностранныхъ государствъ и по Петербургу судилъ о Россіи, тотъ могъ держаться противоположнаго мнѣнія. „Петербургъ — русскій городъ, но онъ еще не Россія" сказалъ императоръ Николай I Кюстену. Кто судилъ по этому полунѣмецкому городу о всей странѣ, тотъ не зналъ Россіи. Кто мѣрялъ Россію на мѣрку Франціи и Германіи, тотъ могъ видѣть оппозицію правительству, злоумышленія, заговоры тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было.

Аракчеевъ былъ, можетъ быть, хорошій второстепенный исполнитель служебныхъ обязанностей, но постъ перваго министра, которымъ онъ былъ на дѣлѣ, если не по названію, во вторую половину царствованія Александра, былъ вовсе не по немъ. Онъ не зналъ Россіи и, по своимъ способностямъ, не могъ узнать ея. Слыша о заговорахъ и тайныхъ обществахъ за границей, онъ былъ увѣренъ, что все злоумышляетъ и вокругъ него, не говоря уже, что онъ былъ въ состояніи личную опозицію себѣ считать за покушеніе на права верховной власти, и въ этомъ смыслѣ представлять государю. Преслѣдованіе воображаемой часто родитъ дѣйствительную опасность. Такъ было и благодаря системѣ Аракчеева.

(1) Вигель, VII, 107.

Отчего же не слышно было о заговорахъ, о покушеніяхъ на права верховной власти прежде, въ первую половину царствованія Александра? Вспомнимъ что происходило тогда. Сенатъ открыто обсуждалъ вопросъ объ ограниченіи верховной власти, о присвоеніи себѣ контроля надъ финансами, окончательныхъ рѣшеній въ смертныхъ приговорахъ. Что же императоръ Александръ? Державинъ представляетъ ему мнѣніе сенатора Потоцкаго, какъ дерзкое и оскорбительное для верховной власти. Это мнѣніе напечатано ([1]), и каждый можетъ видѣть, что въ немъ не было ничего дерзкаго и оскорбительнаго, хотя мнѣніе написано смѣло, бойко и даже задорно. „Что же! мнѣ не запретить мыслить кто какъ хочетъ!“ былъ отвѣтъ Александра. „Пусть Потоцкій свое мнѣніе подаетъ и пусть сенатъ разсуждаетъ“ ([2]). Напротивъ, нетерпѣвшему разсужденій Державину Александръ вынужденъ былъ разъ замѣтить: „Ты всегда меня хочешь учить, я самодержавный государь и такъ хочу!“ ([3]). Въ первую половину царствованія Александра мыслятъ и разсуждаютъ кто какъ хочетъ, и однако не слышно ни о какихъ смутахъ и заговорахъ. Москва всегда была красная республиканка на словахъ. „Шумимъ, братецъ, шумимъ“, могъ въ ней сказать не одинъ Репетиловъ. Шумѣли въ ней и за дѣло, шумѣли и изъ пустяковъ. Высказаться, обмѣняться мыслями—потребность образованнаго человѣка. Только если ему не позволяютъ громко говорить, онъ начинаетъ шушукаться.

Въ мірѣ физическомъ стѣсненіе вызываетъ противодѣйствіе. Кучка пороха, которая могла бы на свободѣ сгорѣть безвредно, затрамбованная въ скалу, взрываетъ ее. Паръ—безвредная струйка мелкихъ частицъ воды въ воздухѣ; но стоитъ сжать его—и онъ разорветъ желѣзные тиски. Такъ и въ мірѣ нравственномъ и умственномъ. Стѣсненіе и угнетеніе придаетъ громадную силу ничтожному дѣятелю и ведетъ къ разрушенію.

Въ этомъ заключается вся исторія русскихъ тайныхъ обществъ.

([1]) Въ Чтеніяхъ, 1864, кн. 3.
([2]) Державинъ, 463.
([3]) Тамъ же, 481.

Приводили другія причины произведшія ихъ: духъ времени, наплывъ идей съ запада, пребываніе нашихъ войскъ за границей, гдѣ молодежь могла набраться конституціонныхъ идей. Но какія тутъ конституціонныя идеи, молодежь, когда конституціонные вопросы въ 1803 г. обсуждаются самимъ сенатомъ. Удара молоткомъ Петра I по столу сената достаточно однако же и въ эту эпоху, чтобы горячо спорившіе до того сенаторы, поблѣднѣвъ сѣли по мѣстамъ, хотя стучалъ только министръ юстиціи Державинъ. Одного слова Державина, что „такъ угодно его величеству"; довольно въ другомъ случаѣ, чтобы заставить умолкнуть горячившихся сенаторовъ, хотя Державинъ не имѣлъ полномочія говорить отъ имени государя, и рѣшился на это на собственной отвѣтственности. Что касается стоянки русскихъ войскъ за границею, то на духъ солдата она не имѣла никакого вліянія, хотя атаманъ Платовъ и наказалъ двухъ донцевъ, какъ нововводителей, за то, что одинъ привезъ съ собою въ станицу лорнетъ, а другой одѣлся во французскій кафтанъ (¹). Вліяніе могло быть только на офицеровъ, но офицеры и вообще дворяне очень хорошо знали Парижъ и Францію и до занятія ихъ русскими войсками, и наплывъ идей съ запада именно въ аракчеевскую эпоху—былъ бы какимъ-то страннымъ явленіемъ, когда дѣло идетъ о людяхъ, по большей части, взросшихъ на французскихъ книгахъ и подъ надзоромъ иностранцевъ-наставниковъ.

Никакого иностраннаго вліянія, увлеченія иностраннымъ духомъ не было. Тайныя общества являются въ Россіи, благодаря реакціи, водворившейся въ ней, какъ и во всей Европѣ, и всюду вызвавшей броженіе умовъ. Но что русскія тайныя общества были въ началѣ совсѣмъ не то, что впослѣдствіи, видно изъ того, что въ 1817 г. члены обществъ хотѣли представить свои правила на утвержденіе императора Александра (²). Но аракчеевская реакція давила. Дѣятелю безъ силы, безъ значенія, придавали давленіемъ и силу, и значеніе, и въ результатѣ было, что въ концѣ царство-

(¹) Шишковъ, 97.
(²) Grimm, 183.

ванія Александра I, Россія представляла сѣть одного обширнаго заговора.

Намъ остается перейти къ эпилогу жизни Александра.

Съ окончательнаго возвращенія его изъ за-границы, семейная жизнь вновь пріобрѣтаетъ на него свои права. Въ 1817 г. его видятъ ѣздящимъ въ коляскѣ съ императрицею Елисаветою Алексѣевною, которая теперь радостна и счастлива, что ея Александръ при ней. Она по прежнему занимается литературою. Говорятъ, остались ея мемуары, которые завѣщено ею напечатать не раньше 50—60 лѣтъ, послѣ ея смерти ([1]). Но она не избѣгла родовой болѣзни въ ея семействѣ: опасались, что у нея начинается водяная въ груди. Ноги ея начали пухнуть. Надобно было ѣхать лечиться. Предлагали ѣхать за-границу. Елисавета отвѣчала, что „какъ русская императрица она умретъ въ Россіи.“ Притомъ на поѣздку за-границу нужны были большіе расходы, а императрица была въ этомъ отношеніи очень строга къ себѣ. Вмѣсто шедшихъ ей прежде 600,000 рублей въ годъ, она съ 1812 г. соглашалась получать только по 250,000, изъ которыхъ, какъ говорятъ, на себя лично издерживала она не болѣе 10,000 рублей въ годъ ([2]). Избрали мѣстомъ леченія Таганрогъ. Императоръ Александръ поѣхалъ сопровождать ее. Видѣвшіе его во время этой поѣздки, въ Крыму, говорили, что въ немъ замѣтна обходительность и любезность француза и вмѣстѣ сдержанность и холодность нѣмецкаго дворянина. Но едва ли кто могъ предполагать, что конецъ его такъ близокъ. „Подамъ въ отставку, возвращусь въ Оріанду и надѣну здѣшнюю одежду“, говорилъ Александръ, любуясь мѣстностями Крыма ([3]). Въ Таганрогъ за нимъ везли вмѣсто одного фургона, въ который складывались прошенія, подававшіяся ему по дорогѣ, два ([4]): такъ велико было число личныхъ обращеній къ нему. Онъ принималъ и выслушивалъ всѣхъ. Магометанъ въ Крыму онъ обворожилъ уваженіемъ къ ихъ

([1]) Harrison, Notes of a nine yraes residence in Russia. London, 1855, p. 164.

([2]) Энц. Лексиконъ. Елисавета Алексѣевна.

([3]) Lee, 32.

([4]) Schnitzler, I, 451.

религіи и обычаямъ. Въ Таганрогѣ постигла его внезапно опасная болѣзнь. Таганрогъ не отличался тогда здоровымъ мѣстоположеніемъ. Горячка превратилась въ злокачественную. Больной отвергалъ медицинскія средства; онъ всегда былъ противъ латинской кухни. Сначала, не смотря на просьбу стоявшей на колѣняхъ императрицы, чтобы онъ дозволилъ поставить себѣ піявки къ головѣ, по совѣту докторовъ, онъ не согласился на это.

Наконецъ, надобно было подчиниться необходимости. Священникъ, котораго онъ просилъ исповѣдывать его, какъ частнаго человѣка, уговорилъ его прибѣгнуть къ медицинскимъ средствамъ (1). Больной не вѣрилъ, кажется, въ возможность выздоровленія и не дорожилъ жизнью. Лекарство онъ принималъ едва ли не для того, чтобы сдѣлать угодное другимъ. „Ступайте прочь“, сказалъ онъ разъ д-ру Виллье, но потомъ, замѣтивъ, что оскорбилъ безъ нужды преданнаго человѣка, въ глазахъ котораго навернулись слезы, попросилъ извиненія (2).

Болѣзнь длилась не долго. За два дня до смерти, больной былъ въ безчувственномъ состояніи и не могъ ничего проглотить. Александра не стало. При вскрытіи трупа нашли въ мозгу съ полстакана водянистой жидкости (3). Въ мундирѣ покойнаго были найдены двѣ записки: одна съ молитвами, другая съ замѣтками главъ св. писанія. Императрица Елисавета сначала хотѣла было сохранить обѣ записки, но послѣ положила въ карманъ мундира, въ который одѣли покойнаго. Тѣло набальзамировали, но, за недостаткомъ на мѣстѣ опытнаго бальзамировщика и нужныхъ снадобій, очень плохо. Прошло не больше 7 дней послѣ смерти, какъ оно уже почернѣло (4). Наконецъ дроги съ печальною ношею отправились въ Петербургъ. На нихъ былъ вѣрный кучеръ покойнаго Илья, не оставлявшій теперь гроба и ночевавшій въ дорогѣ, не смотря на зимній холодъ, всегда около него. Грустно отозвалась смерть Алек-

(1) Lee, 47.
(2) Ковалевскій, 161.
(3) Schnitzler, I, 147.
(4) Lee, 40.

сандра по Россіи. Расчитываютъ, что въ Петербургѣ, въ первые три дня по объявленіи о ней, водки выпито было только по 200 ведеръ, вмѣсто 3000 расходившихся прежде, хотя кабаки заперты были только въ первый день ([1]). Пока стояло тѣло Александра въ Таганрогѣ, государыня не отходила отъ него. Она все время оставалась въ смежной комнатѣ и выходила во всякое время изъ нея къ гробу, пока происходило чтеніе заупокойныхъ молитвъ. Это не могло не подѣйствовать разрушительно на ея и безъ того слабое здоровье.

Смерть Александра была возвѣщена Елисаветою императрицѣ-матери въ письмѣ, въ которомъ вылилась вся ея поэтическая и любящая душа.

«Нашъ ангелъ на небѣ,—писала Елисавета—а я все еще на землѣ! Кто могъ думать, что я слабая, больная, переживу его? Матушка, не оставьте меня, я одна стою въ этомъ мірѣ съ моимъ горемъ...»

Ненадолго она пережила его. Въ Бѣлевѣ, на пути ея въ Петербургъ, послѣднія силы оставили ее. Императоръ Николай назначилъ ей пенсію въ миліонъ рублей. Она просила назначить лишь то, что слѣдуетъ по штату русской императорской фамиліи ([2]). Но не долго пришлось ей получать пенсію отъ наслѣдника покойнаго супруга. Она скончалась въ Бѣлевѣ. Императрица Александра Ѳедоровна устроила богадѣльню для 24 бѣдныхъ вдовъ въ домѣ, гдѣ окончила дни Елисавета. Спутница Александра почти съ дней дѣтства пережила его лишь нѣсколькими мѣсяцами.

Она отказалась составить духовное завѣщаніе „Я ничего не привезла собою въ Россію, сказала она, и слѣдовательно, ничѣмъ не могу распоряжаться ([3]).“

Умеръ Александръ. Но не суждено ли было, все равно, кончиться его царствованію около этой поры—постигла ли бы его смерть въ Таганрогѣ, 19 ноября 1825 г., или нѣтъ? Мы видѣли, что онъ, по словамъ лицъ, окружавшихъ его въ Крыму, говорилъ, что ско-

---

([1]) Schnitzler, I, 183.
([2]) Энц. Лексиконъ. Елисавета Алексѣевна.
([3]) Энц. Лексиконъ. Елисавета Алексѣевна.

ре подать въ отставку „(give in my demission), чтобы частнымъ человѣкомъ вернуться въ Крымъ и поселиться въ немъ. Это уже не мечта о Рейнѣ въ 1796 г.; это—рѣшеніе человѣка, узнавшаго на практикѣ жизни то, что было предъ нимъ лишь въ перспективѣ, когда онъ, осемнадцатилѣтній юноша, говорилъ о тягости власти. Мысль объ отреченіи отъ престола теперь является уже вполнѣ ясною и опредѣленною. Теперь она—плодъ обдуманнаго въ теченіе многихъ лѣтъ рѣшенія. Слова, сказанныя въ Крыму, надобно необходимо сопоставить съ тѣмъ, что было сказано Александромъ великому князю Николаю Павловичу и его супругѣ при рожденіи у нихъ наслѣдника [1]. Сказавъ, что Николая ожидаетъ престолъ, онъ прибавляетъ, что время передачи бремени правленія еще не наступило, что можетъ быть пройдетъ еще лѣтъ 10, пока она наступитъ. Что разумѣлъ подъ этимъ Александръ? Конечно не то, что онъ можетъ еще прожить лѣтъ десять. Такой религіозный человѣкъ, какъ Александръ, не могъ имѣть и въ мысляхъ опредѣлять себѣ предѣлы жизни. Да и самыя слова, что пора *еще* не наступила, показываютъ, что дѣло шло объ отреченіи.

И такъ, умеръ бы или нѣтъ Александръ осенью 1825 г., Россія все равно должна была увидѣть скоро на престолѣ его преемника, и этимъ преемникомъ былъ Николай Павловичъ.

---

(1) Корфъ (6), 8—9.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I.

Глазъ видитъ только на опредѣленномъ разстояніи. Приблизьте предметъ ближе, и хоть разстояніе между глазомъ и имъ уменьшится — онъ будетъ видѣнъ неявственно, очертанія его будутъ представляться смутными. Таковъ и глазъ историка, проникающій въ минувшія событія; чтобы видѣть вполнѣ и ясно эти событія — надобно стоять на извѣстномъ разстояніи отъ нихъ. Событія близкія къ намъ, — хотя мы ихъ какъ бы осязаемъ, какъ бы чувствуемъ присутствіе ихъ вблизи, — только смутно рисуются взору вчитывающагося въ книгу исторіи и ждутъ времени, чтобъ оно выяснило ихъ.

Блѣденъ и слабъ будетъ этотъ біографическій очеркъ. Анекдотическій характеръ разсказа — неизбѣжный въ каждой исторической біографіи, гдѣ событія составляютъ обстановку, а на первомъ планѣ выступаетъ человѣкъ - здѣсь будетъ преобладать еще болѣе. Намъ этотъ очеркъ нуженъ для полноты, для заключенія представленнаго ряда біографій. Впрочемъ нельзя не сознаться и въ томъ, что новѣйшія событія, не допуская во многихъ отношеніяхъ полной исторической оцѣнки и критическаго анализа, представляютъ сырой историческій матеріалъ, имѣющій животрепещущій общественный интересъ. Въ другихъ странахъ, въ другомъ обществѣ біографическія подробности о царствующихъ лицахъ не имѣютъ особеннаго отношенія къ жизни народа. У насъ, напротивъ, по видимому второстепенныя и маловажныя анекдотическія данныя изъ жизни государей вліяли на участь миліоновъ людей, и потому имѣютъ серьезное историческое значеніе.

Вступленіе на престолъ.

Смутный трепетъ пробѣжалъ между бывшими въ придворной церкви въ Петербургѣ, когда курьеръ привезъ изъ Таганрога извѣстіе о смерти императора Александра Павловича. Въ 1819 г. великій князь Николай Павловичъ положительно зналъ, что онъ наслѣдникъ престола по смерти Александра. Это знали многіе. Но императоръ Александръ умеръ въ Таганрогѣ. Константинъ Павловичъ былъ въ Варшавѣ; государственные документы, назначавшіе наслѣдникомъ Николая Павловича, не были обнародованы,— и въ довершеніе всего ни для кого не было тайною, что въ арміи и между частными лицами распространенъ и организованъ заговоръ противъ существовавшей власти. Стеченіе обстоятельствъ было таково, что должно было заставить задуматься каждаго. Что-то будетъ?

Нерѣшительности не было мѣста. Въ государственномъ совѣтѣ обнаружилось разногласіе. Большинство членовъ, зная о существовавшемъ распоряженіи покойнаго государя, относительно перехода престола послѣ его смерти, заявили, что законный наслѣдникъ— Николай Павловичъ. Но министръ юстиціи, князь Лобановъ-Ростовскій, держался мнѣнія, „что мертвые не могутъ имѣть воли“ и, слѣдовательно, дѣлать распоряженій, и потому престолъ остается по праву за Константиномъ Павловичемъ (1). Николай Павловичъ еще прежде порѣшилъ съ спорнымъ вопросомъ. Онъ присягнулъ императору Константину.

Настаетъ въ русской землѣ нѣчто въ родѣ междуцарствія. Константинъ Павловичъ остается непоколебимъ въ рѣшеніи отказаться отъ престола и выговариваетъ тѣмъ изъ окружающихъ, которые обращаются къ нему съ титуломъ „ваше величество“. Съ другой стороны, Николай Павловичъ присягаетъ императору Константину и затѣмъ чины и народъ въ Петербургѣ, и потомъ во всей Россіи, принимаютъ ту же присягу. Это положеніе дѣлъ еще болѣе поддерживаетъ взволнованное настроеніе въ массахъ, еще болѣе

---

(1) Корфъ, Восшествіе на престолъ Николая I, стр. 54.

затрудняетъ положеніе правительства въ отношеніи къ заговору. Заговоръ и цѣли его въ это время уже раскрыты правительству. Офицеръ Шервудъ донесъ имп. Александру въ послѣдніе дни его жизни о планахъ заговорщиковъ. Награда деньгами (50,000 руб.), домъ, прозваніе „Вѣрнаго“ въ прибавленіе къ фамиліи, званіе русскаго потомственнаго дворянина — всѣ эти награды Шервуду, за его сообщеніе, еще не представляютъ доказательства, что въ общихъ чертахъ цѣли заговора не были извѣстны правительству до того времени. Теперь раскрыты были подробности. Импер. Александръ самъ не могъ принять всѣхъ мѣръ противъ заговора. Когда разслѣдывались подробности донесенія Шервуда, Александръ уже два дня лежалъ въ безпамятствѣ на смертномъ одрѣ. Но близъ него былъ въ это время въ Таганрогѣ дѣятельный человѣкъ. Маленькій, кругленькій, часто вскипавшій гнѣвомъ—фельдмаршалъ-самоваръ, какъ его называли послѣ—Дибичъ выказался тутъ энергическимъ дѣятелемъ. На собственной отвѣтственности онъ принялъ важныя мѣры противъ заговорщиковъ ([1]). Главною изъ нихъ было арестованіе Пестеля, стоявшаго съ своимъ полкомъ въ Малороссіи; этотъ арестъ послѣдовалъ 14 декабря и, безъ сомнѣнія, этой мѣрѣ правительство обязано тѣмъ, что заговоръ въ арміи, стоявшей внутри Россіи, привелъ только къ схваткѣ 4 января 1826 г. между 6 ротами Черниговскаго полка — предводимыми Муравьевымъ-Апостоломъ и Бестужевымъ-Рюминымъ — на пути изъ Василькова въ Кіевъ — съ отрядомъ генерала Гейсмара, и не имѣлъ никакихъ болѣе серьезныхъ послѣдствій. Но въ первое время въ Петербургѣ о мѣрахъ, принятыхъ Дибичемъ, не знали. Впослѣдствіи имп. Николай воздалъ ему за нихъ по заслугамъ.

— Прострitесь предъ вашимъ братомъ Константиномъ, сказала по-французски Николаю Павловичу имп. Марія Ѳедоровна, когда получено было изъ Варшавы извѣстіе, что Константинъ Павловичъ положительно отказывается отъ престола, — онъ достоинъ почтенія и высокъ въ своемъ непоколебимомъ желаніи оставить вамъ престолъ.

([1]) Schnitzler, I, 135.

— Прежде чѣмъ мнѣ простереться, какъ вы говорите, маменька, отвѣчалъ также по-французски Николай Павловичъ, — вы, можетъ быть, будете такъ добры, что объясните мнѣ причину, почему я долженъ сдѣлать это, такъ какъ я не знаю, кто приноситъ бо́льшую жертву при подобныхъ обстоятельствахъ — тотъ ли, кто отказывается или кто принимаетъ (¹).

Николай Павловичъ былъ правъ. Онъ принималъ престолъ при обстоятельствахъ въ высшей степени затруднительныхъ. Не существовало сомнѣнія, что новое царствованіе должно было начаться драмою, и какая участь могла выпасть дѣятелямъ въ ней — еще было не рѣшено.

Скоро Николай узналъ еще болѣе трудность роли, выпадавшей на его долю.

Поручикъ гвардейскихъ егерей, Яковъ Ростовцевъ, написалъ къ новому императору письмо, въ которомъ раскрылъ планы заговорщиковъ и послѣ имѣлъ аудіенцію у Николая Павловича. Ростовцевъ былъ молодой человѣкъ, вращавшійся въ тѣхъ же кружкахъ, гдѣ созрѣлъ заговоръ; онъ не могъ не знать, по крайней мѣрѣ главнаго, о планахъ заговорщиковъ. За два года передъ тѣмъ, Ростовцевъ выступилъ на литературное поприще съ трагедіей „Персей“, если и не имѣвшею особенно блестящихъ достоинствъ, то все же обличавшею въ авторѣ нѣкоторое дарованіе. Молодой офицеръ-литераторъ, знавшій очень хорошо что происходило въ офицерскихъ и литературныхъ кружкахъ, гдѣ преимущественно былъ обдуманъ заговоръ, полагалъ, что совѣсть запрещаетъ ему скрывать отъ правительства планы заговорщиковъ. Но на аудіенціи у имп. Николая Ростовцевъ просилъ одной милости: не оказывать ему никакихъ милостей за то что́ сдѣлать онъ считалъ своимъ долгомъ. Императоръ исполнилъ его просьбу и до 1835 г. Ростовцевъ оставался въ незначительныхъ офицерскихъ чинахъ.

Сообщеніе Ростовцева произвело волненіе въ рядахъ заговорщиковъ. „Ножны разбиты, мы не можемъ долѣе скрывать наши

(¹) Корфъ, 74, 75.

сабли!“—былъ ихъ лозунгъ съ этого времени (¹). Они рѣшили торопиться. Но и новый государь принялъ свои мѣры. Должна была послѣдовать присяга ему. „Благословляю и разрѣшаю“, сказалъ, по преданіямъ Москвы, ея митрополитъ Филаретъ, когда вслѣдъ за одною присягою—Константину—послѣдовала другая—Николаю Павловичу. Столицы, а за ними и вся Россія, присягнули Николаю. Но критическимъ днемъ въ Петербургѣ былъ—какъ и ожидали—день присяги гвардіи—14 декабря.

Мы коснемся событій этого дня лишь на столько, на сколько они имѣютъ отношеніе къ личности императора Николая.

Тревога царствовала во дворцѣ и въ императорскомъ семействѣ, когда Николай Павловичъ, слыша, что недовольные и присягнувшіе Константину солдаты собираются па Исакіевской площади, рѣшился явиться на площади и пасть или явиться обратно во дворецъ императоромъ. Молодой императоръ выказалъ твердость характера еще прежде. Слыша о происходившемъ въ части войска, онъ еще до присяги призвалъ къ себѣ начальствовавшихъ генераловъ и спросилъ ихъ—признаютъ ли они его императоромъ? Утвердительный отвѣтъ со стороны собравшихся не замедлилъ послѣдовать. Николай отступилъ шагъ назадъ, станъ его выпрямился еще болѣе, голова поднялась высоко.—„Такъ вы отвѣчаете мнѣ съ этой минуты головою за вѣрность вашихъ войскъ“, сказалъ онъ присутствовавшимъ..

Исторія учтитъ, что въ трудныя минуты твердость характера важнѣе массы приверженцевъ. Твердость и энергія молодаго императора нашли ему приверженцевъ между тѣми, кто при другихъ обстоятельствахъ могъ оказать сочувствіе заговору.

Въ блестящей парадной военной формѣ, въ одномъ мундирѣ съ лентою чрезъ плечо, не смотря на сырой зимній холодъ, стройный, красавецъ собою, молодой императоръ выѣхалъ верхомъ изъ Зимняго дворца на усмиреніе возмутившихся. Толпа солдатъ у памятника Петра I росла прибывающими изъ разныхъ частей города отрядами, но все-таки и послѣ составляла не болѣе десятой

(¹) Schnitzler, I, 201—202.

доли—по численности—войскъ, собранныхъ противъ нея. Вѣрные правительству полки, прибывая на площадь, окружали возмутившихся. Полковникъ Зассъ, съ своими солдатами, могъ пробиться сквозь ряды возмутившихся отъ церкви Исакія до мосту—доказательство—какое слабое сопротивленіе представляли возмутившіеся ряды. Тѣмъ не менѣе одинъ отрядъ недовольныхъ проникъ было даже въ Зимній дворецъ. Этотъ отрядъ встрѣтилъ самъ императоръ Николай на площади, не вдалекѣ отъ дворца.—Кому присягали вы? спросилъ Николай.—„Константину!"—былъ отвѣтъ въ рядахъ отряда.—Такъ вамъ туда!—лаконически отвѣчалъ императоръ и указалъ отряду дорогу къ памятнику Петра I.

Площадь отъ дворца до Исакія волновалась народомъ. Императора, ѣхавшаго къ возмутившимся, встрѣтилъ Карамзинъ, исторіографъ, въ то время уже слабѣвшій силами; онъ безъ шляпы бѣжалъ навстрѣчу Николаю, а потомъ пошелъ во дворецъ, гдѣ въ страхѣ и въ ожиданіи находились двѣ императрицы—вдовствующая, Марія Ѳедоровна, и молодая, Александра Ѳедоровна. Карамзинъ былъ единственнымъ свидѣтелемъ трудныхъ минутъ, пережитыхъ матерью и супругою въ то время, какъ сынъ и супругъ шелъ навстрѣчу неизвѣстной будущности и когда наслѣдника престола, ребенка, наскоро отвезеннаго изъ Аничкова дворца при вѣсти о возмущеніи, охраняли въ Зимнемъ дворцѣ финляндскіе стрѣлки.

Императоръ ѣхалъ между народомъ, раздававшимся въ стороны съ почтеніемъ. Только когда оказалось, что увѣщанія не дѣйствуютъ на возмутившихся, когда убитъ былъ Милорадовичъ—въ толпѣ началось подозрительное волненіе. Было ясно, что примѣръ упорства со стороны возмутившихся дѣйствуетъ на собравшіяся народныя массы. Когда конногвардейцы, ударивъ въ атаку на неподкованныхъ шипами лошадяхъ по оледенѣлому булыжнику мостовой, были отбиты возмутившимися, на головахъ иныхъ, вблизи царя, оставались шапки. Николай видѣлъ впечатлѣніе на народныя массы. „Шапки долой!" крикнулъ онъ громовымъ голосомъ, и шапки полетѣли съ головъ. Очевидно не съ этой стороны грозила опасность.

Опасность съ другой стороны была тутъ же на лицѣ. Жизнь

царскаго брата, Михаила Павловича, была спасена лишь благодаря тремъ матросамъ, успѣвшимъ выбить пистолетъ изъ руки Кюхельбекера.

Самому Николаю Павловичу также очень вѣроятно грозила опасность. Въ толпѣ народа къ нему пробивался высокій офицеръ съ черною повязкою на головѣ. Это былъ Якубовичъ. Говорили послѣ, что у него былъ скрытъ кинжалъ ([1]). Якубовичъ былъ изъ числа тѣхъ участниковъ заговора, которые жаждали крови и были удерживаемы давно только соучастниками болѣе умѣреннаго образа мыслей. Человѣкъ мысли, а никакъ не „кровавый" революціонеръ, Рылѣевъ, какъ есть извѣстіе, на колѣняхъ умолялъ Якубовича не спѣшить съ своими планами, но потомъ грозилъ, если тотъ не покинетъ своихъ цареубійственныхъ замысловъ (это было еще при жизни Александра I) убить его или объявить о нихъ правительству ([2]). — У Якубовича въ день возмущенія былъ планъ направить пьяную чернь ко дворцу,—и опять Рылѣевъ не допустилъ выполненія этого плана ([3]), а петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, распорядившійся, чтобы 14 декабря вся водка изъ кабаковъ была вылита въ канавы ([4]), предупредилъ самую возможность исполненія подобнаго плана.

Наконецъ раздался роковой залпъ, вызванный окончательнымъ отказомъ взбунтовавшихся смириться. Этотъ залпъ остался на многіе годы памятнымъ въ средѣ царскаго семейства. Императрицы были извѣщены о томъ, что будутъ стрѣлять по возмутившимся и при всемъ томъ, когда грянули пушки въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ саженъ отъ дворца, Марія Ѳедоровна упала на колѣни, а у императрицы-супруги, по словамъ Гримма, осталось съ этой минуты на всю жизнь нервное содроганіе въ лицѣ.

Много мѣсяцевъ спустя послѣ этого рокового дня, герцогъ Веллингтонъ, представитель великобританской королевы при коронаціи импер. Николая, спросилъ разъ въ разговорѣ съ Николаемъ

([1]) Schnitzler, I, 238.
([2]) Ibid, I, 207.
([3]) Ibid, I, 219—220.
([4]) Schnitzler, 183.

Павловичемъ: что чувствовала молодая императрица въ критическую минуту возмущенія 14 декабря. Славный воинъ по стеченію обстоятельствъ, но не очень проницательный собесѣдникъ въ свѣтскомъ разговорѣ, герцогъ, являвшійся въ высшемъ русскомъ обществѣ въ фельдмаршальскомъ мундирѣ болѣе высокаго и полнаго Александра I, висѣвшемъ складками на его худомъ тѣлѣ, не догадывался, что его вопросъ затрогиваетъ больную струну въ сердцѣ собесѣдника. Императоръ ничего не отвѣчалъ на вопросъ герцога. Тотъ не понялъ этого умышленнаго молчанія и повторилъ свой вопросъ.

— Что чувствовала она, герцогъ, въ эту минуту? сказалъ Николай.—Почти тоже, что вы въ ту минуту, когда Блюхеръ еще не являлся къ вамъ на помощь подъ Ватерлоо.

Отвѣтъ былъ колокъ, но герцогъ самъ назвался на него.

Возвратимся, однако, къ 14 декабря. Бунтъ былъ подавленъ. Николай явился во дворецъ императоромъ, власти котораго уже ничто не угрожало. Тутъ встрѣтилъ онъ блѣднаго и смущеннаго кн. Трубецкаго, недавняго главу заговора, самаго вліятельнаго члена „Сѣвернаго Общества“, предполагавшагося диктатора. Чувство, похожее на презрѣніе, мелькнуло въ душѣ импер. Николая, когда этотъ бывшій глава и руководитель заговора каялся и просилъ теперь о пощадѣ жизни. Николай велѣлъ ему сѣсть и написать слѣдующія лаконическія слова женѣ: „я здоровъ и буду здоровъ“. Этимъ жизнь Трубецкаго была пощажена.

Николай, какъ правитель.

Третій сынъ императора Павла не готовился съ дѣтства къ дѣлу правленія. По установленію о царской фамиліи, изданному императоромъ Павломъ послѣ Александра Павловича, если бы онъ былъ бездѣтенъ, на престолъ долженъ былъ вступить Константинъ Павловичъ. Въ то время, когда происходило воспитаніе великаго князя Николая Павловича, едва ли кто могъ предвидѣть, что онъ вступитъ на престолъ: у императора Александра могли

еще быть дѣти—и дѣйствительно были послѣ, и у Константина Павловича также могло быть потомство. Если бы предвидѣли въ маленькомъ Николаѣ Павловичѣ будущаго наслѣдника престола, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что постарались бы дать его воспитанію направленіе, болѣе соотвѣтствовавшее его будущему положенію.

Мысль дать Россіи императора въ лицѣ Николая I мелькнула впервые въ умѣ Александра Павловича, какъ это мы постарались уяснить въ другомъ мѣстѣ, вскорѣ послѣ 1812 года. Нѣсколько времени спустя — въ 1819 г.—Александръ Павловичъ открывается въ этомъ планѣ самому Николаю Павловичу. Въ это время—и даже еще прежде, когда Александръ только впервые остановилъ свой взоръ на второмъ братѣ, какъ на будущемъ наслѣдникѣ—въ великомъ князѣ Николаѣ уже вполнѣ сложился будущій человѣкъ. Александръ не могъ не знать коротко характера и личности Николая Павловича и есть полное основаніе сказать, что этотъ характеръ и личность повліяли на выборъ Александромъ себѣ наслѣдника. Это необходимо имѣть въ виду и для оцѣнки образа мыслей Александра Павловича въ послѣ-наполеоновскую эпоху.

И такъ въ будущіе русскіе государи предназначается Николай Павловичъ. Самъ великій князь узнаетъ объ этомъ за 6 лѣтъ до смерти императора-брата. Начинаетъ ли онъ съ этого времени готовиться къ дѣлу правленія? Да, сколько извѣстно. По крайней мѣрѣ онъ съ этого времени въ своемъ уединеніи начинаетъ больше читать. Это могло быть какъ слѣдствіемъ вліянія развитой и образованной подруги жизни, такъ и необходимости подготовиться къ будущему. Тѣмъ не менѣе неудивительнымъ покажется, что бремя правленія не могло для Николая Павловича не быть тяжело. И онъ не стыдится сознаваться въ этомъ, онъ хочетъ учиться. Онъ называетъ впослѣдствіи Канкрина своимъ учителемъ въ дѣлѣ финансовой науки. Онъ оставляетъ въ первое время у дѣлъ совѣтниковъ Александра и не прочь выслушивать отъ нихъ совѣты опыта.

Чтобы понять духъ царствованія Николая I, необходимо принять во вниманіе обстоятельства, при которыхъ онъ вступалъ на

престолъ. Вступленіе его на престолъ было запечатлѣно грустною драмою; это не могло не бросить оттѣнка на будущее. Едва молодой императоръ вступаетъ на престолъ, какъ ему надобно принимать крутыя мѣры. Не забудемъ также, что до вступленія императора Николая на престолъ, во главѣ управленія Россіею почти 14 лѣтъ стоялъ Аракчеевъ и установились извѣстные порядки. Впрочемъ Аракчеевъ не удерживается при новомъ государѣ. Хотя Николай Павловичъ обнимаетъ упавшаго къ его ногамъ Аракчеева и даже беретъ его разъ съ собою въ саняхъ на парадъ, но тѣмъ не менѣе Алексѣй Андреевичъ скоро считаетъ нужнымъ для сохраненія здоровья проситься заграницу и это дозволеніе ему дается, но не дается другое, когда грузинскій владѣлецъ просилъ разрѣшенія напечатать дружескія письма, написанныя къ нему Александромъ Павловичемъ. Императоръ Николай приблизилъ къ себѣ бывшаго секретаря Аракчеева, Клейнмихеля, но звѣзда самого графа закатилась съ минуты вступленія новаго государя на престолъ.

Кого же выбираетъ себѣ въ совѣтники новый государь, когда дѣятели аракчеевскаго періода мало по малу сошли со сцены? Уварова, Блудова, Дашкова — прежнихъ арзамасцевъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ дѣятелями аракчеевскихъ временъ и Шишковымъ. Конечно, личность молодаго императора скоро подчинила себѣ этихъ совѣтниковъ и они являются лишь исполнителями его воли, но уже важно то, что была минута, когда отрѣшились отъ прошлаго, и сознана была потребность въ свѣжихъ силахъ. Съ воцареніемъ императора Николая водружаются три знамени во внутренней политикѣ: православіе, самодержавіе и народность.

Религія и самодержавіе не могутъ не идти рука объ руку. Религія поддерживаетъ свѣтскую власть; свѣтская власть печется о поддержаніи авторитета религіи. Это старая истина. Такой самодержецъ, какъ императоръ Николай, не могъ не поставить лозунгомъ своего царствованія охраненіе православія.

Нельзя не остановиться на третьемъ основномъ принципѣ новаго правленія — на народности. Императоръ самъ былъ вполнѣ русскій человѣкъ, по воспитанію и образу жизни; онъ не тер-

пѣлъ рабскаго слѣдованія за всѣмъ иностраннымъ. Личность государя отозвалась на характерѣ его правленія. „Бумаги русскому царю должны писаться на русскомъ языкѣ,“ замѣтилъ Николай въ первое время своего царствованія Канкрину, подавшему отчетъ по министерству финансовъ на французскомъ языкѣ (1). Императоръ не благоволилъ къ поѣздкамъ русскихъ за границу. Когда Чичаговъ представилъ дозволеніе императора Александра жить ему за-границею, во Франціи, Николай Павловичъ вычеркнулъ фамилію его изъ списка членовъ государственнаго совѣта. Въ отвѣтъ на это, Чичаговъ возвратилъ документъ на полученіе пенсіи въ 50,000 рублей. Заграничные паспорты выдавались не безъ затрудненія; дворянамъ дозволено было оставаться заграницею не болѣе 5 лѣтъ, а купцамъ не болѣе 3. Конечно не одна охрана народности вызвала эти мѣры.

Исторія Россіи показываетъ, что возвышеніе государства совпадало съ пробужденіемъ народнаго самосознанія—при Екатеринѣ II. Только перерожденіе народнаго самосознанія въ самовосхваленіе могло повести къ паденію государственнаго авторитета и политическимъ ошибкамъ.

Въ дѣлѣ внѣшней политики новому государю оставалось лишь пользоваться плодами, добытыми Россіею въ 1812—15 г. Россія заняла въ военномъ отношеніи первое мѣсто между державами европейскаго континента. Императоръ Николай могъ, до извѣстной степени, являться рѣшителемъ судебъ Европы, подобно его брату Александру. Но въ это время западныя державы, и въ особенности Англія, уже зорко сторожатъ за политикою Россіи въ отношеніи къ ея сосѣдямъ.

Начиная войну съ Турціею въ 1828 г., императоръ Николай далъ обѣщаніе въ своемъ манифестѣ не расширять предѣловъ своего государства на счетъ Турціи. Онъ былъ человѣкъ слова, притомъ за исполненіемъ этого слова зорко наблюдали на западѣ, и потому Турція могла не опасаться за цѣлость своихъ владѣній. Бенкендорфъ предрекалъ скоро конецъ войны, такъ какъ Россія

(1) Русскій Архивъ, 1866, стр. 114.

заранѣе объявила, что не жаждетъ завоеваній, слѣдовательно, можно было только взять контрибуцію, но какъ деньги должны были пойдти на уплату издержекъ, то собственно и не изъ чего было трудиться ([1]). По миру 1829 г. Россія дѣйствительно получила 12 мил. голандскихъ дукатовъ за военныя издержки; Турція обязалась срыть крѣпости на своемъ берегу Дуная и этимъ ограничились. Въ эту войну императоръ Николай предложилъ офицерамъ иностранныхъ державъ, прибывшимъ въ русскую главную квартиру, слѣдить за ходомъ войны, присоединиться къ дѣйствующимъ отрядамъ, чтобы тамъ быть еще ближе къ событіямъ.

Война съ Персіею также кончилась контрибуціею и обязательствомъ для Персіи не имѣть кораблей на Каспійскомъ морѣ. Эту войну началъ Ермоловъ, къ которому за его крутыя дѣйствія не благоволилъ Николай Павловичъ... Я посылаю—выразился разъ императоръ, когда рѣчь зашла о Ермоловѣ — генераловъ, а не сатраповъ ([2]). Иные хотѣли въ нерасположеніи императора къ Ермолову видѣть слѣды прежнихъ личныхъ отношеній. Но есть другое объясненіе смѣны Ермолова. Ермоловъ послалъ Паскевича съ однимъ корпусомъ противъ цѣлой арміи Аббаса-Мирзы. Враги Ермолова говорили, что это было сдѣлано съ цѣлью видѣть Паскевича разбитымъ и, такимъ образомъ, погубить выдвигавшагося соперника. Даже не вѣря слѣпо молвѣ, нельзя не сознаться, что главнокомандующимъ была сдѣлана важная ошибка и Паскевичъ, сверхъ ожиданія, разбившій персидскую армію, заслуживалъ предпочтенія.

Такимъ образомъ, если иностранныя державы ожидали отъ характера и любви къ военному дѣлу новаго русскаго императора расширенія русскихъ предѣловъ на югѣ, то онѣ ошиблись. Но иначе и быть не могло: за нераздѣльностью Турціи зорко смотрѣла Европа, теперь усвоившая такую же коалиціонную политику въ отношеніи Россіи, какою въ наполеоновское время старались сдер-

---

(1) Müffling (baron) Narrative of my missions to Constantinople and S. Petersbourg, p. 14.

(2) Военний Сборникъ, 1868, II, 148.

живать Францію. Этотъ страхъ предъ „сѣвернымъ колоссомъ" былъ слѣдствіемъ усиленія военнаго значенія Россіи со времени паденія Наполеона. Что касается Персіи, то персидская кампанія Петра I достаточно доказала, что Персію отъ насъ отдѣляютъ такіе губительныя по климату мѣстности, пріобрѣтеніе которыхъ, какъ это и было доказано въ царствованіе Анны Ивановны, будетъ причиною гибели десятковъ тысячъ русскихъ солдатъ въ госпиталяхъ.

Кавказъ съ восшествія на престолъ Николая Павловича дѣлается постоянною военною школою для русской арміи, но школою очень дорогою. Императоръ, поднявъ на руки сына Шамиля, тогда маленькаго кадета, и поцѣловавъ его, сказалъ прусскимъ офицерамъ, осматривавшимъ корпусъ, что Шамиль довѣрилъ ему воспитаніе своего сына. Но подвиги отца этого русскаго кадета, на Кавказѣ, обходились очень дорого Россіи. Исчисляютъ, что Кавказъ въ царствованіе Николая стоилъ Россіи ежегодно 20,000 войска (¹). Расходы на кавказскую войну приводили въ отчаяніе гр. Канкрина. Самъ видѣвшій нужду въ жизни и чинившій самъ себѣ сапоги, когда въ чинѣ надворнаго совѣтника онъ не зналъ гдѣ добыть мѣсто, — Канкринъ, будучи уже графомъ и получая огромный доходъ (впослѣдствіи дошедшій, по словамъ иныхъ, до 400,000 рублей), остался попрежнему экономнымъ по привычкѣ и хотѣлъ ввести тотъ же экономическій элементъ въ русскіе финансы. Онъ достигъ того, что нѣсколько поднялъ цѣну русскаго асигнаціоннаго рубля, по крайней мѣрѣ не давалъ ей падать. Но деньги выходили, и въ 1841 г. Канкринъ наконецъ рѣшается заявить императору, что если Россія хочетъ сводить приходы съ расходами, то необходимо прекратить на Кавказѣ наступательную войну, уменьшить издержки на царскія поѣздки и сократить составъ арміи на 60,000. Что касается издержекъ на поѣздки членовъ царскаго семейства, то ими. Николай, сократившій издержки на дворцовую кухню и погребъ съ 600 рублей на 200 въ день, и самъ понималъ, что надобно держаться экономіи, хотя не

(¹) Lec, 209.

зналъ какъ поступить для достиженія этой цѣли въ иныхъ случаяхъ. Извѣстно, напримѣръ, его замѣчаніе на громадномъ счетѣ, поданномъ ему послѣ поѣздки въ Москву трехъ великихъ княженъ, его дочерей. „Виновныхъ мы не найдемъ—сказалъ Николай—и можетъ быть пострадаютъ честные люди (1).“

Но замѣчаніе Канкрина о кавказской войнѣ и сокращеніи арміи затронуло за живое императора, видѣвшаго въ Кавказѣ школу для арміи и старавшагося объ умноженіи военныхъ силъ имперіи. Произошла размолвка между императоромъ и его министромъ финансовъ. Императоръ, не смотря на зимнее время, оставилъ Зимній дворецъ и отправился въ Петергофъ, гдѣ пробылъ три дня. Въ это время, Канкринъ, предполагая опалу, уже перебрался изъ дома министерства финансовъ въ свой домъ на англійской набережной. Наконецъ императоръ вернулся въ Петербургъ, зоветъ къ себѣ Канкрина, и первыя слова его министру были: „Въ концѣ концовъ вы были правы (2)“. Канкринъ остался министромъ.

Если и послѣ военныя издержки не уменьшаются, то этого нельзя отчасти не приписать и личности Канкрина, который въ глазахъ Николая не могъ имѣть безусловнаго авторитета. Въ самомъ дѣлѣ, описанное нами происшествіе относится къ 1841 году, а между тѣмъ только за годъ предъ тѣмъ, въ 1840 году, было другое столкновеніе мнѣній государя и его министра, и на этотъ разъ правда была совсѣмъ не на сторонѣ финансиста. Дѣло шло о проведеніи желѣзной дороги между Петербургомъ и Москвою. Николай Павловичъ вовсе не былъ противъ тѣхъ нововведеній, которыя могли содѣйствовать улучшенію сообщеній, промышленности и т. д. Извѣстно напримѣръ, что онъ самъ проѣхался въ первомъ петербургскомъ омнибусѣ, чтобы показать, что въ омнибусахъ можетъ ѣздить не одно только простонародье. Николай былъ за проведеніе желѣзной дороги между русскими столицами. Замѣчательно, что за него былъ изъ министровъ — не забудемъ, что это было въ 1840 г.—только одинъ Клейнмихель. Министръ фи-

(1) Grimm, II, 278.
(2) Histoire de l'empereur Nicolas I, 72 73.

нансовъ, которому прежде другихъ можно было предвидѣть пользу для Россіи отъ желѣзныхъ дорогъ, оказался первымъ врагомъ ихъ. Онъ прямо говорилъ, что желѣзныя дороги — глупость и что не пройдетъ 20 лѣтъ какъ не будетъ ни одной изъ нихъ. Конечно около того же времени писались къ Россіи сочиненія (напр. брошюра Тарасенко-Отрѣшкова) противъ желѣзныхъ дорогъ, но разница въ томъ, что авторы этихъ сочиненій не управляли русскими финансами. Графъ Канкринъ былъ — или хотѣлъ быть— всѣмъ: медикомъ, архитекторомъ, литераторомъ и финансистомъ, и очень сердился, если доктора находили, что онъ плохой врачъ, если ему давали понять, что его архитектурные планы слабы. А что онъ былъ литераторъ и мыслитель съ очень узкими взглядами—это доказываютъ его сочиненія. Въ области финансовъ онъ былъ только хорошій экономъ и конечно принесъ этимъ пользу въ то время, когда въ экономіи Россія нуждалась всего болѣе, за что и былъ по царски награждаемъ Николаемъ Павловичемъ, одной изъ обычныхъ поговорокъ котораго была: „неблагодарность есть гнуснѣйшій изъ пороковъ.“ Но нельзя не пожалѣть, что въ то время, когда шелъ столь жизненный для Россіи вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ, русскіе финансы не были въ рукахъ человѣка болѣе прозорливаго и чуткаго къ современнымъ улучшеніямъ. По крайней мѣрѣ тогда министръ финансовъ могъ бы взять постройку первой русской желѣзной дороги въ свои руки. Тогда американецъ Уистлеръ можетъ быть не былъ бы предпочтенъ соискателямъ, предлагавшимъ болѣе выгодныя условія, и дорога не стоила бы русской казнѣ 120 мил. рублей.

Представительное правленіе во Франціи, явившееся слѣдствіемъ революціи 1830 г., не могло казаться въ благопріятномъ свѣтѣ русскому самодержцу. Когда французскій посланникъ объяснялъ Николаю Павловичу, что Тьеръ и Гизо — правая и лѣвая рука короля Луи-Филиппа, императоръ замѣтилъ, что судя по ходу дѣлъ у короля, двѣ лѣвыхъ руки (1). Въ государствахъ, гдѣ господствовали порядки, установленные священнымъ союзомъ, началось дви-

---

(1) Golovin, 136—137.

женіе противъ Франціи. Въ Пруссіи готовились къ войнѣ съ нею и ожидали помощи отъ Россіи. Дибичъ, въ это время уже Забалканскій, былъ въ Берлинѣ для переговоровъ. Онъ сидѣлъ за обѣденнымъ столомъ у короля, когда получено было извѣщеніе о возстаніи въ Варшавѣ.

— Вы слышали, фельдмаршалъ, — спросилъ король во всеуслышанье Дибича, — о возстаніи въ Варшавѣ, гдѣ по вашимъ словамъ находится 100,000 войска, которые вы намъ обѣщали противъ Франціи (1).

Извѣстно, что поляки вслѣдъ за возстаніемъ въ Варшавѣ объявили, что въ захваченныхъ ими бумагахъ великаго князя Константина Павловича найдены были несомнѣнныя доказательства того, что Россія тогда готовилась къ войнѣ съ Франціею. Нѣтъ никакого сомнѣнія также, что какъ войны, приведшія къ послѣднимъ раздѣламъ Польши, были подготовлены въ Варшавѣ при соучастіи и содѣйствіи Франціи, такъ и возстаніе 1830 г. было въ связи съ событіями въ Франціи. Оно было обходомъ во флангъ, чтобы отвлечь союзниковъ отъ наступленія на Францію.

Мы не коснемся здѣсь подробностей польской войны, послѣдовавшей за возстаніемъ польской арміи. Пораженіе генерала Гейсмара Дворницкимъ, причемъ у русскаго генерала было отнято 11 орудій и гроховская битва Дибича, послѣ которой Скшинецкій совѣтовалъ Радзивилу преслѣдовать русскихъ, которые однако успѣли окопаться, были достаточны, чтобы затянуть войну. Пока наши нѣмецкіе союзники подтрунивали надъ русскимъ главнокомандующимъ, передѣлывая „Sabalkanski“ въ „so' bald kann nicht“ („не можетъ точно также скоро“ — намекъ на турецкую войну въ сравненіе съ польской) — время уходило и пришлось оставить всѣ планы противъ Франціи.

Впослѣдствіи русскій флотъ является на защиту Константинополя. Чтобы понять смыслъ этого событія, необходимо имѣть въ виду, что попытки Египта предписывать условія султану были въ связи съ иностранною интригою и что Гизо и Тьеръ обращали

(1) Bourgoing, 526.

около того времени большое вниманіе на сосѣднюю съ Алжиромъ страну мамелюковъ.

Когда прахъ Наполеона I былъ перенесенъ съ острова Елены въ Францію, имп. Николай предложилъ французскому правительству глыбу лучшаго порфира на гробницу императора, обожаніе памяти которой было однимъ изъ орудій противъ Орлеанской династіи въ рукахъ ея противниковъ. Предложеніе было принято съ благодарностію (1).

Наступилъ памятный 1848 годъ. Россія усмирила вызванную имъ венгерскую революцію. Венгерскіе патріоты рѣшили, что не масса русскихъ силъ подавила ихъ, а въ то время, какъ все благопріятствовало венгерской арміи, русскія деньги дали другой оборотъ дѣлу. Герги называли измѣнникомъ, и что отъ обвиненія его не отказались впослѣдствіи видно изъ того недоброжелательства, съ какимъ онъ встрѣченъ былъ въ венгерской палатѣ депутатовъ послѣ всеобщей амнистіи, послѣдовавшей за коренными реформами въ Австріи въ управленіе Бейста. Австрія поступила однако въ отношеніи Россіи въ 1849 г. очень неблаговидно. Паскевичу дано было обѣщаніе пощадить жизнь венгерскихъ генераловъ, командовавшихъ инсургентами. Этого слова не сдержали и генералы были казнены. Говорятъ, что Паскевичъ съ этого времени не могъ слышать имени ген. Гайнау и называлъ его убійцею (2). Упоминаютъ также о словахъ, сказанныхъ имп. Николаемъ въ Варшавѣ, у памятника Собѣсскаго: „Собѣсскій и я, мы оба были простаки, мы помогали Австріи, чтобы затѣмъ видѣть ея неблагодарность.“

Впрочемъ не одно желаніе помочь Австріи и подавить революцію въ сосѣдней державѣ руководило русскою политикою, когда рѣшено было, что Паскевичъ вступитъ въ Венгрію. Въ венгерской революціонной арміи насчитывали до 20,000 поляковъ (3). Есть основаніе полагать, что въ польскихъ областяхъ могло обнару-

---

(1) Rolland, 251.
(2) Gallet, 156
(3) Beaumont-Vassy, 143.

житься сочувственное Венгріи движеніе. По крайней мѣрѣ потребовалось дѣятельное вмѣшательство Адама Чарторыйскаго, чтобы воспрепятствовать этому движенію. Чарторыйскій полагалъ, что поляки должны были до времени ждать. Онъ опасался, что движеніе въ польскомъ населеніи въ пользу Венгріи принесетъ, при началѣ русской кампаніи въ Венгріи, больше вреда, чѣмъ ползы польско-венгерскому дѣлу. По его мнѣнію, въ русскомъ войскѣ былъ зародышъ неудовольствія, который тотчасъ же исчезъ бы, какъ скоро сторону Венгріи открыто приняли бы поляки и, такимъ образомъ, война для русской арміи и русскаго народа пріобрѣла бы національный характеръ. Чарторыйскій предлагалъ взамѣнъ того устроить диверсію со стороны поляковъ на Кавказѣ (1). Онъ говорилъ, что какъ въ польское возстаніе 1830 г. литовскіе офицеры посланы были въ кавказскую армію, такъ и теперь офицеровъ польскаго происхожденія русское правительство не пошлетъ въ Венгрію, а отправитъ на Кавказъ. Такимъ образомъ диверсія поляковъ на Кавказѣ, какъ она была задумана Чарторыйскимъ, имѣла цѣлію склоненіе поляковъ въ русской службѣ на сторону инсуррекціи. Если Чарторыйскій имѣлъ планъ послать большую военную польскую экспедицію въ помощь черкесамъ, то исполнить подобный планъ при нейтралитетѣ Турціи и господствѣ русскаго флота на Черномъ морѣ едва ли было возможно. Впрочемъ, въ 1848 г. число русскихъ войскъ на Кавказѣ было удвоено.

Если, говоря о неудовольстіи въ средѣ русскихъ, Чарторыйскій намекалъ на заговоръ Петрашевскаго, то онъ едва ли зналъ хорошо что происходило въ Россіи. Только страхъ предъ европейскою революціею могъ придать значеніе этому заговору. Изъ 300 арестованныхъ по поводу его, только 20 могли быть удержаны подъ арестомъ (тит. совѣт. и чиновникъ министерства финансовъ Петрашевскій, гвардіи кап. Львовъ, колл. асс. Дуровъ и др.). Остальныхъ скоро выпустили.

Какъ бы то ни было, но 1848 годъ отозвался во многомъ на судьбѣ Россіи, и между прочимъ остановилъ планы относительно освобожденія крестьянъ.

---

(1) Ibid., 143, 144.

Уже въ 1827 г. было ограничено право помѣщиковъ ссылать ихъ крестьянъ въ Сибирь на поселеніе. Въ 1837 г. гр. Бобринскій, во главѣ депутаціи отъ тверскаго дворянства, просилъ императора Николая объ освобожденіи крестьянъ. Другой разъ, когда казною были куплены крестьяне въ Вологодской губерніи, депутація отъ крестьянскихъ общинъ просила государя о покупкѣ въ казну другихъ помѣщичьихъ имѣній. Николай Павловичъ отвѣчалъ на эту просьбу, что если бы покупать помѣщичьихъ крестьянъ въ казну, то надобно было бы купить всю Россію, но что онъ однако желаетъ видѣть крестьянъ свободными и употребитъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать ихъ такими (1). Въ 1846 г. гр. Киселевъ, какъ утверждаютъ, уже выработывалъ проектъ освобожденія крестьянъ. Но 1848 годъ остановилъ эту работу.

Съ исторической точки зрѣнія замѣчательно, что въ 1848 г. видѣли въ освобожденіи крестьянъ удовлетвореніе соціалистическимъ стремленіямъ, тогда какъ то же освобожденіе въ послѣдующее царствованіе, скрѣпивъ связь между властью и народомъ, содѣйствовало лишь къ большему упроченію авторитета правительства.

Въ то время, когда въ Россіи многіе были убѣждены, что сильнѣе Россіи нѣтъ державы на свѣтѣ, на западѣ Европы подготовлялся Россіи ударъ. Началась восточная война. Она, раскрывъ многое, чего не предполагали до тѣхъ поръ, разсѣяла миражъ, вызванный 30 лѣтнею тишиною и когда онъ исчезъ, — колосса, по манію котораго выступали эти волшебныя тѣни, пугавшія Европу, уже не было въ живыхъ.

Личность имп. Николая.

Высокій ростомъ, статный, стройный, съ лицемъ, останавливавшимъ мужественною красотою, съ гордою осанкою отъ природы — имп. Николай поражалъ своею наружностью съ перваго раза. „Что за глаза! Во всю жизнь свою моряка не видалъ я подобныхъ глазъ!„

---

(1) Christmas, 96.

замѣтилъ одинъ шведскій адмиралъ, когда Николай, выйдя на берегъ въ Стокгольмѣ, устремилъ на адмирала проницательный взоръ ([1]). Холодная проницательность этого взора способна была оковать иныя натуры и заставить ихъ растеряться. Особенно этотъ наружный видъ императора, съ тою дозою увѣренности и самообладанія, которую не могло не придавать сознаніе сана самодержца, долженъ былъ дѣйствовать на массы. Вспомнимъ Сѣнную площадь въ Петербургѣ, въ 1830 г. Въ народѣ смятенье: Толпа, негодуя на докторовъ и приписывая имъ появленіе холеры, врывается въ госпитали и выбрасываетъ изъ нихъ кровати; достается и докторамъ. Городское начальство уже думаетъ прибѣгнуть къ военной силѣ. Но вотъ на Сѣнной площади является самъ Николай Павловичъ. Онъ взволнованъ; взоръ его пылаетъ огнемъ. Онъ подпимается въ остановившейся среди народныхъ волнъ коляскѣ и слышится его громкая рѣчь среди стихшихъ движенія и голосовъ. Рѣчь его звучитъ негодованіемъ. „Кто вы, поляки, или французы?—разносится въ народѣ:—Поляки уморили моего любезнѣйшаго брата, и вы хотите сдѣлать тоже со мною? (2) На колѣни!“

И масса, движимая магическимъ жезломъ впечатлѣнія, давимая къ землѣ этимъ желѣзнымъ тискомъ увѣренности въ силѣ, подчиняется повелѣвающему голосу и падаетъ на колѣни...

Мы видѣли какое самообладаніе выказалъ имп. Николай на Исакіевской площади 14 декабря. Это самообладаніе, соединенное съ находчивостью, выражалось и въ второстепенныхъ моментахъ жизни. Въ Зимнемъ дворцѣ пожаръ. Солдаты выносятъ вещи изъ горящаго зданія. Одно огромное трюмо не поддается усиліямъ дюжихъ гвардейцевъ. Они употребляютъ всѣ усилія отвинтить его отъ стѣны, но напрасно. Между тѣмъ огонь распространяется и грозитъ опасностью спасающимъ царское имущество. Николай требуетъ, чтобы солдаты не подвергали себя опасности и оставили на произволъ судьбы неподатливое трюмо. Но настойчивость, подзадоренная тщетностью усилій, не слушается скоро. Солдаты

(1) Rolland, 168.
(2) Чтенія, 1866, III, смѣсь 257.

продолжають свое дѣло. Что же дѣлаетъ хозяинъ дворца, Николай Павловичъ? Видя, что солдаты не отстають отъ трюмо, онъ вынимаетъ бинокль (дѣло было вечеромъ,—о пожарѣ Николаю Павловичу дали знать въ театръ) и бросаетъ имъ въ трюмо. Когда дорогое стекло разсыпалось въ дребезги, гренадеры должны были отстать отъ него.

Николай Павловичъ казался въ 1827 году, послѣ первыхъ пережитыхъ имъ мѣсяцевъ правленія, нѣсколько худощавымъ и блѣднымъ. Впослѣдствіи онъ пополнѣлъ и оттого осанка его еще болѣе выиграла. Находили, что въ особенности къ нему шелъ казацкій мундиръ. Военная одежда — была единственная, какую носилъ императоръ. Только заграницею партикулярное платье надѣвалось имъ. Такъ въ Римѣ, послѣ того какъ онъ сдѣлалъ визитъ папѣ въ блестящемъ конногвардейскомъ мундирѣ, его видѣли входящимъ въ церковь св. Петра въ застегнутомъ на всѣ пуговицы до-верху коричневомъ пальто, безъ воротничковъ (1), но каждый посторонній, и не зная кто былъ этотъ высокій мужчина, въ размышленіи остановившійся предъ чертою на полу главнаго римскаго собора, показывавшею на сколько меньше его петербургскій Исакіевскій соборъ—могъ бы замѣтить, что незнакомцу было какъ-то неловко въ этомъ пуританско-штатскомъ нарядѣ. Дома, въ Россіи, военная шинель замѣняла Николаю Павловичу даже халатъ. Постоянное перетягиванье корпуса, при строгомъ соблюденіи военныхъ формальностей, должно было, по замѣчанію иностранныхъ врачей, повредить здоровью Николая. Есть даже извѣстіе, что англійскій врачъ Гренвилль, на основаніи однихъ физіологическихъ данныхъ, вѣрно предсказалъ время смерти императора (2).

— Петербургъ — русскій городъ, но еще не Россія, сказалъ императоръ Николай французскому путешественнику Кюстену, — вамъ нужно видѣть Москву и Нижній.

И Николай имѣлъ возможность видѣть Россію. Онъ любилъ

---

(1) Рамазановъ, Матеріалы для ист. худож. въ Россіи, 126—127.
(2) Harrison, 269—274.

поѣздки, дальнія, быстрыя, такъ чтобы духъ захватывало. Извѣстно, что эта страсть ѣздить скоро имѣла разъ слѣдствіемъ паденіе изъ экипажа и переломъ ключицы съ леченіемъ въ гор. Чембарѣ.

Получивъ въ дѣтствѣ военное воспитаніе, Николай въ теченіе всей жизни любилъ военное дѣло. Въ Аничковомъ дворцѣ у него, еще великаго князя, были развѣшаны по стѣнамъ рисунки, представлявшіе мундиры всѣхъ полковъ русской арміи. Впослѣдствіи для него, уже императора, сдѣлали фарфоровый обѣденный сервизъ съ рисунками, представлявшими обмундировку русскихъ войскъ. Императоръ любилъ художества. Правда, онъ замѣтилъ Сенявину, что въ одной имперіи не можетъ быть двухъ академій художествъ, что другое заведеніе надобно назвать школою, и когда Сенявинъ замѣтилъ, что впослѣдствіи будетъ мало двухъ академій, то императоръ прибавилъ: впослѣдствіи можетъ быть, но не теперь; теперь довольно училища (1). Тѣмъ не менѣе онъ былъ цѣнитель работъ замѣчательныхъ художниковъ, посѣщалъ ихъ кабинеты въ Петербургѣ и Римѣ, и припомнимъ сколько хлопотъ дала любимая картина Доминикинъ во время пожара Зимняго дворца, пока ее не нашли во второй кучѣ вынесенныхъ изъ дворца на площадь вещей. Но и между произведеніями художниковъ особенное вниманіе императора останавливали на себѣ картины изъ военнаго быта. Извѣстному французскому военному живописцу, Орасу Верне Николай послалъ въ Парижъ рысака, сани и кучера въ подарокъ.

Николай Павловичъ съ удовольствіемъ читалъ Иліаду Гомера, въ переводѣ Гнѣдича и разъ такъ зачитался ея, что опоздалъ на придворный балъ (2), что какъ извѣстно, подало поводъ Пушкину обратиться къ императору со стихами, въ которыхъ онъ сравнивая гостей, собравшихся на балъ, съ шумною и веселою толпою израильтянъ у подножія Синая, видитъ въ Николаѣ подобіе того, кто задумчивый и погруженный въ себя несъ этой жаждавшей оргій толпѣ важныя и торжественныя скрижали завѣта...

---

(1) Рамазановъ, 37.
(2) Русскій Архивъ, 1866, стр. 1732.

Николай Павловичъ любилъ театръ, но надобно признаться, что русская сцена едва ли могла представить любителю въ его время то же что иностранныя. Такъ напр. изъ оперы Эрнани первые четыре акта не могли пройдти на русской сценѣ, вслѣдствіе цензурныхъ условій, и артисты должны были выходить прямо въ 5-мъ дѣйствіи, въ роляхъ въ высшей степени трагическихъ, безъ подготовки, тогда какъ чувство даже въ артистѣ требуетъ постепеннаго развитія. Естественно, артистическіе таланты не могли всегда выказаться при подобныхъ условіяхъ. Впрочемъ, на театръ не щадили средствъ и богатое жалованье привлекало въ Петербургъ — эту Грецію и Италію безъ мрамора и солнца, по выраженію Кюстена; въ этотъ самый великолѣпный и самый скучный городъ въ Европѣ, по замѣчанію Веллингтона — лучшихъ пѣвцовъ и пѣвицъ Европы.

Жизнь императора Николая дома, въ семейномъ кругу, отзывалась тою простотою, примѣръ которой могъ подать ему старшій братъ, Александръ Павловичъ. Николай Павловичъ спалъ на простомъ матрасѣ, набитомъ волосомъ, и вставалъ иногда до-свѣта. Военная шинель, вмѣсто халата, доказывала нерасположеніе къ нѣгѣ. Обѣдъ императора былъ простъ, онъ состоялъ лишь изъ нѣсколькихъ блюдъ, нерѣдко коренныхъ русскихъ. Императоръ обѣдалъ съ аппетитомъ и оканчивалъ обѣдъ очень скоро; пилъ очень мало. Онъ совершенно не курилъ и не любилъ, чтобы курили окружавшіе его. Вечеромъ выпивались имъ 2—3 стакана крѣпкаго чая. Въ распредѣленіи времени онъ былъ очень акуратенъ. Всѣ часы дня были у него расчитаны.

Когда въ пожаръ Зимняго дворца въ 1837 г. спасали вещи изъ императорскаго кабинета, въ немъ не оказалось государственныхъ бумагъ: дѣла вершились Николаемъ Павловичемъ изо дня въ день (1) и не оставались въ кабинетѣ. Императоръ имѣлъ обыкновеніе писать карандашемъ, даже подписывать имъ свое имя на указахъ. Лакъ, наводимый послѣ на подпись, увѣковѣчивалъ ее. Всѣ бумаги, найденныя въ кабинетѣ Николая Павло-

(1) Русскій Архивъ, 1865, стр. 1091

вича при пожарѣ 1837 г., заключились въ трехъ дорогихъ сердцу его, по его выраженію, портфеляхъ.

Общественное мнѣніе много значило для него. Въ частной жизни онъ хотѣлъ быть тѣмъ, по словамъ англичанъ, что выражается въ англійскомъ словѣ: „джентльменъ.“ Какъ общественный дѣятель, онъ какъ бы постоянно видѣлъ обращенные па него взоры всѣхъ. Онъ хотѣлъ знать все что пишутъ о немъ за-границею. Поэтому въ немъ отчасти нужно видѣть главную причину послѣдующаго собранія въ петербургской публичной библіотекѣ богатаго запаса иностранныхъ сочиненій о Россіи, составившаго отдѣлъ „Rossica.“ У самого императора было въ частной библіотекѣ до 100 книгъ и 20 альбомовъ съ вырѣзками изъ иностранныхъ книгъ и журналовъ. Николай Павловичъ читалъ „Сѣверную Пчелу“ и №№ этой газеты съ собственноручными помѣтками его на поляхъ до сихъ поръ хранятся въ Эрмитажѣ.

Наружный видъ императора Николая, безспорно, производилъ впечатлѣніе на массы. Сильная натура всегда подчиняетъ себѣ болѣе слабыя. Транстиверинецъ въ Римѣ, воскликнувшій въ избыткѣ восторга при видѣ красавца Николая въ полной конногвардейской формѣ ѣхавшаго къ папѣ: „какъ жаль, что ты не государемъ у насъ!“ безъ сомнѣнія, искренно высказалъ свои чувства, такъ же искренно какъ и тотъ мужичекъ, который, кинувъ на колѣни ѣхавшему на дрожкахъ императору Николаю Павловичу 25,000 рублей на отстройку сгорѣвшаго Зимняго дворца (гр. Броницкій предлагалъ на тотъ же предметъ миліонъ рублей), скрылся прежде, чѣмъ успѣли осмотрѣться. Но съ другой стороны этотъ холодный, подчиняющій взоръ, властвовавшій надъ окружавшими, былъ причиною того, что императору высказывалось открыто и прямо лицами, бывшими около него, не все что можетъ быть онъ самъ желалъ бы слышать. Это надобно имѣть въ виду, чтобы понять напримѣръ одно выраженіе изъ извѣстнаго письма Ростовцева къ имп. Николаю, прочитаннаго императоромъ въ первый день его царствованія и по прочтеніи котораго Николай обнялъ и нѣсколько разъ поцѣловалъ Ростовцева, а послѣ даже настоялъ бы на переѣздѣ его въ Зимній дворецъ, если бы Ростовцевъ положительно не отказался отъ все-

го, похожаго на награду: „люди, васъ окружающіе, въ минуту рѣшительную не имѣютъ довольно смѣлости быть откровенными съ вами“ —писалъ Ростовцевъ (1). Людей, которые могли быть откровенными въ присутствіи такой личности какъ Николай и послѣ вокругъ него было немного. Этимъ объясняются такіе случаи, какъ напр. бывшій въ Кіевѣ: Государь посѣтилъ университетъ и когда подъѣхалъ его экипажъ, больные въ университетской больницѣ, движимые любопытствомъ, частью повскакали съ своихъ постелей къ окнамъ. Но Николай Павловичъ вошелъ такъ быстро въ больницу, что больные успѣли только лечь на какую постель кто попалъ, такъ что не малая часть лежала не на своихъ постеляхъ. Вышла, конечно, путаница. Больные, при вопросахъ, объявляли одну болѣзнь, между тѣмъ какъ вверху на постельной доскѣ была написана другая. Въ результатѣ была смѣна доктора и никто изъ окружавшихъ не осмѣлился сказать императору, что все произошло вслѣдствіе забавнаго казуса и докторъ не былъ виноватъ ни въ чемъ.

Если отъ мелкихъ случаевъ перейдти къ крупнымъ, то такой порядокъ вещей долженъ былъ отзываться на судьбахъ государства и, безъ сомнѣнія, то положеніе, въ которомъ восточная война застала Россію, было во многихъ отношеніяхъ слѣдствіемъ этого отсутствія полной откровенности между государемъ и окружавшими его. Одному человѣку невозможно охватить взоромъ всю Россію. Ему нужны помощники, которые бы всегда могли сказать ему слово правды. У Петра I былъ Яковъ Долгорукій. Яковъ Ростовцевъ доказалъ, что и у Николая I могли быть подобные же совѣтники.

Императоръ Николай въ отношеніи къ окружавшимъ.

Въ Николаѣ Павловичѣ было два человѣка: одинъ — императоръ, другой—семьянинъ и частный человѣкъ.

---

(1) Корфъ, 98-99.

Императоръ гордо глядѣлъ въ глаза Европѣ и въ русскихъ видѣлъ преданныхъ подданныхъ и дѣтей своихъ. Блескъ и пышность должны были окружать престолъ русскаго императора. Въ его время русскій дворъ дѣйствительно считался первымъ въ Европѣ по пышности. При императорскихъ пріемахъ собиралось въ комнатахъ Зимняго дворца до 1000 человѣкъ въ военныхъ мундирахъ. Придворный штатъ, доходившій въ началѣ нынѣшняго столѣтія до 3858 служащихъ лицъ, но въ царствованіе Александра I поуменьшившійся въ составѣ, теперь опять увеличился. Въ 1836 г. при русскомъ дворѣ насчитывали 166 камергеровъ и до 2000 камеръ-юнкеровъ, не считая прочихъ лицъ двора. Въ комнатахъ Зимняго дворца жило до 1000 человѣкъ—внизу кухонная прислуга, во второмъ этажѣ—члены царскаго семейства и фрейлины и въ 3 этажѣ-- чиновники дворца. Блескъ мундировъ, богатство обстановки, бѣлый шелкъ, малиновый бархатъ и великолѣпные тіары-какошники придворнаго русскаго дамскаго наряда—все это сильно дѣйствовало на иностранцевъ, посѣщавшихъ дворъ. Но едва ли эти блестящіе пріемы была та сфера, въ которой чувствовалъ себя всего вольнѣе императоръ Николай. По крайней мѣрѣ замѣчали, что онъ очень мало разговаривалъ съ иностранными посланниками на пріемахъ во дворцѣ и предоставлялъ это супругѣ-императрицѣ.

Императоръ любилъ уединяться въ семейномъ кругу. „Ma chère, nos beaux jours sont passés," сказалъ онъ Александрѣ Өедоровнѣ, покидая съ нею Аничковъ дворецъ, чтобъ начать царствовать (¹). Въ этихъ словахъ выразилась привязанность къ той тихой и почти уединенной жизни, которую велъ Николай великимъ княземъ. Эта жизнь въ сообществѣ подруги жизни, благотворно вліявшей на твердую, энергическую природу супруга, военныя занятія, по любви къ нимъ и по долгу службы, семейныя заботы, иногда часы, проведенные за книгами, вечеромъ лото (любимая игра императрицы Александры Өедоровны), или театръ — все это было промѣнено на блескъ и этикетъ двора; но Николай и послѣ остался

(¹) Schnitzler, I, 200.

добрымъ семьяниномъ, въ прямомъ смыслѣ этого слова. Мы видѣли, что императоръ, по замѣчаніямъ иностранцевъ, хотѣлъ въ частной жизни быть джентльменомъ. Но быть джентльменомъ значитъ быть добрымъ отцомъ семейства. Имъ былъ императоръ Николай. Постоянно другъ слабой здоровьемъ супруги, онъ послѣ печется о внукахъ своихъ,—дѣтяхъ великой княгини Маріи Николаевны съ заботливостью опекуна. Когда поднятъ былъ вопросъ о бракосочетаніи великой княжны Ольги Николаевны съ австрійскимъ эрцгерцогомъ Стефаномъ и на этотъ бракъ съ католикомъ нужно было получить разрѣшеніе папы, Николай Павловичъ не задумался отправиться въ Римъ, лично поговорить съ папою, не смотря на постоянно, и естественно, нѣсколько холодныя отношенія православной Россіи къ папскому престолу. Въ супругѣ великаго князя Михаила Павловича, Еленѣ Павловнѣ, императоръ Николай нерѣдко имѣлъ совѣтницу въ дѣлахъ. Что касается отношеній императора къ старшему брату Константину Павловичу — ихъ всего лучше обрисовала сцена въ Москвѣ на коронаціи. Подъ звонъ колоколовъ Ивана Великаго, подобранныхъ одинъ къ другому, по выраженію графа Блудова, какъ трубы органа и подъ звуки гимна „God save the King" (тогда еще не было гимна „Боже царя храни", послѣ написаннаго Львовымъ—Блудовъ перевелъ англійскія слова русскими: „Боже царя спаси") (¹),—войска, привѣтствовавшія императора и его брата, по знаку, данному Николаемъ, закричали: „ура, Константинъ!" — „Ура, императоръ Николай!" крикнулъ въ свою очередь Константинъ, поцѣловавшій, какъ извѣстно, руку своего брата-императора и преклонившій при торжествѣ коронаціи предъ нимъ колѣно. Съ Михаиломъ Павловичемъ, бывшимъ болѣе сверстникомъ ему по лѣтамъ и воспитанію, Николай Павловичъ былъ на дружеской ногѣ.

Есть люди, которые бросаютъ всѣмъ въ глаза свои свѣтскія слабости и развлеченія. На это была даже мода въ прошломъ

---

(1) Письмо Блудова къ супругѣ, въ Русскомъ Архивѣ, 1867 стр. 1046—1048.

столѣтіи. Николай Павловичъ не принадлежалъ къ числу подобныхъ личностей. „Сатира, жаждущаго поцѣлуя“ нельзя было поставить въ его комнату. Фанни Эльслеръ, принятая весьма любезно въ Петербургѣ, въ Римѣ не могла получить дозволенія представиться императору Николаю. Императоръ старался во всѣхъ случаяхъ, гдѣ можно, показывать свое уваженіе къ семейнымъ привязанностямъ. Разъ онъ входитъ въ караульню и застаетъ караульнаго офицера спящимъ. Предъ офицеромъ листокъ бумаги; онъ, видно, какъ сидѣлъ за письмомъ, такъ утомленный и заснулъ. Николай заглядываетъ въ листокъ и видитъ, что это счетъ. Изъ счета ясно, что молодой человѣкъ промотался, много долженъ, но пробѣгая далѣе счетъ, императоръ видитъ, что въ итогъ счета введенъ и пансіонъ, который молодой человѣкъ давалъ отъ себя старушкѣ матери. Императоръ, не разбудивъ офицера, оставляетъ 4000 рублей ему на уплату долговъ — за пансіонъ матери — и уходитъ.

Какъ императоръ, Николай любилъ дѣлать все по царски, на широкую ногу. При коронаціи его, въ Москвѣ, населеніе которой на это время удвоилось, столы для народнаго угощенія были разставлены на Дѣвичьемъ Полѣ на три версты и пироги везли въ день празднества на возахъ, саженями — по выраженію Пушкина — какъ дрова. Николай, какъ императоръ, любилъ строить великолѣпныя зданія. „Вотъ такой-бы соборъ построить у насъ“, — говорилъ онъ, осматривая церковь св. Петра въ Римѣ.

Дома, въ своей семьѣ, Николай, по видимому, вспоминалъ какъ проводилъ дни бывъ великимъ княземъ и былъ болѣе экономенъ, чѣмъ щедръ, болѣе простъ, чѣмъ пышенъ.

Что касается отношеній императора Николая къ окружавшимъ, то выдѣляя царскую семью, о которой мы уже говорили, нужно отличать Николая въ обращеніи съ иностранцами отъ русскаго императора въ обращеніи съ собственными подданными.

— Это дѣло семейное, — говорилъ императоръ Николай, при усмиреніи мятежа 14 декабря — Европѣ нечего мѣшаться въ него.

Этотъ отвѣтъ, данный иностраннымъ посланникамъ, просившимъ сопровождать его, показалъ Европѣ характеръ государя, всходившаго на престолъ, но онъ не означалъ еще, что новому царю все

равно какъ будетъ смотрѣть на дѣйствія его Европа. Екатерина II и Павелъ I имѣли своихъ кореспондентовъ въ Европѣ; при императорѣ Александрѣ I издавалась въ Петербургѣ французская газета, чтобъ сообщать Европѣ о происходившемъ въ Россіи. И императоръ Николай, какъ мы видѣли, не былъ чуждъ желанія знать что говорятъ и пишутъ о немъ на западѣ. Извѣстные европейскіе туристы принимаются въ Петербургѣ благосклонно. Императоръ принималъ иностранцевъ и бесѣдовалъ съ ними иногда охотно, и болѣе терпѣливо, чѣмъ, по видимому, можно было бы предполагать. Во многихъ случаяхъ иностранцы могли отозваться о немъ, какъ о любезномъ человѣкѣ.

Разъ Николай, совершая свою обычную прогулку пѣшкомъ, видитъ, что одинъ господинъ, выйдя изъ café, продолжаетъ курить на улицѣ. Тогда въ Россіи курить на улицахъ, какъ и въ Пруссіи, было запрещено. Николай подходитъ и вѣжливо замѣчаетъ незнакомцу, въ которомъ сразу отличаетъ пріѣзжаго француза, что въ Петербургѣ не дозволяется курить на улицахъ. Французъ тотчасъ же готовъ бросить сигару и благодаритъ своего спутника, въ которомъ онъ видитъ обыкновеннаго прохожаго, за предостереженіе. Но спутникъ проситъ его продолжать курить, такъ какъ ему, иностранцу, извинительно и не знать постановленій страны. Николай и французъ продолжаютъ идти вмѣстѣ по Большой Морской и наконецъ останавливаются предъ однимъ магазиномъ эстамповъ, въ которомъ выставленъ большой портретъ императора Николая. Французъ смотритъ на портретъ и затѣмъ невольно вглядывается въ своего спутника. Портретъ точно живой предъ нимъ! Наконецъ сомнѣнія нѣтъ больше и сконфуженный иностранецъ извиняется предъ императоромъ...

Въ другой разъ французъ, артистъ петербургскаго театра, просилъ императора Николая при встрѣчахъ на улицѣ не говорить больше съ нимъ. Эта курьезная просьба была слѣдствіемъ слѣдующаго казуса съ бѣднымъ французомъ. Императоръ, встрѣтивъ артиста на улицѣ, остановилъ его и сталъ съ нимъ разговаривать. Въ то время, какъ этикетъ во дворцѣ предписывалъ, чтобъ никто не обращался къ царской фамиліи, а можно было только отвѣчать на вопросы, такъ и на улицѣ полиція смотрѣла, чтобъ никто не об-

ращался къ государю при его прогулкахъ. Полицейскіе, видя француза-артиста въ разговорѣ съ государемъ, предположили, что французъ обращался съ просьбою и, едва императоръ и собесѣдникъ его разстались, какъ послѣдній былъ арестованъ. Въ тотъ же вечеръ во французскомъ театрѣ шло представленіе, на которое пріѣхалъ и Николай Павловичъ. Ждутъ поднятія занавѣса, но представленіе не начинается. Оказывается, что нѣтъ одного артиста, безъ котораго не можетъ идти пьеса — того самого, который утромъ бесѣдовалъ съ императоромъ. Николай Павловичъ, узнавъ въ чемъ дѣло, улыбнулся и, угадавъ гдѣ долженъ быть отсутствующій, послалъ за нимъ и его выпустили изъ подъ ареста. Находившійся въ русской службѣ и сдѣланный Магницкимъ професоромъ французскаго и греческаго языковъ въ казанскомъ университетѣ, французъ Жобаръ,—впрочемъ protégé императрицы-матери когда онъ былъ учителемъ въ одномъ изъ петербургскихъ институтовъ—шесть разъ подавалъ просьбы императору Николаю и только послѣ этого его выслали съ жандармомъ заграницу, когда уже не помогли никакія мѣры, ни даже освидѣтельствованіе въ умственныхъ способностяхъ чрезъ полицію.

Николай Павловичъ чувствовалъ особенное расположеніе къ Соединеннымъ Штатамъ. Фрегатъ „Камчатка", построенный въ Америкѣ, былъ любимымъ судномъ его. Императоръ хотѣлъ, чтобы постройка Николаевской желѣзной дороги непремѣнно была отдана американцамъ, хотя она должна была чрезъ то обойдтись дороже, уже благодаря трудности и дороговизнѣ сообщеній съ Америкою. Довольно сказать, что № газеты „Sun", стоившій въ Америкѣ одинъ сентъ (меньше $1^1/_2$ копѣйки), обходился въ Петербургѣ подписчику въ $1^1/_2$ доллара, т. е. въ 2 рубля (¹).

Съ своей стороны американцы платили такою же любезностью въ отношеніи къ русскому императору. Отъ многихъ изъ нихъ шли чрезъ посредство американскаго посланника въ Петербургѣ во дворецъ Николая Павловича самые разнообразныя приношенія

(1) Maxwell, 127.

и подарки. Одинъ слалъ искуственные зубы, какъ обращикъ своей работы; другой книгу о леченіи болѣзней спины, собственнаго сочиненія; разъ получено было для каждаго члена императорской фамиліи по боченку нью-таунскихъ яблокъ. Какой-то членъ общества трезвости прислалъ даже страшную картину, изображавшую больной желудокъ отъ употребленія коньяку. Этотъ градъ посылокъ вызвалъ наконецъ заявленіе, что царская фамилія не будетъ впредь принимать никакихъ подарковъ отъ незнакомыхъ лицъ (¹).

Такъ имп. Николай относился къ иностранцамъ. Что касается русскихъ, то не малая часть нашихъ извѣстныхъ писателей подпала его вліянію. Съ Карамзинымъ онъ не разъ бесѣдовалъ по вступленіи на престолъ; совершенно завладѣлъ расположеніемъ исторіографа, незадолго предъ тѣмъ увѣнчаннаго медалью отъ академіи за погромъ дѣяній Ивана Грознаго; отвелъ ему больному помѣщеніе въ Таврическомъ дворцѣ, чтобы у него былъ садъ для прогулки и былъ какъ щедръ въ отношеніи къ нему, такъ и, по его смерти, къ его семейству. Жуковскій былъ въ это время уже связанъ неразрывными узами съ дворцомъ. Очень вѣроятно, что вліяніе Жуковскаго повело къ нравственному подчиненію Пушкина. За Пушкинымъ отправленъ былъ фельдегерь. Поэтъ былъ въ это время въ опалѣ. Съ тѣхъ поръ какъ имп. Александръ услыхалъ впервые о шалунѣ-лицеистѣ, Пушкинъ былъ постоянно въ разладѣ съ властями. Онъ познакомился даже съ канцеляріею Баярда Милорадовича, бывшаго тогда военнымъ генералъ-губернаторомъ Петербурга, и молва тотчасъ же разнесла, что пріемъ молодому поэту былъ вовсе не рыцарскій. Онъ воспѣлъ Аракчеева въ стихотвореніи „Магнатъ“, и всесильному Алексѣю Андреевичу не понравилась пушкинская муза. Даже съ добрякомъ Инзовымъ, посланный на югъ, Пушкинъ не совсѣмъ ладилъ. Теперь надобно было угомонить эту неукротимую натуру. Фельдегерь беретъ Пушкина изъ его заключенія, везетъ въ Москву — это было во время коронаціи — и тамъ, привезеннаго только что съ дороги, какъ есть въ

(¹) Ibid, 129.

пыли, представляетъ въ Кремлевскомъ дворцѣ предъ имп. Николая. Произошелъ разговоръ между императоромъ и поэтомъ.

— Скажи откровенно, Пушкинъ,—сказалъ Николай Павловичъ,—принялъ ли бы ты участіе въ возстаніи 14 декабря, если бы былъ въ Петербургѣ?

— Непремѣнно, ваше величество,—былъ отвѣтъ.—Всѣ мои друзья были въ рядахъ заговорщиковъ, я не могъ не быть съ ними, и благодареніе Творцу, что отсутствіе мое спасло меня отъ гибели ([1]).

— Ты довольно нашалилъ, Пушкинъ, на своемъ вѣку,—заключилъ Николай Павловичъ.—Пора остепениться. Съ этого времени я буду твоимъ единственнымъ цензоромъ. Посылай ко мнѣ все что ты напишешь.

И Пушкинъ остепенился. Неукротимый поэтъ былъ укрощенъ. Съ этого времени Пушкинъ сталъ какъ бы другой человѣкъ. Съ этого времени онъ — придворный камеръ-юнкеръ, мужъ свѣтской красавицы и самъ человѣкъ свѣтскій. Иногда пробуждается въ немъ поэтъ, но божественный глаголъ рвется изъ подъ пера его уже не въ пѣнистыхъ, жгучихъ стихахъ прежняго пушкинскаго генія, а въ торжественныхъ, продуманныхъ строфахъ Бориса Годунова. И Гоголь не остался чуждъ этого нравственнаго подчиненія. Рѣдко улыбавшійся, чаще смотрѣвшій холодно на міръ, Николай Павловичъ не могъ не сочувствовать сатирѣ. Разъ узнаетъ онъ, что актеръ Мартыновъ превосходно копируетъ голосъ и манеры другихъ. Мартынова зовутъ къ государю.

— Правда ли, Мартыновъ, что ты искусно копируешь каждаго, кого захочешь! Такъ представь меня.

Мартыновъ послѣ неизбѣжныхъ прелюдій смущенія и неловкости, при подобномъ предложеніи, долженъ былъ однакоже повиноваться. Онъ застегнулся на всѣ пуговицы сюртука, принялъ гордую осанку, величественно поднялъ голову и, медленно подступивъ къ бывшему тутъ же кн. Волконскому, сказалъ, подражая голосу

---

(1) Русскій Архивъ, 1867, стр. 1066.

Николая Павловича: „Волконскій, выдать Мартынову 1000 рублей!“ (1).

Находчивый артистъ получилъ эту сумму.

Николай Павловичъ лично разрѣшилъ представленіе „Ревизора“, когда встрѣтились цензурныя затрудненія. Разсказываютъ, что по изданіи перваго тома „Мертвыхъ Душъ“, Гоголь получилъ отъ Николая Павловича книгу „его собственнаго сочиненія“ —переплетенную кипу банковыхъ билетовъ и что Гоголь отвѣчалъ на эту присылку письмомъ, въ которомъ говоритъ, что „получилъ книгу съ почтеніемъ, читалъ съ удивленіемъ и ждетъ втораго тома съ нетерпѣніемъ.“

Затѣмъ скоро гаснетъ талантъ Гоголя и этотъ слабѣющій талантъ начертываетъ „Исповѣдь“ къ друзьямъ.

Слѣдуя своему правилу, что неблагодарность есть самый худшій изъ пороковъ, императоръ щедро обезпечивалъ тѣхъ, кто былъ преданъ ему. Если и правда, что онъ отказалъ Пушкину въ нѣкоторыхъ матеріалахъ изъ собственной библіотеки по дѣлу Пугачева (2), то онъ всегда благоволилъ къ поэту и принялъ въ немъ живое участіе, когда получено было извѣстіе, что смертельно раненный поэтъ близокъ къ смерти. Николай Павловичъ посылаетъ къ умирающему Пушкину Жуковскаго съ словомъ утѣшенія. Жуковскому порученъ былъ по смерти поэта пересмотръ его бумагъ, съ тѣмъ, какъ полагаютъ иные, чтобы если что нашлось компрометирующаго автора, то могло бы быть взято подъ спудъ (3). Вдовѣ Пушкина назначена была пенсія въ 6000 рублей, каждому изъ дѣтей—по 1500 руб., и Николай Павловичъ принялъ на себя издержки по изданію полнаго собранія сочиненій покойнаго поэта.

Безпристрастіе заставляетъ насъ сказать, что щедрое обезпеченіе предложено было и вдовѣ Рылѣева. Впрочемъ если законъ и казнилъ Рылѣева, какъ преступника, то исторія, болѣе разоблачивъ прошедшее, напротивъ не можетъ не видѣть въ этомъ членѣ

(1) Harrison 259—260.
(2) Rolland, 242.
(3) Gallet, 66.

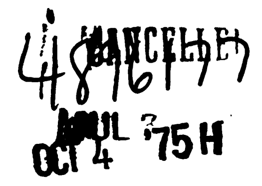
„Сѣвернаго общества“ представителя того охранительнаго начала въ средѣ пылкихъ и горячихъ головъ, которое вѣроятно предотвратило пролитіе потоковъ крови, и отчасти можетъ быть царской. Слѣдовательно, въ этомъ предложеніи обезпеченія вдовъ Рылѣева исторія можетъ видѣть дань памяти покойнаго.

ОГЛАВЛЕНІЕ

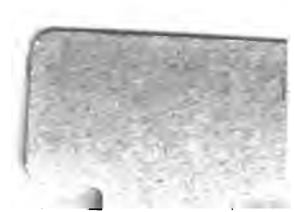
ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

[redacted]

[redacted]